

Андрей Перепелятников

МЫ - СРЕДМАШЕВЦЫ

ПОВЕТИ И РАССКАЗЫ О ВОЕННЫХ СТРОИТЕЛЯХ

Ульяновск 2018

Предисловие автора

Более двадцати семи лет я прослужил в военно-строительных частях Среднего Машиностроения. Учился в НВТУ Новосибирска, служил в Красноярске – 45 (Зеленогорск), в Томске-7 (Северск), в Ульяновске. Многое пришлось повидать и познать за эти замечательные годы, иметь счастье общаться и дружить со многими и многими замечательными офицерами и прапорщиками, военными строителями и служащими, участвовать в важных событиях и мероприятиях. Всё это не могло не оставить глубокий след в моей грешной душе, не могло обойти стороной страницы моих произведений. В этот сборник я и отобрал только работы связанные с моей службой.

Практически, все произведения этого сборника уже публиковались в литературных журналах и в четырёх моих сборниках повестей и рассказов, в различных периодических изданиях. Но. Тиражи

моих сборников, изданных на личные средства, мизерны. Литературные журналы Ульяновска распространялись только в нашем регионе, а «Воин России», преимущественно в гарнизонах МО РФ.

Самый заинтересованный читатель этих моих работ, естественно, военные строители средмашевцы и жители наших многочисленных ЗАТО. Многим моим однокашникам по военному училищу мои книжки я рассылал, а сколько из них желали бы их иметь или хотя бы прочесть?

Совет ветеранов в/ч 25525 учредил в интернете сайт, на который приглашает меня писать. Как можно не воспользоваться таким предложением? Ведь значительно расширяется круг читателей для кого в первую очередь я и трудился многие годы.

И последнее. Я являюсь членом Союза русских писателей. Главная отличительная особенность членов нашего небольшого союза – приверженность русской классической

литературе. А посему все мои повести, рассказы и роман не плод фантазии и вымысла. Всё взято только из жизни, я пытался её и моих героев изобразить такими, какими они были. Как мне это удалось – другое дело, об этом судить читателю.

О дороге своей не жалею

И другая судьба не по мне...

Я военный строитель

повесть

юность и выбор пути

А в памятном 1958-м году я заканчивал десятилетку и передо мною встал вопрос, какой дорогой идти по жизни.

Сразу после новогодних каникул всех ребят десятиклассников маленького степного городка Элиста с утра вызвали в военкомат. В городе в то время было две средних школы и в каждой по одному выпускному классу. Ребят в выпускных классах обеих школ было человек десять.

Нас рассадили в каком-то учебном классе и высокий, плотного телосложения майор поведал нам, что военкомату поступила разнарядка направить в военные училища страны двенадцать человек. Сразу никто из ребят нашей школы согласия на поступление в военное училище не дал. Нам посоветовали подумать и отпустили. Через некоторое время в военкомат нас вызвали снова. Никто из нас, десятиклассников второй средней школы, согласия не дал и на сей раз. Вызовы продолжались многократно. Бывало, приходим в школу, а у входа нас уже встречает директор школы Иван Степанович Немичев и тут же отправляет всех в военкомат. Такая прямолинейная, грубоватая настойчивость военных привела к тому, что о поступлении в военные училища мы даже перестали думать. Приходя каждый раз в военкомат, мы с порога заявляли: «Не решил». В феврале месяце все мы прошли медицинское обследование. В марте меня, единственного из нашей школы, вызвали в военкомат, и направили в г. Ставрополь на

медицинскую и мандатную комиссии. На мою попытку отказа ехать, занимавшийся с нами майор сказал, что мне в том году исполняется девятнадцать лет, я призывник, и меня они готовят к военной службе.

В военном госпитале города Ставрополя я несколько дней проходил обследование. Из края в тот раз нас собрали человек тридцать. После медицинского обследования нас четверых парней привели в кабинет какого-то полковника, и тот, изучив наши личные дела, сказал, что мы направляемся на повторную, более тщательную медицинскую проверку. На следующий день нас повели в другое отделение госпиталя. Там мы ещё раз прошли всех узких специалистов, а после этого нас провели в большую комнату, где было много разной медицинской аппаратуры и специальных устройств. Нас поочерёдно усаживали на вращающийся стул и после нескольких минут вращения просили быстро встать и подойти к столу. Усаживали на велотренажер, а к груди, к рукам и ногам присоединяли датчики с проводами и

заставляли несколько минут крутить педали. Нам надевали на глаза тёмную повязку и заставляли несколько раз присесть, а потом двигаться по комнате в разных направлениях.

Вечером того же дня капитан опять привёл нас к полковнику. Сухощавый, среднего роста седовласый полковник теперь вызывал нас в кабинет по одному. Когда я вошел, он сказал мне, что я по состоянию здоровья могу поступать в любое военное учебное заведение, и предложил мне на выбор: Ленинградское морское училище, которое готовило офицеров подводников, несколько авиационных, артиллерийских и прочих училищ. Я ответил, что я не решил, поступать ли мне в военное училище или нет, что ещё не советовался с мамой. Очень вежливо полковник велел мне хорошенько подумать до утра и принять решение, а завтра в десять он представит меня на мандатную комиссию.

В кабинете Военного комиссара края было человек двенадцать: офицеры военкомата, убелённые сединой отставники с погонами

полковников и генералов с «иконостасами» боевых орденов и медалей на груди, представители крайкома комсомола, врач.

Когда я вошел, пожилой, высокий генерал взял со стола какую-то бумагу, накинул на мясистый нос в тяжелой оправе очки, неторопливо прочёл содержание бумаги и, обращаясь к членам комиссии, сказал: «Это сын погибшего фронтовика. Его мама работает в колхозе. Учится парень хорошо, в прошлом году был комсоргом школы. Предлагаю дать направление». Присутствовавшие, молча, подняли руки, и генерал попросил вводить следующего.

Через час я снова оказался в кабинете седовласого полковника. Он, молча, вручил мне билет на поезд, дал расписаться в ведомости на получение денег на автобус от Дивного до Элисты и суточные, а потом сказал: «Езжай домой, думай, советуйся, решай в какое военное училище поступать. Не вздумай отказаться. Не напишешь заявление в училище – призовём на три года и направим служить туда, где и Макар телят не пас».

Автобусная станция в Элисте располагалась рядом с военкоматом, и я с автобуса сразу же зашел отчитаться за командировку. Опекавший нас майор завёл меня в свой кабинет, и мы с ним долго там беседовали. Когда я сказал ему, что поступать в военное училище придётся, но хотелось бы в такое, где можно получить хорошую специальность, майор измерил меня долгим взглядом, потом откинулся на спинку стула, загасил в пепельнице папиросу, немного помолчал и сказал:

- Ладно. Расскажу я тебе об одном таком училище. Оно какое-то необычное. Вот здесь, - он достал из ящика стола старенькую папку, развязал тесёмочки, открыл её, полистал в ней бумаги и продолжил, - оно Военно - техническое, строительное, но строго секретное. Не пойму почему. Что может быть секретного у строителей? Выпускникам лейтенантам дают диплом техника – строителя. Кандидатов нужно согласовывать с органами. Если ты согласен, могу сделать на тебя заявку. Только не говори – «подумаю». Надоели вы мне с вашими думами.

Не знаю почему, но я тут же и дал согласие.

Учёба в НВТУ

1

Числа 30 июля прибыл я в горвоекомат, получил предписание явиться в Новосибирское Военное – техническое училище, проездные документы и суточные. А на следующий день отбыл в Новосибирск. Ехал поездом до станции Лиски Ростовской области, там сделал пересадку на поезд Харьков - Владивосток и 5-го августа добрался до Новосибирска. На вокзале у военного коменданта получил информацию, куда следовать дальше и через час я был в посёлке Северный, на северной окраине Новосибирска, в в/ч 62849. Нас абитуриентов разместили в казарме военного городка.

Первые дни мы выполняли различные хозяйственные работы, готовились к вступительным экзаменам. Я узнал, что рядом в институте Железнодорожного транспорта большой недобор и принимают туда даже с

тройками. Я, было, хотел сделать ход конём, но меня тут же и охладили - тебе в декабре исполняется 19 и, если провалишь экзамены у нас, мы тебя призовём на службу. Домой тебя не отправим. Делать было нечего, пришлось поступать.

За себя я сдавал вяло, без охоты и напряжения. Даже физику и математику сдал на 4. Некоторые ребята, увидев, как я “щёлкал” математику, просили помочь подготовиться, а за одного парня из Ставрополя пришлось идти сдавать математику. В билете была и алгебра и геометрия. Меня одели в его одежду, сделали его причёску, и я сдал экзамен на 5. Меня просили стоять у двери и передавать шпаргалки тем, кто взял билет и не мог решить задачек. Меня зачислили.

Нас переодели в курсантскую форму, распределили по ротам, взводам и отделениям. Я попал в третью роту, четвёртый взвод и в четвёртое же отделение. С 1 октября 1958 года мы приступили к занятиям. С того же дня официально и считается моя служба в армии.

Как-то командира роты я толком и не помню. Всё время с нами был командир взвода лейтенант Щербаков. Помощником командира взвода был назначен курсант Алексей Градечный. Он призывался из Новосибирска, но в училище пришел с ВМФ, служил на Дальнем Востоке. Гонял он нас на первых порах прилично. На фоне всего училища он выделялся чётким командирским голосом. Под его команды было хорошо ходить в строю. Его мы побаивались, уважали, им гордились и учились командовать. Я всю свою службу вспоминал его с большой благодарностью. Это был и наш курсант и командир такой, каким и должен быть командир: порядочен, справедлив, требователен, заботлив. В любое время подходи с любым вопросом. Он выслушает, вникнет, прямо по-мужски ответит.

Командиром отделения нам назначили Юрия Жучкова. Он был не большого росточка, как и Градечный, носил усы, но слегка картавил, и над его командами мы часто посмеивались. Он к моменту поступления в училище, года два

отслужил в Красноярске – 26 военным строителем. Много рассказывал про работы под землёй, на сооружении оборонных объектов. Со второго курса он стал попивать и похаживать в самоволки. С командиров отделений его сняли. Назначили сначала на наше не управляемое отделение Валентина Лапина. Валька авторитетом у нас не пользовался. Любил он много поесть да поспать. Был ленив и неряшлив, учился с трудом. Мы, практически, с первых дней его командования стали над ним издеваться. В конце - концов, хорошенько его подставили, и командование снова сменило нам командира. На сей раз назначили Алексея Корниенко. Мы привыкли к четким командам, не допускавшим их неисполнения. А Лёша был парень стеснительный, робковат, и возложенные на него обязанности исполнял по принципу – лишь бы исполнить требуемое от него бедного. Одним словом, это был наш парень. Когда его назначали, он отказывался, и нам пришлось его даже уговаривать.

Из преподавателей мне больше всех запомнился старший лейтенант Дубинкин. Читал он нам части зданий и сооружений. Все мы его любили и уважали. Он отлично играл на семиструнной гитаре. Иногда приходил по вечерам к нам в казарму или в учебную группу и играл.

Запомнился подполковник Михаил Сорокин, который люто ненавидел майора (позже стал начальником училища) Осокина, преподавателя истории КПСС. Запомнился прекрасной души человек подполковник Зайцев. Преподавал он нам огневую подготовку, тактику и связь. Он не любил когда офицеры Биленко и Топчий, выжимали, солдафонствуя, из курсантов последние соки. Зайцев кратко, точно и очень понятно излагал нам так материал, что учить его предметы на самоподготовке не было необходимости. В моём дипломе за училище есть одна единственная тройка. Её за «Историю КПСС» поставил мне майор Осокин. Сделал он это за то, что я однажды над ним хорошенько поиздевался. Было это на втором курсе весной.

Мы с Петром Харитоновым по пути из жилого городка в учебный корпус зашли в магазин. У меня были деньги и мы решили купить чего-нибудь поесть. Слева от входной двери был отдел, где продавали водку и вино, с угла и напротив входной двери продавали молочные продукты, а справа от двери был хлебный отдел. От двери вправо и вдоль прилавка стояла большая очередь, в винный отдел было человека два. Стоять большую очередь времени у нас не было. Я подошел к продавцу винного отдела, дал ей три рубля и попросил, чтобы она принесла нам банку сгущёнки и две булочки без сдачи. Женщина прошла в хлебный и молочные отделы, взяла нам требуемое. Покупательницы тётки на нас «зашипели». Мы сгребли с прилавка покупку и поспешили на выход. И тут увидели, что в очереди у прилавка напротив входной двери стоит майор Осокин. Когда мы вышли уже на дощатый тротуар, увидели, что за нами из магазина спешно вышел майор Осокин. Банку сгущёнки я к тому времени уже засунул в правый карман брюк. Понявши, что к чему, я сунул руку в

правый карман и резко прибавил шаг. Прячась правым боком за Петра, «испуганно» оглядываясь назад, я торопил и торопил Петра в движении. Осокин, почти бежал за нами бегом. Петя не мог понять, почему я так спешу. Когда дошли до учебного корпуса, я бегом перебежал через дорогу и готов был нырнуть в проходную. Но тут послышался окрик Осокина: «Часовой! Задержать! Задержать их!» Стоявший на КПП третьекурсник скомандовал нам остановиться. Снявши фуражку, вытирая бритую голову носовым платком, запыхавшись, подбежал майор Осокин. «Выньте, выньте руку из кармана», - на ходу прокричал он мне. Я вынул руку из правого кармана. Подойдя ко мне, уставившись своими узкими серыми глазками на мой карман, Осокин снова скомандовал: «Выньте содержимое правого кармана!» Я, состроивши безвинную, удивлённую рожу, вынул сгущёнку. Тяжело дышавший майор поперхнулся, напрягся до посинения лица, резко развернулся, и устало пошагал обратно.

Я, получавший на первом курсе по истории КПСС одни пятёрки, с тех пор стал по этой дисциплине только троечником. Осенью 1960 года, в учебной части со мной вели беседу, предлагая пересдать три имевшихся у меня четвёрки, чтобы оканчивать училище с красным дипломом. Когда я кратко рассказал капитану, почему у меня пошли тройки по истории КПСС, разговор о красном дипломе был окончен.

5-го декабря (в день и в честь сталинской Конституции) мы приняли присягу. Присягали на плацу. Стоял 30 градусный мороз, а мы в сапогах и шинелях стояли в строю не менее 1.5 часов. Когда нас завели в коридор учебного корпуса и построили в правом крыле второго этажа, штыки карабинов посинели и покрылись толстым слоем инея, так настыл на морозе металл. Мы промёрзли до костей, но так надо было по уставу и мы стерпели.

13 декабря, в день моего рождения, того же года, нам сыграли тревогу и устроили соревнования среди взводов училища по гонкам на лыжах на 25 км. Финиш располагался на

стрельбище за станцией Иня Восточная. По прибытии на финиш каждый курсант должен был из карабина поразить грудную мишень на удалении 100 м., и ростовую из пулемёта на 250. На лыжах я ходить не мог, но я ведь хорошо бегал средние дистанции. Всю дистанцию я бежал трусцой с лыжами на ногах. Бежал с головной пятёркой. Там были лыжники - разрядники Гена Воротилин из Новосибирска, взводный, Юра Садырин с Урала и др. Метров 500 я не дотянул до финиша и, полностью выдохнувшись, стал от этой пятёрки отставать. Гена Воротилин по распоряжению взводного стал забирать у меня карабин, вещмешок, показывать, как идти на лыжах. Спрашивает:

- Сам вон до того лесочка дойдёшь?

- Туда? - отвечаю, - дойду, а что?

- А там спуск на стрельбище и финиш.

Я отобрал у Гены карабин, вещмешок и рванул вперёд. Он боялся, что я не съеду с горы, но в Элисте с гор то мы на лыжах катались. С горы я спускался свободно на одном коньке, а на лыжах

прыгал с трамплина. Прибыл я на финиш, поразил обе мишени и получил от взводного первую благодарность и внеочередное увольнение. В увольнение я не пошел, т.к. идти было некуда, но увольнительную записку взял. Тут уж остаток дня я был человек свободный - я в увольнении. Ни тебе полов, ни уборки посуды в столовой, даже после себя, никаких построений, уборки снега на закреплённой территории и проч.

Взводный лейтенант Мещеряков (выпускник 1958 года, его родной младший брат учился с нами) мои атлетические способности сразу и оценил - назначил оградящим. Каждую пятницу он устраивал нам тревоги, и кроссы на пять километров по полной выкладке. С красным флажком я бежал за взводом, оградя взвод от транспорта. Естественно, все отстававшие были мои. На километр - два хватало духу у Саши Кирилова и Петра Харитонова, моего соседа по парте. Потом они отставали, и я забирал у них оружие и вещмешки, а потом и тащил их, чуть ли не волоком до самого училища. Поднимал нас

лейтенант Н. Мещеряков в пять. Прибегали в казарму в 5.55. Он делал нам отбой, а в 6.00 общий подъём и далее всё по распорядку.

Первый раз из боевого «ТТ» я выбил две девятки и семёрку. Взводный записал меня в команду спортсменов взвода. К весне нам разрешили ездить на тренировки. Я основательно занялся спортивной гимнастикой, которой занимался ещё в школе. Ездили на тренировки в спорткомплекс общества «Динамо». Осенью на втором курсе я выполнил третий спортивный разряд и начал заниматься по второму. Принимал неоднократно участие в соревнованиях. Для очков команде меня выставляли на первенстве области среди клубных команд как третьеразрядника, и я приносил клубу хорошие очки. Второй разряд не получил по причине травмы плечевого сустава.

Нас, группу третьеразрядников, возглавлял Юрий Шабельный. Он был посильнее всех нас по гимнастике, кажется, он успел получить второй спортивный разряд и готовился к защите первого, но не получил. Отдельно от нас

занимались Альберт Черемисин и Яша Будилин. Они в училище пришли уже хорошо подготовленными по гимнастике и быстро росли в спортивных достижениях. Оба выполнили нормы КМС, были чемпионами области и клуба «Динамо».

Наша группа и взвод были очень спортивны. В нашем отделении служил известный в области борец по классической борьбе Гена Воротилин. В училище он поступил уже будучи, кажется, перворазрядником. В училище занялся самбо и добился отличных результатов. Отлично бегал на лыжах Юра Садырин, прилично боролись Володя Лысенко, Генка Москаленко, Валька Лапин.

Ездили мы на тренировки через день по личному знаку (был такой у каждого вместо увольнительной). Тот знак давал право свободно перемещаться по городу. Я с началом регулярных тренировок бросил курить, тянулся в учёбе. Ведь, тройка и тренировки прекращаются.

Мои друзья и приятели по училищу:

За парту ко мне посадили **Петра Михайловича Харитонова.** Родом он из Удмуртии. Вначале плохо говорил по-русски. Зачислили его в училище как представителя нацменьшинств без экзаменов, к тому же, он был из многодетной семьи. У него потом и своих было пятеро детей. Взводный приказал мне помогать Петру в учёбе – быть его шефом. «Если Харитонов получит хоть одну двойку, ты у меня получишь больше» - сказал он мне. В математике в начале учёбы Петя был «ноль». Когда я однажды объяснял ему, что такое «синус», он сказал мне: « Вот видишь, ручка. Вот так же покажи мне и твой синус». Много я с ним мучился, но высшую математику мой подшефный сдал на 5, а я на 4. Я просто не готовился к экзаменам. А сколько мне приходилось объяснять Петру сопромат или теоретическую механику, сколько приходилось делать за него чертежей?! Но мы всё преодолели. Он успешно окончил училище и

уволился из армии подполковником заместителем командира полка по тылу.

Раз сидели мы с Петей за одной партой, то и был он мне в училище самым близким другом. В строю я стоял у него в затылке (по росту). Ответственно говорю, что это был глубоко порядочный, не терпевший малейшей несправедливости, зазнайства, хитрости, нечестности парень. Все мы при малейшей возможности, когда не видели командиры, старались чуть-чуть сачкануть, что-то недоделать, утаить и т.д. Петя этого не мог терпеть. Он всегда говорил: «Пусть меня накажут, пусть выгонят из училища, но врать, скрывать, отказываться я ни когда не буду. Мне это противно, я, сам понимаешь, сам себя не буду уважать». И когда все мы делали что-то не то, Петя нас, конечно же, не выдавал, при разборе, переживал, сжавши зубы, сильно краснел. А после командирских разбирательств всё своё негодование выливал, конечно же, на мне в первую очередь. Если я не каялся, да ещё и начинал с ним спорить, он поднимался из-за

стола, и, обращаясь ко всей группе, высказывал своё возмущение моим поведением. Саша Гордоделов, при этом, часто крутил пальцем у виска, остальные посмеивались.

С весны 59-го я стал пописывать в окружную газету. Писал под псевдонимами заметки, стишки, иногда отзывы на публикации, небольшие статьи. Мне регулярно поступали небольшие гонорары по 2.5, 3 иногда 7-8 рублей. Бывало и больше. Однажды Петро устроил мне разбор полётов. «Где ты берёшь деньги? Мы с тобой получили по 10руб. Ты купил то-то и то-то, ешь после тренировок в буфете «Динамо», ходил с Людмилой в театр и деньги у тебя ещё остались. Ты ворует!» Распалился он при этом так, что стал говорить в аудитории во весь голос. Я, как мог, оправдывался. Пообещал даже, что всё расскажу, но потом, позже. О своих публикациях рассказать не смог, стеснялся, стал врать, что получаю переводы из дома и от друзей, или пользуюсь деньгами Люды. Он её хорошо знал и постоянно мне выговаривал, что я

поступаю недостойно, хожу в театр на деньги девушки.

Петя прекрасно ходил на лыжах, а вот на марш - бросках в первое время быстро уставал и я, как ограждающий, всегда помогал ему. Но уже на втором курсе он бежал неплохо. В походах, на полевых занятиях мы ели с ним из одного котелка. Он всегда в свой котелок брал два первых, а я два вторых. Как бы он не был голоден, он всегда заканчивал есть первым, заставляя меня доедать. Я до училища бежал средние дистанции, участвовал в городских, республиканских и даже в зональных Северного Кавказа соревнованиях школьников и был худощ. Кто-то из ребят приклеил мне даже кличку – «Худой». Петя старался меня поправить.

Мы так привыкли друг – к другу, что когда нас с ним разделили в разные роты на стажировке в Томске, мы всё равно каким-то образом всегда были вместе. Или я сломя голову бежал к нему, или Петя, как привидение неожиданно появлялся у меня в роте. Постоит, посмотрит и тихо уйдёт, видя, что я чем-то занят. А у меня,

после этого, поднималось настроение, легче работалось.

По разнарядке после училища он попал в Навои. Как же мне не хватало его! Будучи на совещании в Москве, я нашел офицера из Навоинского Управления войск. Но Петя был где-то на удалённой точке и почтового адреса его части и квартиры тот офицер не знал. Я написал Пете записку, указал свой адрес, попросил писать. Но так и не дождался от него ни единой весточки. Вторую попытку установить с ним контакт я сделал уже, будучи замполитом полка. Опять, на совещании в Москве через офицера передал ему привет в Кирово -Чепецк, сообщил свой адрес. И снова тишина. Почему он не ответил, не знаю. Офицер из Кирово-Чепецка служил с Петей в одном полку, письмо моё передал наверняка. Несколько лет назад, когда Борис Максимов прислал мне списки наших ребят и места проживания я собрался ему звонить, но Петя, к моему глубокому сожалению, уже из жизни ушел. Его я буду помнить до конца моих бранных дней.

В училище мы были дружны и с Геннадием Марковичем Москаленко. Он сидел на первой парте впереди меня. Талантливый был парень. Был у него простенький фотоаппарат «Смена». Так он во время самоподготовки набором надфилей, маленьким молоточком, обычными ножницами реконструировал его. Аппарат стал снимать на плёнку 35 мм не 36, а 72 кадра. Приспособил к нему другой, более мощный объектив. Свои чертежи он послал на завод. Не знаю – по его ли разработке или нет, но через несколько лет в продаже я видел «Смену» снимавшую 72 кадра на плёнку 35 мм. А когда подполковник Зайцев взял его в свои помощники в кабинет огневой подготовки, там он занялся изучением нашего и зарубежного стрелкового оружия. Читал специальную литературу. Где-то вычитал, что у сверхзвуковых истребителей проблема со скорострельностью пушек и пулемётов. На большой скорости трудно добиться кучности стрельбы. И Гена придумал, как увеличить скорострельность этого оружия. Он выполнил чертёж пулемёта, у которого два

ствола. Затворы соединил рычагом – коромыслом на оси. После выстрела одного ствола отдачей, затвор, двигаясь назад, посылает затвор второго ствола вперед, и тот досылает патрон в патронник ствола и производит выстрел. И цикл повторяется. По его прикидкам скорострельность должна быть адской. Свои чертежи и их описание с помощью подполковника Зайцева и командования училища Гена послал в какое-то КБ. Оттуда вскоре пришел ответ, в котором говорилось, что идея оригинальна, будет обязательно внедрена, но о ней надо помалкивать. Мне о своей идее Гена рассказал по большому секрету.

Служить мы с ним попали в Красноярск-45. Служили в одном полку. Гену сразу избрали комсоргом полка, а меня его заместителем. Но я командовал 8 лесной ротой и в комитете комсомола полка бывал редко. Потом, когда восьмой полк расформировали, Гена служил в роте механизаторов в полку на промплощадке. Через год меня избрали комсоргом 732 автомобильного ВСО. Однажды во время моего

ночного дежурства на линии один водитель не вписался в поворот и опрокинулся с автомобилем в глубокий кювет. Я вёл колонну машин с песком на растворный узел. Когда подъехали к городу, остановился и посчитал машины. Одной из 12 не оказалось. Вернулся в карьер и стал искать. Нашли бедолагу в кювете кверху колёсами. Кювет был засыпан снегом, и самосвал бортами завис на его стенах, кабина до земли не достала. Солдатик был невредим, но самостоятельно из кабины выбраться не мог. Когда мы нашли пропавший самосвал, я проехал в общежитие, разбудил Генку. Он позвонил к себе в роту, дал команду и через час к месту аварии приехал подъёмный кран. Покорёженный самосвал мы отбуксировали в гараж, я вызвал из отряда бригаду автослесарей и аварийный самосвал на утро в первую смену ушел на линию. Так я избежал неприятностей.

В отпуске сделал предложение своей однокласснице Катюшке и они стали мужем и женой. Удивительно симпатична и внешне и по содержанию была эта девушка. Она окончила

филологический факультет пединститута, работала учительницей в школе. Ладно сложенная, росточком с Гену (Он был ростом 165 см), скромненькая, удивительно женственна и ласкова. Я к тому времени уже женился на Людмиле. Мы жили в двухэтажной брусчатке в районе клуба строителей, а Гена получил двушку напротив кинотеатра «Мир» в пятиэтажке. Мы дружили семьями. Однажды решили сходить вчетвером в кино. Мы с Людой купили на всех билеты, пришли и ждём Москаленковых у кинотеатра. Их нет. Дали третий звонок. Я проводил Люду в зал, а сам, пока будет идти журнал, решил сбегать за опоздавшими. Когда прибежал к ним, удивился, что они и не думали собираться. Я стал пытаться Гену, что к чему. Он проводил меня на улицу, что бы там всё объяснить. Когда вышли из подъезда и прошли за угол дома, Гена мне сказал, что он стесняется появляться на людях со своей женой. Симпатичное личико Кати по-детски было всё усеяно конопушками. К тому же она ещё и была беременна. При этих его словах я озверел и со

всей силы двинул друга в лицо. Он спиной прижался к стене дома, а я несколько минут с остервенением лупил его.

На следующий день он откуда-то позвонил мне в полк и, чуть не рыдая, стал благодарить меня за «урок».

Все годы службы в Заозёрке он просился на учёбу. Изучать хотел технические дисциплины, но не строительство. Ему не разрешали. Он стал пить, добиваясь увольнения. Однажды в подпитии, на замечание какого-то полковника съездил тому по физио. Гену судили судом чести. А тут объявили об отправке солдат и группу офицеров на стройку в г. Ломоносов. Гена попросился и уехал. А я после расформирования 7-го полка уехал в Томск -7. Так мы и расстались.

Я уже упоминал, что жили мы в общежитии с красавцем **Лёшей Асаулюк**. У него вначале не получалось со службой. Он крепко выпивал. Дело доходило черты, за которой служба уже была несовместима. Однажды в общежитии едва не произошла с ним трагедия. Пьяным, он

чуть не вывалился из окна комнаты на 5 этаже. Как лежавший на кровати рядом Гена Москаленко успел его схватить за ногу - не представляю. Мы едва сумели вдвоём затащить его в комнату. Но вот однажды познакомился он с девушкой Соней. Ох, и красива ж была та дивчина! А какая строгая и недоступная! Наш Лёша в полном смысле слова сошёл с ума. Возможно ли было Лёше появляться перед Соней в подпитии? Она не подпускала его к себе даже с запахом табака, и он бросил курить, не то чтобы пить. Долго он обхаживал свою возлюбленную. Наконец они поженились. Когда получили жильё, Лёша попросил меня помочь с машиной для переезда. Я отдал распоряжение одному водиле. Но его кто-то перехватил и заставил возить бетон. С линии он слинял, побоялся не выполнить моё распоряжение, но кузов-то ему испачкали. В спешке кузов воин не помыл. Досталось же мне от Сони за перепачканные её вещи.

В 2008 я навестил Бориса Михайловича Максимова. Он предложил мне позвонить Лёше

Асаулюку и набрал номер. К телефону подошла Сонечка. Я поздоровался и представился, попросивши к телефону Алексея. И тут же услышал: «Это тот, что дал нам грязный самосвал?» Посмеялись и мило побеседовали. Когда у них родился первенец, мы компанией были на обмывании. Как преобразился наш Лёша! Высокий, стройный, с гордо поднятой головой офицер всем своим видом всегда выдавал до мозга костей военную косточку. А тут перед нами предстал совершенно другой человек. В переднике, с тряпочкой в руке, мечущийся по комнате в житейских хлопотах Лёша, ежеминутно делал нам замечания, чтобы мы ненароком не наследили, чтобы не шумели, не ляпнули чего лишнего, а то попадёт от Сони. Я радовался и мысленно благодарил тогда бога и Соню за возрождение нашего Лёши. Прозвучала команда готовиться в командировку в Карталы. Лёша уехал, готовился и я, но меня оставили, ведь я был на выборной должности.

Не плохие отношения у меня были со всеми ребятами нашей группы, взвода и роты. Дружил

с Юрием Шабельным и Володей Пичужкиным, Володей Лысенко, Володей Карачабановым и многими другими. Карачабанов в составе московской комиссии приезжал к нам в Томск -7. Но программа их работы была очень напряженной, проверяли они другие части и мы не смогли с ним как следует пообщаться. Я приглашал его к себе домой, он обещал заскочить, но так и не пришел. Был занят.

Из города Дивного (100 км от Элисты) Ставропольского края был у меня в училище земляк Коля Мещеряков. Мы были с ним в училище в разных взводах, поддерживали связь от случая к случаю, а в Заозёрке дружили и встречались часто, хотя служили в разных полках. Он познакомился с милой девчушкой и вскоре женился. Все мы были на его свадьбе, я фотографировал. Но тут случилось с ним несчастье. Умер командир второго полка. Полковника хоронили со всеми воинскими почестями. Для прохождения торжественным маршем после погребения была сформирована офицерская коробка. Одеты мы были в

парадные шинели и хромовые сапоги. Мороз в тот день стоял за 30. Промёрзли мы все до костей. Коля простудился и заболел. Очевидно, пролечился он недостаточно, его болезнь переросла в туберкулёз. После лечения у нас в госпитале его направили в санаторий на границе Армении и Турции. Лечился он там шесть месяцев. Болезнь залечили, но из армии уволили..

Особой строкой должен поведать обо всём сохранившемся в моей памяти о **Максимове Борисе Михайловиче.** В училище все мы звали его Макс. Обучались мы с Борисом в разных курсантских взводах и группах, потому близких отношений быть не могло, но разве можно забыть смуглолицего крепыша с тёмными, какими-то острыми, быстрыми, умными глазками? Я до училища занимался спортом и пока нам не разрешили ездить на занятия гимнастикой в новосибирский клуб «Динамо», по мере возможности хаживал в спортзал училища. По периметру зала стояли гимнастические снаряды, а в центре зала всегда

был расстелен ковёр из матов, покрытых грубой тканью, кажется из старых солдатских одеял. На ковре, как правило, были борцы наш Гена Воротилин и Макс.

У нашего взводного было правило, если ты занимаешься каким либо видом спорта, то обязан на соревнованиях на первенство училища выступать во всех видах. Нам, занимавшимся спортивной гимнастикой, приходилось и таскать штангу, и бороться на ковре. Борьбе нас к соревнованиям готовил Гена Воротилин. Обычно, после показа приёмов, при их отработке мы с Геной Москаленко вдвоём боролись против Воротилина. Наш тренер быстренько нас обоих укладывал, делал нам больно и гнал с ковра, так как очереди ждали другие. Чаще всего это была команда Макса.

Запомнилась мне встреча с Максимовым в одном из наших учебных походов. По причине ушиба позвоночника меня и ещё троих курсантов зачислили в группу имитировавшую противника. На марше мы должны были нападать на шедшую в полном боевом

снаряжении колонну училища и завязывать учебный бой. Первый раз мы замаскировались слева от дороги на большой поляне. Разведка части, совершавшей марш, нас не заметила. Не обнаружило «противника» и боевое охранение. Гена Воротилин, шедший в составе боевого охранения, даже наступил на мой штык, а меня не обнаружил. Лежал я в яме густо заросшей большущими лопухами. На рассвете выпала обильная роса и он, очевидно, не захотел мочить обмундирование и не полез проверять лопухи. Шедшую на марше колонну мы, конечно же, холостыми, обстреляли.

После короткого учебного боя нас подполковник Зайцев повёз на машине дальше. Шедшим колонной сделали разбор учебного боя, разведку и боевое охранение заменили, и колонна снова двинулась по заданному маршруту.

Километрах в пяти подполковник Зайцев снова выбрал большую поляну, велел нам окопаться, замаскироваться на западной её окраине, а когда подойдёт разведка

«противника» завязать с нею «бой». Я лежал в цепи правофланговым. Восточная окраина поляны, откуда должна была выйти колонна, напротив меня густо заросла подлеском. Плотной стеной стояли тонкие белоствольные берёзки, росли какие-то колючие кусты. Пройти сквозь заросли было непросто.

Минут через сорок после того, как мы окопались, на поляне появилась разведка. Это было отделение курсантов, в котором служил Борис Максимов. К левому флангу наших позиций по чистой от леса поляне разведчики подошли быстро, были обстреляны и уже вели бой, а на моём фланге долго ни кого не было. Подполковник Зайцев подал мне сигнал выдвинуться к зарослям березняка и занять позицию там. Если ни кто из зарослей не выйдет, я должен был открыть огонь во фланг разведгруппе.

Только я залёг за пнём в высокой траве, как услышал перед собой треск сучьев и тяжелое дыхание. Вскоре показался и разведчик. Он, закинув за спину автомат, орудуя малой

сапёрной лопатой, руками, плечами и туловищем, продираясь сквозь гущу зарослей берёзок. Я сразу же дал по разведчику короткую очередь и отошел на свою прежнюю позицию. Взлетела над лесом красная ракета, это разведчики оповестили колонну об обнаружении противника, в лесу слышались команды офицеров и через несколько минут на поляне появились цепи подразделений, готовившиеся нас атаковать. Посредник дал команду «отбой тревоги», атаковавшие нас стали выходить на дорогу и строиться. А из березняка вылез, показывая мне кулак... Макс. Посредник приказал ему упасть мною «убитым».

После училища с Борей мы встретились в Красноярске -45. Я первый год служил в восьмом полку, а он в первом. В двухэтажном брусчатом общежитии, где жили все мы выпускники 61 года, я появлялся очень редко, так как покинуть свою лесную роту я мог только с разрешения командования полка.

Празднуя то ли День Советской армии, то ли Первомай, мы однокашники решили собраться в

местном ресторане. Располагался ресторан в брусчатом двухэтажном доме на улице Комсомольской. Естественно, со службы к одному часу освободиться и прийти в ресторан всей компанией сразу мы не могли. Пришедшие первыми, заняли столики для задерживавшихся. Но тут компанией пришли матросы. Они отслужили кто год, кто два года на точках на Новой земле. После надземных там испытаний ядерного оружия все они получили приличные дозы облучения и были демобилизованы с условием направления на работу на предприятия Минсредмаша, медики которого имели опыт лечения лучевой болезни.

Мы сказали морячкам, что все столы заняты, сейчас подойдут наши ребята, но они пошли напролом и стали занимать свободные столики. А мы, пришедшие первыми, уже ведь и немножко поддали. Обеденный зал ресторана состоял из двух больших комнат. Мы с Геной Москаленко сидел у стены второго зала, потому не ведаю, кто первым «зажег спичку» драки – наши или матросы, но драка с первой минуты

приняла жесткий характер. Трещали столы и стулья, летела на пол посуда. На нас, атаковавших из второго зала, матросы двинули грязный от пищи стол. Я стал обходить тот стол справа и тут увидел ловко орудовавшего кулаками Макса. На меня замахнулся крепкого телосложения матрос, но я увернулся, и он своим приличным кулачищем долбанул о стену. От боли в руке матрос взвизгнул, на мгновение развернулся ко мне боком и принял очень неустойчивое положение. Я с силой его толкнул. Матрос потерял равновесие, упал, а через секунду мимо моей головушки пролетел стул и угодил в окно. Оконная рама, со звоном разбитого стекла распахнулась наружу. К тому моменту, по звонку администрации ресторана приехало две машины патрулей. (Экипаж каждой машины комендант гарнизона подполковник Улезченко всегда формировал из десяти крепких парней во главе с офицером). Наши ребята забаррикадировали входную дверь и не пускали патрульный наряд вовнутрь. Драка стала стихать. Я стоял в проёме между залами,

установившись на входную дверь, и размышлял, что делать. Ребята, бывшие во втором зале, стали прыгать в окно и делать ноги. Тоже самое сделал и я, выпрыгнув в окно. Впереди меня за угол шмыгнул Макс. Выбежал я на улицу Комсомольскую и направился в свою лесную роту, до которой от конца улицы было пять километров.

Осенью того же 1962 года меня перевели в 731 ВСО комсоргом отряда. Отряд располагался в одном военном городке с первым полком, в котором служил и Борис Михайлович. Там встреч с ним я абсолютно не помню. А когда расформировали первый полк, наш отряд и остатки первого полка влили в седьмой полк, мы с Максом оказались в одном полку. Я был избран комсоргом седьмого, Боря был заместителем командира роты. Все спортивные мероприятия в полку и в УВСЧ без его участия и организации не обходились. Все спортсмены нашего полка всё свободное время крутились возле Бориной роты. Этот непоседа всё время куда-то спешил, постоянно чем-то был занят,

всегда с кем-то, чего-то добиваясь, спорил. Почему комсоргом полка не избрали его? Я в сравнении с Борисом был бледной, малозаметной тенью. А когда стали готовить отряд военных строителей на строительство ракетной базы в Карталы и подбирать туда группу офицеров, я, как холостяк, был из нашего полка первым кандидатом. Мою фамилию в команду на отправку начальник штаба майор Шадрин Иван Порфирьевич и подал, но вмешался замполит полка подполковник Шишкин и отстоял меня, потому, как я был на выборной должности. А Боря, попросившийся в команду, был в неё включен и уехал. Больше мы с ним нигде, ни разу за время службы не повстречались.

Не знаю, смогу ли я словами выразить ту благодарность Судьбе, что среди нас выпускников НВТУ 1961 года оказался энергичный непоседа, энтузиаст и романтик Борис Михайлович Максимов. Взять и разыскать всех нас! Такое мог совершить только наш уникальный МАКС. Он прислал письмо, я

позвонил, потом встретились на несколько минут в Москве.

Мало того, что он всех нас разыскал, собрал всех нас адреса и телефоны, составил погруппно списки, так он же ещё и подвиг нас на написание воспоминаний! Что я и представляю читателю.

Для работы над сборником Борис Михайлович дал мне ознакомиться с его перепиской с нашими ребятами. Только чтение писем моих однокашников Борису Михайловичу потрясло меня до глубины души, захватило всего меня и унесло в водоворот воспоминаний, зарядило на работу так, что я принялся за работу над этим моим сборником так, как не работал ни когда раньше. Как, какими словами, кто сможет выразить благодарность нашему товарищу за эту проделанную им гигантскую работу? В каком ещё воинском коллективе был и есть такой товарищ? Эти слова благодарности и признательности, не плод только моих размышлений. Так пишут Максимову все наши ребята, кого он разыскал. Ведь Борис Михайлович из скучных дней пенсионеров -

дачников вернул нас в дни нашей юности, в дни нашего становления, в трудные годы службы Родине. А что есть более дорогого у каждого из нас?!

Чтобы полнее охарактеризовать Бориса Михайловича, нужно писать и писать. И я не уверен, что смогу полно охарактеризовать этого незаурядного человека. Все мы, за годы службы прошли через немалые трудности и испытания на прочность. Но то, что выпало на долю нашего Макса, какие трудности и испытания он прошел и добился успехов в службе, честно скажу, меня поражает.

Он пишет о своём конфликте с командиром первого, а затем седьмого полка в Красноярске-45. Заявить полковнику Законову, что он поступил недостойно, как офицер, как человек не сдержавший своего слова?! Отказаться служить под началом такого командира?! «Да вы что!» - скажет вам всяк, знавший полковника Законова. Этого зверя боялись не только военные строители, на глаза ему лишний раз попадаться боялись даже старшие офицеры

нашего полка. А ведь все они прошли войну, все уже добивались ухода на пенсию.

Перед получением солдатами полка денежного содержания, врач полка занимался доставанием костылей. Последний год Законов ходил на костылях.. Ему ампутировали правую ногу из-за прогрессирующего сахарного диабета. И вот, каждое утро всех, употребивших спиртное и совершивших самовольные отлучки, а после получки их бывало десятки, доставляли в кабинет командира полка. Мат и истошный крик Законова слышен был не только в штабе. О головы и спины многих провинившихся командир полка вдребезги разбивал свои костыли.

А Борис Михайлович, проявив свой характер, добившись отмены наказания объявленного ему Законовым, и добившись в обход него поступления в ВУЗ, ещё целых два года успешно служил под началом этого офицера!

А трудности начального периода строительства в районе г. Карталы! А

строительство объектов в Читинской области! Вот через какие тернии прошел Борис Михайлович Максимов к звёздам полковника, офицера центрального штаба Управления строительства Министерства обороны СССР.

3

Но вернёмся в нашу альма-матер. На Первое мая и 7 ноября в городе Новосибирске проходили военные парады. Месяца за два начиналась к ним подготовка. Сначала тренировались в ходьбе строем в училище. Недели за две начинались тренировки на центральной площади у оперного театра. Нас обычно поднимали в час ночи, грузили в армейские автомашины и везли на центральную площадь города, которая к тому времени уже была оцеплена солдатами, и там начинались прохождения колонн. Только однажды на втором курсе мы ехали экипажем на открытых бронетранспортёрах. Я стоял за башенным пулемётом. На параде головой треснул под зад кинооператора, которого в корзине плетенке перемещали над проходившими коробками

стрелой специального крана. Машинист крана замешкался, не успел во время поднять выше оператора. Я же застыл и не мог шевельнуться. Потом на телеэкране был соответствующий скачок кадра. (Подскок вверх) Я был в солдатской каске, и мне не было больно, а вот оператору, скорее всего, по заднице досталось.

Все остальные парады приходилось шагать и шагать. На параде шли с карабинами на руку. Штык должен был быть над плечом впереди идущего выше на 10 см, и от его правого уха тоже на 10 см. Ногу приходилось тянуть до горизонтального положения. Наше училище, как местное, принимало участие в парадах почти полным составом. Из Омска и Красноярска привозили от училищ по одной - две коробки, естественно, лучших из лучших строевиков, и, тем не менее, наше училище всегда проходило лучше всех. Почти всегда мы получали поощрения за первое или второе место по прохождению на параде.

Учёба давалась мне легко, и я не прилагал особых усилий ни на уроках, ни на

самоподготовке, ни на экзаменах. Легко усваивал и военные дисциплины. Отлично стрелял из всех видов оружия. О спортивной подготовке и говорить было нечего. Нас спортсменов взводный выставлял командой на все соревнования. Мы были и борцами, и штангистами, и легкоатлетами. Если не брали призовое место, то взводный нам запрещал ездить на тренировки и в следующий раз, мы на соревнованиях давили всех.

В 1960 году в апреле месяце у нас были соревнования на первенство училища по многоборью. Команда нашего взвода заняла первое место и командир роты всем нам, членам команды, объявил по двое суток увольнения.

Местные ребята поехали по домам, а куда податься на двое суток нам, иногородним? Пошел я в увольнение после парада 1 мая. Побродили по городу, в кафе на Красном проспекте попили какао с пирожками и поехали в училище. Второго мая с утра, поехали в город снова. Вернулись к ужину. Приходим в казарму,

а там идет подготовка к вечеру танцев в клубе строителей. Для нас курсантов вход свободный. Могли идти все. Танцы до 10.00. Мы, увольнявшиеся, отметились о прибытии из увольнения и двинули тоже на танцы.

Я долго стоял с ребятами у стены, потом заметил работавшую в оргстроевом отделе нашего училища Фаю и пригласил её танцевать. Она вела себя как-то развязно, показушно модной. Закончился танец, Фая потребовала, чтобы я отвёл её на место. Делать нечего, повёл я её через зал. Подходим к стене, где стояла стайка девушек, смотрю, стоит худенькое, глазастое, с короткими косичками и повязанными в них бантиками ЧУДО. В этот момент снова заиграла музыка, и я машинально взял ту девушку за руку и властно повёл танцевать. Вид у неё был какой-то необычный. То ли она меня испугалась, то ли до такой степени была стеснительна, а может быть, ей было неловко перед подругой детства Фаей. До конца танцев я не отпустил ту девушку, а потом

пошел провожать. По дороге едва осмелился спросить её имя. «Люда», - процедило моё чудо.

Проводив свою знакомую, я пулей летел в казарму на поверку, а перед глазами стояли её большие, чистые, бездонные, глазищи. Уже не помню, где и как мы встретились с ней следующий раз. Но встречались мы после того постоянно, как только я или она имели время. Мы много раз ходили с ней в театры: оперный, музкомедии, драматический. Ходили в кино, просто гуляли по Северному посёлку. Когда у меня выдавалась возможность, я направлялся на улицу И. Земнухова, дом 13 и, стесняясь зайти к ней домой, вылавливал пацанов, и посылал позвать. Жила она с родителями и братом Борей в небольшом домике, с палисадником, густо заросшим кустарником и цветами. А окошко их с братом комнаты, всегда обрамлялось какими-то вьющимися красивыми цветами. Однажды Люда пригласила меня домой и познакомила с родителями.

Веселее и интереснее пошла у меня и учёба и служба. Хаживал я и в самоволочки. Перемахну

через забор, и на Земнухова 13. Ходим по улице, гуляем тихими, тёплыми вечерами, пока не настанет время бежать в училище. Петя Харитонов всегда знал, где я и в случае построения, или какой-либо проверки звонил дежурному по автопарку училища, который размещался не далеко от дома Люды. Дежурный давал мне условный знак, и я пулей летел в училище. Если Градечный или взводный начинали выяснять, где я был, у Пети всегда был надёжный ответ и он, глубоко переживая, врал, чтобы выручить меня.

4

После второго курса у нас была сначала геодезическая, а потом производственная практика. На геодезической практике преподаватель назначил меня старшим над четырьмя слабо понимавшими, а может ленившимися понимать, ребятами. Жили мы неделю в палатках в долине справа от дороги Иня ж/д – Пашино, и выполняли учебные

задания по съёмке местности и проектированию автотрассы. Я с одним из помощников работал за нивелиром – двое остальных работали с рейкой, вбивали колышки, делали замеры оси трассы. Помню, однажды, навожу я нивелир на рейку, которую держал Юра Садырин, прошу его покачать рейку взад – вперёд. Вижу, что-то замельтешило в объективе, а в следующий момент Юра оттолкнул от себя рейку и, махая руками, бросился бежать прочь. Оказывается, его атаковали пчёлы. То ли он после бритья наодеколонился, то ли ночью лазил на соседнюю пасеку за мёдом и от него вкусно пахло. Кстати, дед с пасеки несколько раз приходил к нашему начальству жаловаться на незваных по ночам гостей.

Было требование, чтобы каждый специалист строитель имел рабочий квалификационный разряд по одной из строительных специальностей: каменщика, плотника-бетонщика, маляра, штукатур и т. д. Так как я имел разряд столяра с гражданки, мне дали 13 таких же как и я курсантов и целый месяц мы

занимались ремонтными работами в училище. Перестилали полы, делали перегородки, белили и красили казармы. А наша рота выполняла кирпичную кладку на строительстве института Ядерной физики в Академическом Городке Новосибирска. Последним нашим объектом ремонта была жилая одноэтажная щитовая казарма. Зам начальника училища по тылу пообещал нам отправить нас в отпуск сразу же, как только закончим косметический ремонт той казармы. Мы отремонтировали её за два дня. Но просчитавшийся подполковник стал юлить, так как до отпуска было ещё аж 15 дней. Тогда я пошел к начальнику училища полковнику Шитову и пожаловался. Полковник Шитов приказал немедленно отправить нас в отпуск, раз пообещали. И вся моя бригада гуляла в отпуске целых 45 суток.

5

Окончили третий учебный год. На преддипломную практику я попал в г. Томск.

Основное ядро наших частей дислоцировалось в Томске-7 (Ныне Северск). Нам курсантам пропуска режимные органы в закрытый город не оформили и стажировались мы в военно-строительном отряде на Каштаке за авторемонтным заводом, и в полку у станции Томс-1.

Нас с Ильёй Ульяновым определили заместителями командира 6 роты. На второй день командира роты начальник УВСЧ полковник Примин за бардак в роте погнал палкой из роты. Это было в присутствии личного состава. Капитан написал жалобу и - больше в роту не пришел. А заместитель комроты ушел в отпуск за 2 года. Так я стал командиром роты, а Илья - моим замом. Очевидно, потому не наоборот, что я был выше ростом. Кто в отряде знал нас?

Рота строила жилой дом на Каштаке с магазином на первом этаже, детский садик и боевые позиции зенитно-ракетного дивизиона полка ПВО в лесу за психиатрической больницей. Мы проходили стажировку не только

командирскую, но ещё и мастера строительномонтажных работ. В пятиэтажке на Каштаке, по восточному фасаду в квартирах второго этажа нет кухонных встроенных холодильных шкафчиков под окнами. Это я при разметке этажа пропустил их.

В отряде были собраны солдаты, которым режимники не разрешили въезд в г. Северск. Тут служили ребята евреи, немцы, калмыки, корейцы. Много было ранее осужденных, детей репрессированных граждан, ребят из портовых городов, которые по работе постоянно контактировали с иностранцами или готовились к дальним плаваниям. В моей роте было и пять выпускников Саратовской духовной семинарии. Мужики эти служили отлично. Ни когда не пьянствовали, не ходили в самоволки, ни кого не обижали. Ни кто не обижал и их. Но на политзанятиях мне приходилось невероятно трудно внушать им Марксизм-ленинизм. В вопросах идеологии, религии и даже философии (они знали и марксистско-ленинскую

философию) они были подготовлены отлично. Мне до них, по уровню знаний, было далеко.

Дисциплины в отряде не было ни какой. Особо выделялась наша рота. Команда подъём звучала в казарме минут по двадцать. За это время удавалось поднять и вывести на физзарядку только солдат первого года службы. Когда дневальный подавал команду строиться на завтрак, разгильдяи быстро поднимались, шли в умывальник, промывали глаза и там же через окно уходили в столовую. На утреннем разводе отряда от каждой роты в строю стояло человек по 30-40.

В первый день нашей стажировки подъём производил наш ротный. Мы с Ильёй стояли и с изумлением наблюдали творившийся на наших глазах бардак.

На следующий день командиром роты был уже я. И поднимали нашу с Илюшей ротушку уже мы с ним. После команды «подъём» поднялось человек двадцать из всей роты. Я подошел к одному спавшему «деду» и скомандовал ему

персонально «подъём». Он приоткрыл глаза, отвернулся от меня, промычавши: «Не мешайте спать». Тогда я подозвал командира взвода, дежурного по роте и приказал им идти в канцелярию и написать на моё имя рапорта, где указать, что в их присутствии тот рядовой не выполнил мой приказ. Сержанты ушли в канцелярию, а я подозвал к себе остальных сержантов роты и приказал им поднять своих подчинённых. «Кто из вас не выполнит моего приказа, будет строго наказан. Будет объясняться, почему не выполнил. Командуйте, а кто не выполнит ваш приказ – доложить письменно», - спокойно, но твёрдо сказал я. Времени дал на всё десять минут. В казарме поднялся шум и гам. Сержанты стали отдавать приказы, иных сбрасывали с постелей, иным отвешивали оплеухи. Через десять минут в кроватях оставалось человек пять – шесть. Я приказал старшине роты переписать их фамилии и представить мне их список. Только старшина приступил к переписи, как из строя вышел здоровенный со страшным шрамом на лице

солдат и, обращаясь ко мне, попросил разрешения поднять оставшихся. Я разрешил. Вперемежку с матерными словами, он заорал на всю роту: «Это што ж получается, братва? Я стою в строю, а цэй салага лэжить!?» Он быстро намотал на руку свой офицерский ремень и со всей силы стеганул спавшего на втором ярусе солдата. Тот от боли заорал, спрыгнул с кровати и дал дёру. Пулей с кроватей слетели и все остальные. В полном составе рота вышла в туалет и на физзарядку. Когда вышли на улицу и стали строиться в столовую на завтрак, в строю оказалось, опять-таки, человек сорок. Я снова приказал командирам взводов и отделений поставить всех в строй. «Так они ж уже в столовой», - отвечали мне со всех сторон. Я повторил распоряжение. Снова минут через двадцать рота была в полном составе, но пришла в столовую, когда завтрак уже закончился, и на наших столах уже не было ни сахара, ни мяса в бачках. Те, кто ещё не позавтракал, поели то, что осталось. Развод уже закончился, и мы повели роту из столовой прямо на работу. Командир

отряда майор Намжилов Гонгор Доржиевич и замполит, не вмешиваясь, наблюдали за моими действиями. Когда выходили через ворота части, командир отряда приказал остановить роту и доложить, почему опоздали на завтрак и утренний развод на работу. Я подробно доложил. Выслушав меня, командир потребовал вывести из строя злостных нарушителей дисциплины. Я вывел двоих. Солдат увели в штаб, а мы пошли строить. Старшине роты я приказал отнести в штаб мой рапорт и рапорта дежурного по роте и командиров взводов на тех солдат. Сразу же с ними начал беседовать военный дознаватель.

Через два дня наша рота поднималась на подъёме за пять минут и в полном составе делала физзарядку, в полном же составе следовала в столовую, на развод, на работу и т.д. Те двое перед строем дали нам с Ильёй слово впредь беспрекословно выполнять все приказы командиров, не нарушать дисциплину и были нами прощены.

Пришлось завести строгий учёт выполненной каждым солдатом работы на стройке. А для этого нужно было каждому отделению определить дневное задание и проверить его выполнение. Эти обязанности взял на себя Илья.

Человек двадцать солдат третьего года службы сговорившись, решили, чтобы не нарваться на приказ выполнить определенный объём работы за день, с объекта всем вместе удирать. «Приказ ни кому не отдадут, а всех не пересажают», - придумали они. Тогда я применил к ним другой приём. Собрал всех их в один взвод и стал отводить на строительство боевых позиций дивизиона ПВО в районе с. Кузовлево. На территорию дивизиона они проходили по списку, выпускали их с территории в конце дня также по списку. Чтобы мои орлы не бродили по позициям, я договорился с командиром дивизиона приставлять к ним охрану. Даже в туалет их водил солдат с винтовкой. Тогда они стали сбегать во время обеда, а я поставил их на довольствие на обед в дивизионе. Уводил с работы только тогда, когда выполнят сменное

задание. Вся шпана моей роты стала славно работать во благо безопасности Родины, а всех остальных мы припугивали переводом в этот взвод. Иные бойцы говорили, что лучше уж идти в тюрьму, чем служить в шестой роте. И, тем не менее, вскоре все смирились с нашими требованиями и стали делать всё, что положено. Дело дошло даже до кляуз на тех, кто плохо работал на производстве или не мыл полы в казарме. Весь отряд ходил смотреть как некогда самый заядлый хулиган отряда мыл полы в казарме, или чистил туалет по графику. В первый же месяц нашей работы 6-я рота перевыполнила месячное производственное задание и вышла в передовые.

Бывали в роте выпивки, бывали самовольные отлучки, но бардака того, какой был раньше, уже не было. Командир отряда считал нас с Илюшей полноценными командиром и заместителем командира роты, остальные курсанты стажировались у офицеров.

За десять дней до окончания нами практики, нам в роту дали командира роты. Новый ротный

наряду с новыми требованиями к солдатам потребовал и от нас с Ильёй ходить в строю, выполнять всё, что положено солдату. Мы стали всё выполнять, но через два дня наш ротный ни чего не мог поделаться с ротой. Он не мог даже поднять солдат на подъёме. Тогда командир отряда отозвал его в штаб и до конца нашей практики он в роте не появлялся. А когда мы уехали в училище, роту вынуждены были расформировать, она стала не управляемой. Мы от солдат очень многое требовали, строго наказывали, но делали всё справедливо, относились к ребятам как к товарищам. С некоторыми дружили. Илья с некоторыми, даже попивал водочку, за что я однажды чуть не побил его. Всех без исключения, даже самых заядлых хулиганов в прошлом, за хорошие дела мы поощряли. Один очень хулиганистый солдат даже поспорил со мной, что если он выполнит задание по ремонту участка забора части, я всё равно не дам ему увольнение. Увольнение я ему дал и вернулся он из него без опоздания, трезвым. Слова от него о своевременном

возвращении я не брал. Сказал ему, перед тем как вручить увольнительную, что ты придёшь во время и пойдёшь в следующий раз в увольнение по графику. Так с тех пор он и стал похаживать к своей подруге только с увольнительными. В конце нашей практики он попросил отпуск на несколько дней, чтобы жениться. Девчонка была беременна. Я, сначала отпустил его для написания заявления, а через неделю дал три дня и на свадьбу.

6

После стажировки вернулись мы в училище, сдали госэкзамены, защитили дипломы и стали ждать приказа Министра обороны о присвоении нам первичного офицерского звания «лейтенант». Но в Москве начался 22 съезд КПСС. Министр обороны маршал Малиновский сидел в президиуме съезда и приказ не подписывал. Приказа о присвоении званий мы ждали до начала ноября. Наконец, приказ был

подписан, нас переодели в офицерскую форму и стали распределять по частям.

Когда мы ещё учились, я несколько раз помогал женщине из ОК по части плотницких работ. Сделал ей ящички для карточек, что-то ремонтировал в самом помещении отдела. Однажды, когда я стоял часовым на КПП, идёт та самая женщина утром на работу и говорит мне: «Пришла разнарядка, куда, сколько вас выпускников направить. Я могу записать тебя туда, куда ты пожелаешь. Куда тебя записать?» Я и записался в «Астрахань - 17» Я и она думали, что это под Астраханью. Мне захотелось попасть ближе к дому. В наших калмыцких степях рыли в то время ствол урановой шахты. Я думал, там будет разворачиваться часть. Но шахту законсервировали, работы остановили.

И вот в день, когда нас стали распределять, нам объявили, что 65 человек направляются в Москву. Если у кого из нас есть в Москве родственники, где можно переночевать хотя бы несколько ночей, записаться. Мне добрая тётя доложила, что я записан в Астрахань, и я не стал

записываться в Москву, хотя у Володи Головлёва (двоюродного брата) уже не один год пустовала его комната, которую ему выделили родители, разменяв свою трёхкомнатную, Сам он жил в квартире у жены.

Набрали 65 человек в Москву, и пошли мы, все остальные. Когда я вошел в кабинет, начальник ОК Центрального управления в то время майор Иванов, объявляет мне, что я направляюсь на Мангышлак, тут у вас уже записано в карточке, вы просились. Я ответил, что просился я в Астрахань -17, а не на Мангышлак. «Так Астрахань -17 и есть Мангышлак», - ответил одноглазый, добрый майор. Туда я ехать отказался. Тогда он велел мне ехать в отпуск, после отпуска возвращаться в училище, а к тому времени в училище будет моё направление.

Своё «приданое» я оставил у Люды, пожил у неё денёк и поехал в Элисту. Приехал из отпуска 12 декабря. Мне в училище вручили направление в Красноярск -45. Это тоже никакой не Красноярск, а ЗАТО близ станции Заозёрная

Красноярского края, километрах в 250 от Красноярска.

Моя офицерская служба

1

Описывать подробно мою службу в Красноярске -45, а особенно самый трудный первый год здесь я не буду. Этот этап службы явился прообразом сюжета повести «Первый солдат». (Повесть опубликована в третьем номере литературно-художественного журнала МО «Воин России» за 2009 год.) Служба в 7-м полку также прообраз повести «Хулиган». А потому, об этом периоде моей службы очень кратко.

И так, начальник отдела политработы УВСЧ полковник Молоков из медвежьего угла – лесной 8 роты восьмого же полка увёз меня прямо на комсомольское собрание в 731 ВСО. Это был автомобильный отряд из 4 рот. Три роты водители, одна рота - ремонтники. Отряд жил на одной территории с 1-м полком.

Комсоргом этого полка был Саша Алчинов выпускник нашего училища 1960 года. У наших частей была общая столовая, общий клуб, баня и прочее. Мы автомобилисты в военном городке бывали редко. Вся наша служба проходила в автопарке и на объектах огромной стройки. Мы обеспечивали стройку перевозкой строительного раствора, бетона и железобетона, инертных, разного рода строительных материалов. Мы поднимали наших воинов в 5, а в семь они уже должны выехать из ворот автопарка и ехать по объектам. Возвращались наши воины в отряд только к 20-ти, к ужину.

На второй же год службы я поступил и успешно окончил 2 курса Новосибирского строительного института. В общежитии заниматься было невозможно. Написал рапорт и получил комнату в трёх комнатной квартире. В той же квартире комнату занимал и наш женатый однокурсник Валентин Забозлаев.

Когда сокращение коснулось первого полка, его расформировали, остатки полка передали в седьмой, который располагался рядом с базой

стройиндустрии, где работал весь личный состав. В тот же полк влили и наш отряд. В составе полка отряд уже был без своего номера, а вскоре и вовсе прекратил своё существование. Меня избрали комсоргом полка. В этой должности я служил до конца 1966 года, когда был расформирован и этот полк.

Служба, работа в гуще ребят мне очень нравилась. Полк вначале был огромный в 12 рот, работы хватало. Замполитом полка был замечательный человек и педагог Иван Васильевич Шишкин. Он постоянно опекал меня, подсказывал, направлял в работе. Наш полк был всегда одним из лучших в УВСЧ и даже в масштабе центрального УВСЧ в/ч 25525. Одной из лучших была и наша комсомольская организация. Я был членом бюро ГК ВЛКСМ и даже членом Пленума Крайкома ВЛКСМ. Постоянно участвовал сам и привлекал моих комсомольцев в городских молодёжных мероприятиях, для актива полка устраивал походы с ночевой на Богунайский водопад, поездки на Красноярские столбы, выезды в

кинотеатр, на разные концерты и проч. Волейбольная команда пока, за которую я отвечал, была чемпионом города. А однажды мы со счётом 3:2 выиграли у команды чемпиона Края. Гремел на весь город и коллектив художественной самодеятельности нашего полка.

За три года службы в должности комсорга полка меня, до того времени технаря, потянуло на общественно-политическую и воспитательную работу. Учёбу в строительном институте после второго курса я окончательно забросил. Не тянуло меня к учёбе и то, что со второго курса пошли чисто строительные дисциплины, и ничего нового интересного там для меня уже не было. А учиться только ради диплома мне не хотелось.

И вот когда в конце 1966 года стали расформировывать наш полк, тот же зам начальника управления кадров, теперь уже подполковник Иванов, предложил мне на выбор несколько строек. Я попросил направить меня туда, где можно поступить в ВУЗ, чтобы изучать

общественные науки. Иванов предложил Томск, и я тут же дал согласие. Я, ведь, уже разведаль, что в ТГУ был историко-филологический факультет. На моё мгновенное согласие ехать в Томское управление сказал: «Но вы же даже не спросили, какую должность мы вам там предлагаем».

- В Томск согласен на любую, - выпалил я.

- Там просят офицера в отдел политработы УВСЧ на клубно-массовую работу.

Тут я замялся, а потом робко процедил:

- Не знаю, справлюсь ли я с такой работой...

- Не потянете эту должность, найдут другую. Сдавайте все дела, получите предписание, а там разберётесь, - заключил наш разговор кадровик.

2

14 января 1967года с беременной женой прибыли мы в Томск-7 – Северск. Приказом меня отдали инструктором отдела политработы, а по просьбе начальника Управления Клим

Назаровича Федченко, прекрасно знавшего меня по Заозёрке, я два месяца покомандовал одной ротой.

1967 год был юбилейным – год 50-летия Октябрьской революции. В марте месяце из Москвы пришел приказ о подготовке к празднованию. Объявлялся грандиозный смотр – конкурс коллективов художественной самодеятельности, клубов, библиотек, Ленинских комнат, наглядной агитации в военных городках и самих этих городков.

В один из обычных рабочих дней у моей роты остановилась чёрная «волга». Из неё вышел начальник отдела политработы УВСЧ полковник Ананьевский Александр Фёдорович. Я подскочил к нему с рапортом, а он взял меня под руку, подвёл к машине и сказал: - садись. Приехали мы с ним в штаб Управления, зашли в отдел политработы. Полковник указал мне на пустовавший стол и сказал: «Садись и работай. Это наш инструктор по клубно-массовой работе», - продолжил полковник, обращаясь к моим новым коллегам политработникам.

С Людой мы первыми вселились в две комнаты трёхкомнатной квартиры нового дома. Приехала уезжавшая в Элисту на время переезда мама. 30 мая родился первенец Юра, а в июне я сдал экзамены и поступил в ТГУ. Из строительного института меня отчислили только тогда, когда я сообщил, что уже окончил два курса университета и учиться в вашем вузе не буду. До того из года в год, на мои просьбы отчислить меня и вернуть мой диплом училища, мне сообщали, что предоставили академический отпуск.

Но главным, поглощавшим всё моё и служебное, и личное время, была новая работа. В УВСЧ на базе штатного оркестра ещё полковником Приминым, большим любителем солдатской самодеятельности и спорта, был создан ансамбль песни и пляски. Несколько лет до того коллектив гремел своим творчеством не только в Северске и Томске, но и в СИБВо. Но в последние годы ансамбль захирел, окружная газета «Советский воин» в марте 1967 года в статье «Блеск труб и черные души» поведала о

сложившейся нездоровой обстановке в коллективе.

Передо мной стояла задача привести в порядок ансамбль, разработать и подготовить конкурсную программу художественной самодеятельности. Жил ансамбль в отдельной прогнившей, без окон и дверей казарме. Надо было за лето построить своими же силами новую казарму. Надо было готовить к смотру всю клубно-массовую структуру Управления. В отдельные дни я не приходил домой даже ночью.

Было очень трудно, но и интересно. Мы своими силами построили отличную казарму со студией, с отдельными комнатами для занятия баянистов и пианиста, трубачей и кларнетистов, танцоров и солистов. Ансамбль за счёт внештатников довели до 160 человек. Днём все эти ребята работали на стройке, а вечером репетировали. Мы создали прекрасный эстрадный оркестр, вокальную группу, ансамбль песни и пляски цыган в составе с Лазо Христофоровым и известными в стране братьями

Шишковыми, группу исполнителей кавказских танцев, ансамбль струнных инструментов, узбекский национальный коллектив. Хором из 75 человек, в который отобрали ребят с неплохими голосами, дирижировал хормейстер из местного Муздрамтеатра, ныне известный в Москве музыкант Владимир Вихров. Хор в сопровождении оркестра подготовил Ораторию Свиридова «Левый марш». Сольные партии Оратории исполнили Владимир Марченко, ныне народный артист, профессор, заведующий кафедрой актёрского мастерства в институте культуры Екатеринбурга и актёр драмтеатра Борис Киселёв, ныне также народный артист, по-прежнему работает в театре г. Северска. А какие сольные номера подготовил Владимир Марченко! Когда он в сопровождении духового оркестра пел песню «О маленьком трубаче» зрители доставали носовые платки и прикладывали их к прохудившимся глазам. А что выделяли баянисты братья Михайловские! Оба они окончили Томское музыкальное училище. До призыва в армию работали

преподавателями музыки. Дуэтом они играли сложнейшие классические произведения. К смотру они подготовили восьмерых баянистов и создали приличный ансамбль баянистов.

Сколько мне пришлось доставать различных инструментов, шить костюмов и танцевальных сапог! Главного бухгалтера УВСЧ мы с полковником Ананьевским растрясли на военную концертную форму для всего коллектива. Я лично ездил в г. Тулу на фабрику музыкальных инструментов ремонтировать наш концертный баян. Специалист, который мог обращаться с таким инструментом, был занят изготовлением баяна для известного в стране и в мире артиста Казакова. Я тайно проник к мастеру в цех. Старик выслушал меня, осмотрел наш баян, подобрал для него нужные запасные части и я, обойдя всё начальство и охрану, исчез. Баян Михайловские отремонтировали сами. Отпускная цена такого баяна на Тульской фабрике составляла тогда 6.5 тысяч рублей. Мы достали 6 чешских посеребрённых саксофонов, четыре немецкие помповые трубы, комплект

немецкой кожи для большого барабана и многое, многое драгоценное в то дефицитное время.

Приехавшая из Москвы смотровая комиссия смотрела наш концерт по каналу областного телевидения. На следующий день по типографски отпечатанной программе члены комиссии проверили участников концерта. Старшего лейтенанта дирижера и солиста Киселёва мы мастерски спрятали. Старший лейтенант дирижер это ж был В. Вихров, одетый в мою форму, а вместо Б. Киселёва мы представили одного нашего паренька. По 25525 мы заняли первое призовое место, все участники концерта были поощрены начальником центрального Управления. Я за хорошую подготовку всего клубного хозяйства Управления к смотру - ценным подарком. Владимир Марченко, цыганский ансамбль и кавказская группы были отобраны на концерт в ЦДСА. А после всех наших артистов министр Ефим Павлович Славский пригласил на приём в Минсредмаше, где наши орлы развлекали

гостей. Жена Ефим Павловича потребовала усадить всех ребят за стол. Им налили по рюмочке коньяка, и с ними чокнулся сам министр Ефим Павлович Славский. После приёма он подарил всем нашим артистам часы и предоставил по 15 суток отпуска. Все артисты разъехались по домам, а Володя Марченко, он был у нас старшиной штатного оркестра, привёз в часть все костюмы и инструменты и потом уже уехал в отпуск в г. Свердловск. (Ныне Екатеринбург).

Один цыган долго искал свой кочующий табор. Пока нашел табор – закончился отпуск. На радостях в таборе его женили. А где, в каком военкомате ему отметить отпускной? Как продлить его из-за семейных обстоятельств хотя бы на три дня, на свадьбу? В отпуске он задержался, а чтобы не попасть под суд, в часть не вернулся.

Однажды, когда я уже был замполитом полка, меня вызвали в прокуратуру для дачи показаний. Оказалось, что при попытке проникнуть на

иностранный судно в Одессе был задержан тот цыган дезертир.

Через год на вышестоящую работу ушел старший инструктор по комсомольской работе, меня перевели на его должность. Клубную работу мне пришлось, практически, тащить все шесть лет моей работы в Управлении. Назначали на клубную работу нескольких офицеров, но больше 3-4-х месяцев ни кто из них на этой должности не задерживался – не выдерживали нагрузки, уходили.

А я тащил две должности, плюс ко всему я ж ещё и учился. За это время у меня родилось ещё двое детей. Командованием 25525 я ежегодно привлекался к работе в составе их комиссий по проверке других Управлений. Ездил в мою родную Заозёрку, в Красноярск -26, в Ангарск, в Обнинск. Дело дошло до того, что когда комиссия приехала с комплексной проверкой в наше Управление, меня опять включили в её состав. По итогам проверки в/ч 42605 я написал такой акт, что председатель комиссии полковник Качурин за проделанную работу и

принципиальность при проверке объявил мне благодарность. Очень довольным актом осталось и командование проверенного полка. Акт за всё наше Управление опять-таки писал я.

3

В 1972 году отмечалось 50 - ление образования СССР. В ознаменование этой даты был учреждён знак ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Им награждались по два лучших предприятия из всех отраслей народного хозяйства, а в вооруженных силах - два корабля, два авиаполка, два мотострелковых полка, два ракетных и т. д. У нас в министерстве также была спущена разрядка на два военно-строительных полка. Наша в/ч 11102 была лучшей в нашем Управлении и неплохо выглядела на фоне других частей министерства. Мне было поручено написать представление на награждение этого полка почётным памятным знаком. Я и сотворил бумагу так, что наш полк получил тот в полном смысле слова

драгоценный знак. Выполнен был знак из драгоценных металлов: золота, серебра и платины.

Как только в 1973 году я окончил университет, командование Управления заявило мне – ты знаком сто второй полк наградил, вот теперь и ступай, оправдывай его заслуги.

Просившийся в запас старичок замполит полка, с моим и Вани Аблова приходом в политчасть увольняться не захотел. Три года я служил пропагандистом и агитатором полка, постоянно заменяя старика замполита, а с уходом его в запас, занял его должность. Тянул ту должность целых пять лет. За восемь лет работы в «краснознамённом» полку мне опять пришлось попотеть. Ведь, если наш полк занимал второе место в соревновании частей по производственным показателям, или по смотру клубов, Ленинских комнат, или еще, по чему угодно, то командование Управления рассматривало это как ЧП. А если случалось у нас какое-нибудь происшествие или серьёзное воинское преступление, то устраивалась

нешуточная промывка наших мозгов. И мы всегда и во всём были первыми.

В 1982 году начальника отдела политрабоды УВСЧ стали переводить в Ульяновск. На меня направили в Москву представление на назначение на его должность. Нашего начальника вызвали на собеседование в центральное Управление, хотя он перемещался на равную должность, а меня выдвиженца не вызвали. Генерал Камышан, как мне передали московские политрабодники, сказал, что этого офицера все мы в Управлении знаем и нечего тратить зря деньги на вызов.

Поступил приказ о нашем назначении. Полковник, которого я должен был заменить в Томском УВСЧ, сообщил радостную вестъ своей семье. Взрослые и семейные дети отца поздравили, но ехать со своей родины категорически отказались. Ехать на новое место из-за детей отказалась и жена. Тогда он вызвал меня к себе в кабинет и набрал номер телефона начальника политотдела центрального

Управления и заявил об отказе в переводе.
Москвич тут же спросил:

- А где Перепелятников?
- Он рядом, - ответил мой томский начальник.
- Дай ему трубку, - попросил москвич.

Когда я поздоровался и представился, тот задал мне вопрос:

- Ты, кажется, по семейным обстоятельствам просился в европейскую часть страны. В Ульяновск поедешь?

- Так точно! - выпалил я.
- Сегодня 10 июля. 14-го быть в Ульяновске.

И телефонная трубка заговорила короткими гудками.

4

С городом Северском, с моим родным полком, с отличным, выпестованным и моими трудами коллективом офицеров и прапорщиков я расставался рыдая.

Ульяновское УВСЧ встретило меня кучей острейших проблем. Ещё, как следует, не сложился офицерский коллектив самого Управления. Полк и отряд, работавшие на строительстве Авиастара, имели прекрасные бытовые условия, но были не доукомплектованы опытными офицерами. Большой процент среди них был офицеров окончивших девятимесячные курсы и призванных на два года после ВУЗов. Неплохой коллектив офицеров был в полку димитровградском, но тот полк один обеспечивал всё огромное Управление строительства той площадки. Отсюда следовало, что ни одна рота, ни один взвод этого полка не работали компактно. Вразброс работали даже многие отделения. Всем ясно, к чему это вело.

Военный городок и штаб УВСЧ строились командованием самостоятельно. В короткие сроки командованию пришлось оснащать всем необходимым огромный военный городок, здания штаба полка и Управления. Кроме отпущенного со складов имущества, требовались немалые средства на приобретение кучи всяких

мелочей. И командование вынуждено было добывать эти средства самостоятельно. А как, где? Путь один – стали выводить солдат на подработки в сторонние организации. Через руки командиров пошли хорошие деньги. Военные городки и штабы вскоре всем необходимым оснастили, но разве все могли удержаться от соблазна лёгких и, практически, не учитываемых денег? И через год моей службы на новом месте против командования УВСЧ прокуратура завела проверку и готова была привлечь, в первую очередь начальника Управления. Нить злоупотреблений могла потянуться и в сторону первопрестольной. И мне была дана оттуда команда постараться все дела уладить. В подобной ситуации оказался и замполит димитровградского полка. Много пришлось мне поработать, но все вопросы я уладил. Начальника УВСЧ и замполита димитровградского полка перевели с понижением на другие стройки.

Приехал новый начальник Управления. Человек он был малообразованный, окончил

курсы младших лейтенантов да ВПШ, но с большими запросами и гонором. Вместе с собой привёз родственника капитана, окончившего пединститут и после двух лет службы оставшегося в кадрах. Тот капитан был порядочным человеком, скромным, тихим и малозаметным в большом, трудном полку, со слабым, к тому же, командиром.

Новому начальнику Управления с первых дней не понравилась моя самостоятельность, принципиальность, независимость, своё мнение по всем вопросам и настойчивость в его отстаивании.

С первых месяцев работы с этим начальником у нас возникли трения. Очевидно, по информации начальника нашего УВСЧ о наших взаимоотношениях узнал начальник отдела политработы центрального Управления. Он сам знал нашего начальника, требовал от меня «тормозить его на крутых поворотах», но реальной поддержки в процессе работы не оказал.

В августе 1985 года из Москвы приехала комиссия из трёх человек во главе с начальником управления кадров. Я был проинформирован, что приехали они по мою душу. Ребятишки задались целью меня сместить, а вместо меня поставить того капитана, замполита самого трудного полка. А тот, узнавши, что к чему, пришел ко мне и заявил, что он тут ни при чём, и моё место не займёт ни при каких обстоятельствах.

Комиссия приступила к работе. На заслушивании в Управлении я доложил о, в целом, успешном решении всех задач, стоящих перед подчинённым мне политсоставом частей и отряда. Об удовлетворительном состоянии воинской дисциплины и прочем. Выступивший начальник УВСЧ заявил об обратном, и комиссия сделала первый вывод о том, что я не обеспечиваю свой участок работы. Окончательные выводы будут сделаны после проверки, заявил председатель комиссии.

В результате проверки выяснилось, что все требования директив и приказов вышестоящего

командования, наших собственных организующих документов командование и политаппарат димитровградского полка и ВСО выполняют очень даже успешно. Серьёзные замечания (не провалы) в политико-воспитательной работе имели место только в ульяновском полку, где замполитом был капитан, которого начальник УВСЧ тащил к себе в замы. Возник конфуз. Москвичи стали делать ход конём назад. Плюс ко всему, в тот самый день пришел приказ командира 25525, которым нашему Управлению строительства и УВСЧ было присвоено второе классное место по Минсредмашу, а мне за хорошо поставленную политико-воспитательную работу была объявлена генералом Камышаном благодарность.

На заседании комиссии по итогам её работы мне заявили, что, в целом, я успешно тяну свой участок работы. Но надо не останавливаться на достигнутом, больше помогать отстающим, укреплять авторитет начальника УВСЧ. Я тут же и

заявил, что ухожу в запас. Встал и молча ушел из кабинета.

Возможно, начальник отдела политработы центрального Управления решил в той ситуации меня поддержать, но поддержка, если и имела место, была слишком уж запоздалой.

На следующий день 1 сентября я подал рапорт об увольнении в запас по состоянию здоровья. Чувствовал я себя в той ситуации усталым, измотанным, нездоровым.

О моём рапорте узнал мой московский начальник. При моём очередном докладе о положении дел он просил не пылить, бывает, мол, всякое. Забери обратно рапорт и служи. Но я настаивал на своём. Мой начальник Управления, очевидно, как следует получил и искал мира со мной. Но я своей руки больше ему ни разу не подал и потребовал направить меня в госпиталь на обследование по случаю увольнения. Меня собирались направить в госпиталь нашего министерства в г. Протвино, но я, чувствуя, что не уволят, пошел к Виктору

Александровичу Парыгину. В его Управлении был свой госпиталь. Виктор вызвал к себе начальника госпиталя, а тот был однокашником начальника медслужбы Приволжского военного округа. Прямо при нас начальник госпиталя позвонил своему другу, и тот велел дать мне направление в окружной госпиталь: «А заболевание, чтобы уволиться, мы ему нарисуем. Сложно, когда больные просят продлить службу, а это пустяки» - сказал генерал.

Здесь уместно несколько слов сказать о наших взаимоотношениях с Виктором Парыгиным. Окончил он наше училище на год раньше меня. Из старшекурсников нашего училища я знал всего несколько человек – времени для общения у нас, практически, не было. Но Виктора Парыгина узнал и запомнил. А дело-то было так. В марте 1960 года в училище проводились соревнования по лыжам между взводами. Здоровенный Виктор Парыгин был отличным лыжником и возглавлял команду своего взвода. А я степняк южанин лыжником был

посредственным, к тому же в январе месяце получил сильный ушиб позвоночника. Пол месяца провалялся на больничной койке, а ко дню соревнований имел освобождение от физических нагрузок. Меня назначили контролёром на дистанции. Моя точка контроля располагалась на южном взлобке Лысой горы. С моей точки отлично просматривалась значительная часть всей лыжной трассы. Вот со стороны посёлка Северный в широкую долину по восточному её склону спускается стартовавший по жеребьёвке первым наш взвод. На значительном расстоянии от наших бегут лыжники какого-то другого взвода, потом пошли следующие и следующие. Команды пересекли долину, поднялись на гору и ушли на поля сельхозинститута. Минут через двадцать на западном склоне долины показалась первая команда. К моему удивлению это был не наш взвод. Снег на Южном взлобке горы Лысой в марте уже хорошо подтаял. Кругом были проталины, лыжня вилась узкой ледяной дорожкой среди холмиков земли и шлака.

Лыжники спустились в правый рукав долины, пошли в сторону РВ-76 и я им не был виден. Как это мне пришло в голову- не знаю, но я взял свою лыжу и начал ею, как лопатой, набирать шлак и землю и посыпать лыжню. Работой я увлёкся и не заметил, как по западному склону горы ко мне приблизились соперники нашего взвода. За моей спиной раздался грозный рык: «Ах, ты гад!». Я тут же бросил лыжу и дал дёру. Травмированный и больной я бежал так, что меня не настигли здоровые. Когда закончились соревнования и в городок стали возвращаться ребята, я сходил на Лысую за лыжами, там же подобрал свою тетрадку, в которой должен был отмечать номера пробежавших лыжников и карандаш. Вечером после ужина, когда наша рота входила в казарму, я увидел, как от первой роты в нашу сторону направляется Виктор Парыгин. Я почувствовал не доброе, подошел к старшине роты и попросился сделать уборку в его каптёрке. Старшина удивился моей инициативе, но открыл каптёрку и запер меня там на ключ. Буквально через минуту через

дверь я услышал грозный глас Парыгина: «Где ж этот рыжий паразит прячется? Вот зараза!». Долго мне, используя всякие хитрости, пришлось прятаться, пока выпускники не уехали на стажировку, потом мы уехали в отпуск, а когда приехали, третьекурсников в училище уже не было. Их выпустили.

И вот в 1982 году приехал я служить в Ульяновск. Узнаю, что рядом дислоцируется и работает, как и наше, над сооружением «Авиастара» 26 УВСЧ Министерства обороны. А его начальником является ни кто иной, а Виктор Парыгин. Соседи есть соседи, приехавшему положено идти первым и знакомиться. Зашел я к своему коллеге начальнику политотдела полковнику Курносову. Познакомились, рассказали о своих делах, договорились быть добрыми соседями. И тут Курносов звонит своему начальнику и просит зайти к нему в кабинет. Через минуту в кабинете появляется всё тот же гигант, стройный и подтянутый наш Виктор Парыгин. Поздоровались, представились. Завязался неспешный разговор, в ходе которого,

как я заметил, Виктор всё время напряженно что-то пытался вспомнить. В конце - концов он сказал мне: «Что-то, в связи с чем-то твоя фамилия мне очень запомнилась». И тут я набрался храбрости и напомнил, чем я ему запомнился. За столом «совещаний» мы сидели с Виктором напротив. После моих слов, он, перегнувшись через широкий стол, схватил меня своими стальными ручищами, притянул как цыплёнка к себе и зажал в объятиях. «Бить тебя сейчас я не буду. Беги в магазин, рассчитывайся за должок» - сказал он, высвобождая меня из объятий. А я открыл свой портфель, вынул оттуда бутылку коньяка и ответил: «Бежать ни куда не нужно. Я ведь знал, куда и к кому иду». Так и служили мы с Виктором добрыми соседями и товарищами четыре последующих года.

Первого октября 1985 в 6.00 я подскочил словно по тревоге. Но, вспомнив, что я в палате окружного госпиталя успокоился.

Одел халат и вышел во дворик. Рядом к зданию примыкал сквер, а там...! Цвела красавица осень.

Осень в природе, которую я не заметил заваленный работой. Я вернулся в палату, взял карандаш и ...

Осень

Листья на клёнах вмиг пожелтели.
Ярким всполохом рябина зажглась!
Тихая, скучная, без канители,
Осень седая, откуда взялась?

Я не готов, чемодан не укладывал.
Ночью и днём всё о службе радел.
За суетой на виски не заглядывал,
Рвался вперёд, всё как лучше хотел.

И не заметил, как ты присоседилась.
Властно рукой за плечо обняла.
Я примирюсь - никуда тут не денешься.
Вон и дуба слетает листва.

Только не думай седая, не радуйся.
Крылья свои я ещё не сложил.
Что же с того, что со службой
расстанусь, я

Строй не покину, пока буду жив!

01.10. 1985г. Самара

5

После десятидневного обследования мне
выдали заключение «Не годен к службе в
мирное, ограниченно годен в военное
время».

По приезду в Ульяновск, сдал копию заключения ВВК в канцелярию и стал ждать дембеля.

Мой московский начальник позвонил, заявив, что понимает мою обиду, но надо всё забыть и служить дальше. Он предложил мне ехать на равнозначную должность в г. Шевченко. Я отказался.

Через две недели он предложил мне ехать в войска. «Давай мы присвоим тебе полковника здесь, в

Ульяновске, и поедешь туда уже без всякого риска», - сказал он. Я отказался снова, настаивая на увольнении.

В конце декабря мне предложили ещё и в Кирово - Чепецкое Управление. Я отказался снова, заявив, что подобные решения я принимаю один раз. Другого моего решения не будет. Тогда, мой московский начальник предложил мне с первого января 1986 года взять очередной отпуск, отдохнуть, съездить в любой из предложенных городов, посмотреть, выбрать место и продолжить службу. Отпуска я не отказался, а вернувшись в середине февраля, потребовал увольнение.

И тогда моим документам дали ход, а 19 марта был исключен из списков части, хотя по положению с этим заключением ВВК меня должны были уволить в месячный срок не позже ноября месяца 1985 года.

1 апреля я вышел на работу, ещё без статуса гражданина СССР. Шесть интереснейших лет

отработал преподавателем начальной военной подготовки в 20 школе. Но с началом развала в стране и всея и хаоса, к тому же с приходом в школу директорствовать человека, подобного моему последнему начальнику в армии, я из школы ушел.

За время работы в школе опубликовал в местных местных изданиях несколько статей и басню о дури в организации допризывной подготовки школьников. Дурь начиналась с программы, утверждённой главкомом сухопутных войск. От нас военруков генерал армии требовал научить школьников борьбе с самолетами, научить борьбе с танками

противника... Я опубликовал по сему поводу статью «Где взять танк?».

В 1990 году проходил всероссийский съезд учителей. Вначале собрания и конференции учителей

проходили в районах, потом областях и далее в
озе. На районной конференции я выступил с критикой
П в школе и внёс предложение ликвидировать её в том
де, в каком она была или привести её хотя бы к здравому
ыслу. Наша районная конференция моё предложение
обрила и внесла в проект решения Ульяновской
ластной конференции с предложением отменить НВП для

девочек, оставив им только медподготовку. К
отоколу конференции приложили мою статью «Выше
у, твёрже шаг!», в которой я писал, что из них юных и
упких девочек мы должны готовить будущих невест, жен
матерей, а мы, напялив мундир, командуем им «Выше
у, твёрже шаг!».

Не могу утверждать, что пробились именно
моё предложение, но съезд учителей СССР
принял решение ходатайствовать, а
Министерство образования СССР НВП для
девочек в школах отменило.

Как написал я 01.10.1985 года, что строй не
покину пока буду жив, так не покидаю его и по
сей день. Воюю с дураками, бьюсь за здравый
смысл пером и словом. Я по прежнему в

армейском строю, в который встал вместе с моими товарищами в 1958 году в НВТУ. Ниже, в следующей главе я хочу поведать о том, что сотворили нашей Родине военные строители средмашевцы, в том числе и мы выпускники НВТУ 1961 года.

что, где и как мы строили

1

Вдали от железнодорожной магистрали, на берегу быстрой таёжной реки Кан, у самых Саянских гор раскинул первые свои улицы дивный городок. Когда я туда приехал в декабре 1961 года, в нём было только две улицы, которые можно было назвать улицами: Ленина - с одним рядом домов. Второй её стороной была набережная реки Кан, и Комсомольская - тоже с одним рядом домов. Прямо за рекой начиналась тайга, а к шоссе Комсомольской вплотную подступала высокая гора, поросшая густым

лесом, который, видимо, и дал подлинное название городу - Зеленогорск.

База строительной индустрии располагалась сразу за КПП города, где службу несли вооруженные гражданские мужчины и женщины. Строившийся строго засекреченный завод располагался в десятках километров от города вниз по Кану. Его охраняли уже части внутренних войск.

Тот таёжный городок и все его предприятия начинали строить наши доблестные воины - строители. В зимнюю стужу 1956 года рота капитана Ивана Порфирьевича Шадрина была откомандирована из Красноярска 26 и высадилась с поезда на станции Заозёрная. Пешком воинство направилось на место будущей стройки. Большие армейские палатки, продовольствие, инструмент и прочий скарб везли на четырёх подводах, выделенных властями посёлка Заозёрный по предписанию краевого Военного комиссариата.

Дороги к месту будущей стройки не было. 40 километров пути шли от деревни к деревне по занесенным снегом просёлкам, помогая лошадям тащить тяжелые сани. Когда вошли в деревню Орловка, представитель строительного Управления, оно временно располагалось в станционном посёлке Заозёрный, вынул топографическую карту и компас, сориентировался на местности и сказал: «Вон на том пригорке будем рубить лес, и ставить палатки».

К слову сказать, примерно также начинали строить объекты и заводы города Красноярск - 26 (подлинное наименование Железногорск), города Томск-7 (Северск), Челябинск -40 (Озёрск), Арзамас -16 (Саров) и многих, многих других.

Долгие годы всё, что касается создания ядерного оружия, где оно создавалось, кем и как, кто построил в отдалённых местах в рекордно короткие сроки десятки уникальнейших заводов и современных городов, было глубокой тайной. И только в годы

перестройки, когда, наконец, рассекретили чертежи винтовки Мосина, знаменитой нашей трёхлинейки, стали открыто говорить и писать и о нашей ядерной энергетике, а на картах появились неизвестные россиянам города рядом с заводами этой отрасли хозяйства.

В конце шестидесятых мне, студенту исторического факультета Томского государственного университета, заместитель начальника управления «Химстрой» Л. В.Виноградский предложил написать историю строительства «Сибхимкомбината» - этого уникального предприятия атомной энергетики. Мой научный руководитель согласовал с учёным советом университета тему закрытой дипломной работы. Но режимные органы города Северска работу нам над этой темой не разрешили. Воспользовавшись распоряжением начальника Центрального управления войск министерства Среднего машиностроения генерал - майора И.Т.Камышана о написании исторических справок войсковых частей, в 1976 году я собрал некоторые материалы по данной тематике.

Мной была написана историческая справка войсковой части 11102, в которой в то время проходил службу. Не оставлял я без внимания всего, что попадалось об истории наших частей и все последующие годы.

В девяностые годы после отказа от надуманной секретности в городах Средмаша стали публиковаться материалы по истории создания ядерного потенциала СССР. Сегодня в нашем распоряжении имеется обширная, пока ещё разрозненная по отдельным стройкам и необобщённая в масштабах хотя бы отрасли литература. Многие издания страдают качеством написания из-за того, что работали над ними не профессиональные исследователи, а бывшие строители или специалисты построенных предприятий. Из-за имевшей место многие годы строгой секретности в закрытых городах «Средмаша» отсутствовали периодические издания, режимные органы запрещали гражданам бесконтрольно фотографировать. В конце шестидесятых для фотографирования культурно - массовых мероприятий на улицах

Северска я получал у заместителя начальника управления «Химстрой» по режиму тов. Амамбаева С.А. специальное разрешение. Поэтому материалы по истории наших строек сегодня очень трудно собирать и систематизировать.

И, наконец, главное, из-за чего делается попытка кратко изложить основные моменты этой непростой, но очень важной страницы в истории нашего государства, это то, что многими авторами, писавшими истории строительства городов и комбинатов Средмаша, роль военных строителей в их создании явно занижена. Допускаются даже факты фальсификации отдельных этапов, особенно начальных, строительства многих объектов предприятий и городов.

2

Фашистская Германия ещё в 1939 году предпринимала попытки создания атомной

бомбы. Примерно в то же самое время подобные работы велись и в Великобритании. В сентябре 1941 года советская внешняя разведка доложила Сталину о ведущихся в Великобритании исследованиях по созданию атомного оружия. В начале 1942 года молодой учёный Г.Н. Флеров, а несколько позже и академик А.Ф. Иоффе обратились с письмами к Сталину о необходимости развёртывания атомной промышленности в СССР. И только после разгрома немцев под Сталинградом, когда несколько спало напряжение на фронтах, советское руководство принимает решение о ведении работ по созданию атомного оружия. 15 февраля 1943 Государственный комитет обороны принял решение о создании единого научного центра по разработке атомного оружия во главе с Игорем Васильевичем Курчатовым. Но в условиях войны возможности начать полномасштабные работы по созданию атомного оружия Советский Союз не имел. Сначала было принято решение провести геологоразведочные работы по поиску залежей

урановых руд. Учёные же во главе с И.В. Курчатовым занялись теоретическими расчётами, лабораторными экспериментами, разработкой технологии промышленного получения обогащённого урана.

Руководство и координация всех этих работ была возложена на НКВД. Научные центры и лаборатории вели исследования, а Управление лагерей НКВД строило необходимые для этого объекты. По линии Совнаркома атомный проект курировал нарком химической промышленности М.Г. Первухин, а от НКВД – генерал А.П. Звениягин.

Строительство предприятий атомной промышленности СССР началось с сооружения комбината «Маяк» в г. Озёрске Челябинской области. В мае 1944 года генерал А.Н. Комаровский был назначен начальником Главпромстроя НКВД СССР. До этого он руководил сооружением оборонительных укреплений на Сталинградском направлении, а после Сталинградской битвы вместе со своими инженерами, техниками и шестью тысячами

рабочих был направлен на строительство металлургического комбината по производству высокопрочных сталей в г. Челябинск.

Главной задачей Главпромстроя с 1945 года становится сооружение предприятий атомной промышленности. Ещё до создания Главпромстроя генерал Комаровский получил задание подобрать площадку для строительства комбината по производству плутония. Будучи начальником Челябметаллургстроя, он хорошо знал Челябинскую область, и подходящую площадку специальная комиссия под его руководством выбрала именно там.

В 1944 году заканчивалось сооружение металлургического комбината в Челябинске. И коллективу Челябметаллургстроя поручают строительство плутониевого комбината. Условное наименование комбинат носил 817. Из Челябинска на новостройку были направлены сотни инженеров, техников и квалифицированных рабочих.

23 ноября 1945 года геодезисты забили первый колышек и начали съёмку местности, а геологи - исследования горных пород на берегу озера Иткуль в 160 километрах на север от Челябинска. Уже в январе 1946 года на выбранную площадку прибывают 583-й и 584-й батальоны. С марта по май прибыли ещё 586-й, 587-й, 588-й и 585-й батальоны. Это были инженерные, дорожные, сапёрные подразделения сокращавшейся после войны армии. Поступали подразделения в распоряжение руководства МВД, начинавшего стройку. Воины начали рыть для себя землянки, строить дороги, заготавливать лес, строить всё необходимое для начала ведения строительных работ на площадке.

Первые строительные батальоны состояли из солдат призывников последних военных призывов, которые или не попали на фронт, или воевали всего несколько месяцев. Направляли на стройку и солдат, служивших во время войны в тыловых частях, солдат, освобождённых из плена и не отслуживших четыре, положенных в

то время, года. (Годы пребывания в плену в срок службы не засчитывались.) Эти парни уже прошли суровую школу испытаний в годы войны, были опытны, закалены невзгодами, к выполнению поставленных задач относились исключительно добросовестно. Возраст многих из них был далеко за тридцать. В 1945, 1946 и 1947 годах на стройку в Челябинскую область прибывали различные воинские части из Белорусского, Одесского, Уральского и других военных округов страны.

Первыми начальниками строек атомной индустрии были прошедшие дорогами Великой Отечественной войны опытные генералы и старшие офицеры. В войну они строили оборонительные укрепления, дороги, мосты и другие объекты, нужные воевавшей многомиллионной армии. Нашими стройками, кроме уже вышеназванных, руководили генералы: Царевский М.М., Штефан П.Т., Журавлёв М.И., Шевляков И.И., Курганов и другие. Первым начальником Димитровградского управления строительства

был генерал - майор Семён Николаевич Бурдаков. При Управлении строек были политотделы, которые и руководили воинскими частями непосредственно. В 1947 году воинские части строительных управлений объединяются в Управления военно-строительных частей.

Кроме военных строителей на сооружении комбината 817 работали заключённые лагерей, мужчины, мобилизованные в годы войны в трудовые армии, спецпереселенцы, «указники», выпускники различных учебных заведений страны, разного рода специалисты, направленные с других строек.

19 июня 1948 года комплекс объектов завода 817 приступил к работе по выработке плутония для первой советской атомной бомбы. К тому времени руководству страны стало ясно, что для вооружения армии, авиации и флота ядерным оружием подобных комплексов нужно строить много и они должны быть рассредоточены на большие расстояния. На той же площадке Челябинской области уже велось строительство ещё двух комплексов и принимается решение о

строительстве подобных комбинатов в других регионах страны. Сотни инженеров и техников, офицеров и целые воинские коллективы, построившие комбинат 817, были направлены на другие подобные стройки в Свердловскую, Томскую области, в Красноярский край и другие регионы.

Для руководства стройками и развития атомной энергетики страны 25 сентября 1948 года Указом Верховного совета СССР создаётся министерство Среднего машиностроения. В это министерство передаются все строившиеся предприятия, строительные, научно исследовательские учреждения ядерной энергетики. Министерством Обороны прикомандировываются в Минсредмаш и все военно-строительные части, занятые на сооружении предприятий атомной энергетики. Из состава МГБ туда же передаются и управления лагерей.

Александра Васильевна Карелова, в девичестве Сафронова, родилась в селе Архангельском Чердаклинского района, ещё в том, что ныне на дне Волжского водохранилища, Ульяновской области. В 1950 году она окончила Астраханский медицинский институт. После выпускных экзаменов в институте появился сотрудник МГБ, который отобрал нескольких выпускников ребят и девушек, и они были направлены на стройку в г. Томск-7. По прибытии на стройку Саша явилась в политотдел и получила направление на работу врачом лагерного госпиталя. В огромных лагерях отбывали наказание мужчины и женщины вместе. Жили они, естественно, в разных бараках, но контакты между заключёнными лагерей, очевидно, были самые тесные, так как при каждом исправительном учреждении был и дом младенца. Заведующей таким домом ребёнка одно время и была хирург Александра Васильевна. Численность ребятишек в её доме ребёнка доходила до трёх сотен.

Как видим, реорганизация структурных подразделений «Средмаша» проходила не одномоментно. В Томске-7 до 1950 года ещё сохранялся политотдел при управлении строительства.

После смерти Сталина в 1953 году все лагеря политических заключенных ликвидировали, очень много осужденных по уголовным статьям амнистировали. А вместо них с разных концов страны стали прибывать на стройку воинские части, солдаты которых и становились строителями. Самой крупной воинской частью Томска-7 была бригада в/ч 11102. Прибыла она воинскими эшелонами с оружием и боевой техникой с Дальнего востока, где в 1945 году принимала участие в разгроме Квантунской армии Японии. Одно время в бригаде было 32 строительных отряда, каждый из которых насчитывал до тысячи человек.

Участник Великой Отечественной войны, храбрый артиллерист Василий Потапович Карелов, ныне полковник в отставке, прибыл в Томск-7 после расформирования

механизированной дивизии. Штаб дивизии находился в г. Уссурийске. Артиллерийский полк, в котором служил Василий Потапович, дислоцировался в селе Раздольное под Уссурийском. В 1953 году дивизию спешно расформировали. Часть офицеров демобилизовали, а часть направили в распоряжение начальника управления «Химстрой» г. Томск – 7 и на другие подобные стройки. Туда же эшелонами были отправлены и все солдаты дивизии, срок службы у которых ещё не закончился. В Томске-7 Василий Потапович поступил в распоряжение начальника Управления военно-строительных частей (УВСЧ). Начальником Управления войск был полковник МВД. Все военно-строительные части подчинялись Министерству внутренних дел. Командование знало о неприязненном отношении офицеров, прибывающих из боевых частей, к офицерам МВД. А тут получилось так, что офицеры боевых частей попадали под командование «краснопогонников». (Так офицеры МО именовали офицеров войск МВД).

Поэтому зачисляли в состав войск МВД вновь прибывающих офицеров в тайне от них. После того, как вновь прибывшие офицеры немного освоились на новом месте и разобрались в ситуации, они стали протестовать против их зачисления в МВД, отказываться одевать погоны и форму МВД. Ещё более неприязненные отношения были между солдатами войск МВД и солдатами, прибывавшими из частей МО. В начале 1954 года между солдатами, прибывшими из боевых частей МО, и солдатами, проходившими службу в МВД, возникла серьёзная потасовка. Командованию УВСЧ пришлось принять серьёзные меры, чтобы остановить мордобой и разрядить ситуацию. Видимо, случившаяся массовая драка сыграла не последнюю роль в переводе всех военно-строительных частей и офицеров, в первую очередь, в МО. Части МВД с тех пор занялись только охраной города и строившихся объектов.

В Томске-7 наш герой артиллерист и симпатичная врач Сашенька Сафронова, познакомились, сыграли свадьбу и по сей день

живут в мире и согласии. В настоящее время проживают они в г. Ульяновске.

4

В городе Северске с конца 60-х и до начала 80-х мне много пришлось поработать на строительстве градирен 5-го объекта, на реконструкции второго здания Первого объекта, Северной нитки 25-го объекта. Я и сегодня не знаю подлинные наименования этих заводов и поэтому называю их именами условными, хотя во время службы в г. Северске имел доступ к документам, содержащим государственную тайну. Наши города были огорожены колючей проволокой с контрольно-следовой полосой, с вышками и солдатами часовыми на них. Город Томск-7 и его объекты охраняла целая дивизия МВД. Строившихся нами городов не было на географических картах, нам строго запрещалось рассказывать об их существовании посторонним. К нам в гости не могли приехать друзья и родственники. Моей маме пропуск на

постоянное проживание в моей семье я оформлял несколько месяцев. Бедная старушка долго переживала, боясь, как бы не разгласить государственную тайну, за которую с неё взяли подписку. Она не могла взять в толк, что же она не должна ни кому рассказывать, ведь никакой тайны она так и не знала, прожив 16 лет в городе Северске. Первые строители Томска-7, из города могли выехать только по специальному разрешению органов, многим не разрешали привозить семьи. Ни о каких родственниках и гостях речи, естественно, никто и не вёл. А в начале девяностых по первому каналу телевидения я увидел репортаж из города Северск. Бывший первый секретарь горкома комсомола, к тому времени директор первого объекта, Валерий Никитич Мещеряков на всю страну поведал о том, что стоит он на крышке первого за Уралом атомного реактора. «Реактор полностью выработал свой ресурс и вот сейчас он будет навсегда остановлен» - сказал Валерий, подошел к пульту управления и нажал кнопку. То было первое здание завода, а рядом с ним почти

на километр протянулось второе здание, которое мы когда-то спешно вводили в строй после длительной реконструкции.

За годы службы мне много раз приходилось бывать в служебных командировках на многих наших стройках. Когда я побывал на объектах Красноярска – 26, Ангарска, Подмосковья, Новосибирска, был поражен масштабами сделанного нашими частями, моими сокурсниками и однополчанами.

В начале 60-х СССР серьёзно отставал от вероятного противника по сооружению шахтных ракетных комплексов. И нашему министерству было поручено возведение боевых позиций для шахтных ракетных комплексов и всей инфраструктуры для ракетных частей стратегического назначения на Южном Урале в районе станции Карталы. В наших Управлениях войск были сформированы и отправлены на ту стройку военно-строительные отряды. И боевые позиции ракетных комплексов были построены. Ракеты встали на боевое дежурство в срок. Солдаты разъехались по домам, а офицеры

средмашевцы продолжили службу в строительных частях МО. Так в частях министерства обороны оказались Борис Максимов, Слава Цветков, Лёша Асаулюк и многие, многие наши ребята. Все они продолжили учёбу в ВУЗах и академиях, быстро продвигались по службе. Через пустыни Кызылкум и Каракум они протянули газопровод Бухара - Урал. Строили испытательные полигоны на Новой земле и в Семипалатинске, принимали участие в сооружении пусковых комплексов в Плесецке, работали на многих других важнейших стройках МО и народного хозяйства СССР.

На сооружении автозавода в Тольятти многие годы работали военные строители 26 УВСО МО. После завершения стройки в Тольятти это управление отрядов было передислоцировано в г. Ульяновск. Многие годы им командовал мой однокашник, окончивший училище в 1960 году, ныне покойный полковник Виктор Александрович Парыгин, о котором я уже писал выше. Два наши управления войск рядом

дислоцировались и выполняли одну задачу – строили Ульяновский Авиационный комплекс.

Сейчас в бывшем городке 26 УВСО размещается 31-я Десантно-штурмовая бригада, а в нашем городке располагаются подразделения полиции, суд, прокуратура и военный комиссариат Заволжского района города.

С участием военных строителей средмашевцев в Казахстане на безлюдном когда-то полуострове Мангышлак стоит прекрасный город Актау (С начала строительства и до распада СССР - Шевченко) с уникальными промышленными предприятиями. Много лет этой стройке отдал мой однополчанин, ныне проживающий в Заволжском районе Ульяновска, полковник Калинин Алексей Николаевич. После училища, лейтенантом там начинал службу и мой однокашник по училищу Борис Михайлович Платов. Мы в училище были с ним в одном курсантском отделении. Кстати, с Калининным Алексеем Николаевичем они служили в одном полку. Боря лейтенантом, а Алексей Николаевич капитаном командовали ротами. Платов первой

автомобильной, а Алексей Николаевич третьей. Этой стройке мой однокашник отдал двадцать лет службы. Прошел должности: зам командира роты, командир роты, заместителя начальника штаба полка по производству, заместителя командира полка по производству, заместителя начальника УВСЧ по производству. Закончил там службу в звании полковник. На его глазах, с его личным и непосредственным участием были построены: Прикаспийский горно-металлургический комбинат, два завода серной кислоты мощностью по 75 тыс. тонн каждый, завод по производству редкоземельных элементов, обогатительная фабрика, азотно-туковый завод, завод полистирольных материалов и первый в мире реактор на быстрых нейтронах с двумя заводами дистиллированной воды, которую смешивают с солёной водой, добываемой из подземных источников, и подают населению.

В Читинской области в короткие сроки появился г. Краснокаменск с уникальным Горно-обогатительным комбинатом. На берегу Балтики

легли улицы красивого города Ломоносов, и даёт электроэнергию Ленинградская АЭС. В г. Протвино Московской области работает ускоритель заряженных частиц, с помощью которого советские учёные на много лет опередили всех зарубежных в исследованиях ядра атома. Прекрасны и города: Обнинск в Калужской, Дубна в Московской, Озёрск - в Челябинской областях, Железногорск и Зеленогорск в Красноярском крае, и многие другие в областях и республиках необъятной России и бывшего СССР. И на всех этих стройках служили мои друзья и товарищи выпускники 1961года.

Как и в каких условиях строили

1

Когда начинали строить предприятия Зеленогорска, строители уже имели в своём распоряжении мощную строительную технику: бульдозеры и экскаваторы, краны и мощные грузовики. Строительные площадки во многом

представляли собой площадки монтажные. Такие важные конструктивные элементы как колонны, ригели, стеновые панели, плиты перекрытия, вся столярка, вентиляция и прочие конструкции зданий, изготавливались в специализированных цехах предприятий строительной индустрии. И, тем не менее, все мы испытывали колоссальные трудности по сооружению и вводу в строй огромных цехов. Не хватало машин и механизмов, не хватало рабочих рук. А нужно было спешить - вводить и вводить в строй цеха, предприятия. Работы часто велись круглосуточно.

Помню, однажды на совещании начальник стройки генерал Курганов сказал: «Товарищи, мы отстаём. Американцы уже имеют изделие, а мы ещё не закончили строить цех, который будет изготавливать подобное». На строительство того цеха из нашего автомобильного отряда было выделено 30 самосвалов. Велась отсыпка грунта на коммуникационном канале. Шестьдесят солдат водителей работали по 12 часов в сутки. На объект их привозили и увозили автобусом.

Специально оборудованный грузовик привозил обед, завтрак и ужин. Горючим заправлялись самосвалы тоже на объекте. Новые автомобили круглосуточный темп работы не выдерживали, часто ломались. Их цеплял тягач и тащил ремонтировать на автобазу, оттуда тут же пригоняли другой на замену. А солдаты работали, на трудности не жаловались. Все понимали важность строившегося завода, срабатывало чувство ответственности. Работали из последних сил. Однажды один солдат водитель так устал, что больше не мог работать. Он положил голову на баранку руля и сказал мне, старшему на смене: «Всё, товарищ лейтенант, я больше не могу». Я подвинул его на место пассажира, сел за руль сам. Солдат тут же и уснул.

Два бульдозера таскали каменистый грунт в огромные кучи. Меж этих куч, словно туннель в глубоком снегу, была проложена дорога. Экскаваторы кубовыми ковшами черпали из куч грунт и сыпали в кузова медленно двигавшихся самосвалов. Вот мой самосвал полностью

загрузили, я прибавил газу и переключил передачу. Через минуту машину сильно тряхнуло, она рванула вперёд и чуть не врезалась в задний борт впереди идущего грузовика. Я ещё не понял, что произошло, но с ужасом увидел бегущего ко мне начальника стройки генерала Курганова. Генерал что-то кричал, сотрясая воздух своей тяжелой тростью. Как оказалось, спавший водитель моего самосвала сполз с сидения и коленом левой ноги упёрся в рычаг подъёмника кузова. Переключая передачу, я выжал сцепление. Нажатый спящим солдатом рычаг подъёмника переместился вперёд, кузов самосвала поднялся, горная порода высыпалась, перекрыв узкую дорогу. Движение самосвалов и вся работа остановилась. Стоявший на сугробе и наблюдавший за ходом работы генерал увидел остановку и поспешил к месту происшествия. Перепуганный, я открыл дверь кабины, взобрался на сугроб и замер в стойке «смирно». Генерал, не ожидая увидеть за рулём самосвала офицера, в метре от меня остановился. После

короткого гневного взгляда на меня заглянул в кабину. Увидев спящего солдата, сказал:

- Почему не заменили?

- Некем, товарищ генерал - майор. Заменял сам, - ответил я.

Генерал тяжело вздохнул, левой рукой поправил папаху, маленьким, аккуратным сапожком из лосиного меха пнул ком снега и пошел к своей единственной в городе «Волге».

Через несколько лет уже в г. Северске мы тоже штурмовали пуск в эксплуатацию одного цеха. Южная его нитка была сдана в эксплуатацию давно, а Северная до поры была законсервирована. Отношения между СССР и США опять до предела обострились, потребовалось увеличение объёмов продукции строившихся нами объектов. Недостроенный цех срочно расконсервировали и начали спешно достраивать. Все офицеры полков, работавших на том объекте, и все мы офицеры штаба Управления войск ежедневно пребывали на той площадке. Работы велись круглосуточно, без

выходных, с продлённым рабочим днём. За нами офицерами были закреплены конкретные участки работ. Мы контролировали поставку раствора, бетона, кирпича, пиломатериала и других стройматериалов, помогали ИТР в организации труда наших воинов.

Однажды мне надо было пройти на незнакомый участок, подменить офицера, который убыл в командировку. Я не единожды просматривал чертежи того здания и поэтому не взял, как полагалось по инструкции, сопровождающего. Был уверен, что сам найду нужный участок. Когда спустился на минус шестнадцать, там никого не оказалось. По узкому бетонному коридору я прошел в одну, потом в другую сторону, обошел несколько боковых коридоров и решил выбираться обратно. Стал искать лестничный пролёт, по которому спустился, но его нигде не было. Меня охватил страх, я шел и шел по бесконечному коридору в надежде куда-нибудь выйти. Несколько раз останавливался, затаив дыхание, прислушивался в надежде услышать голоса

людей или шум работавших механизмов. Но тщетно. Стояла жуткая тишина, хотя на объекте работало два полка солдат и несколько сотен гражданских специалистов. Коридор, освещаемый тусклыми фонарями в защитных колпаках, то расширялся, то сужался. Наконец стали появляться проёмы, замурованные толстыми, как в бомбоубежищах да в хранилищах банков, толстыми бронированными дверями. Стали появляться предупредительные знаки об опасности пребывания людей без защитных средств. Я уже решил поворачивать в обратную сторону, когда увидел в боковом проёме уходящую вверх металлическую лестницу и услышал где-то наверху голоса людей. Я вихрем понёсся вверх по гулким ступеням. Пробежал один этаж, второй и увидел небольшой зал и работавших в нём мужчин. Они укладывали на пол глазурованную керамическую плитку.

- А как вы здесь оказались? - почти в один голос спросили меня удивлённые мужчины.

- Я шел на ось ... минус..., но не нашел, заблудился и вот иду обратно.

- Мы не знаем где это. Можем вывести вас в цех ..., если у вас есть пропуск.

- Я входил там, где пропуск не требуется. Вы проводите меня до часового, а там я свяжусь с начальником участка, и меня выведут.

Высокий, пожилой мужчина отложил в сторону киянку, которой простукивал, выравнивая свежеложенную плитку, открыл боковую дверь и, пригласив меня следовать за ним, стал подниматься вверх по широкому лестничному маршу. Миновав пять или шесть этажей, мы оказались перед проходной, перегородившей отделанный в светлые тона, ярко освещённый коридор. Рослый солдат подскочил со стула, приветствуя меня, выслушал моего проводника и стал звонить по телефону, вызывая на пост начальника караула. На моё счастье пришел знакомый мне старший лейтенант, который, посмеявшись, вывел меня на центральную проходную завода и, пожелав

больше не блудить, отпустил на все четыре стороны.

Очень часто я вспоминаю то моё путешествие. Сослуживцы, подчинённый мне прапорщик Саша Лобанов много рассказывали, как в конце сороковых - начале пятидесятых строился тот и другие, подобные ему объекты Сибирского химического комбината. По настоящему представить себе объёмы и сложность работ по строительству того комбината я смог только после моего случайного путешествия по одному из его заводов.

2

Начинали строить Сибирский химический комбинат в конце сороковых. Работали на стройке военные строители и заключённые. Сначала солдат строителей на стройке под г. Томском было мало. Занимались они строительством жилья для ИТР и специалистов комбината, несли караульную службу, работали на предприятиях, обслуживавших стройку.

Основные строительные работы вели заключённые. В городе было несколько лагерей заключённых по политическим и уголовным статьям. Огромные котлованы рыли вручную. Грунт, да и все строительные материалы, перевозили, в основном, гужевым транспортом. В составе управления Химстрой было два полка, которые занимались перевозками грузов на лошадях. На стройке в первые годы, практически, не было ни экскаваторов, ни подъёмных кранов. Даже на строительстве первого промышленного реактора на комбинате 817 работало всего четыре экскаватора устаревшей конструкции. Мёрзлый и скальный грунт дробили кирками, ломами, взрывом. Тяжелые грузы поднимали ручными, кое-где электрическими лебёдками, или полуручными кранами. На вращающейся вручную платформе крепилась стрела с блоком на конце. В центре платформы стояла ручная, иногда электрическая лебёдка, которой тросом поднимали грузы. При помощи таких механизмов вынимали из огромных котлованов грунт, опускали туда

строительные материалы. Стены и перекрытия зданий возводились из кирпича и монолитного бетона.

За годы войны наши строители научились строить сложнейшие объекты в рекордно короткие сроки и качественно. Очень большим тормозом строительства до шестидесятых годов было отставание в проектировании зданий и сооружений. Многие объекты часто начинали строить без проекта и каких-либо чертежей. Например, постановление Совета Министров СССР о строительстве первого плутониевого завода в стране было принято 1 декабря 1945 года. К лету 1946 в районе озера Кызылташ Челябинской области уже было сосредоточено около 15 тысяч рабочих и специалистов, готовых приступить к строительству. А окончательное решение по вертикальной схеме размещения будущего реактора было принято учёными лишь 8 июля 1946 года. Только после этого проектировщики смогли приступить к разработке проекта. Но строительное управление 859 приступило к ведению

подготовительных работ. На стройку для работ в скальном грунте доставили всего два компрессора.

Только к началу октября 1946 года была получена разрозненная проектная документация на ряд зданий. На здание атомного реактора был получен проект на рытьё котлована глубиной в 10 метров. В середине октября пришли новые чертежи на котлован под тот же реактор. Теперь глубина котлована должна быть 24 метра. А в середине декабря поступают чертежи котлована уже глубиной в 43 метра. Но котлован должен быть сдан под бетонирование к концу 1946 года! В сроки, естественно, строители не уложились. Начали бетонирование котлована только в начале мая 1947 года. Точно также без технической документации 15 января 1947 года на той же площадке начали готовить котлован под радиохимический завод.

И избавиться от этого было невозможно. Ведь только-только создавалась совершенно новая отрасль. Учёные физики и химики непрерывно вели исследования, делали одно открытие за

другим, а проектировщики вносили и вносили изменения в технологию получения высокообогащённого урана. Бывало, мы в спешном порядке готовим объект к сдаче в эксплуатацию, ждём приёмочную комиссию из Москвы. Но поступает приказ отделочные работы остановить, стены и кровлю здания осей... разобрать, приступить к долбёжке монолитных коммуникаций нулевого цикла – пришли новые чертежи.

В городе Тольятти проживает Вадим Васильевич Фадеев. В начале шестидесятых он руководил группой высококлассных специалистов комбината в г. Красноярск – 45 (Зеленогорск). Группа Вадима Фадеева принимала от монтажников оборудование строившихся цехов, запускала его и передавала эксплуатационникам.

Однажды Вадим, изучая проектную документацию строившегося огромного цеха, который ему предстояло принимать, нашел массу недостатков в схеме энергообеспечения. Возвращаясь с работы, он зашел ко мне и

предложил вместе помозговать над упрощением системы энергообеспечения здания. Я ни чего не понимал в энергетике, и моя роль сводилась к консультированию новатора по части изменений строительных чертежей. На листе ватмана по памяти Вадим набросал схему здания, отметил места расположения трансформаторов, силовых шкафов, машин и механизмов, как было в проекте. Потом взял другой лист ватмана и стал чертить свою, более простую и надёжную схему их размещения. На следующий день Вадим принёс с работы тетрадку с таблицами каких-то цифр. Я попросил у строителей и принёс арифмометр. Несколько вечеров допоздна мы с ним сидели в «тёщиной» комнате трёхкомнатной квартиры, его домашнем кабинете, и считали, считали. Вадим называл мне числа, а я на логарифмической линейке или на арифмометре их складывал, делил, умножал. Когда мы закончили расчёты, Вадим дал строителям новую схему энергоснабжения здания. Строители до того привыкли к постоянным изменениям чертежей, что без

проблем и положенных формальностей выполнили все работы по его схеме. Когда началась работа госкомиссии по приёмке строительной части здания, отклонение от проекта было обнаружено. Вадим от работы был немедленно отстранён. Из Москвы срочно приехала группа проектировщиков энергетики цеха, и началось расследование. С Вадимом беседовали работники прокуратуры и сотрудники Комитета госбезопасности, он писал бесконечные объяснительные по поводу самоуправства, готовился к самому худшему. Все специалисты завода, некоторые члены приёмочной комиссии признавали правильность внесенных изменений, огромную экономию средств, материальных ресурсов, трудозатрат и большую надёжность смонтированной энергосистемы в сравнении с тем, как было запроектировано. Только под давлением того, что цех надо было срочно вводить в эксплуатацию и докладывать в ЦК КПСС о вводе в строй объекта, проектировщики энергетики признали правильность Вадькиной

рационализации и утвердили новую схему энергоснабжения цеха.

Правительственную награду Вадиму москвичи не пропустили, но директор комбината выписал ему денежную премию в 1500 рублей. Чертежи энергообеспечения следующего цеха пришли уже с наличием и учётом Вадькиных идей. На премию он купил дорогущую по тем временам шубу жене, кое-что из мебели, отремонтировал квартиру. По ходу ремонта квартиры его жена Людмила, работавшая в возглавляемом мною комитете комсомола полка завсектором учёта, настояла на ликвидации в спальне кладовой – нашего с Вадимом кабинета. Сколько бессонных ночей мы там провели! Сколько разного рода тем и фантастических проектов обсудили два друга-романтика!

На те премиальные мы с Вадимом и Людмилой ещё, как следует, и гульнули.

На строительстве комплекса зданий «Б» в городе Озёрске в начале декабря 1948 года приёмочная комиссия проверила все

сооружения комплекса. Приёмщики не обнаружили ни единой недоделки и готовы были подписать акт приёмки. Но тут поднялся начальник охраны объекта и спросил: «Предусмотрена ли проектом охрана предприятия?» Члены комиссии были шокированы. Проектом не было предусмотрено, а следовательно, и не было построено здание проходной, караульные и другие необходимые помещения. В спешке забыли. Комиссия отказалась подписывать акт приёмки объекта. Но утром следующего дня начальник строительства генерал М.М. Царевский собрал членов комиссии, посадил их в автобус и повёз на сдаточный объект. Автобус остановился перед ярко окрашенными воротами и зданием проходной... Акт приёмки объекта тут же и был подписан.

Наш след на ульяновской земле

В условиях гонки ядерных вооружений СССР приходилось постоянно совершенствовать ядерный потенциал страны. Для этого надо было опережающими темпами вести научные исследования. К тому времени в СССР уже работали десятки научных центров и лабораторий, исследовавших ядерные и термоядерные процессы. Но вместе с тем надо было на строго научной основе разрабатывать и совершенствовать машины и оборудование предприятий, прежде всего атомный реактор. В середине пятидесятых и было принято решение построить научно исследовательский институт атомных реакторов. Местом строительства был определён город Димитровград, в то время - Мелекесс.

Вначале проектная документация и привязка зданий и сооружений института проектировалась на южной окраине города. В мае 1955 года железнодорожным эшелоном из города Электросталь Московской области прибыла автомобильная рота военных строителей под командованием капитана

Заболотного. В городе Мелекесе, там, где сегодня расположен обелиск Славы, воины поставили палатки, начали строить для себя временное жильё барачного типа, предприятия строительной индустрии. К концу года уже был сформирован полк, которым командовал полковник Г.П. Воронин. Полк организационно входил в состав предприятия п/я 83, которое создавалось для строительства НИИ.

Но на южной окраине Мелекесса геологи строить объекты института не разрешили. Подготовительные работы были приостановлены, подбиралась новая площадка. А воинская часть была расформирована.

К концу пятидесятых была подобрана подходящая площадка там, где ныне работает НИИАР, началось строительство. Проживающий ныне в городе Дмитровграде участник ВОВ полковник в отставке Георгий Гаврилович Смолин служил в г. Арзамас – 16 (Саров). В декабре месяце 1959 года он во главе группы офицеров был командирован в город Тбилиси за пополнением. Привёз он новобранцев уже в

город Мелекесс. Началось формирование воинской части. Григорий Гаврилович сначала был заместителем командира этой части по политической части, через полгода стал её командиром.

Тихий провинциальный городок Мелекесс имел в то время только деревянные тротуары, дороги кое-где были вымощены булыжником. К 1966 году основные объекты НИИАРа с участием военных строителей были построены. Всего было введено в строй действующих 16 объектов, в том числе такие важные объекты как: 106 – здание, радиохимическая лаборатория (здание 120), материаловедческая лаборатория (здание 118), реакторная установка «Арбус», здание 101, ТЭЦ, РМЗ, и другие. Возникли и первые улицы соцгородка, так в то время называли новые микрорайоны в городах. Объёмы строительно-монтажных работ у ДУС резко сократились и воинскую часть снова расформировали. Но в середине 60 – х началось строительство автогиганта в г. Тольятти, а в городе Димитровграде развернулось строительство

Автоагрегатного завода. И снова потребовались военные строители. В 1968 году опять формируется воинская часть.

Большие работы в то время велись в самом центре города Ульяновска. На живописном, высоком волжском берегу, откуда наш знаменитый земляк в юности любовался красавицей Волгой, сооружался его имени Мемориальный центр, строилась детская библиотека, областной Дворец пионеров и многие другие объекты. Стройка развернулась большая, сил ульяновских строителей, чтобы всё качественно к апрелю 1970-го года построить, не хватало. Распоряжением правительства СССР Димитровградскому управлению строительства было приказано принять участие в сооружении комплекса объектов на Венце. Естественно, что в первую очередь руководство стройки использовало самую мобильную рабочую силу – военных строителей. Все поставленные задачи и здесь были выполнены успешно.

А когда в левобережье Ульяновска в 1976 году началось сооружение гиганта российского

авиастроения, про Димитровградское Управление строительства вспомнили снова. И на улице Мелекесской в Заволжском районе г. Ульяновска высадились первые подразделения военных строителей, направленных из г. Димитровграда. Начали воины возводить для себя жильё, предприятия строительной индустрии, чтобы обеспечивать три строительномонтажных управления, (позже объединённых в трест), товарным бетоном, раствором, землеройной и грузоподъёмной техникой, транспортом и прочим. С 1978 года началось формирование Управления войск - в/ч 05317, строиться типовой военный городок, в котором было возведено три пятиэтажные казармы, столовая и клуб на 750 посадочных мест, банно-прачечный комплекс, санитарная часть, трёхэтажное здание штаба полка и такое же здание штаба Управления войск. Сейчас в нашем военном городке дислоцируется Заволжское управление внутренних дел, Заволжская прокуратура и суд. В бывшем здании штаба

Управления войск работает Военный комиссариат Заволжского района.

На Авиакомплексе подразделения треста ДУС возвели: огромный, технически сложный корпус 3/1, лабораторный корпус, корпус по изготовлению элементов крыла, здания складских помещений и другие объекты. Всего на Авиакомплексе Димитровградское управление строительства, большинство рабочих которого на этой площадке составляли военные строители, построило 990 тысяч квадратных метров производственных площадей.

26 апреля 1986 года рванул реактор в городе Чернобыль. В числе первых ликвидаторов были офицеры, прапорщики и солдаты ульяновского и димитровградского полков. В Ульяновске на базе нашего полка был сформирован учебный центр по подготовке специалистов, направлявшихся на ликвидацию последствий той страшной аварии, на сооружение саркофага для аварийного реактора.

Через несколько дней после своего семидесятилетия в моей взбудораженной голове родились несколько строчек, которыми я и хочу поделиться с моими читателями и закончить повесть о моём детстве, беспокойной юности, трудной интересной службе, которой отданы лучшие годы жизни:

*

Завалило сегодня снегами.

Не проехать с утра, не пройти.

А меня закидало годами -

В мою юность уже не войти.

Она, кажется, здесь, где-то рядом.

Оглянись, разверни сь и беги....

Но, мираж остаётся обманом.

Не вернуться туда хоть кричи.

Уж и мама моя на погосте,

А друзей! Их крестов там не счесть.
Да и я здесь, практически, гостем.
Мало дней у меня уже есть.

О дороге своей не жалею,
И иная судьба не по мне.
До конца проскакать бы жокеем
На буланом колхозном коне.

Дек. 2009 г.

Первый солдат

Повесть

Глава1

1

В самом начале шестидесятых, по окончании военного училища лейтенант Панов получил и отгулял на родине положенный отпуск, прибыл

с направлением в дальний сибирский гарнизон продолжать службу. Начальник отдела кадров Управления вручил направление в офицерское общежитие и велел по утрам прибыть и представиться командиру части.

Утром следующего дня одетый в парадную форму Анатолий с трудом отыскал штаб своего восьмого полка. Как оказалось, восьмой полк, в который получил назначение лейтенант Панов, только формировался и его штаб временно размещался в здании проходной второго полка.

По прибытии в просторное помещение штаба, лейтенант остановился у порога и стал осматривать комнату, определяя, кто командир части из нескольких сидевших за столами офицеров. Молодая женщина кивком головы указала новичку на сидевшего за столом у окна подполковника. Лейтенант строевым подошел к командиру и отрапортовал о прибытии, для прохождения дальнейшей службы. Подполковник прервал беседу с седовласым майором, снизу доверху осмотрел лейтенанта и пригласил сесть на табурет напротив. Не читая поданный

лейтенантом листок направления, он представился, назвав себя Польшгаловым. Это, он кивнул на седовласого майора, наш начальник штаба. Как видишь, наша часть только формируется. Левый ряд казарм от центральной дороги – наши роты. Но твоя рота дислоцируется не здесь. Вон видишь, он указал в замёрзшее маленькое окошко, пошли столбы электролинии? Это к тебе. Там есть тропинка, так и придёшь в свою роту. Рота уже сформирована. Командир одной из рот нашего полка ею пока командует. Сейчас подойди вон к той женщине, сдай ей вещевой и денежные аттестаты, она выпишет тебе полушубок, валенки и ватные брюки. Переодевайся и ступай принимать подразделение. Предварительно позвони туда капитану Гордиевичу. Приказ о назначении сегодня будет. При этих словах подполковник пожал Анатолию руку и продолжил разговор с начальником штаба.

2

Когда Анатолий получал у маленькой уже не молодой женщины накладную на зимние вещи,

та расспросила его, откуда он родом, сам ли приехал или с женой, понравился ли ему их городишко, и напутствовала не горевать, всё устроится и образуется. Нынешние трудности ничто в сравнении с теми, какие у нас бывали на фронте, подвела итог разговору женщина. Кладовщица Надя доложила, что Вера Сергеевна из службы тыла, жена командира, была с ним на войне.

Получив дополнительное зимнее обмундирование, лейтенант позвонил в роту. Капитан Гордиевич скорому возвращению в полк обрадовался. Анатолий сказал ему, что сейчас он пойдёт, переоденется и прибудет в роту. Капитан какое-то мгновение помолчал и сказал:

- Вот что, дорогой, у нас уже с неделю в самоволке один солдат по фамилии Балабко. Гуляет он в посёлке на станции, куда ты приехал поездом. Нам приказали найти его. Ты сейчас иди в общагу, устраивайся, отдохни, а завтра утречком первым автобусом поезжай в посёлок и поищи его.

- Так я ж его не знаю, ни разу не видел, как же я буду его искать? – возразил Анатолий.

- Мы его там всё равно не найдём. Походишь, поспрашиваешь, доложим, что искали, но не нашли. И всё. К вечеру возвращайся. Переночуешь и приходи в роту. Сюда по дороге не иди, иди по столбам.

- Ладно, - ответил Анатолий и стал прощаться, но капитан добавил:

- Да смотри там ни кому не взболтни, что едешь искать. Понял?

- Понял, - ответил лейтенант и повесил трубку.

А на следующее утро в старом, продуваемом ледяным ветром автобусе, Анатолий приехал в станционный посёлок. Полученным заданием в общезнании он всё-таки поделился с лейтенантом, прошлогодним выпускником одного с ним училища. Тот поведал Анатолию, что в станционном посёлке есть Слюдяная фабрика. Там работает около пяти тысяч расконвоированных осужденных женщин. Вот солдатики туда и бегают. Выходи из автобуса у

фабричного городка. Найдёшь пожарку, а там постоянно бывает патруль из нашего гарнизона. Что-то подскажут пожарники, чем - то помогут патрули. Там и погреешься, и перекусишь. Возьми с собой хлеба, свари пару яиц, в магазине бывает колбаса. Там в посёлке насчёт пожрать туго.

3

Ещё в автобусе попутчики рассказали Анатолию, как найти пожарку, потому с остановки он уверенно двинулся в нужном направлении. Дежурная пожарной части полногрудая сержант поведала Анатолию, что патрули на объезде. Анатолий посидел минут десять на старом засаленном диване и вышел на улицу.

Из-за дальнего леса показалось красное, какое-то медленное солнце. В высокое небо от посёлка вытянулись бодрые белесые столбы дыма из печных труб. Не высокая пузатая фабричная труба дымила чернотой. Её огромный столб, казалось, надёжно подпирает морозную синеву неба. Улица состояла из длинных двухэтажных деревянных зданий, с одинаково огороженными штакетником

палисадниками. В метре от палисадников по обеим сторонам улицы тянулись тротуары из толстых отполированных пешеходами досок. Окна зданий завешены почти одинаковыми занавесками. Это, наверняка, общежития тех женщин, о которых вчера рассказывал Мишка, подумал Анатолий.

Куда идти и где искать солдата, Анатолий абсолютно не знал, да и не задумывался ни над каким планом поиска. Молодой лейтенант был абсолютно беззаботен, он жадно впитывал всё новое, что в эти дни предстало его взору. В эти дни и часы происходил тот самый его переход из курсанта в офицера. Сам момент перехода не имел ни какого осязаемого рубежа, был незаметен сознанию юноши. Он попал в новую, незнакомую среду. Все окружающие восприняли его как офицера и всё! Вот и весь переход, к которому его готовили, наставляя, в стенах училища командиры и преподаватели. Этого момента он подсознательно с каким-то волнением ждал все последние месяцы. Но вот приехал, и с первых минут пребывания в части

суета жизни буднично подхватила и понесла его по своим устоявшимся дорогам, правилам и порядкам.

Постояв несколько минут у пожарки, Анатолий решил побродить по посёлку. Звонко постукивая каблуками яловых сапог о промёрзшие доски тротуара, он двинулся улицей в сторону фабрики. Пройдя квартал, остановился на перекрёстке, осматривая улицу, пересекавшую ту, по которой он шел. На ней не было тротуаров, нечищенная дорога представляла собой две наезженные колеи, вдоль кривой линии добротных заборов петляли тропинки. Взгляд Анатолия задержался на крепких, просторных домах с крашеными ставнями и крытыми крепкими воротами.

4

-Здравия желаю, товарищ лейтенант! – неожиданно услышал он приветствие из-за спины.

Обернувшись, молодой офицер увидел перед собой высокого и стройного старшину

сверхсрочника. Не успел Анатолий ответить на приветствие, как старшина выпалил:

- Не к нам ли, товарищ лейтенант? Мы с нашим капитаном уже который год вдвоём. Всё обещают, но так и не дают офицеров. Вижу вы с училища?

- Да. Прибыл. Но не к вам. Тут вот послали меня искать солдата. Вот и хожу. Куда-то уехали патрули...

-А как фамилия солдата?

-Анатолий вынул из кармана шинели бумажку с записанной фамилией и прочёл старшине.

-О! Этого вы не найдёте. Идёмте со мной. Побудете у нас, а я порасспрошу своих солдатиков, может, что и подскажут. Этого солдата уже не первый раз ищут. Он часто тут бывает. У нас тут рота от управления. Строим перевалочный склад на подъездных путях, охраняем прибывающие грузы, ну и разгружаем вагоны.

Не ответив на приглашение старшины, Анатолий пошагал с ним в улочку, убегавшую влево от фабрики.

Когда дежурный по роте отрапортовал прибывшим, а рапортовал он, не зная кому следует и как, старшина приказал передать повару, чтобы приготовил чайку.

-Идёмте в канцелярию, разденемся и пройдем в столовую. Погреемся, да вы ж наверно ещё и не завтракали. Кто ж вам в общежитии приготовит. Только ж приехали. Идёмте.

В чистеньком помещении столовой молодой офицер и бывалый старшина уселись за длинный стол и приступили к трапезе.

Всё время завтрака, а потом и в канцелярии старшина без умолку расспрашивал Анатолия об учёбе в училище, о родине, о родителях. Анатолий доверчиво, но кратко отвечал на вопросы хозяина и видел, что старшина, слушая его, о чём-то сосредоточенно размышляет.

-Значит так, товарищ лейтенант, - неожиданно прервал старшина их вялую беседу, - есть один

вариант. Можно попробовать найти вашего Балабку. Только, - старшина помолчал, пристально глядя в глаза Анатолию, - только если вы согласитесь.... Ну, тут надо, значит, немножко схитрить. Не знаю, как вы на это посмотрите...

- Давайте, говорите. Что нужно, то и сделаем, - прервал Анатолий стеснительность старшины.

5

Минут через двадцать из казармы с маленьким чемоданчиком вышел молоденький, солдат. Он вышел на главную улицу посёлка, прошел мимо остановки автобуса, свернул в проулок направо и направился на не далёкую окраину поселка.

За крайними домами улицы тропинка свернула влево к одиноко стоявшему в стороне барачу. Убогий барак поразил Анатолия ободранными низкими стенами, ветхостью провалившейся крыши и стоявшими прямо на земле перекошенными окнами. Снег вокруг барака чернел кучами всякого хлама, не чищенными дорожками и срамотою следов от выливаемых на сугробы помоев. Увиденное даже остановило

Анатолия, но, вспомнив наставления старшины, продолжил играть роль молодого и наивного солдата. Входная дверь в барак располагалась с боку в приткнувшемся подобии тамбура и была приоткрыта. Анатолий открыл её, прошел через тёмный тамбур, открыл входную, уже обитую каким-то тряпьем дверь. Пахнуло гнилью и сортиром. В правом крыле тускло светила одинокая лампочка, дощатые полы коридора напомнили уличный тротуар посёлка. Анатолий спустился по ступеням в коридор, пересёк его и постучал в низкую, но широкую дверь напротив. Дверь распахнулась быстро. Держа за ручку дверь и опираясь плечом на косяк, перед Анатолием предстала уже не молодая, полная, с уродливым шрамом на лице женщина. Одета она была в не первой свежести халат. На босых, полных ногах женщины были с обрезанными голенищами валенки. Она с удивлением уставилась на Анатолия и молчала. Весь её вид говорил: а тебе чё здесь надо, салажонок? Анатолий, перевалившись с ноги на ногу, робко, не своим голосом пробормотал:

-Я по-семейному еду в отпуск. Мне на станцию, на поезд. А старики приказали передать вам, что ищут Балабку. Сказали, пусть по шустрому вертается. Ну и... и всё. Я пошел.

Не проронивши ни слова, женщина провела рукой по своим жиденьким, не чёсаным волосам и хлопнула дверью. Анатолий, запнувшись на неровной ступени, вытолкнул входную дверь и вывалился в тамбур.

Не оборачиваясь, он спешно пошагал сначала по тропке вдоль заснеженных, огороженных жердями огородов в направлении вокзала, потом свернул в узкий переулок. По нему пересёк центральную улицу, следующей улицей прошел два квартала назад и свернул в узкую улочку к казарме.

6

В каптёрке он переоделся в своё обмундирование и собрался, было, отправляться в часть, но старшина остановил его:

-Вы что? Сейчас вам на улицу нельзя. Я из казармы ни кого из солдат не выпускаю, а вы

хотите сами раскрыть нашу задумку? Идёмте в канцелярию, будем наблюдать. Проходя мимо дневального, старшина отключил и прихватил с тумбочки телефонный аппарат и направился в другое крыло казармы. Вошедшему за ним лейтенанту он показал в окно улицу и сказал, что если его план сработал, то сейчас Зойка пойдёт в двухэтажки. Эту улицу она будет пересекать. Старшина и лейтенант уселись на табуретки у окна и повели не спешный разговор о том – о сём.

По улице, за которой вели наблюдение наши вояки, неспешно прошли две старухи в сопровождении рыжего дворняги, потом проехал мужик на санях, прошли ребяташки с портфелями. Анатолий на какое-то время отвлёкся от окна и в это самое время старшина радостно вскрикнул:

-Смотрите! Пошла! Пошла! Вот так то. Теперь надо дождаться, когда она пройдёт обратно, и вам можно будет уходить.

Женщина в телогрейке и зелёном платке не спеша пересекла улочку. Минут через сорок Зойка проследовала обратно, и Анатолий стал одеваться. Старшина пошел проводить лейтенанта. Мимо фабрики вышли на дорогу, старшина остановил попутный грузовик, попросил водителя довезти лейтенанта в часть. Анатолий поблагодарил старшину за гостеприимство и помощь, а тот, задержавши его руку, сказал: «Всё-таки, попроситесь к нам, а? У нас тут спокойно, рядом вокзал, нет начальства...». Анатолий ещё раз буркнул спасибо и грузовик тронулся.

Когда лейтенант Панов добрался до своего деревянного, двухэтажного общежития и через проходную комнату прошел в свою, ему не захотелось оставаться там ещё на одну ночь. Он быстро переоделся и вышел на улицу. Зашел напротив высокого кирпичного дома в столовую, пообедал, потом высмотрел на окраине городка убегавшую в лес электролинию и зашагал в её направлении.

Глава 2

1

День уже клонился к закату, лес показался молодому офицеру каким-то торжественным и притихшим. Чистый снег просеки ЛЭП лежал ровно, с двух сторон просеку надёжно ограждали высокие тёмные ели и с коричневыми боками, важные сосны. Верхушки деревьев, слегка припорошенные снегом, были веселы и нарядны. Нижняя часть леса пугающе чернела, была не привлекательна. Везде на рыхлом снегу были видны заячьи следы.

Темнело, когда одолевши пять километров, Анатолий оказался на большой поляне. Электролиния сразу раздвоилась, а тропинка, добежав до расчищенной бульдозером широкой площадки, окончилась. С лева под высокой, покрытой лесом горой, стояло одноэтажное кирпичное здание, на крыше которого дымили четыре железные трубы. Справа у самого леса, из высокого сугроба, словно колпаки, горбились два круглой формы строения. Торчавшие из их

крыш трубы тоже дымили. Расчищенная в центре поляны площадка была завалена досками, брёвнами, кирпичом, рубероидом и прочими строительными материалами. В сторонке в ряд стояли два бульдозера и самосвал. Три солдата, одетые в поношенные бушлаты и здоровенные валенки, складывали в штабель доски. Анатолий, выйдя на площадку, спросил у них, где найти командира роты. Высокий худощавый солдат, указывая на кирпичное здание, протянул: «А вон тама».

У здания, к которому подошел лейтенант Панов, было несколько дверей: одна дверь явно вела на кухню, на второй висел замок, а вот у третьей была большая расчищенная от снега площадка, и она имела явные следы пользования ею большого количества людей. В неё и вошел лейтенант.

Сначала Анатолий попал в просторное помещение, заставленное солдатскими обеденными столами. Из него, через боковую дверь он попал в другое большое помещение, тесно заставленное двухъярусными солдатскими

кроватями. В центре помещения жарко пылала железная печь, обставленная щитами из реек для просушки одежды и табуретками вокруг. Справа у окна, на кроватях первого яруса сидело несколько человек, игравших в карты. Среди них выделялась массивная фигура в чёрном полушубке, перепоясанная ремнём и портупеей, с пролысиной на самой макушке головы.

Анатолий подошел к игравшим и, не замечаемый игроками и болельщиками, робко произнёс:

-Здравия желаю!

-А-А! – вскрикнул, подскакивая, капитан. Прибыл, братцы, ваш команди-ир! Проходи, проходи дорогой. Мы вот тут маленько бездельничаем. Закинули нас сюда, а материалов не дают. То одного нет, то другого. Ладно, пошли в канцелярию. Старшина, - обратился он к худощавому сержанту, - скоро будет готов ужин, распорядись, чтобы нам принесли, - сказал капитан и открыл дверь выгороженной досками коморки. У окна

комнатки стоял дощатый стол на ножках буквой «Х», дощатая лавка вдоль стены, да две табуретки

2

- Ну, давай лейтенант знакомиться. Меня зовут Алексей, фамилия Гордиевич. Твои данные у меня записаны. Я оканчивал пехотное училище, на стройку попал по сокращению войск 59-года. В роте четыре взвода. Командиров взводов пока только два. Взвод взрывников, два взвода строителей и четвёртый взвод занят охраной склада взрывчатых веществ. Один взвод проживает здесь, два в палатках, а караул в отдельном помещении. Он тут рядом, за пригорком. Караул постоянный, охрану несём круглосуточно. Там и комната для проживания командира. На площадке есть прораб, он отвечает за строительные работы, а ты – командуешь личным составом и складом. Ну, вот и всё. Вот тебе тетрадка, тут списки всех солдат по отделениям и взводам. Кстати, Балабко пришел в роту сам. Я завтра в полку о нём доложу.

- Дежурный! – крикнул капитан.

За стеной послышалось:

- Я! Товарищ капитан!

- Перед ужином построишь роту и доложишь.

- Понял!

Услышав ответ, капитан продолжил ознакомительный рассказ о роте. Рассказал о строящемся заводе, о кухне и условиях приготовления пищи, о доставке продуктов, почты и о прочих житейских устройствах роты. Вскоре в коморку вошли два солдата с мисками и кружками, накрытыми ломтями хлеба. Офицеры приступили к ужину, а дежурный по роте уже командовал солдатам выходить строиться.

Площадку у здания тускло освещали только окна здания. Солдаты в строю стояли явно не так, как требовал Устав. Никто не отдал капитану рапорта о построении роты и численности солдат в строю. А он, выйдя из столовой, не подавая никаких команд, сразу стал

представлять солдатам их нового командира. После представления капитан приказал старшине кормить роту ужином, а лейтенанта пригласил пройти по палаткам да в караул.

Большие армейские палатки снаружи были обшиты дощатым каркасом, по доскам палатки были обложены деревянными щитами, из каких строили бараки и казармы, а щиты были покрыты рубероидом. Внутри палаток также стояли двухъярусные кровати, в центре – металлические печи.

Караул располагался в аккуратном кирпичном домике из пяти комнат. Тут было просторное спальное помещение с длинным столом, комната отдыха караула, оружейная комната, маленькая кухонька и крохотная комната для начальника караула. В помещении были две большие кирпичные печи.

После осмотра караульного помещения капитан заявил своему сменщику, что со всем он его ознакомил, личному составу представил и больше ему здесь делать нечего.

- думаю, ты не будешь возражать, если водитель на самосвале отвезёт меня в город?

- Да, конечно, - ответил Анатолий.

- Ну, тогда счастливо оставаться, я пошел.

Капитан торопливо пожал Анатолию руку, козырнул и вышел.

3

А Анатолий, молча проводил взглядом капитана, и обернулся к стоявшему рядом небольшого росточка аккуратненькому черноволосому сержанту. Тот, прикладывая руку к виску, представился:

- Сержант Дихканов, помощник начальника караула.

- А кто начальник караула? – спросил Анатолий.

- Вы, товарищ лейтенант.

- Значит ты мой боевой помощник? Это хорошо. У тебя здесь, надеюсь, всё в порядке?

- У нас тут всегда порядок, - ответил сержант.

-Тогда я схожу в роту, после отбоя приду.

Первым делом Анатолий зашел в первый взвод, который размещался в кирпичном здании. В холодном помещении столовой ужинал уже третий взвод. Солдаты сидели за столами в бушлатах и в шапках. В столовой не было ни одного сержанта, даже дежурного по роте. Он постоял с минуту, молча осмотрел помещение, прикинул, что и как тут сделать, чтобы помещение стало похожим на столовую, и прошел в расположение взвода. Игроки в карты были на своём месте, только место капитана уже занимал старшина. В дальнем углу слева солдат крутил ручки приёмника «Рекорд». Некоторые солдаты одетыми лежали на неразобранных кроватях, накрывшись бушлатами. У печи под лампочкой солдат в очках читал замусоленную без обложки книгу. Анатолий присел на табурет у печи и обратился к читавшему:

- Интересная книжка?

- Так себе, но других нет.

- В полку есть библиотека?

- В нашем полку пока своей библиотеки нет, а когда переводили из второго, приказали книги сдать и больше там нам не дают.

- А вы откуда родом будитя, товариш литинант? - спросил голос с белорусским говором сзади.

- Я с Волги, - оборачиваясь к спросившему, ответил Анатолий.

Постепенно у печи образовался плотный круг. Солдаты и их молодой командир неспешно беседовали о житье - бытье в этих не очень комфортных условиях. Лейтенант расспрашивал солдат об установленных порядках в роте, о работе и отдыхе, о занятиях и распорядке дня. Один, не большого росточка, с бегающими глазками солдатик спросил у лейтенанта:

- Вы наверно тут дисциплину будете наводить, ну всё шоб по Уставу тама?

- А разве вы тут живёте не по Уставу? - встречно спросил лейтенант.

- Та какой тут Устав? - пробасили сразу несколько голосов. – Вы ж бачите як мы тут живём. Тут лес.

- Условия, это понятно. На вечернюю поверку, как в настоящей казарме у нас роту построить негде. Подумаем, как это мероприятие проводить, решим и будем делать, раз положено по Уставу. Это будет по-нашему, по-лесному, но будет же, так ведь? Так и всё остальное. Тумбочки с телефоном в роте нет, но дневальный-то есть. А почему он не подал положенную команду, когда зашел в помещение командир?

После этих слов Анатолия солдаты перевели разговор на тему плохой организации работ, отсутствие простейшего инструмента на стройке, на плохую доставку почты и прочее.

Так и беседовали солдаты со своим командиром до тех пор, пока взглянувший на часы дежурный по роте не поднялся и не задал лейтенанту вопрос:

- Товариш литинант, по врэмэни уже повирка, як будым проводить?

- А как вы всегда проводите, так и проводите. Я пока посмотрю. Потом решим.

- По койкам! - скомандовал дежурный.

Солдаты стали расходиться по своим местам, раздеваться и ложиться в кровати. Старшина роты взял журнал вечерних поверок и пошел по помещению, отмечая наличие на местах солдат. Потом он оделся и направился проверять взвода в палатках. Лейтенант последовал за ним. Когда старшина проверил солдат в обеих палатках, лейтенант приказал ему зайти в канцелярию с командирами взводов.

4

В «канцелярию» явились три сержанта и исполняющий обязанности третьего взвода коренастый, белокурый солдат. Лейтенант усадил всех на лавку и велел каждому поочерёдно поподробнее представиться. Когда старшина роты и командиры взводов рассказали о себе, лейтенант отдал свои первые

распоряжения. Командиру первого взвода приказал сейчас же отправляться в третий взвод, там ночевать, а завтра после подъёма он будет представлен личному составу, как командир. За порядок во взводе отвечаете с момента прибытия. Рядовому Валавичус приказал перебазироваться во взвод первый. Потом он потребовал от командиров взводов и старшины принимать пищу вместе со взводами, а старшине - присутствовать в столовой от начала и до конца кормления роты. Место дневальных на зимний период, ротный определил у печей, а все остальные уставные обязанности должны исполнять полностью. Велел старшине при инструктажах обращать внимание на меры пожарной безопасности.

- Я не видел ни где обязанностей лиц суточного наряда, графиков несения службы, инструкций по пожарной безопасности и прочих положенных документов. Почему, товарищ старшина?

Старшина стал говорить, что у него нет ни бумаги, ни чем всё это оформить. На что ротный коротко ответил:

- А у вас нет и хотя бы сколоченного из фанеры стенда. На бумагу, перья и гуашь я дам вам денег.

Потом он приказал старшине от телефонного провода, идущего в караул, сделать ответвление на помещение первого взвода.

- Достанем аппарат и подключим дневальному, - закончил лейтенант своё первое совещание с сержантами.

После того он обошел палатки, инструктируя дневальных. Приказал им ночью не сильно калить печи, потребовал подальше от печей поставить обувь и сушившуюся одежду. В палатке второго взвода одна двухъярусная кровать стояла очень близко от печи. Офицер стал будить солдат и требовать отодвинуть кровать на безопасное расстояние, но лежавший на нижней кровати рослый солдат, даже не открывши глаз, протянул:

-Литинант, командуй салагами, а деда не трогай.

В разных концах палатки слышались ехидные смешки.

- Сержант, - обратился лейтенант к командиру взвода, - утром с дневальным представите рапорта о невыполнении этим солдатом моего распоряжения.

- Пусть тике попробуе, - проворчал не подчинившийся.

- Кажется, был отбой, литинант! - подал голос солдат с кровати за печью и натянул на голову одеяло.

Анатолий выдержал паузу, потом сказал, обращаясь к командиру взвода и дневальному:

- Оставайтесь, поддерживайте порядок.

Не успел он закрыть за собой дверь, как в палатке раздался дружный хохот и свист всех её постояльцев. Анатолий вернулся в палатку, включил свет, все солдаты притворно лежали в позе спящих.

-А героев-то и нет, - сказал он, погасил свет и вышел.

Возгласы и гогот в палатке повторились, но уже не так дружно и громко.

Лейтенант не стал больше возвращаться в палатку, с досадой проглотил свою беспомощность и пошагал в караульное помещение.

Как только он вошел туда, с крайней кровати подскочил Дихканов и предложил ему поужинать. Командир поблагодарил, сказавши, что ужинал, и прошел в свою комнату. Голова его гудела, тело от усталости больше не хотело ни каких движений. Приоткрылась дверь, Дихканов просунул голову и спросил:

- Вас будить для проверки постов?

- Проверь сам, - сказал ему ротный. - Я ж караулу не представлялся, они меня не знают и на пост не пустят.

- Пустят, пустят, но я проверю, - сказал сержант.

Он пожелал командиру спокойной ночи и закрыл дверь.

Как только голова Анатолия коснулась жесткой с не первой свежести наволочкой ватной подушки, глаза его закрылись, и он уснул тяжелым крепким сном.

5

Без нескольких минут шесть он, по выработанной за годы учёбы привычке, проснулся. С минуту понежился под одеялом, а когда его осенило, где он и что с ним происходит, резко встал и быстро оделся. В общей комнате, прислонившись спиной к боковой стене печи, мирно спал дневальный. Дихканов спал на кровати в обмундировании без сапог. Анатолий умылся, вытерся полотенцем Дихканова, надел полушубок и пошагал в роту.

Под утро мороз усилился и легкий встречный ветерок обжигал лицо. Южная часть неба над самой кромкой леса подсвечивалась огнями близкого города, в высоком ещё абсолютно чёрном небе ярко мерцали звёзды. Тусклые окна

палаток и здания уже светились огнями, но на улице не было ни одного солдата. Лейтенант зашел сначала в помещение первого взвода. У входа его поприветствовал старшина. У печи стоял взводный, семь или восемь солдат не спеша одевались, остальные спали.

- Не встают? – спросил, обращаясь к сержантам, лейтенант.

-Да, с этим у нас туго, - ответил старшина и продолжил отдавать команды солдатам.

Те, кто лежали в кроватях, ни как не реагировали, ни на какие команды. Тогда ротный пригласил сержантов в канцелярию и объяснил им, как действовать в такой ситуации. Выйдя от ротного, командир взвода подал команду командирам отделений подойти к нему. Потом подошел к кровати какого-то солдата и по всей форме отдал ему приказ встать и одеваться. Когда таким образом он поднял несколько человек, не торопясь, стали вставать и остальные. Лейтенант под недовольные выкрики солдат вышел из помещения и направился в

палатки. Там подъём пришлось проводить по той же схеме. В палатке второго взвода матюки и всякие оскорбления неслись в его адрес прямо во время его там нахождения.

Вместо утренней прогулки, после посещения туалета солдаты потолкались у своего жилья, покурили, да и вернулись в тепло помещений. Ротный тем временем заглянул на кухню.

Метров восемнадцати помещение было приспособлено под кухню, склад продуктов и разделочную. В помещении было холодно, темно от пара и дыма. С потолка шел настоящий дождь. Три солдата в засаленных телогрейках и шапках возились у двух полевых кухонь, трубы которых были выведены прямо через окна. Напротив кухонь у стены стояли несколько больших деревянных ящиков с запасами круп, соли и сахара. Посреди комнаты стоял длинный, но узкий рабочий стол повара. На появление лейтенанта повара не обратили никакого внимания, продолжая своё дело. Ротный с минуту постоял и вышел прочь.

В семь часов позавтракал первый взвод, потом толпой в столовую прибыл второй, и последним - третий. Ближе к восьми, командиры отделений и взводов пошли в металлическую будку - прорабку, особняком черневшую у самой строительной площадки. Там их уже поджидал приехавший на самосвале прораб старший лейтенант Захаров. Зашел туда и ротный. Лейтенант подошел к прорабу, протянул руку для приветствия и представился. Хозяин будки пригласил его присесть рядом и продолжил отдавать производственные распоряжения. Когда сержанты получили задания на день и пошли выводить на работу своих подчинённых, Анатолий, оставшийся в прорабке, изложил работодателю роты свои просьбы по улучшению быта солдат. Выслушав молодого офицера, прораб заявил: «Что у меня есть, сколько человек надо задействовать на работы по обустройству помещений – пожалуйста. Всё оформим нарядом, спишем материалы, а работу оплатим. Дерзай ротный, а я буду помогать».

Минут тридцать офицеры продолжали обсуждать, что и как делать, составили список нужных материалов, который Захаров сунул в свой блокнот. В ближайшие дни он пообещал всё завезти. Когда командир роты уже собрался уходить, Володя, так старший лейтенант потребовал его называть, протянул Панову лист бумаги. Тот молча прочитал коротенький приказ по стройке о назначении командира восьмой роты лейтенанта Панова, по совместительству мастером на прорабском участке Захарова.

- Четвёртая должность, - только и ответил Анатолий. Командир роты, начальник караула, кладовщик склада ВВ и мастер. Ладно. А что хоть будут доплачивать за мастера?

- У меня пять должностей, - ответил Захаров. – Тебя это так, формально. Иначе в моё отсутствие надо останавливать все работы. А нам с наступлением тепла надо будет на сооружении камнедробильного завода работать в две смены. Ты ж всё равно здесь безвылазно, а семьдесят пять рублей тебе не помешают. Будем давать план – будут и премии. Не унывай, прорвёмся.

-А куда мы с тобой денемся? Обязаны прорваться, - заключил Панов и вышел на воздух.

6

Со стороны караула к нему спешил солдат. Воин подошел и доложил командиру роты, что начальник штаба полка приказал ему позвонить. Лейтенант направился в караул.

Когда телефонистка соединила его с КПП второго полка, и к телефону подошел начальник штаба, лейтенант доложил, что в роте всё в порядке. Майор без лишних слов стал отдавать ему распоряжения. Первым делом майор приказал представить объяснительную записку от Балабко о его недельной самоволке, рапорт ротного об этом нарушении, служебную характеристику на солдата и копию его карточки поощрений и взысканий. В баню велел приводить роту к 19 часам в пятницу, в кино – к 11 в воскресенье. Приказал ежедневно вечером после поверки докладывать о её результатах дежурному по полку, а утром о делах за ночь –

ему или командиру полка. Выслушав и записав все распоряжения в блокнотик, лейтенант Панов попросил начштаба помочь ему в приобретении двух телефонных аппаратов, и разрешении подключить их параллельно к проводу караула. В роте без телефона нельзя – через караул быстро ни пожарку, ни скорую не вызвать, пояснил он свою просьбу. Попросил срочно доставить в роту штук шесть огнетушителей в спальные помещения, завезти рабочую форму для поваров. Несколько раз майор пытался закончить разговор, обещая помочь в просьбах, но лейтенант называл и называл другие, не менее важные просьбы и закончил их излагать только тогда, когда майор уже начал сердчать.

Вернувшись в канцелярию, Анатолий приказал дневальному вызвать к нему Балабко. Минут через двадцать медленно открылась дверь канцелярии, и на пороге появился тот самый солдат из второго взвода, который вчера опасно придвинул свою кровать к печи и не выполнил его распоряжение.

- Звалы? - с достоинством держа голову, процедил внушительного роста солдат.

Лейтенант пригласил его пройти и присаживаться.

- Та не, спасибочки, пахоже я в скорам врэмени и так сяду.

- Разговор у нас будет не скорый, садитесь и давайте без пререканий. Я вам ничего плохого не сделал. Правда, вчера сон потревожил. Так вы в мой адрес пакостей за то наговорили.

- Ладно, давайте по делу, - сказал солдат, усаживаясь на скамью.

- Мне приказано оформить на вас кое-какие документы, а вы должны написать объяснительную за самоволку. Вот бумага и ручка. Пишите прямо здесь.

- Не командир, писать на себя я ни чаго не буду. На мене ужа столько написали пракуроры, что без маёго хвате. Тебе приказали, ты и пиши.

Сказавши это, солдат встал и уже собрался уходить, но офицер остановил его словами:

- Не спешите. Я вас долго не задержу. Нотаций никаких не будет. Вот только запишу ваши данные, и пойдёте.

Солдат снова грузно сел на скамью и командир роты стал его расспрашивать, записывая, когда он родился, как имя и отчество, когда и откуда призывался, был ли ранее судим. Первый же ответ солдата удивил Анатолия. Когда точно и где родился, он не знал. На вопрос, почему не знает, парень, усмехнувшись и мотнув головой, дерзковато ответил:

-А вы у немцев спросите, може вани знают точно. Кагда Минскаю область ани заняли, и перебили маих мамку и бабушку, мне ж трое гадков была, чаго я мог знать? Батька дето на фронте сгинув. Аткуда узнать точно? Вот есть у мене ваенный билет, тут написали, так па бумагам и пишут. А кали на самом деле и де радився и када, даже как звали батьку, точно не звестна. В детдоме я сказал тольки как звать, остальное придумали. Вот вазьмитя, - и солдат протянул командиру военный билет.

Тот переписал все нужные ему данные, потом спросил:

- А где жил после детского дома до армии?

- А там де усе, такія як я живуть. Не знаити? Тоже казённый дом, с бесплатной кармёшкой. Я их не ядин прашел. Асвабадили и напрямки в ваенкамат. Вот и уся мая биаграхвия, литинант. Пиши, не бойси, мяне не в пярвой. Успеть бы тока найтить салагу, який мне як фраера сделав. Если не закроешь на губу, найду, атдам далжок и сбягу, пагуляю пака не паймають.

- А что тебе сделал тот солдат, которого ты ищешь?

- Набрехав зараза, шо дружки мяне перадали вертаться. Кто это мог? Из роты и с полка, ни нашего, ни втарога дамой ни хто не паехав. Капитан гаварять, с роты ни куды ни ездив и сюды, ни хто не прихадив. Ни чё не пайму.

- Это мы со старшиной из роты, что на станции. В солдата переодевался я, - сказал и опустил голову Анатолий.

- Шо-о-о?! Так ета вы?! – вырвалось у солдата. – Ну дяла - а! Ни када б не падумав. Ни када!

- Я только сыграл роль солдата, придумал старшина.

- Ну, тада нэ стыдно. Иван Сэргеевич ваяка. Он можа. Ну, бывайтя, таварыш литинант, я пайду.

Солдат встал и подошел к двери, но ротный остановил его снова:

- Витя, не уходи больше. Я пока не буду писать бумаги. Поговорю с командиром полка, может на этот раз простит.

- Хотите праситя, ваше дело. Тольки не гаварить, шо я прасив. Я не такой.

Он замолчал и в этот момент глаза лейтенанта и его ровесника, уже прошедшего суровую школу жизни, встретились. Оба молчали, но каждый про себя думал о чём-то своём.

После не продолжительной паузы молчания на лицах молодых людей проявилась едва

заметная улыбка, и они резко отвернулись друг от друга. Анатолий уставился в окно, на стройплощадку, где Захаров с солдатами городили большущий дощатый щит опалубки, готовясь заливать железобетонную колонну. А солдат вышел, и прикрыл за собою дверь.

Лейтенант долго стоял у окна. Его широко открытые глаза упирались в строительную площадку и заснеженную, поросшую густым лесом гору и ничего не видели. Он ни о чём конкретно не думал, но его сознание наполнилось роем каких-то неясных и не конкретных мыслей. Мысли были разные и все об одном. Наконец, он стал выходить из задумчивого оцепенения и мысленно, ни себе, ни кому-то другому сказал: «У меня погиб отец, но жива мама, а он...»

Молодой офицер сел за стол, отодвинул от себя приготовленные к оформлению документов бумаги и хотел набросать план самых важных, самых неотложных и первоочередных многочисленных дел, но голова отказывалась работать. Анатолий встал, оделся, закрыл на

ключ канцелярию и, не зная куда и зачем, вышел.

В свою канцелярию лейтенант Панов в тот день больше не заходил, ни каких бумаг не писал. В десять утра Захаров уехал в СМУ, а ротному пришлось давать нивелиром бригаде опалубщиков отметки на сооружении монолитного бункера, проверять качество сварки и соответствия проекту закладных на каркасе колонны. После обеда два отделения он поставил на сооружение тамбуров у входных дверей столовой и кухни, на очистку снега с крыши и сооружение на крыше над столовой и кухней дощатых высоких ящиков. Эти ящики ротный и прораб решили засыпать пока опилками, а с наступлением тепла утепление потолков этих помещений выполнить, как положено.

Вечером разнесчастный лейтенант опять безуспешно воевал с непокорными, открыто неповиновавшимися ему солдатами. Его откровенно оскорбляли и унижали разными усмешками и ехидными вопросиками,

выкриками, а он снова и снова нарывался на грубость и хамство. С несколькими солдатами даже побеседовал накоротке, предупредив об ответственности за игнорирование своих распоряжений. По опыту стажировки в такой же «дисциплинированной» роте Анатолий твёрдо знал, что выполнения своих распоряжений можно добиться только Уставом и законом. Он отдавал распоряжения и требовал их исполнения от командиров взводов и отделений. А когда сержанты заявляли, что солдаты им не подчиняются, не выполняют их распоряжения, лейтенант требовал с них письменные рапорта, с указанием кто не исполняет распоряжения и почему. Один командир отделения отказался писать рапорт, тогда лейтенант заявил, что не исполнителем его приказа является он сам, отделённый. Это означает, что он своим подчинённым распоряжений не отдавал.

Солдаты сразу почувствовали свою уязвимость, опасность открытого неповиновения командиру роты. Некоторые из них немного усмирились. На

словах и в присутствии ротного они не спеша выполняли команды и распоряжения, но как только командир уходил, делали всё, как и до замечания: заваливались одетыми и в обуви на кровати, там же закуривали, прекращали делать порученную работу.

После отбоя лейтенант пошел в караул, с Дихкановым обошли посты, проверили их освещение и обустроенность вышек, оружие у часовых и знание ими своих обязанностей. Дневального по караулу лейтенант одел в шинель, выдал винтовку с боеприпасами и приказал, вместе с исполнением обязанностей дневального выполнять и обязанности караульного свободной смены, охраняя караульное помещение. Периодически он должен делать обходы здания, сидеть у окна и наблюдать за прилегающей к караульному помещению территорией. Входную дверь в караул, приказал держать запертой. Посторонних лиц без разрешения начальника караула и его помощника в помещение

потребовал никого не впускать, как того требует устав Караульной службы.

Было уже за полночь, но спать офицеру не хотелось. То он представлял себе, что было бы с ним, не будь у него мамы, то вспоминались ребята из детского дома их не большого городка.

В первые послевоенные годы все жили впроголодь, но больше всех доставалось детдомовцам. Целыми днями они шныряли на рынке. Те, кто помладше просили у торгующих и покупателей съестное, а ребята постарше – уже и воровали по мелкому, хватали с прилавков лепёшки, куски хлеба и сала, сушеную рыбу и убегали. Запомнился ему случай, когда рослая моложавая тётка поймала одного воришку и таскала за волосы. Пацан визжал от боли, вырывался, просил отпустить, но тётка пыталась ухватить его ещё и за ухо. Торговцы за соседними прилавками были довольны экзекуцией, кричали: «Так его! Так его! Ишь, повадились окаянные!» Когда откуда-то появился милиционер, Толька даже отвернулся в

страхе за того мальчугана, но милиционер отобрал парнишку у тётки, отвёл в сторонку, о чём-то с ним поговорил и отпустил. Тётка, у которой они с бабушкой покупали капусту, видя это, недовольно зашипела. Бабушка бросила ей на прилавок деньги и стала стыдить торговков за то, что они не жалеют сирот. – Бог вас накажет, окаянные! У хлопчика батько, поди, погиб - говорила она, - а вы его за кусок разорвать готовы! Толе так стало жалко парнишку, что он заплакал. С тех пор в его сознании постоянно жила обида на взрослых мужчин, пришедших с войны здоровыми и инвалидами, но пришедших и ни какого внимания не обращавших на бедствовавших детей своих погибших товарищей. Те его одноклассники, у кого были отцы, особо не голодали, всегда были лучше одеты и обуты. На таких, как Толька, внимания ни кто, ни какого и не обращал. Только одна и была Тольке привилегия - за погибшего папу, что мама не платила за его обучение в школе с пятого класса.

И вот этот Балабко. Разве он виноват, что так сложилась у него жизнь? Разве он был бы таким, если бы были живы его мать и отец? А фронтовики командир полка и начальник штаба сажают его в тюрьму. Тут же приходила в голову и мысль о том, что хулиганов, таких как Балабко, надо наказывать, они не повинуются, открыто не выполняют его распоряжения, как иначе быть с ними?

- Поступают по закону, отдают под суд за дело, иначе нельзя, – пытался успокаивать себя Анатолий. Но чувство жалости к Балабко всё равно не проходило и не давало покоя.

В три часа ночи он поднимался на проверку постов, в пять поднялся и побрёл делать в роте подъём. Утро оказалось солнечным и безветренным. Морозец, хоть и похрустывал слежавшимся снегом под ногами, был лёгким.

Подходя к помещению первого взвода, ротный решил попробовать сегодня после завтрака

построить роту на утренний развод. «Построение объявлю у входа в столовку. Последним будет завтракать третий взвод, и все они окажутся в строю. Первый взвод, выходя на работу, тоже встанет в строй, ни куда не денутся, а во второй схожу перед построением сам», - размышлял лейтенант, быстро шагая по дороге.

Каково же было его удивление, когда он, придя на построение почти со всем вторым взводом, у столовой обнаружил из первого взвода только восемь человек. «Не выходят», - ответил дежурный по роте, - говорят, месяц здесь живём, и ни каких разводов не было. Анатолий зашел в помещение. Дневальный подал команду: «Встать! Смирно!» Поглядывая друг на друга, солдаты, крайние от входа, медленно поднялись. Стойку «смирно» ни кто толком не принял. Солдаты у дальних кроватей демонстрировали, что команда их не касается. Некоторые из них уже были одеты, но продолжали сидеть на кроватях, два солдата даже лежали одетыми, а трое и не думали

одеваться. Ротный прошел в помещение и, обращаясь к дежурному, спросил:

- Почему взвод не выходит на построение?

- Не знаю, товарищ лейтенант. Команду я подал.

- Тут не училище! Не надо из нас строевых делать! – раздалось откуда-то.

- Два взвода стоят на морозе и ждут вас. Вам на работу идти мимо и что? Трудно на несколько минут стать в строй? Командиры отделений, приказываю вам вывести всех ваших подчинённых из помещения и поставить в строй! За невыполнение приказа ответите персонально. Если кто не подчинится, укажете в рапортах поимённо. Не выведете отделения в строй и не укажете, кто не выполнил ваши распоряжения – буду считать, что не подчинились приказу вы.

После сказанного, под шум и гам возмущения лейтенант вышел. В дальнем углу столовой мирно завтракал Балабко. Анатолий, проходя к выходу, не стал его беспокоить. Только он открыл наружную дверь, как из спального

помещения, выкрикивая в его адрес оскорбления, повалили солдаты. Выбегая мимо своего командира на улицу, они разбегались в разные стороны, ругая тех, кто стоял в строю. Когда Анатолий вышел на улицу, медленно стал растворяться и жиденький строй. На месте стояли лишь командиры взводов, несколько отделённых, старшина да солдаты первогодки. Постояв с минуту перед «строем» молча, лейтенант подозвал к себе сержантов и приказал письменно доложить, почему не построены люди, кто подстрекает солдат не повиноваться. Обязательно отразите, как вели себя постоянные нарушители воинской дисциплины. К ним мы будем принимать меры в первую очередь. А теперь собирайте вашу братву и ведите по рабочим местам, - сказал командир в заключение и пошел встречать приехавшего старшего лейтенанта Захарова. Следом за ним пошел командир третьего взвода сержант Семенец.

- Не надо так строго, товарищ лейтенант, - начал сержант. Тут же у нас собраны «сливки» из

двух полков. Капитан формировал роту не для себя. Ему было до лампочки кого принимать. И дисциплину он не требовал. Вы требуете с нас, а что мы сделаем, если они даже вас не слушаются.

- Что ты предлагаешь?

- А что я предложу, товарищ лейтенант? Я не знаю. Я напишу вот вам, что мой приказ не выполнили все и всё.

- Кто отказался первым? Кто сказал, чтобы не становились в строй все солдаты? Вот и укажи. А я их вызову и потребую ответить, почему они так поступают. Напишу рапорт командиру полка.

- Вот этого и не надо. Надо по-хорошему, без угрозы. Всё строго по Уставу всё равно ж не будет.

- Всё не будет, мы не в кремлёвском полку. Согласен. Но и так не будет. Лишнего я ещё ничего не требовал. Не собираюсь из них делать строевиков, но самое простое, самое необходимое требовать буду.

Командир роты и взводный ещё долго беседовали, обходя стройку. Лейтенант понимал сержанта, что тот с одной стороны, не хочет обострять отношения с подчинёнными, так как повиноваться он их всё равно не заставит, но и не хочет быть не исполнительным у ротного. Пытается убедить лейтенанта, что надо жить так, как жили до него и ни чего ж. «Не солдаты ли его подослали повоспитывать меня, - уже подумалось Анатолию, а вслух он сказал сержанту, - да, согласен. Не легко нам будет навести уставной, применительно для наших условий, порядок. Но куда мы денемся? Куда денутся эти твои орлы? Ну, всё равно ж будут строиться, будут делать утром зарядку, будем, когда потеплеет, делать и ротную вечернюю поверку. Какой ценой мы этого добьёмся не знаю. Может быть, одного - двух зачинщиков отправим в дисциплинарный, а может и дальше. Многие побывают на гауптвахте. Они хотят этого? Мы наведём порядок или кого-то пришлют другого, но порядок-то всё равно в роте будет, без этого нельзя. Иди, объясни это

своим. И скажи, что их подбивают на такие действия два - три человека, их же видно. Они за спинами всего взвода хотят укрыться и не исполнять того, что положено. Если они такие герои, пусть открыто заявят, что они не хотят служить.

- На производстве они работают, - вставил сержант.

- Будут на гражданке, к ним будет только одно требование – работать. В армии есть и другие требования, и выполнять их надо. С сегодняшнего дня вечерами я буду в столовой с каждым взводом говорить об этом.

Время, меж тем, приближалось к десяти. Надо было идти в караул звонить и докладывать командиру полка о делах в роте за сутки. Очень не хотелось этого делать сегодня. Анатолий знал, что спросят про бумаги на Балабко, а он их ещё не оформил и не хочет, не может писать. Что сказать командиру, как объяснить, как просить,

когда в роте такая дисциплина, он не знал. Но время подошло, и он решительно направился в караульное помещение.

Все свободные от несения службы солдаты из караула занимались во главе с Дихкановым очисткой территории от снега. Очищали площадку у караулки, у зарядной, дорогу к складам. Дневальный по караулу вышагивал с карабином у входа в караульное помещение. Лейтенант вошел в помещение, разделся и включил радиоприёмник, чтобы проверить часы. Радио несколько секунд помолчало, затем заикали сигналы проверки времени. Анатолий поправил время на своей «Победе» и хотел выключить приёмник, но остановился, потому как диктор стал передавать важное правительственное сообщение. Речь в нём шла о том, что трудовой коллектив одного из крупных предприятий Москвы выступил с инициативой брать на поруки своих товарищей, допустивших незначительные правонарушения. Не отдавать их под суд и не отправлять в места лишения свободы, а перевоспитывать самим. Политбюро

ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, говорилось далее в сообщении, одобрили инициативу передового коллектива и рекомендовали распространить её повсеместно. Потом диктор стал читать сообщения об одобрении почина какими-то трудовыми коллективами, о первых успехах перевоспитания правонарушителей. Лейтенант выключил приёмник и какое-то время сидел неподвижно. У него ещё не созрело ни какого решения, но лицо его уже сияло, на сердце отлегло, он решительно подошел к телефону и попросил телефонистку соединить его с КПП второго полка.

Телефонистка сообщила, что штаб нового полка уже переехал в своё помещение, и дала дежурного по полку. Командир выслушал его доклад и попросил подождать на проводе, он позовёт начальника штаба.

- Не надо звать начальника штаба, товарищ подполковник! - выпалил лейтенант. Я знаю, что он хочет, я скажу вам. Это насчёт Балабки, ну того, что был в самоволке. Товарищ майор приказал мне срочно подготовить документы и

посадить Балабко на гауптвахту, а потом судить его. Я решил взять Балабко на поруки! Не надо, товарищ подполковник его судить.

- Что ещё за поруки, лейтенант? Твой Балабко ещё тот бандюга. Тюрьма давно по нему плачет.

- Сейчас передали по радио постановление ЦК партии, чтобы таких, как Балабко брали на поруки, а не судили, - выпалил лейтенант. Вот я и решил.

- Только что передали, и ты уже решил? Не быстро ли? Судить или не судить за воинское преступление решать буду я.

После этих слов подполковник с минуту помолчал и, заканчивая разговор, сказал:

- Хотя чёрт его знает. Давай лейтенант сделаем так, я сейчас всё разузнаю, позвоню в политотдел, посмотрим, что скажут они. Потом я тебе сообщу.

Командир повесил трубку, а лейтенант с радостной улыбкой на лице помчался в роту. Он внутренне понимал, что там, в полку и в

политотделе могут ему и отказать, но на душе всё равно было легко и радостно.

Ближе к вечеру командира роты вызвали к телефону. С тревогой и надеждой шел лейтенант в караул. А когда дозвонился в штаб полка, помощник дежурного сказал ему, что его к телефону звал вновь назначенный замполит полка и сейчас он его позовёт.

Майор Пастухов к телефону подошел быстро. Представился, стал расспрашивать как дела в роте, в чём нуждается рота. В ходе рассказа о жизни роты, лейтенант спросил, не решилось ли дело о Балабко. Майор сначала подробно расспросил его про этого солдата, потом сказал, что они с командиром полка выясняют, что к чему, и ждут ответа из Управления. Как только будет принято решение, тебе сообщим. В заключение лейтенант сказал майору, что ему в роту нужно очень многое и быстро протараторил свой список необходимого. Майор заверил, что будет помогать всячески и попросил звонить ему чаще. На том разговор командира восьмой роты с новым замполитом и закончился.

Вечером, как только заканчивал ужинать очередной взвод, командир роты по несколько минут выступил перед солдатами. Слушали солдаты своего молодого командира внимательно. Вопросов никаких не задавали, да Анатолий и не предлагал им это. Беседы прошли в форме изложения командиром своих требований по соблюдению распорядка дня, предупреждения некоторых солдат. Тех солдат, которых выделил как самых серьёзных нарушителей, он поднимал и предупреждал о строгом наказании, если они и дальше будут так же себя вести. Поднимались нарушители нехотя, отвечали ротному, процеживая каждое слово, отвернувши лицо в сторону. Одному солдату лейтенант даже заметил, что он тоже не очень хочет смотреть на него, да служба обязывает. Но ведь в любое время, сказал лейтенант, может случиться так, что вам придётся срочно обратиться ко мне. Я, конечно, вас выслушаю, как и положено обращение рассмотрю, а вот, как и куда буду при этом смотреть, подумаю. Солдат, демонстративно качнувшись, косо

взглянул на командира, процедил «ясно» и сел на место.

После ужина ротный со старшиной в канцелярии долго обсуждали, что и как им срочно надо было сделать, что попросить из полка. Старшина попросил ротного выделить ему, где-нибудь комнатку для каптёрки. Лейтенант пообещал старшине отдать комнату канцелярии, а сам попросит ключ у прораба от его будки и там поставит свой сейфик. «Если не даст, переселюсь в караул», - пообещал он. Потом лейтенант и сержант пересмотрели и дополнили список того, что им в первую очередь выписать, попросить в полку, а если не дадут, как-то приобрести самим. Были в том списке два телефонных аппарата, несколько досок шахмат, домино, два радиоприёмника, гири, гантели и многое, многое другое нужное в солдатском обиходе.

На следующий же день лейтенант Панов и решил передать свои просьбы командиру полка во время утреннего доклада. Но к телефону подошел замполит. Майор выслушал доклад, записал список необходимого роте, добавил в него передвижную библиотечку с газетами. «Книги тебе библиотекарь отберёт, ты их получишь на свою карточку, и выдавайте со старшиной солдатам читать под роспись. Установите и сообщите мне время проведения политинформаций и занятий. Вам будут из штаба сообщать темы. Если роту в одном помещении собрать невозможно, проводите поочередно. И, наконец, последнее», - скал майор и немного помолчал. Анатолий невольно насторожился, а майор продолжил, - тебе разрешили взять Балабко на поруки. Построй роту и объяви своё решение. Если возникнет необходимость ещё по какому солдату принять такое решение, постарайся оформить поручительство коллектива роты. Пусть ходатайствуют перед командиром полка, а ты должен высказать своё

мнение рапортом и приложить протокол собрания. Понял?» - спросил майор.

-Так точно! – радостно ответил лейтенант.

Ликование у лейтенанта почему-то очень быстро прошли. Неожиданно стало тревожно на душе. Он сник, лицо его посуровело, а сам он весь напрягся и даже чуть заметно ссутулился. «Построить роту, объявить? Нет! Только не это, - размышлял бедный лейтенант, – но как объявить солдату моё и командования это непростое решение? Подсознательно молодого офицера тревожило понимание того, что солдат мог как-то не неожиданно отреагировать на его решение. Непредсказуемо могли воспринять новость другие, фактически неподвластные ему солдаты.

Размышляя, некоторое время молодой офицер бесцельно бродил по стройке, заглянул в столовую, на кухню, постоял у прорабки. У него ещё не созрело ни какого решения, но неожиданно он направился в палатку второго взвода.

Дневальный доложил ротному и продолжил выгребать золу из печи. Лейтенант сначала осмотрел палатку. Кровати были заправлены, но не однообразно. Ватные подушки не расправлены, из-под них торчали разные вещи солдат. «Ни чего не поделаешь, тумбочек то нет», - подумал он. А когда дневальный вышел уносить золу и колоть дрова, решительно подошел к кровати Балабко. Солдат в ожидании своей участи на работу не выходил и Анатолий его не тревожил.

- Товарищ Балабко, - присаживаясь на соседнюю кровать, - обратился командир к дремавшему солдату.

Тот проснулся, приподнял рукой прикрывавший голову бушлат, щурясь, посмотрел на командира роты, молча сел на кровати и стал обувать сапоги.

- Одевайся и иди, работай. Судить тебя не будут, - сказал лейтенант.

- Это ж за какие такие заслуги меня простили? - На чистом русском заговорил солдат.

– А может, кто за меня заступился? Уж не вы ли?

- Я, - чуть слышно сказал Анатолий, – я взял тебя на поруки.

- Меня? На поруки?

Балабко густо покраснел, привстал, сгибаясь, потом осторожно сел на кровать и уставился на своего командира. Лейтенант был растерян, он смотрел в глаза близко от него сидевшему солдату и молчал.

- Не шутите?

Анатолий молча покачал головой из стороны в сторону. Солдат глубоко вздохнул, потом резко нагнул голову и отвернулся, а лейтенант встал и направился к выходу.

Не успел он пройти по широко расчищенной дорожке и двадцати шагов, как перед ним оказался Балабко. Солдат был в одной гимнастёрке, без шапки. Лейтенант остановился. Горящие от крайнего возбуждения глаза офицера и солдата на какое-то мгновение

встретились и солдат, тяжело дыша, словно после длинного забега, заговорил:

- Извините, товарищ лейтенант! Простите! Спасибо! – он с шумом выдохнул, опустил голову, напрягшись со всей силой сжал кулаки и медленно отвёл промокшие глаза в сторону.

- Иди, Витя, иди. Холодно ж, а ты раздетый. Успокойся. Все хорошо, - уверенно сказал Анатолий и пошел дальше.

Разговаривая с прорабом у его будки, Анатолий искоса взглянул в сторону палатки второго взвода. Балабко также раздетый стоял у входа в палатку и, глубоко затягиваясь, курил.

Захаров сообщил Панову, что на одной из строительных площадок готовы шурфы для рыхления взрывом мёрзлого грунта. Завтра с утра придёт машина за взрывчаткой и отделением взрывников. Надо готовить всё необходимое, а мастера взрывника сегодня нет. Его не предупредили.

. Остаток рабочего дня ротный с отделением солдат в «зарядной» готовили взрыватели,

кабели и провода. А когда после шести уезжал домой Захаров, лейтенант попутно съездил в полк. Вернулся уже после ужина.

На следующий день с подъёма всё шло как всегда. С горем пополам командир роты и старшина построили роту на утренний развод. Прерываясь без конца на замечания разговаривавшим в строю, лейтенант поставил взводам задачу на предстоящий день. Под неодобрительные возгласы сделал замечания по утренним мероприятиям и уже готов был приказать командирам взводов развести личный состав по рабочим местам, как услышал сказанное приглушенным голосом:

- Товарищ лейтенант, разрешите?

Анатолий взглянул налево и увидел стоявшего с поднятой рукой Балабко. Он подумал, что солдат хочет что-то спросить и ответил:

- Пожалуйста.

Но солдат на несколько шагов вышел из строя, неумело развернулся на месте, волнуясь, сначала закинул руки за спину, потом резко

опустил их в низ, приглушенно кашлянул и сказал:

- Ну, в общем, так, ребята. Хулиганить хватит! Кто не будет слушать лейтенанта, и обижать его, во! – и поднял свой не малых размеров кулак.

Высказавшись, Балабко, не торопясь, стал в строй. С минуту стояла абсолютная тишина. Нарушая её, командир роты коротко бросил: «Развести по рабочим местам», - а сам быстрым шагом направился в прорабку.

Глава 3

1

Жизнь в восьмой роте, или как её называли в полку, в лесной, с каждым днём налаживалась. Тамбур и утепление крыш над кухней и столовой превратили эти помещения во вполне нормальные. На кухне даже побелили потолки и стены. Из полка ротный привёз более двухсот книг. У старшины появилось своё помещение – каптёрка. В прорабской будке и в помещении

первого взвода появился телефон. Правда, караульное помещение, прорабка и взвод “висели” на одной линии, но это было лучше, чем прежде. В палатках второго и третьего взводов установили по старому «Рекорду». Резко увеличились объёмы работ на площадке лесной роты и заказы на взрывные работы на основной стройке. Взрывные и бетонные работы очень хорошо оплачивались и солдаты с удовольствием работали. Изготовленные прямо на площадке колонны, установили на место, и началось монолитное бетонирование перекрытий, приёмных бункеров, фундаментов под наклонную галерею. Начались работы по изготовлению фундаментов и стен здания по всему периметру, бетонированию пола первого этажа здания завода. Одним словом, открылся очень большой фронт работ. Захаров предлагал добавить на площадку рабочей силы, но командир роты категорически возражал. Во-первых, негде размещать людей. Во-вторых, отделения роты, хотя и стали работать лучше, но пока работали без особого напряжения. Чтобы

выполнить заданные командованием показатели по заработной плате за прошлый месяц, пришлось в наряды писать и писать сотни кубических метров очищенного снега. «Надо нам как следует задействовать имеющихся солдатиков», - сказал лейтенант Панов, и старший лейтенант Захаров вынужден был с ним согласиться. Отделения, не выполнившие сменные задания, командир роты всё чаще стал задерживать на стройке на часок - другой. В конце дня они с прорабом стали почти ежедневно обходить площадку и проверять выполнение сменного задания. Солдатам, которые больше имитировали, чем делали работу, стали давать на день задания персонально. И результаты их трудового дня теперь были видны наглядно. А командир роты требовал от командиров взводов письменных рапортов о причинах не выполнения сменных заданий взводом, с конкретным указанием, кто из солдат какую работу не сделал и почему.

Но самые большие перемены в роте произошли в дисциплине. Больше ни кто

откровенно не симулировал, выполняя распоряжения командира роты, делали требуемое с явным нежеланием, в замедленном темпе, но молча. Всего за несколько минут рота поднималась по утрам и выходила на утреннюю прогулку. Перед началом работы сто процентов солдат каждое утро стояли в строю на площадке перед входом в столовую на утренних разводах. Молодой командир уже считал, что он одержал победу над нарушителями дисциплины, заставил их повиноваться.

Несколько раз в роту приезжал замполит полка. Каждый раз он наставлял лейтенанта работе с подчинёнными, подсказывал, как лучше организовать работу с солдатами и их быт. Однажды замполит завёл с лейтенантом разговор о Балабко. В ходе той беседы он открыл лейтенанту глаза на истинную ситуацию в его роте. В роте было не мало солдат, которые, как и Балабко, уже прошли воспитание в местах лишения свободы. Балабко в их среде был лидером. Да, он запретил своим дружкам издеваться над молоденьким офицером и не

выполнять его требования. Но он не отказался, и вряд ли когда откажется, от традиций, по которым жил многие годы. Не мог он, не смотря ни на что, измениться в одночасье, изменить отношения с такими, как он. Всё это ротному надо было знать и учитывать, чтобы Балабко по настоящему менял своё отношение к службе. Мудрый замполит объяснил лейтенанту, что чтобы его хороший поступок имел по настоящему хорошие последствия для солдата, надо было ещё очень много поработать со своим подопечным. А он по сути ни чего ещё и не сделал. Не мог лейтенант не спросить майора, а что же ему делать с этим Балабко, как же его и остальных нарушителей направить на верный путь? К великому разочарованию офицера, замполит ответил ему, что точно прописанных универсальных на все случаи жизни и применительно ко всем солдатам методик не существует. Тут нужно поступать по обстановке. Главное, лейтенант, относись к нему всегда так, как в тот раз. Да и не только к нему. Всех солдат жалея, а за порядок, за службу спрашивай.

Главное, всегда поступай так, а уж остальное смотри сам.

2

Много размышлял лейтенант над словами, сказанными замполитом. Очень хотелось ему поговорить с Балабко. Но он не знал, о чём будет говорить, что скажет, с чего и как начнёт разговор, и поэтому разговор он откладывал и откладывал. Бывая ежедневно на строительной площадке, он видел, как споро работал Балабко. Солдат хорошо владел многими строительными специальностями, был крепок и сноровист. Когда отделение принимало и укладывало бетон, Балабко становился у большого металлического ящика и без передышки бросал и бросал бетон в опалубку. Если приходилось переместить какие-то тяжелые изделия или части конструкций, Балабко брался первым, отодвигая в сторону солдат послабее. Душа лейтенанта ликовала, видя это, его тянуло к солдату, но тот делал вид, что не замечает своего командира, и

подчёркнуто старался ни чем не выделяться от всех.

Однажды, обходя строительную площадку, лейтенант не увидел на рабочем месте Балабко. Постояв минут десять, он спросил работавших солдат, где Балабко. Солдаты, переглядываясь меж собой, с ответом не спешили. Когда с тревогой в голосе лейтенант настойчиво повторил вопрос работавшему рядом с ним солдату, тот окинул взглядом остальных и, с явным нежеланием, ответил:

- Тама он. В палатке.

- А что случилось? Почему не на работе?

- Не знаю. Может, заболел, може ещё чё, - уклончиво ответил солдат.

- Где ваш командир взвода? - спросил лейтенант.

- А кто его знает. Где-то греется.

Анатолий быстро обошел площадку и направился в расположение роты. Сначала он направился в свою канцелярию, вошел туда, но

нараставшая в душе тревога исключала какую бы-то ни было работу. Постояв у двери, лейтенант резко развернулся и заспешил в палатку второго взвода.

Дневальный, увидев ротного, резко подскочил, козырнул и доложил, что во взводе всё в порядке. Лейтенант, не задерживаясь, прошел мимо дневального к кровати Балабко. Солдат лежал на спине по лоб, прикрывая лицо одеялом.

- Балабко! - окликнул лейтенант солдата.

Но солдат не шевельнулся. Тогда, подумав, что он спит, лейтенант, стал трясти его за плечо.

- Я не сплю, товарищ лейтенант, - сказал Балабко и медленно отодвинул с лица одеяло.

На левой припухшей скуле, выше правого глаза и на переносице были ссадины. Правый заплывший глаз открылся не полностью.

- Что случилось, Витя!? - почти прокричал лейтенант, - Кто?

Балабко, опираясь правой рукой о кровать, плотно прижимая левый локоть к боку, медленно сел в кровати.

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, всё в порядке. Ни чего не случилось. Я маленько отлежусь и пойду на работу.

- Какая работа? Тебе в госпиталь надо. Я сейчас же вызову санитарку. Но сначала ты мне скажи, скажи, Витя кто и за что?

- Санитарку не надо. Я никуда не поеду. Пустяки. И доклада не будет, товарищ лейтенант. Я прошу вас, - сказал Балабко.

- Дневальный! Командира взвода, старшину и дежурного по роте ко мне! - скомандовал лейтенант.

Когда дневальный, хлопнув дверью, побежал за сержантами, Балабко, измерив взглядом лейтенанта, продолжил:

- Вижу, не отступитесь, будете разбираться, требовать рапорта, объяснительные. Не надо разбору. Подрались мы. Коноплёв нас и

разогнал. Ему тоже перепало. Давайте сами тут разберитесь, а в штаб не докладываете, товарищ лейтенант. Я вас очень прошу.

- Драку устроил ты?

- В принципе я. Я первый дал по морде. Не сдержался. А потом получил сам. И всё. Виноватых нет.

- Кого ударил, Витя, за что?

- Это тут наши дела, понимаете? Чисто наши.

Балабко стал поднимать босые ноги с холодного пола, и лицо его перекосила острая боль. Лейтенант взял ногу солдата и стал осторожно укладывать на кровать.

- Отойдите! Не надо! - прокричал солдат, отдёргивая ногу, - вы што? Я вас просил? Зачем? Идите, товарищ лейтенант, идите. Я вам уже всё рассказал.

Ротный положил ногу солдата на кровать, подобрал свисшее на пол одеяло и сел на кровать напротив. В палатку уже зашли и

доложили старшина и дежурный, но лейтенант пока не обращал на них ни какого внимания.

- Нет, Витя. Пока я не разберусь, ни куда не пойду. Сержант Маринкин, ты проводил вечернюю проверку, почему не доложил о драке? Где сержант Коноплёв?

- Коноплёв, говорят, в третьем взводе. А про драку я ни чего не знаю. Когда проверял, были все на месте.

- Значит, драка произошла после отбоя? Дежурный по роте, кто дрался, где и когда?

- Не знаю товарищ лейтенант. Я был в первом взводе. Палатки обходил за ночь два раза. Сам ни чего не видел. Мне ни кто не докладывал.

- Ясно. Старшина веди дневального ко мне в канцелярию. Происшествие в роте скрыл он. Ты дежурный оставайся здесь во втором взводе и смотри мне, - отдал распоряжения ротный.

- Товарищ лейтенант. Пускай все отсюда идут. Не надо разбору. Я сам доложу, только дайте

слово, што не буде разбираться пракурор - снова заговорил Балабко.

Лейтенант, опустив голову, сквозь зубы процедил «ладно», кивнул сержантам уходить и присел у кровати Балабко.

Солдат лёг спиной на подушку, скрестил на груди руки и ровным спокойным голосом начал свой короткий рассказ.

3

- Да, я ударил первым. Один наш блатной далековато заехал. Стал уже как палач мучить молодого пацана. Я ему сказал, брось. Он послал меня. В принципе, он прав - кто я такой указывать тут всем? Все ж и так тут на меня косятся, что я за вас заступаюсь. А тут ещё за первогодка заступился. Он на меня попёр, а я не сдержался и по харе. После отбоя вызвали меня поговорить. взводный драку прекратил, побоялся, чтоб его не ругали, так эти скоты и ему накостиляли. У меня ни чего страшного. Я отлежусь денёк - два и всё. Это у меня старые

раны, а так бы ни чего. Не докладывайте в штаб, пожалуйста. Мы тут сами разберемся. Тут же, в принципе, и не Большевец-то виноват. Так же визде. Где вы видели шток братва полы мыла, на кухне чистила картошку? А может вы видели, как деды с родника воду для кухни санями таскают? Вы чо, скажите не видели, что у нас тут одна молодёжь делает все хозработы? А кто у вас ходит дневальными? Все ж видят и ничо. Вроде так и положено. А вы тут кто, да почему? Потому, товарищ лейтенант, потому. Ясно вам?

Молча выслушал лейтенант солдата. А, вставая, сказал:

- Может, всё-таки покажешься доктору, а?

- Если надо будет, я покажусь. Не беспокойтесь. Всё нормально.

- Дневальный! - Позвал лейтенант, а когда тот подошел, спросил солдата, - он ходил на завтрак?

- Не знаю, товарищ лейтенант.

- Принесёшь ему сюда обед, - распорядился ротный тоном, не допускающим возражения, встал и направился на выход.

Выйдя из палатки, лейтенант не знал, что делать и куда идти. Дойдя до прорабки, завернул туда. На своём месте восседал Захаров, а на лавке у стола сидело четверо солдат. У Большовца чернела распухшая переносица и чётко на бледном лице выделялись мешки под глазами. Рядовой Сотник прикрыл рукой свою нижнюю губу.

- А вот и ваш командир роты, - сказал Захаров.

- Лейтенант Панов, а вы знаете, с чем эти бойцы ко мне пришли?

- С чем к тебе пришли не знаю, а что сделали – догадываюсь, - ответил ротный.

- Они пришли просить меня, чтобы я по производственной необходимости перевёл их в другую роту вашего полка, или в другой полк. Вот только не очень хотят говорить, почему вдруг. Жалуются на новые порядки в роте, на твои необоснованные требования.

Я им сказал и повторяю ещё и при тебе, что от тебя у меня секретов нет, и без тебя вопрос о переводе я решать не буду.

Рядовой Сотник поднялся с места и, со словами: «Ну, нам тут больше делать нечего» - направился к выходу.

- Отставить! - скомандовал лейтенант, – уходить вам ни кто не разрешал.

- Да, да сидите, - живо повторил Захаров.

- А чо? Мы арестованные что ли? И уйдём, - писклявым голосом затараторил, поднимаясь со скамьи, худющий с руками, полностью покрытыми татуировками, солдат Кочанок.

- А не будете подчиняться, так я вас сейчас арестую, - повысив голос, ответил Панов, – скомандую сейчас караулу “в ружьё”, закрою вас в кладовую под замок, выставлю охрану и вызову комендатуру. А там командир полка с прокурором пусть решают куда, кого и насколько переводить.

А, обернувшись к старшему лейтенанту Захарову, продолжил, - они сильно избили Балабко и сержанта Коноплёва. Балабко лежит не поднимается у себя, а Коноплёв где-то прячется, наверно разукрасили лицо, стыдится показаться на глаза. Вот зачем им потребовался перевод.

- Вот оно что-о! - протянул Захаров, - а что ж вы мне тут мозги морочите? Не-е-е, братва, в таком случае, ни какого перевода не будет. Я тут, Толя, уже начал звонить в СМУ. Не знал, что к чему. А грех чуть не совершил потому, что по зарез мне нужны сюда кое-какие спецы. Эти друзья знают об этом, вот и подсунули мне идейку, обменять их. А из-за чего подрались? Что не поделили?

- Мне кое-что уже известно. Балабко молчит. От них тоже правды не добиться. Это ясно. А поэтому, пусть докапывается прокурор. Зачем нам заниматься не нашей работой? У нас с тобой и своей работы по горло.

- Товарищ лейтенант, а если без прокурора, самим во всём разобраться? - сказал Синюченко.

- С Балабком мы сейчас же помиримся, а у Коноплёва мы попросим извинения, он нас простит и жаловаться на нас не будет. Это точно. Поймите, нам же лучше любое наказание тут, чем в дисбат. Если б как раньше в лагерь, а щас же только в Новосибирск. Балабка так простили, а нас?

В прорабке наступило молчание. Восемь тревожных солдатских глаз уставились на своего командира. А в голове Панова одна мысль мгновенно сменяла другую, и он ни как не мог остановиться на одной из них и ответить солдатам. Затянувшуюся паузу разговора солдат и их командира прервал Захаров:

- Решай, товарищ командир роты. Ничего страшного не случилось. Сегодня подрались, завтра будут друзьями. А то давай переведём и возьмём вместо них спецов.

- Понимаешь, Володя. Тут всё гораздо сложнее. Не простая пустяшная ссора перешла в драку. Можно, конечно, и не отдавать их под суд, но надо быть на сто процентов уверенным, что это

не пойдёт дальше, и не наживём ещё большей беды. Чтобы ни чего подобного больше не случилось, - они должны по-другому служить. Если одни они больше не будут обижать солдат первогодков, от этого в роте ничего не изменится. А поменять поведение всех трудно. Можно взять на себя грех и не докладывать о случившемся командиру полка, но при одном условии. Эти орлы, Большевец в первую очередь, из-за которого всё и произошло, молодой солдат, дневальный по взводу, командиры отделений этого взвода должны письменно, подробно изложить обо всём происшествии. От начала и до конца. Всё равно ж кому писать объяснения - мне или прокурору. Но я могу эти бумажки подальше спрятать и всё. До первого нарушения этими друзьями. Это надёжно их будет останавливать от нарушений. Чего нам и надо. А у меня будет основание поверить. Вот так и только так. По - другому с ними нельзя.

- А чо, без бумажек нельзя штоли? Как только што, так сразу объяснительная, - загудели солдаты.

- А что вас так пугают объяснительные? Изложите там всю правду. А потом, если вы больше не будете хулиганить, они никогда, никому и не потребуются. Напишите и пусть себе лежат. Я что? Собираюсь вас шантажировать? Или я требую что-то непопозвенное? Не хотите исправляться здесь? Тогда поезжайте в Новосибирск, исправитесь там и приезжайте дослуживать уже дисциплинированными. Мне всё равно. Но то, что вы тут творите, я обязан пресекать. Каким образом мне это делать - решайте сами.

- Разрешите нам идти? - поднялся рядовой Сотник.

- Если у Владимира Петровича к вам вопросов нет, идите. Но в восемнадцать часов я должен иметь все названные мною бумаги. Или в восемнадцать десять звоню подполковнику Польшгалову.

Старший лейтенант Захаров махнул рукой в знак своего согласия отпустить солдат. Они дружно поднялись и вышли.

4

- Писать они ничего тебе не будут. Не та это братва. “Западло” им писать, понимаешь, Толя?

- Понимаю, Володя, понимаю. Если их не отучивать жить по этим зековским законам, то мы никогда их не перевоспитаем. Тогда надо их там, в тюрьме всю жизнь держать и всё. Или нам всем смириться и жить по ихним законам. Может быть я не прав?

- В принципе-то ты прав. Но ведь всё равно ничего у тебя не получится. Зря петушишься. Ну, взял ты на поруки Балабко, приструнил он их и что? Ты хотел кулаками Балабко держать в повиновении роту?

- Нет, Володя. Ни о чём я не думал. Балабко ни о чём не просил. Тут другое. Замполит полка рассказал мне, кто такой Балабко. Но ведь как он

стал работать на производстве! Больше ни куда не бегают! А что нам ещё надо?

- У меня на участке были зеки. Многие пашут от души. Так что если хорошо работает и никуда не бегают, это ещё ни о чём не говорит.

- Но ведь вчера он вступился за молодого солдата. Подрался со своими дружками. Этим хулиганам разве не лучше во всём признаться, дать слово больше не нарушать дисциплину? А разве объяснительные не будут их постоянно удерживать?

- Ладно, ротный. Говоришь ты правильно, как говорят твои орлы, по - уставному, посмотрим, что у тебя получится.

- Сразу, как говорит майор Пастухов, не получится ничего. Но за их дисциплину спрашивают сразу, сейчас. Поэтому, Володя, и приходится по-разному поступать. Притихнут эти, глядя на них, притихнут и другие.

Всё время пока разговаривали в прорабке офицеры, драчуны стояли у входа в первый взвод, курили и что-то оживлённо обсуждали. В зарешеченное продолговатое оконце прорабки лейтенант видел, как солдаты остановили проходившего мимо старшину роты и о чём-то говорили с ним. Потом, оглянувшись на прорабку, направились в сторону второго взвода. Лейтенант тут же вышел на улицу и окрикнул четвёрку.

- Это куда ж вы собрались?

- Мы до Витька, - ответил Сотник. Мы только потолкуем с ним. По - хорошему. Не бойтесь, товарищ лейтенант. Ни чего плохого больше не будить, честное слово!

- Мириться, это хорошо. А давайте в моём присутствии, а?

Рядовой Сотник оглянулся на своих дружков, помолчал и ответил:

- А разрешите мы сами?

- Ладно. Только не долго. Через десять минут, чтоб все были у старшины.

Солдаты молча развернулись и пошагали в палатку второго взвода.

Ближе к семи вечера четвёрка драчунов, дневальный по взводу и два отделённых явились к ротному. Пожурив слегка за опоздание, внутренне довольный, лейтенант Панов собрал у солдат бумаги и начал читать. Читая поочерёдно пожелтевшие тетрадные листки, он хмурился. Все объяснительные были написаны как через копирку, все похожие одна на другую, текста в них было по три, четыре строчки. После слов от кого и кому объяснительная, у каждого было написано, что он с ребятами пошел за палатку поговорить с Балабко, который ударил рядового Большовец, и они с ним подрались. Все одинаково обещали больше не драться. Лейтенант объяснил солдатам, что такие объяснительные не годятся, и предложил помочь им написать так, как надо.

Допоздна задержался он в тот вечер в канцелярии, помогая каждому участнику события в написании объяснения. Сначала солдаты всячески противились малейшему уточнению происходивших событий. «Мы ж написали, что подрались, что ещё надо?» - говорили они.

С большим трудом были написаны объяснительные так, как надо. Ротный сложил документы в свою полевую сумку и ушел в караул. Бумаги он закрыл в сейф к Дихканову приказав, ни кому, ни под каким предлогом их не давать.

На следующий день, на обед в столовую пришел Балабко. С обеда он пошел на работу. Утром следующего дня ротный вызвал сержанта Коноплёва и часа два беседовал с ним. У него была рассечена бровь, и сильно заплыл глаз. Лейтенант потребовал от него подробную объяснительную. Главное обвинение командир роты предъявил сержанту за то, что он не доложил о случившемся. «Простил ты солдат – твоё дело. А вот доложить – обязан был

незамедлительно. Сам разнимать дерущихся, а дневального надо было послать за старшиной», – вдалбливал лейтенант сержанту. Сержант как-то легко со всем соглашался. Чувствовалась лёгкость в его обещаниях больше таких ошибок не допускать, навести во взводе порядок. Ни чем не мог объяснить сержант своё бездействие на хулиганство Большовца. На прямой вопрос лейтенанта, почему не пресёк безобразие ты, тупо отвечал, что больше не повторится.

Глава 4

1

Работы на площадке лесного гарнизона с каждым днём усложнялись. На площадку всё чаще требовались высококвалифицированные монтажники и сварщики, наладчики и разного рода механизаторы. Почти каждый день не большим автобусом стали привозить специалистов.

Однажды лейтенанта Панова вызвали в часть за получением денежного содержания роты.

Утром, когда автобус высадил группу прибывших на площадку солдат из других рот и частей, и уезжал обратно в город, лейтенант, договорившись с Захаровым, что тот пришлёт за ним самосвал, с автобусом уехал в часть.

Кассир, как всегда, в банке задержалась. Пока лейтенант получил деньги, пока дождался посланного за ним самосвала и приехал в роту, время уже было послеобеденное. Сначала он зашел в прорабку, открыл свой сейф и переложил туда деньги, вышел на улицу и услышал какие-то странные приглушенные крики и шум падающей на пол посуды. Лейтенант осмотрелся, понял, что шумят на кухне, и быстро туда направился. Когда он вошел в помещение кухни, то увидел стоящего в углу на ящике с крупами повара рядового Бутенко с увесистой деревянной толкушкой в руках. Солдат отбивался от наседавших на него двух пьяных солдат механизаторов, прибывших на работу из города. В другом углу ещё двое пьяных механизаторов мутузили рабочего по кухне рядового Пенькова. Лейтенант закричал:

«Прекратить!» Но на его крик пьяные солдаты никак не отреагировали. Тогда лейтенант подбежал к избивавшим Пенькова, схватил одного солдата за ворот бушлата и отшвырнул в сторону. Он хотел, было, проделать тоже самое и со вторым, но отброшенный им солдат поднялся и с угрозами двинулся на него. Лейтенант не испугался, изготовился отразить нападение пьяного солдата, но продолжал подавать команду прекратить драку. Неожиданно в проёме двери мелькнула рослая фигура. Сильным ударом руки он сшиб с ног нападавшего не лейтенанта, потом в прыжке ударил ногами в туловище солдата, избивавшего Пенькова, и метнулся во второй угол кухни. Поочерёдно вышвырнул из помещения тех двоих, нападавших на повара Бутенко. Только теперь лейтенант узнал, усмирившего пьяных хулиганов. Это был рядовой Валавичус. Он входил в помещение своего взвода, через открытое окно выдачи пищи, услышал из кухни шум драки, голос лейтенанта и поспешил на помощь.

Выкинутые на улицу Ёной солдаты побежали на площадку, и через несколько минут у кухни появились остальные шестеро из группы приехавших из города в тот день. лейтенант и рядовые Валавичус и Бутенко остановили их у входа. Шла острая словесная перебранка, которая в любую секунду могла перейти в столкновение. И тут к кухне поспешили солдаты «лесной». Подвыпившие спецы прекратили «осаду» и направились прочь от кухни. лейтенант Панов подал им команду стоять на месте, но солдаты требование офицера проигнорировали. Старшина роты и командир второго взвода остановили одного из этих солдат и попытались вернуть его к своему командиру, но тот стал сопротивляться. Теперь пьяная команда окружила сержантов. Солдаты не стеснялись в выражениях в их адрес. На помощь сержантам бросился только Валавичус. Начиналась драка, когда из-за угла появился Балабко. Ловкими, сильными движениями он растолкал нападавших на сержантов, с окриком: «Заткнись!» - сильно ударил верзилу в лицо. Тот

злобно посмотрел на Балабко, что-то промычал и отошел в сторону. Из прорабки подоспел старший лейтенант Захаров и потребовал всех приехавших из города следовать за ним. Всех чужаков общими усилиями собрали в прорабке, вызвали наряд из комендатуры и отправили на гауптвахту.

2

Офицеры позвали в прорабскую сержантов и стали разбираться в случившемся. Захарова интересовало, где солдаты выпили, как привезли водку, почему ни кто не доложил ему о том, что с обеда они не приступили к работе. Простой экскаватора, бульдозеров, компрессора и дизельгенератора со сварочным оборудованием ему дорого обойдётся. «Теперь солдат обязательно посадят на гауптвахту, а его участок надолго останется без механизмов. Срыва графика и невыполнения плана работ не избежать, а отсюда и мои и ваши показатели -

заклучил старший лейтенант, обращаясь к собравшимся. Надо что-то делать».

В наступившей тишине, подал голос Ёна.

- А почему тех солдат не заменить нашими? У нас же есть свои специалисты. Бульдозеристов и сварщиков можем заменить хоть сейчас. Вот по экскаваторщику не знаю, а остальных заменить сможем.

- Эти разгильдяи работают в Управлении механизации. Машины за ними закреплены, они за них отвечают, - сказал Захаров, - но что-то делать надо. Видимо, на небольшую авантюру идти придётся.

После этих слов старший лейтенант задумался, что-то долго писал на листе бумаги, а потом сказал:

- Давайте ребята мне сюда вот этих солдат, - и подал на стол список.

Со списком по площадке послали посыльного, и вскоре в прорабскую пришло человек семь солдат. Среди них был и Балабко.

Когда пришедшие расселись по лавкам, старший лейтенант повёл разговор о том, что стройка осталась без механизмов по причине пьянки солдат ими управлявших. Несколько солдат чужаков, парализовали работу роты, чуть не избили сержантов роты. Теперь приходится идти на какие-то нарушения, чтобы не сорвать работу. Неожиданно, прямо с места подал голос Балабко:

- Некоторым нашим сержантам и надо было наkostenять. Вы что ж товарищ старший лейтенант не слышите запашок тут в прорабке? Пьянка происходила в столовой. Старшина и Семенец всё видели и даже угостились. Нашего лейтенанта не было, могли б доложить вам. Если б те дураки не полезли на кухню за закуской и не устроили там драку, сейчас бы они под «мухой» работали. А экскаваторщик такой «спец», что утром трезвый чуть не пришиб ковшом ребят. Вы тут разбирайтесь, а мы пойдём и сами всё, что надо сделаем. До ужина задержимся, если разрешите, и всё.

В помещении воцарилась напряженная тишина. Потом лейтенант Панов произнёс:

- Правильно. Пусть ребята идут работать, а мы тут поговорим.

Захаров кивнул головой в знак согласия, и солдаты покинули прорабскую.

- Старшина, Балабко сказал правду? – спросил лейтенант Панов.

Маринкин вяло поднялся с места, закинул руки за спину и, опустивши голову, молчал.

- А что скажешь ты? – обратился ротный к сержанту Семенец.

- Виноват, - буркнул, поднимаясь с места, сержант.

- Значит, получается, что пьянку механизаторов организовали наши доблестные командиры, вот этого я и не ожидал, - высказался старший лейтенант Захаров. О чём тогда мы с ними тут беседуем? Товарищ ротный? Пусть идут, проспятся, потом разберётесь с ними.

Лейтенант Панов скомандовал проштрафившимся идти. Попросились и получили разрешение офицеров выйти и командиры первого и второго взводов. Ротный и прораб согласовали доклад своим начальникам о случившемся и занялись каждый своим делом.

Уже заканчивал ужин третий взвод, а Балабко и несколько солдат всё не возвращались с работы. Лейтенант Панов прошел на строившуюся верхнюю накопительную площадку, где работали солдаты. Слабо освещаемые электрической лампочкой, тархтели компрессор и дизельгенератор. Четверо солдат поочередно работали отбойным молотком, ровняя каменную стену со стороны горы, а Балабко с подсобником обваривали металлом ограждение площадки с трёх других сторон.

- Может на сегодня хватит? - обратился ротный к Балабко.

- Завтра могут забрать эту технику, а тут уже работы осталось на часок, - ответил солдат, – вы идите, товарищ лейтенант, мы тут закончим и придём. Ужин нам ребята оставят.

3

Остаток дня лейтенант решил провести в роте. Задержавшиеся на работе солдаты поужинали, но по взводам не разошлись, а зашли в помещение первого взвода, где у печки сидел ротный в окружении солдат и о чём-то беседовал.

- Товарищ лейтенант, - обратился к командиру роты Балабко, - сколько вы будете держать старшиной Маринкина и взводным Семенца? Это ж пустые места. Вы из роты, а они спать. Они ж ничего не делают, только числятся.

- А где мне взять сержантов, да ещё хороших?

- У нас есть очень хорошие ребята. Вы поговорите с отделённым Прилудькой, с вашим писарем. А Ёна запросто может заменить

старшину, только звание ему присвойте и всё. Вот Кравец возле вас сидит. Чем не командир? Не заканчивал сержантскую школу? Так и что ж? Гляньте, как он отделением своим командует.

- Лейтенант молча выслушал сказанное, из нагрудного кармана достал записную книжку и стал делать записи. А закончив писать, спросил:

- Может ещё есть какие предложения, не стесняйтесь, скажите? Я же всего ещё хорошо не знаю, - обратился к подчинённым лейтенант.

Вначале солдаты словно и не слышали обращения командира и молчали, но через несколько минут один солдат задал вопрос на тему из жизни роты, за ним второй, третий. Вскоре вопросы сыпались на бедную голову лейтенанта лавиной. Ротный вначале пытался отвечать на вопросы и жалобы солдат, потом стал только делать пометки в своей книжице.

- Запишите товарищ лейтенант ещё и такую просьбу, проталкиваясь к ротному, просил огненно рыжий крепыш, - почему бы не сделать нам баню и кино в один день. Помылись в бане,

посмотрели кино и в роту. А те роты, что в полку, могут помыться и среди недели. Сейчас столько работы, а мы два раза в неделю топаем в полк.

Не успел лейтенант сделать пометку о бане и кино, как уже другой солдат диктовал ему:

- Пишите, товарищ лейтенант. В общем так. Уже начинает понемногу таять снег. А как мы будем возить для кухни воду с родника, когда снег совсем растает? Сейчас сани, а потом?

С разных сторон сыпались и сыпались лейтенанту вопросы на самые разные темы до тех пор, пока к ротному не протолкался дежурный по роте и не напомнил командиру о вечерней проверке и отбое. Лейтенант поднялся, окинул взглядом окруживших его солдат, довольный пошутил:

А политинформацию и занятия мне приходится проводить повзводно. Почти ж вся рота здесь и место ещё есть.

- А вы всегда так, товарищ лейтенант, мы все и будем приходить, - добродушно ответил на шутку командира маленького росточка солдатик.

- Согласен, буду давать вам говорить, кто что хочет, только если и про дисциплину будете слушать.

- Ладно, - загудели, расходясь, солдаты.

Лейтенант велел дежурному по роте проверить роту, доложить ему по телефону в караул и вышел.

4

Долго он в ту ночь не мог заснуть бедный лейтенант. Сколько оказывается у него ещё не сделанного, какой бардак и беспорядок в роте, какие бездельники оказались его сержанты, аккуратно выслушивавшие его указания и ни хрена не исполнявшие их. А какие, оказывается, молодцы солдаты!

- Завтра же позвоню командиру полка. Нет, сначала замполиту, потом командиру. Попрошу, а можно и потребовать. Не дают сержанта, пусть присваивают звание Ёне и назначают старшиной, - думал, засыпая, лейтенант, но в комнату тихо

вошел дневальный по караулу и стал будить его на проверку постов.

Долго в ту ночь не спали и во втором взводе. Раздеваясь и готовясь ко сну, рядовые Сотник и Плаха громко меж собой разговаривали:

- Чё Сотня, как думаешь, молодой хоть на мизинец сделает, что просили? Или поболтал с нами часок, радостный ушел и всё? – спросил Плаха.

-А хрен его знае, может чего и поправит. Салажонок он ещё. Пацан, вроде, за всё берётся, а ума ещё и маловато. Вон Витёк ему сказал, так он и рот открыл.

Кто-то из солдат язвительно хохотнул. Сотник и Плаха на том обмен мнениями и закончили, но продолжали другие в разных концах палатки. Некоторые солдаты говорили спокойно, а кое-кто, обсуждая состоявшийся с командиром роты разговор, не стеснял себя в выражениях. Неожиданно снова подал голос Сотник:

- Пацаны? А кому будет плохо от того, шо сказали литинанту? В роти он меньше

Гордиевича, а шо, мало сделав? Ну не сделае всего шо сказали, но если что сделает, нам же лучше будет. Или не так?

- Та оно, Саня так. Так пахать же заставляет. Мы ж всё понимаем. На бетоне пашем целый день, так ещё и после работы, то баню, то теперь погреб для картошки, а там ещё чего придумае. Пахать то нам. Или с полка придуть и выкопають кубов пиисят мёрзлой, а? – ответил Плаха.

- А ты не хош после работы, не паши. Заставлять под приказом, я думаю, не буде, а если буде, скажем. Пацан понятливый. Уверен, што если с ним по хорошему, он козлить не буде, не такой он, - заключил Сотник и в полумраке палатки приподнялся и посмотрел в сторону Балабко. Тот лежал в привычной своей позе на спине, высоко подложив под голову подушку. Было непонятно - спит он или слушает.

Долго ещё солдаты бубнили в разных углах палатки о своём не лёгком житье – бытье, но плохо в адрес лейтенанта ни кто не говорил.

Глава 5

1

Долго размышлял лейтенант Панов о том, что и как делать дальше. Теперь ему казалось, что он очень многое в роте делал не так как нужно. То, что ещё вчера ему казалось главным и неотложным, оказалось пустяшным и никому не нужным. А какие он строил планы на предстоящую весну!? Он ведь уже приметил место под футбольное поле и волейбольную площадку, вел даже с Захаровым разговор о проведении субботников, чтобы заработать денег и купить футбольные и волейбольные мячи, волейбольную сетку, форму для команд. Уже обдумывал текст ходатайств о присвоении очередных званий сержантам командирам взводов, а старшине роты звания «старшина». А они оказались самыми обычными разгильдяями. Вместе с солдатами пьянствуют. Прав замполит, Балабко ничего в роте не изменил. Сколько не думал лейтенант, ни чего путного не шло ему в голову. И решил он вызвать к себе Балабко.

Когда тот прибыл и доложил, лейтенант пригласил его сесть. Балабко настороженно посмотрел на командира и присел на скамью у самого края стола.

- Виктор, - обратился ротный к солдату,- ты рассказал про наших сержантов и предложил командирами взводов назначить других. Я решил начать с Валавичуса. А уже с ним подберём остальных. Он же всех знает, да и ему тоже с ними работать – будет заинтересован, чтобы были хорошие ребята.

- Это вы говорите правильно, товарищ лейтенант. А при чём тут я? – спросил Балабко.

- Ну, раз ты предложил, значит, знаешь его. Почему именно его предложил? Я же должен знать, прежде чем просить командира полка назначить старшиной. Сам же он себя не будет хвалить и напрашиваться. Парень он, по-моему, скромный.

- Парень он что надо. Он кандидат в мастера спорта. Сюда вместе с нами попал за драку с одной компанией. Те держат над ротой, где он

раньше служил, верх. Ну, там всеми командуют, сами от всех работ увиливают, как и у нас. Наехали они и на Ёну, а он им не подчинился. Позвали за казарму и подрались там. Ёна один, а их трое. Ёне, конечно досталось, но больше тем. Двое лежали даже в госпитале: один лечил челюсть, другому Ёна сломал руку.

- Он борец?

- Да нет. Он по лёгкой атлетике, но сильный и реакция хорошая. В общем, он им накостилял хорошо. Ну, чтобы больше не дрались, ротный его сюда и сплавил. А пацан хороший, грамотный и честный. До армии в школе тренером был. Та вы поговорите с ним сами, узнаете. Лучше у нас ни кого нет.

Лейтенант хотел продолжить разговор по кандидатам на должности командиров взводов, но Балабко счёл свою миссию выполненной, встал и попросил разрешения уйти. Лейтенанту только и осталось, как кивнуть в знак согласия под властным взглядом солдата.

Во время утреннего доклада следующего дня Панов и завёл разговор о командирах взводов и старшине. Подполковник Польшгалов долго молчал, размышляя, потом сказал: «Да, хорошего помощника тебе конечно надо. Надо в первую очередь старшину, да и командиров взводов. Я тут посоветуюсь насчёт Валавичуса. Посмотрим, может быть хоть парочку и командиров взводов подберём тебе».

А на следующий день из полка позвонили и приказали прислать к командиру полка Ёну. Приехал из полка Валавичус вместе с начальником штаба. Перед обедом построили роту, и майор представил младшего сержанта Валавичус личному составу, как старшину роты. После построения майор попросил ротного написать ходатайство на назначение Ёны старшиной и присвоение ему звания. Вместе с бумагами на Ёну лейтенант Панов отдал начальнику штаба рапорт и на назначение двух

командиров взводов. Фамилии лейтенанту назвал Ёна, когда ротный отправлял его в часть, напутствуя. Рапорта майор сначала не хотел даже брать в руки. И только выслушав настойчивое требование лейтенанта и, убедившись, что от решения вопроса о командирах взводов ему деваться некуда, положил рапорта в папку. Вечером командир полка долго читал ротному мораль насчёт недопустимости спешки в подборе сержантов, немалых затрат на их подготовку в школе сержантов, неправильность его, командира роты, требования после первого же нарушения дисциплины снимать сержантов с должностей. Закончил разговор командир требованием хорошенько подумать ещё и утром доложить своё окончательное решение.

На вечерних мероприятиях сержант Семенец уже к личному составу не подходил и командиром себя не считал. Все распоряжения старшина отдавал командирам отделений. Глядя на всё это, думать лейтенанту Панову было не о

чём. На следующий день он представил двух новых командиров взводов.

Глава 6

1

По производственным показателям февраля восьмая лесная в полку лидировала. Когда Панов сообщил это Захарову, тот, усмехнувшись, сообщил ему, что показатели марта будут, если хочешь, ещё выше. С февраля месяца он оставил кое-какие объёмы не оплаченными. Но сейчас середина марта, потом апрель, а это распутица и бездорожье. Бетон, раствор, разные механизмы подвозить не сможем, не будет в это время и взрывных горных работ. На опалубке, на вязке арматурных каркасов много плана не дашь.

- Давай поработаем пару выходных, и пока не развезло, через заболоченное русло ручья соорудим лежнёвку. Вот тебе воскресники, которые ты просил, и самые необходимые

материалы будем подвозить бесперебойно – предложил Захаров.

Панов, в принципе, согласился, но решил поговорить с ротой. Сначала он созвал в прорабку всех сержантов и сообщил им о предстоящей работе. Как только лейтенант закончил излагать суть дела, слово попросил старшина и сказал, что лежнёвку делать надо, ведь на месяц и продукты не завезёшь. Хотя бы через день надо возить хлеб и мясо. Без лежнёвки роте придётся на себе таскать и постельное бельё в стирку. А временами в часть не пройти даже пешком. Остальные сержанты дружно закивали головами в знак согласия со старшиной.

Сержанты уже собрались, было, уходить, но ротный продолжил:

- Ребята, все вы в новых должностях почти неделю. Как дела? Получается ли? Может, у кого есть какие трудности?

Все четверо молчали, как-то стыдливо понутив головы. Это насторожило командира роты и он,

продолжая разговор, попытался разобраться, в чём же дело, почему так поникли его новые помощники.

- Может не подчиняются солдаты? А может вас кто обижает? - спрашивал лейтенант.

Но сержанты молчали, поглядывая друг на друга.

- Понимаю вас, ребята. На первых порах не получается. Тогда скажите, что не получается, в чём помочь? Не молчите. Тут мы все свои. Ваши трудности, это и мои трудности. Вы же не можете выполнять мои требования. Я обязан вас и научить и помогать в работе.

- Товарищ лейтенант, - начал Ёна. - тут немножко не так. Командовать взводом ни чего трудного нет. Вы приказали заставлять делать уборку, посылать в наряд на кухню всех солдат подряд, по отделениям. Я это же требую и от них. А это не получается. Понимаете? Все привыкли, что на хозработах пашет только молодёжь. Ну, против нас все и ополчились.

- Так приказывайте, требуйте, докладывайте письменно мне.

- Тут на доложениях ни чего не добиться. Каждому ж солдату не будешь на каждом шагу приказывать и писать вам рапорта - возразил стройный и симпатичный младший сержант Кравец.

Лейтенант замолчал. Молчали, понурив головы, и сержанты. Лейтенант понял, что лопнула его главная формула подчинения своей воле солдат, а кроме неё у него ничего больше и нет. Что делать, как быть, что конкретно сейчас сказать этим ребятам, взявшимся командовать людьми, согласившимся ему помогать? До лейтенанта стало доходить, что они представляли свою задачу и согласились командовать так, как уже сложилось, а он потребовал всё изменить. Но для работы по - новому, резкой смены требований к солдатам, слому устоявшихся отношений среди самих солдат, они не готовы, не могут. Он потребовал от них невозможного. Вспомнились слова

командира полка, предупреждавшего от поспешности смены сержантов.

- Старшина, - после довольно продолжительной, неприятной паузы сказал лейтенант, - что будем делать? – сиди, - попросил он, видя, что старшина собирается встать.

- Я не знаю, но что-то делать надо, товарищ лейтенант.

- А давайте соберём роту и поговорим с солдатами. Вы им скажете, как теперь надо делать наряд по роте. Если не согласны, пусть скажут вам, - предложил сержант Коноплёв.

- Роту соберём обязательно. Но сначала нам нужно решить, какой нам установить порядок и как этот порядок поддерживать. Да, я объявлю роте мои требования по наряду, потребую от всех заведенный порядок соблюдать. Но это не главное. Я могу роте ни чего и не говорить. Георгий Константинович Жуков говорил: «Армией командуют два человека – я и командир отделения». Что это значит? А то, что

все приказы до солдата доводит его командир отделения и он главный для него командир. Это раз. И второе. Приказ и маршала, и младшего сержанта – закон. Закон требует исполнения и карает за неисполнение приказа как того, так и другого начальника в равной степени.

- Вот это и надо объяснить роте, товарищ лейтенант, - подхватил Ёна. А то станешь солдату говорить, а он: «Ротный ни чего не говорил, а тебе что, больше надо?»

- Обязательно скажу и роте. Но давайте сначала подумаем, что мы потребуем от солдат, как будем наводить порядок. Я думаю, нам надо собраться вместе сначала с командирами отделений. Надо завести такое правило, чтобы если командир взвода или старшина подал команду – её сразу дублировали все сержанты, как и положено. Начал какой-то солдат пререкаться с командиром отделения или взводным – все сержанты сразу на помощь.

- Это было бы здорово, - поддержал Коноплёв.

- И ещё. Давайте подумаем, все ли командиры отделений у нас путёвые. Если кого надо заменить, подбирайте замену. Согласуем с Захаровым, они ж у нас ещё и бригадиры на производстве. Думаю, он нас поддержит, уговорю и командира полка. И так, сегодня после ужина собираемся с командирами отделений, а завтра - собираем роту. Договорились?

2

Сержанты ушли, а лейтенант остался и долго ломал голову, что ж ему делать. Ничего путёвого придумать он не мог, и решил позвать Ёну. Окликнул подметавшего у столовой дневального первого взвода, чтобы велеть найти старшину. Но когда увидел, как резво молоденький, румянолицый солдат направился к нему, решил не отдавать ему распоряжение. Дождался пока солдатик подошел и спросил его:

- Ты когда призывался на службу?

- В октябре, товарищ лейтенант.

- Зайди ко мне.

Когда вошли в прорабку, лейтенант усадил солдата за стол напротив себя и повёл разговор о его службе. Сначала солдат отвечал на вопросы лейтенанта коротко, односложно и уклончиво. Но после того как лейтенант сказал, что о содержании их разговора никто, ничего не будет знать, после просьбы помочь своим рассказом наведению порядка, солдат стал разговорчивее. Всё оказалось простым и в то же время прискорбным. Когда солдат поведал обо всех своих, да и остальных пятнадцати, таких как он, бедах, лейтенант велел ему идти. «А если кто спросит, зачем вызывал ротный, скажи, что спрашивал обязанности дневального по роте».

Солдат улыбнулся лейтенанту и побежал во взвод. Лейтенант взял ручку и быстро исписал целую страницу.

После ужина ротный снова собрал в прорабке - канцелярии сержантов. Разговор был долгим и интересным для всех собравшихся. Когда

Анатолий отослал сержантов проводить вечернюю проверку и отбой, дополнил свои прежние записи. Явился в караул далеко за полночь и довольный быстро уснул.

3

Роту собрали в столовой. Для этого пришлось вынести на улицу столы, на табуретки положить доски, увеличивая количество посадочных мест. Своё выступление лейтенант начал без лишних предисловий. Сказал, что дисциплина в роте на сегодняшний день крайне на низком уровне. Он с помощью командования части пытается, будет и дальше делать всё для того, чтобы изменить её к лучшему. Уже заменён старшина роты, командиры взводов, будут заменены некоторые командиры отделений. Дальше, если не будет улучшения, придётся недисциплинированных солдат привлекать и к строгой ответственности. Чтобы улучшить дисциплину в роте, с сегодняшнего дня в роте вводятся некоторые изменения:

Отныне воду из родника, уборку территории, помогать рабочему на кухне будет дежурное отделение. График дежурств на каждый месяц будет составлять старшина, я – утверждать. Дежурный по роте – командир дежурного отделения. График дежурств дневальных – составляют командиры взводов, с моим утверждением. Подписанный и утверждённый график, обращаю внимание – письменный приказ. Воду дежурное отделение должно привозить сразу после работы, пока есть машина или трактор. Уборку территории это же отделение делает с подъёма - до завтрака. Чистить картофель – после ужина и до отбоя. Молодые солдаты от несения службы дневальными освобождаются до мая месяца. За три месяца они уже надневалились.

В столовой за столы будем садиться по отделениям. Командир отделения - с краю стола, солдат напротив него - делит пищу. За равный раздел всех продуктов отвечает командир отделения.

Почтовые переводы и посылки все солдаты теперь будут получать с командирами взводов у старшины. Деньги молодых солдат будут храниться у старшины. Старшина будет выдавать по мере необходимости. Для учёта взятых на хранение и выдачи денег будет заведен специальный журнал.

Даю всем старослужащим солдатам два дня. За это время предлагаю вернуть молодым солдатам всё, что было отобрано: часы, тёплые вещи, ручки, конверты, деньги – всё, что взяли. Мы уже имеем сведения по всем фактам. Через два дня проверим. Кто не отдаст по - хорошему - не обижайтесь.

Каждый солдат знает своих командиров и начальников. Их приказы и распоряжения он должен исполнять неукоснительно. Если кто-то другой отдаёт какие-то распоряжения, не получив на то полномочий, например, не назначен за командира отделения или взвода старшим, это значит, что он использует силу своих кулаков. Законных полномочий у него нет. Приказ его - не законен, исполняет

распоряжение солдат только под угрозой избиения. Побил или не побил – значения не имеет, наказывать командира самозванца будем как за избиение. Предупреждаю, что если отныне кто-то заставит молодого солдата стирать свою одежду, подшивать подворотничок, чистить сапоги, или делать любую другую работу – буду принимать самые крайние меры. Обещаю. Это порядки лагерные, это позор и в армии недопустимо.

Наша рота располагается не компактно. Есть сложности в организации службы суточного наряда. В наших условиях возрастает роль и ответственность дневального по взводу. Начальник штаба полка по моей просьбе готовит приказ по части, которым устанавливается порядок несения службы суточным нарядом нашей роты. На инструктажах суточного наряда старшина всё будет доводить, но главное то, что теперь будет узаконена персональная ответственность дневального за порядок во взводе с отбоя и до подъёма. Чтобы не произошло во взводе, дневальный обязан всё

видеть, всё знать. Не может пресечь нарушения дисциплины сам, обязан разбудить командира взвода, доложить дежурному по роте, старшине, дежурному по части и т. д. Это требование Устава.

За поведение и службу любого солдата по Уставу отвечает командир отделения. Некоторые солдаты считают, что его распоряжения можно не исполнять. Можно послать сержанта и на три буквы. Но в Уставе и в законе не сказано, чьи приказы важнее – командира полка или командира отделения. Неповиновение, особенно командиру отделения, буду пресекать самым строгим образом. Даю слово, что если дело дойдёт до привлечения к ответственности, наберём на нарушителя не одну статью. Многим нашим солдатам осталось служить несколько месяцев. Я очень хочу отправить вас всех к родителям. Дело за вами.

Разработку мер улучшения дисциплины в роте мы продолжим. Прошу, все изложенные мною требования принять к исполнению. Вот и всё, что я хотел довести сегодня до всех вас.

Потом лейтенант спросил у солдат, есть ли у них какие – ни будь вопросы. Тишина, стоявшая в столовой всё время выступления командира роты, не нарушилась и сейчас. Лейтенант велел командирам взводов развести солдат по помещениям.

Когда солдаты задвигали табуретами и скамьями, у многих из них прорезался и голос. Слух ротного не мог не уловить сказанное кем-то: “Всё, братва! Мы оказались в дисбате.” Говорили, покидая столовую, солдаты и многое другое. Главное, что отметил Анатолий, они с сержантами коснулись очень важных проблем жизни роты. Задели самое важное в жизни роты. Только сейчас Анатолий стал понимать, какая сложная и многотрудная работа ему теперь предстоит. Это его тревожило и волновало, как перед трудным экзаменом, но и радовало, что он в очередной раз сделал для себя открытие, приоткрыл занавес незнания, скрывавший от него настоящую жизнь его роты. Рухнули его недавние представления о своей роте, но знание простейшей, очень неприятной

истины, не пугало его. Он ещё ничего не сделал, чтобы изменить атмосферу несправедливости и нечестности среди солдат, но настроение его было таким, словно он уже навёл в роте честный уставной порядок.

4

По настоящему же обрадовался молодой офицер результатам проделанной им и сержантами работы, когда увидел на следующий день, как дежурное отделение первого взвода тащило от родника сани с водой для кухни. Как, раздеваясь по команде “приготовиться ко сну”, молодой солдатик второго взвода снял толстые шерстяные носки и повесил сушиться у печи. Как у его нового писаря откуда-то появились часы. А разве не могла ликовать его душа, когда ему лично пришлось усмирять солдат за столом во время ужина. Ссора возникла из-за того, что деливший пищу солдат Каменец, не перемешал в бачке второе блюдо, а начал накладывать в миски. Пошли жалобы на повара, который не

одинаково во все бачки накладывал кашу и подливу с мелко нарезанным мясом. Ничего не мог придумать командир роты по поводу посылок. Молодые солдаты посылки стали получать и вскрывать у старшины роты. Письма, фотографии, конверты, бумагу и все остальные присланные мамой вещи, молодой солдат, куда-нибудь прячет, а всё съестное несёт во взвод. Там на посылочный ящик налетают, и через минуту счастливчик запикивает пустой ящик в печь. В увесистых ящиках съестного получившему посылку хватило бы не на один день хорошего питания, а достались граммы. Но что тут поделаешь? Тут уж они сами так решают. Так поступаю все. Традиция.

Через несколько дней, когда лейтенант со старшиной зашли на кухню глянуть как “дедушки” чистят картошку, нарядчики на кухне подкинули ему вопросик.

- С нас вы требуете как прокурор, - сказал ловко орудовавший ножом полный коротышка, - мы молодым всё, что взяли на “сохранение”, вернули, а Семенца и Маринкина не шевелите.

Перевели их в полк и командуют там себе, как ни в чём и не бывало.

- И они в чём-то замешаны? - спросил лейтенант.

- Нет, они святые, - ответил коротышка под дружный хохот солдат.

Ротный взглянул на Ёну, тот молча утвердительно кивнул.

- Ясно. Разберёмся и с этими крахоборами. Заставим всё вернуть.

- Так они ж всё пропили, как же вы вернёте? - вставил другой солдат.

- Подумаем как. А скажите ребята, прямо здесь, по свойски - Ёна в этих делах замешан?

Солдаты перестали смеяться. А Сапожников, повернувшись к командиру, спокойно и убедительно ответил:

- Если б все сержанты были такими, как он, офицерам бы в ротах и делать было б нечего. В нашем взводе кое-кто по шее получил за такие вещи.

- И ты получал? - переводя разговор в шутку, спросил лейтенант.

- Не, я не получал, но мог бы.

Солдаты на ответ товарища хитро хохотнули, а лейтенант, отметив, что чистить картошку они не разучились, шутливо пожелал им успеха в выполнении ответственного задания и направился на выход.

Когда вышли на улицу, лейтенант спросил, обращаясь к старшине:

- Грешны?

- Да. Деньги собирали это точно. Предлагали и мне собрать и присоединиться. Семенец увёз дорогой бритвенный набор Мясникова. У Маринкина видел двое часов, явно одни не его. Ну, было несколько почтовых переводов. Надо ещё поспрашивать солдат.

- Их у нас не много. Давай сегодня с ужина всех в прорабку. Там и спросим.

На следующий день, будучи в полку на совещании, лейтенант Панов вручил майору

Пастухову рапорт с указанием, что из солдатских вещей и примерную сумму денег надо истребовать с Семенца и Маринкина и вернуть молодым солдатам его роты. Прочитавши рапорт лейтенанта, майор Пастухов поинтересовался, как это ему стало известно и есть ли подобные факты со стороны старослужащих солдат. Лейтенант вкратце и рассказал замполиту о последних событиях в роте. Майор одобрил его действия, пообещал помощь, если потребуется, и добавил, что такие требования надо предъявлять постоянно. Особенно надо следить за сержантами и помогать им. С сержантом Семенец и Маринкиным пообещал разобраться незамедлительно.

5

А время шло. Заканчивался март, фактически зимний в этих местах месяц. Ещё держались по ночам крепкие морозы, но всё больше становился день, всё чаще выпадали солнечные

весёлые деньки с голубым высоким и волнующим небом.

В пойму ручья Захаров послал бульдозер и стал завозить щебень. Лесничество выделило ему участок леса для рубки. На валку леса послали несколько специально подобранных солдат. К воскресенью в пойме ручья дорога была очищена от слежалого, подтаявшего снега и расширена. Вдоль дороги было разложено десятка четыре длинных сосновых хлыстов, насыпано много куч щебня.

В воскресенье после завтрака рота во главе с лейтенантом, с пилами, топорами, лопатами и ломами направилась сооружать «дорогу жизни», как в шутку прозвали солдаты лежнёвку.

У переезда через ручей в самосвале солдат ожидал Захаров. С ним в кабине сидел бородатый старик. Жестикулируя, дед что-то рассказывал старшему лейтенанту. Савелия Кузьмича Захаров привёз из соседней деревни. Дед показал, где самое топкое место, показал, в

каких местах под хлысты надобно положить «поперёки», как делать саму лежнёвку.

Офицеры поставили отделениям и взводам задачи, и работа закипела. Решили работать без перерыва до трёх часов. Бульдозер разровнял щебень и начал тросом таскать, раскладывая длинные хлысты. Под руководством Захарова два отделения укладывали брёвна, немного заглубляя в щебень, сколачивали их скобами и кое-где ровняли верхнюю часть. Остальные отделения таскали и укладывали в нужные места дороги трёх – четырёх метровые тонкие брёвна, подсыпали щебнем железобетонное кольцо на русле ручья, подравняли после бульдозера дорогу. До мостка через ручей дошли очень быстро и, возможно, в тот же день и закончили бы работу, но кончились брёвна, и щебёнка. Заканчивали работы на дороге в следующее воскресенье только четыре отделения. С места взрывных работ в горах в рабочие дни на территорию расположения роты навозили горной «мелочи». Отсыпали дорожки и площадки у столовой, у кухни и у палаток.

Ёна не давал ротному прохода с подвозкой воды для кухни. На дороге появились проталины, и сани с бочкой вручную таскать уже было тяжело. Пока с трудом таскали. Если на площадке был бульдозер или самосвал, тащили техникой, но было ясно, что когда дорога полностью очистится от наста и просохнет, так возить воду уже будет невозможно. Командир полка каждый раз обещал проблему решить, но вопрос всё не решался. Обещали дать роте полуприцеп с ёмкостью для воды. На нём можно было бы возить воду круглый год. Но время шло, а проблема подвоза воды не решалась.

6

Однажды к ротному подошли Балабко и Ёна. Парни предложили свой вариант решения проблемы подвоза воды. – Мы не будем посвящать вас в суть дела, дайте нам во вторую смену самосвал и человек пять солдат. Завтра утром у столовой будет стоять бочка, -

предложили они. Не раздумывая, лейтенант согласился.

Утром у столовой стояла выкрашенная чёрной краской металлическая бочка на двух колёсах. Впереди была приварена миллиметров в сто труба, оканчивавшаяся металлическим кольцом. Сверху у круглой объёмистой бочки зияло большое отверстие. Сзади торчал кран. Обрадованный лейтенант обошел вокруг бочки, всё осмотрел, и остался очень доволен решением проблемы.

Недели через две лейтенант Панов шел в роту из полка. Его нагнал ГАЗ – 69. Поравнявшись с офицером, машина остановилась. Открывший дверку замполит полка, пригласил лейтенанта в машину. На лавочках, по бокам бортов сидели: средних лет женщина, капитан милиции и солидный гладко выбритый мужчина. – Мы к тебе, товарищ лейтенант. Приедем, расскажем зачем, - сказал замполит, и дальше ехали молча. Несколько сот метров остававшегося пути лейтенант ехал с думой о том, что же случилось. Что натворили его орлы?

Когда машина выехала на поляну расположения и все пассажиры стали указывать шоферу ехать к кухне, лейтенант Панов стал догадываться, зачем едут к нему гости.

У кухни машина остановилась. Приехавшие быстро выбрались из салона, и окружили ротную водовозку. Лейтенант с замполитом молча стояли в сторонке и наблюдали тщательный осмотр женщиной и, по-видимому, её начальником бочки. Осмотр продолжался минут двадцать. В конце - концов женщина отошла к машине и, глубоко втянувши симпатичным носиком воздух, сказала: «Нет. Эта не наша». После этого гости сели в машину и укатили. Часа через два ротному позвонил командир полка и сказал:

- Ты там своих орлов попридержи. На сей раз пронесло, но в другой раз могут и поймать, отвечать придётся. Братва у тебя ещё та. Сегодня спёрли пустую бочку для кваса, завтра тюкнут с пивом. Смотри мне.

- Понял, товарищ подполковник.

- А тыловикам я вставляю.

7

Весь апрель и май в лесной роте было настоящее столпотворение строителей. Распутица и паводок приостановили работы на многих объектах большой стройки. Каждый день на прорабский участок Захарова привозили 3-4 автомобиля рабочих с других объектов. Часов по десять - двенадцать работали и все отделения роты. В горах развернулось строительство дороги, шел монтаж тяжелого технологического оборудования на щебёночном заводе, велись отделочные работы в производственно - административном здании, где зимовал взвод, располагалась кухня и столовая роты. Первый взвод день и ночь сооружал себе новое хорошее жилище, спешно строили столовую. Её решили строить капитальной и по окончании строительства использовать для обслуживающего персонала завода. С раннего утра и до темна пропадали в горах взрывники.

Мастер подрывник взял себе в помощники Виктора Балабко. Теперь крестник лейтенанта, как называл его замполит полка, каждое утро шел в горы, проверял готовность к взрыву шурфов. С мастером получали и контролировали погрузку взрывчатки, закладывали шурфы. Пока полностью солдаты не закопают все заряженные шурфы, Балабко не покидал массив. После выполнения всех работ, сдавали подготовленный массив под охрану и шли в зарядную готовить всю поверхностную оснастку к взрыву. В роту солдат приходил иногда далеко за полночь. Парень втянулся в работу, был горд за доверенную очень ответственную, самостоятельную и опасную работу.

Если бы кто спросил у лейтенанта Панова, чем он сейчас занимается, вряд ли он смог ответить, чем конкретно. Всё чаще ему приходилось помогать Захарову на площадке. Велось строительство казармы и столовой, почти ежедневно его требовали в склад, приходилось выезжать на активирование скрытых и специальных работ в горах и на строительство

туда дороги. Одним словом, в течение каждого дня ему приходилось решать самые различные вопросы во всех частях быстро разросшейся площадки. В то же время, никто не освобождал его и от руководства караулом. Скромный, тихий, но требовательный и строгий к подчинённым сержант Дихканов, видя загруженность начальника караула, беспокоил его только тогда, когда вопрос мог решить только лейтенант. Круглосуточное несение караулом службы, все занятия, внутренний распорядок в карауле он обеспечивал сам.

К июню сторонних рабочих на площадку стало приезжать всё меньше. Накал работ стал помаленьку спадать. Заканчивались основные работы на казарме и столовой, и лейтенант потихоньку приступил к подготовке строительства бани и хранилища овощей. Приехавший как-то начальник управления войск, спросил у ротного, что это он собирается строить ещё. Панов объяснил высокому, стройному, бритоголовому полковнику. Тот выслушал молодого офицера и, усмехнувшись, сказал:

- Нам эта баня нужна от силы на год. Потом мы отсюда уйдём. Рабочих на завод сюда будут привозить из города, им она не будет нужна. Так ты тут не мучься, не разворачивай капитальное строительство. Построй по типу, как строили мы на фронте. Да что это я тебе тут объясняю. Почему Польшгалов тебе не подсказал, он же тоже, черт его знает, фронтовик. Он у тебя здесь бывает? Скажи честно.

- Бывает, товарищ полковник. Но вот не подсказал, а я не спросил,- ответил лейтенант.

- Сделай вот так, - и начал объяснять, как быстро и без особого труда построить хорошую полевую баню.

Вечером того же дня экскаватор выкопал большой котлован. За несколько дней солдаты заготовили в лесу мелкого кругляка, обставили им стены помещения, сверху сделали накат из брёвен в качестве перекрытия. Экскаватор прорыл от бани глубокую траншею в овраг. В траншею положили асбестовую трубу. Бульдозером засыпали траншею и яму по

периметру бани и насыпали метра полтора земли на крышу. Осталось провести в баню свет, поставить печь, настелить пол и соорудить лавки.

Дня через два в роту приехал командир полка. Выслушав рапорт ротного, подполковник сказал:

- Показывай свою чертову баню.

После осмотра почти готовой бани он обошел помещения роты, осмотрел строящийся завод, караульные помещения и, собравшись уезжать, сказал сопровождавшему его ротному:

- Всё у тебя тут нормально. Работа сделана большая. Начальнику управления жаловаться тоже умеешь. Молодец. Тебе от полка маленькое поручение. Вон смотри, какое отличное сеноросло на твоей поляне. Я прикажу привезти тебе косы. Выкоси для полковой лошади на зиму, а остальное отдадим старшинам рот пополнить соломенные матрасы солдатам. Пока ж мы не всем ротам выдали ватные. Я тебя прошу.

- Будет сделано, товарищ подполковник, - ответил лейтенант Панов.

И комполка убыл.

Глава 7

1

Солнечным воскресным утром лейтенант Панов шел из города в свою роту. Поздно вечером накануне приезжал дежурный по караулам с проверкой. Замечаний особых у проверявшего подполковника не было, и лейтенант решил уехать с ним ночевать в общежитие. Повидался с ребятами, прочёл и написал письма. А с подъёма поспешал в свой лесной гарнизон.

Вот он вошел в белизну молодого березняка. Дорога в том месте была узкой и напоминала прорубленный в ослепительно белом снегу туннель. Всякий раз, когда лейтенант в солнечный день проходит этот участок дороги, все его мысли куда-то улетают, на душе становится легко и радостно. Если приходится идти в пасмурный, дождливый день, настроение его здесь становится неважным. В такие дни ему

кажется, что плотно стоящие и вытянувшиеся в высь молоденькие берёзки беззащитны и усердно машут своими верхушками, отгоняя невзгду.

За молодым березняком начинался заболоченный участок леса, заросший сначала молодым густым ельником, потом кустарником, переходящим в большую поляну с кочкарником и полосой болотца вдоль ручья. За ручьём лежнёвка ныряет в густое смешанное мелколесье и постепенно поднимается на пригорок. На пригорке солнцу подставили свои золотистые стволы, словно спины, раскидистые многовековые сосны. Стоят они не густо. Под ними чернеют круги прошлогодних шишек, да толстые прутья кое-где оголённых корневищ. Зеленеющая трава меж соснами, была реденькой и чистой.

Сначала горбатый пригорок постепенно выравнивался, а потом переходил в большую поляну, на которой и служил лейтенант.

Вот промеж сосен мелькнули палатки, новая столовая, а потом открылась и вся поляна. Лейтенант окинул её взглядом и остановился. От края леса до строительной площадки с постройками и дальше в сторону складов кипела работа: деревенские мужики, подростки и женщины ловко работали косами. «Но мне же командир полка приказал выкосить поляну. Как же так? Кто им разрешил?» – лихорадочно размышлял лейтенант, устремившись к работавшим сельчанам. Подойдя к пожилому усачу, точившему косу, лейтенант, не здороваясь, обратился:

- А кто вам разрешил тут косить?

- А кто нам должен разрешать, коли это наши покосы? Вы и так оттяпали у нас, считай, половину поляны. Малость, ладно, застроили, а сколько перетоптали тракторами да машинами?

- Но мы тут живём и работаем! Это наша территория. Командир полка приказал мне выкосить поляну. Приказ не выполнить я не

могу. Так что вы заканчивайте и покиньте территорию, - выпалил Анатолий.

По дороге от столовой к командиру роты уже спешил старшина и командир первого взвода. Мужик, наточивши косу, сунул продолговатый брусок за голенищу сапога и продолжил работу. К стоявшему в полной растерянности лейтенанту подошел дед Савелий.

- Здорово живёшь, паря, - протянул дед, - ты тут вот што, послушай старого. Када началась ваша стройка, мы в сельсовет, мол, как же наши покосы? Наш председатель и из району сюды приехали. Ходили, смотрели, поездили окрест и порешили – стройка - стройкой, а покосы наши. Меньше буде, ну што ж. Кругом тайга. Де ишо столько найдёшь? Нету больше таких покосов. Так-то вот.

- Савелий Кузьмич, выпалил молодой офицер, - откуда я знал, что вы тут нарешали. Надо было с нашим начальством поговорить. Мы ж теперь тут живём. Мне приказано выкосить поляну и

отвезти сено в полк. Как я могу не выполнить приказ самого командира полка? Вы понимаете?

- Про службу ты мне паря не сказывай. Знаем мы, сами служили. А ты командиру твоему и скажи, так, мол, и так - деревенская покосы, трогать нельзя. Нам скотину кормить. Во! – и поднял вверх свой изогнутый трудами мозолистый палец.

- Ну, смотрите, я вас предупредил. Я доложу командиру полка. Отменит приказ - хорошо, а не отменит, я не виноват. Смотрите.

Старшина, - обратился лейтенант к подошедшему младшему сержанту, - когда они сюда пришли, ты предупредил, чтобы не косили?

- Так точно, товарищ лейтенант. Предупреждал. Вон тот, - он показал на рослого молодого мужчину, - даже угрожать мне начал. Иди, говорит отсюда, пока не накостылял. Попробовал бы. Мы с ребятами хотели их разогнать, но решили подождать вас.

- Савелий Кузьмич, вы всё-таки не косили бы сегодня, а? Доложу я командиру полка, или вы съездите к нему. Тогда б уж и косили.

- Не-е. Мы испрашивать вашего командира не будем. Он должен у нас спрашивать. Эти леса наши. Мы тут знашь с каких времён? То та же! Покосы у нас никто не забирал, стал быть ани наши. И весь тут тебе сказ. Ты ступай, ступай. У тебе служба, а нам работать надобно. Солнце уже припекает.

Старик переложил косу из руки в руку и пошел к своей стёжке. С минуту постояв, пошагал восояси и лейтенант. Из прорабки он позвонил в полк, спросил у дежурного кто есть из командования. А, узнавши, что от командования в полку только капитан из политчасти, закрыл будку и пошел в караул.

С наступлением жары сельчане работу не прервали. Вернувшись к обеду из караула, лейтенант снова подошел к деду. Вопрос косить - не косить больше не обсуждали. Лейтенант пригласил деда пообедать, когда тот, отдыхая,

жевал чёрный хлеб, прихлёбывая из бутылки молоко. Но тот хитро перевёл разговор в шутку:

– Ты вона Настеньку пригласи. Она у нас в районе работает, грамотная. По деревенски обедать разучилась, вишь как мухоту отгоняет? Отвыкла от деревни. Матери помогает. Хороша девка, а жиниха нету. Ну, чо молчишь? Приглашай. Оробел? Мать у её женщина строгая. Ну, на тебе не осерчает, как ни как при погонах, – мурлыкал, всё время хитро улыбаясь, дед.

Молодой офицер и сам уже заметил резко выделявшуюся на фоне остальных сельчан своим поведением и одеждой стройную девушку.

2

В тени роскошной сосны у палаток сидела группа солдат. Огненноволосый Мишкевич спросил, обращаясь к Балабко:

- Вить, а Вить, как думаешь, а чё летёха нам не приказал прогнать деревенских? А?

- Он чё? Дурак, что ли? Они ж так просто не уйдут. Не драться же с ними.

- А вот если бы приказал, стал бы?

- Конечно не. И ему б сказал, если б стал петушиться. Я вот думаю, где для полка косить. Там на горе есть несколько небольших полянок. Можно и ещё поискать. Пойду, скажу лейтенанту, пусть не переживает.

Солдат рассказал лейтенанту о полянках в горах. Потом командир отдал солдату распоряжение и тот направился к палаткам, а через несколько минут группа солдат направилась в горы искать поляны для покоса. К вечеру солдаты из леса вернулись. Лейтенанту они доложили, что за логом на пригорке есть отличная поляна. Сена там хватит не для одной лошади. Вот только сено оттуда придётся таскать вручную, дороги нет. Поэтому, когда утром лейтенант докладывал начальнику штаба о делах в роте, о возникшей проблеме с сеном он говорить не стал.

На неделе капитан из службы тыла полка привёз в роту несколько кос, и старшина стал их готовить для работы.

Докладывая командиру полка о том, что косы в лесную завезены, начпрод полка заметил, что можно было косы и не возить, поляна уже выкошена, сено сушится. Не вникая в суть дела, подполковник Польшгалов и приказал своему заместителю на субботу заказать пару машин и вывезти из лесной роты сено.

Утром в пятницу во время доклада лейтенант Панов отпросился у командира полка на свадьбу своего однокашника. В два часа дня в тот день ему уже надо было быть в городском Загсе, а потом на вечеринке в городском кафе. Женился Геннадий, близкий друг и товарищ по училищу. Командир полка после некоторых возражений, всё-таки на свадьбу его отпустил, но порядок в роте приказал обеспечить, а утром в воскресенье быть на месте. Не успел лейтенант отойти от телефона, как командир полка позвонил ему снова и сказал:

- У нас тут выведен за штат капитан Герасименко. Он уже старичок, прихварывает, мы готовим его на увольнение. Так я решил направить его пока к тебе на помощь. Завтра утром он будет там у тебя в роте. Дождётся тебя, и отпусти его, пусть отдыхает. В общем, смотрите там сами, когда кому ночевать в роте, делите выходные. Капитан капитаном, но за всё отвечаешь ты. Понял?

- Так точно товарищ подполковник! Спасибо, - ответил Панов.

Ротный тут же позвал Ёну, рассказал ему о предстоящем своём отсутствии и прибытии в роту капитана Герасименко. Приказал передать командирам взводов, чтобы готовились на воскресенье косить.

3

Весело и скромно отгуляли молодые офицеры свадьбу своего товарища. В субботу подольше поспали, а потом принялись помогать молодой семье в обустройстве. В офицерском общежитии

произвели небольшое переселение и временно, до получения квартиры, освободили комнату молодоженам. Геннадий со своей симпатичной с конопулями на лице и красивом носике, улыбчивой женой целый день мотались по магазинам, приобретая самые необходимые хозяйственные мелочи: посуду, электрическую плитку, чайник, кастрюли и прочее. А Анатолий с ребятами обустроивали комнату молодоженов скромной казённой мебелью. Пристроили у двери вешалку, врезали дверной замок. Вечером уже в их комнате состоялся коллективный ужин. Лейтенант Панов, помня о раннем подъёме в воскресенье, покинул вечеринку первым.

Не поспал лейтенант и трёх часов, как вахтёрша тётя Валя разбудила его словами: «Толя вставай, там за тобой пришли. Что-то на твоей службе случилось».

Не заправив кровать, застёгиваясь на ходу, лейтенант пулей вылетел на улицу. На деревянном крылечке стояли Ёна, Балабко и

командир первого взвода. Первым заговорил Ёна:

- Восемь наших солдат в комендатуре. Утром из полка пришли две машины за сеном. Я сказал товарищу капитану, что сено косили не мы, что сено мы накосим в лесу и привезём в полк, но товарищ капитан не послушал и приказал сено грузить. Солдаты, те, что грузили сено, вот из его взвода, попросились у товарища капитана пособирать в лесу ягоды. Он их отпустил, а они поёрлись в деревню.

- А чего же вы? Почему отпустили? – недовольно спросил лейтенант.

За всех ответил Балабко:

- Я работал на столовой и не знал. Старшина тоже был с нами.

- Часов в десять приехали деревенские ворошить сено, а там его почти нет, – продолжил Ёна, - был скандал. Мы их успокоили, я дал слово, что сена накосим, высушим и поможем отвезти. Деревенские пошумели и уехали. Наши в деревне погуляли, стали

собираться, чтобы идти в роту. А тут едут мужики от нас. Не знаю, что там произошло, но деревенские сначала скандалили, а потом стали наших бить. В общем подрались. Ну, кто-то позвонил, приехала милиция и патрули. Двое наших сбежали, а остальные на губвахте.

- Ни кого не покалечили? – спросил лейтенант.

- Вроде не, - ответил Балабко, – Сыч говорил что, морды друг - дружке набили и всё. Несколько мужиков милиция тоже увезла.

- Что будем делать? – спросил лейтенант.

- Мы решили доложить вам. Капитан как после ужина ушел в караул так и не приходил, - добавил старшина.

- Тогда пошли в комендатуру. Разберёмся, что и как. Мне ж утром докладывать командиру полка.

Балабко, было, попросился идти в роту, но лейтенант настоял, чтобы он шел с ними.

Долго оперативный дежурный и дежурный по гарнизону не разрешали Панову и его помощникам увидеться с отличившимися. В конце - концов, разрешили их осмотреть и побеседовать.

Когда все четверо вошли в камеру задержанных, «любители ягодок» прямо на полу камеры спали крепким сном. И без разбирательства было видно, что потасовка была не шуточной: на голове рядового Вишкевича белела повязка с проступившей и засохшей кровью, у Савиновича кровавой синевой заплыл левый глаз, у рядового Присядько надорван рукав гимнастёрки, опух нос и расцарапано лицо. Свежие ссадины на лицах, на головах и руках спавших, плюс настоявшийся отвратительный запах перегара дополняли картину яркими свидетельствами случившегося.

Панов приказал старшине драчунов будить и по одному приводить к нему на разбор. Минут через двадцать в дежурку зашел рядовой Вишкевич. На расспросы командира роты отвечал неохотно, общими словами. Минут за

пятнадцать беседы с солдатом ни чего конкретного лейтенант не узнал. Когда он приказал старшине привести к нему следующего, Балабко попросил разрешения сходить в камеру к солдатам. Лейтенант разрешил. Минут через десять Балабко позвал лейтенанта в камеру, где все уже были разбужены, и подробно доложил обо всём происшествии.

По приходу в деревню, солдаты купили в магазине курева, вина и кое-какой еды. Когда стали возвращаться в роту, на окраине деревни повстречали деревенских, шедших с нашей поляны. Полная тётка сразу стала на солдат кричать. Немного пошумели, поскандалили. Мужики заметили у солдат вино, им, наверно, захотелось выпить и они отогнали от солдат женщин и стали разговаривать по-хорошему. Решили вместе выпить. Пошли на берег реки и там распили вино наших. Потом деревенские мужики и парни принесли самогону, хлеба, разной еды и пьянка продолжилась. Два мужика начали бузить и нападать на солдат. Остальные четверо мужиков их успокоили и повели в

деревню. Пошли в роту и солдаты. Уже у крайних домов их догнали деревенские парни и мужики. Сильно подрались. Приехали патрули и милиция, кто не удрал – увезли в милицию и комендатуру.

- Ни чего страшного, ну как всегда и бывает, товарищ лейтенант, обычная деревенская драка,
- подытожил солдат.

К семи в комендатуре появился низкорослый с глубокими морщинами на лице подполковник - комендант гарнизона. Чуть позже приехали начальник штаба управления, командир восьмого полка с замполитом. Ротный доложил начальству суть происшествия, выслушал в свой адрес «приятные комплименты» и повёл всех солдат в роту. Кому, какие будут «благодарности» - объявим позже, - пообещал командир полка.

По дороге домой сначала все молчали, а когда лейтенант со старшиной стали решать, как быть с сеном сельчан, постепенно к разговору присоединились и солдаты.

– Не косить деревенским сено, раз так себя повели, - дружно предлагали гостившие в деревне.

– Отсидим на губе, а они пусть теперь сами косят своё сено. И на поляны, что на горе не пускать, - в запале гудел помеченный «фонарём» рядовой Савинович, - Мы им по хорошему, а они нам по морде. Пусть теперь к нам сунутся.

- Ну, раз так, то вы им сено и накосите. Это вам получше гауптвахты будет. Позвоню завтра командиру полка и договорюсь.

- А правда, товарищ лейтенант – пусть это и будет им наказание. Это будет похлеще гауптвахты. Сено ж так и так деревенским косить надо. Мы ж забрали, нас и заставят накосить, и мы никуда не денемся. Вот придём в роту, пообедаем, и пусть топают с командиром взвода. Пусть косят и таскают на поляну, - подхватил решение лейтенанта старшина.

- Как орлы? – обратился лейтенант к провинившимся.

Шедший рядом Шишкевич посмотрел на лейтенанта, потом на Балабко и сказал:

- Косить, так косить. Это ж лучше, чем губа. Только пусть и те двое работают с нами.

-Решено, - сказал лейтенант и прибавил шагу.

5

Когда наши вояки вышли на свою поляну, остановились. С лева под гору несколько мужиков и женщин грузили на телеги оставшееся сено. Лейтенант приказал своим спутникам идти в распоряжение, а сам пошел к деревенским.

- Почему увозите недосушенное, - спросил он, подойдя к работавшим, – боитесь, чтобы и оставшееся не увезли? Не беспокойтесь. Тут у нас произошло недоразумение. Сено мы вам накосим, высушим и отвезём.

- Чтой-то не очень верится. После вчерашнего, некоторые наши уже боятся сюда и показываться, - прогудел усач.

- Бояться никого не надо. А сено накошим и привезём. Вот только надо бы мне знать, у кого забрали сено и сколько. Сколько надо косить.

- Это просто, вмешалась в разговор высокая стройная с загорелым до черноты лицом женщина, – сколько увезли столько и накосите. Можно больше, не помешает. Только чтобы не меньше было. Работников у тебя офицерик хватает. Прикажи и пусть косят.

- Работников много, но и работы у них хватает. А косить будут ваши вчерашние гости, которых ваши дубинами угостили, - ответил лейтенант.

- Не будут по деревне шастать, пусть только появятся, ещё и не так получают, - подхватила маленького росточка горластая, в тонкой цветастой кофте бабёнка.

Чувствуя, что разговор может легко перейти в скандал, усач, нанизывая вилами копёнку, неожиданно рыкнул:

- Всё, хватит базарить! Заканчивайте, да ехать надо. А то второй раз не обернёмся.

Сельчане разом затихли, споро заработали вилами, а лейтенант ушел в своё расположение.

Каждый день после работы провинившиеся косили и таскали на поляну с гор сено. По густым лесным зарослям таскать вязанки было очень трудно. Для переноски сена солдаты приспособили свои подматрасники. Носить сена стали больше, и легче было с ношей продираться через густые заросли подлеска. Дней через пять все ближайшие полянки были выкошены. Большую поляну нашли на горе за складами. По просьбе командира первого взвода в предстоящее воскресенье ротный разрешил поработать всему взводу, оказать помощь наказанным, чтобы выкосить и перетаскать сено с той дальней поляны. А когда в воскресенье в горы отправлялся первый взвод, сначала по два - три, потом группами, в лес потянулись и остальные солдаты роты. Панов солдатской солидарности мешать не стал. К обеду сена на поляне было уже значительно больше, чем накосили сельчане.

После обеда лейтенант Панов, командир первого взвода и Балабко пошли в деревню, чтобы позвать косивших на поляне на смотрины накошенного и решить, кому и куда везти сено. На следующее воскресенье Захаров пообещал заказать два бортовых грузовика.

Деревня, если идти тропой через горы, от лесной роты была всего-то километрах в четырёх. Две её улицы вытянулись на невысоком косогоре в пойме реки. С противоположной от стройки стороны, деревню огораживала скалистая гора, нависавшая своей крутизной над самой водой. У горы дорога, что шла через деревню, резко сворачивала вправо и убегала в широкую распаханную долину. На пригорке выше деревни виднелись постройки колхозного хозяйства: коровник, склады, стоянка для техники. С горы деревня была как на ладони. Наши вояки остановились на пригорке, и Балабко стал показывать и рассказывать своему командиру, где в деревне магазин, где кто живёт. Решили идти сначала к деду Савелию,

потом уже к больше всех кричавшей тётке, да к черноусому дяде Феде.

Дед Савелий встретил гостей приветливо.

- Ну и дела, паря. Всяко бываить, всяко, но штоб с солдатами дубаситься, это не гоже. Наши ведь черти забузили, наши. Хведькин сынок пять суток в участке отсидел. А Васька Маланьин штраф получил. Так- то вот. Ваших больше в деревне не видать. Должно и ты их приструнил, а?

- Наказание понесли все. И это ещё не всё. А пришли мы сказать, чтобы ваши, у кого забрали сено, пришли, глянули, хватит ли сена. Мы уже накосили, сохнет на поляне. И скажите, куда и сколько везти.

- Ну, так твой помощник и говаривал, што накосите. Зазря и скандалили, и робят побили. Тебе опять же неприятности. Видел я их на речке, видел. Сидели по - хорошему, а потома слышу - шумять, дерутся. Милиция, значит, ваши с машиною. Ну, дела-а. Нелья так саседям, нельзя. Ладна. Завтра с утра прийдём, поглядим.

А увезли - то сенцо Хведькино, Мархвушкино, вон она живёт, - дед указал на избу напротив, у Ксении, што с дочкой косила. У мене, стал быть, отполовинили и ешо у двоих. И на возок мово не осталось, так вот. В избу то зайдёти? Что есть, угощу, - неожиданно перевёл разговор дед.

- Нет, Кузьмич, спасибо, мы пойдём. Ты - то наш разговор остальным передай, попросил лейтенант.

- Скажу, скажу. Не сумлеваиси. Все ж рядом тут живём. Деревня малёхонька - туда аршин, сюда полтора.

- Ну, тогда мы пошли. Завтра будем вас ждать. До свидания.

Лейтенант и его спутники поочерёдно пожали Савелию руку и отправились в свой гарнизон.

6

- Виктор, - обратился лейтенант к Балабко, - я понял, что вы тут часто бываете. Правильно я понял?

- А что тут такого? Бывали. Придём в магазин, купим курева и домой. Сюда даже ближе чем в полк, а там то патрули, то кругом офицеры. Девчат тут почти нет. Это вот летом молодёжи наехало, а зимой одни колхозники. В гости ходить некуда. На той стороне деревни у лесничего телефон, постоянно грозит патрулей вызвать. Потому мы сюда заглянем и по быстрому обратно. Отсюда и на станцию близко. Тут до райцентра, где станция, километров пять.

- Тот раз со станции ты возвращался этой дорогой?

- Конечно. Там бы в городе прямо с автобуса патрули б меня и повязали.

Разговаривая о том, о сём, молодые люди минут через сорок и прибыли в роту. Утром следующего дня дед Савелий и усач дядя Федя пришли посмотреть сено. Они сразу сказали, что сена больше чем было, но немного похуже качеством. В следующее воскресенье, если не будет на неделе дождя, можно перевозить.

Грузить сено лейтенант приказал первому взводу, а отвозить в деревню командиру взвода, Балабко и двум солдатам, не ходивших в деревню в тот раз. Когда грузовики пришли за вторым рейсом, Панов заметил, что из деревни не вернулся Балабко. Сержант пояснил ему, что он там помогает тёте Ксении забросать сено под навес. Со вторым рейсом лейтенант в деревню поехал сам. Когда грузовик остановился и стал задом пятиться во двор деда Савелия, лейтенант увидел работавшего Балабко. Он, ловко орудуя вилами, бросал сено, а Ксения с дочерью Настей укладывали его под высоким навесом. Сержант и два солдата выгружали сено деду Савелию, усач с сыном и женой разгружали второй грузовик. Когда машины были разгружены, лейтенант послал солдата сказать Балабко, чтобы оставался помочь женщинам.

Вернулся в роту Балабко уже затемно. Зная, что лейтенант уже в карауле, прошел напрямик туда. Когда солдат, охранявший караульное помещение, вызвал лейтенанта, Балабко доложил ему, что прибыл, а долго задержался

потому, что с деревенскими помогал уложить сено и деду Савелию.

- Деревенские, это Настя? – шутливо спросил лейтенант.

- Была и она. Она, товарищ лейтенант хорошая девушка. Вы не подумайте чего ни будь.

- Я ничего и не думаю. Видно и так, что она хорошая. Я потому и разрешил тебе остаться помочь им с матерью.

- Да ладно вам, товарищ лейтенант. Всё шутите, – сказал покрасневший солдат и пошел в роту.

Глава 8

1

Однажды в самом конце августа Ёна сообщил своему командиру, что получена телефонограмма с распоряжением прибыть ему и старшине завтра к девяти в полк на совещание по предстоящим заготовкам картофеля и овощей.

На совещании лейтенанту Панову приказали выделить одно отделение на заготовку картофеля. Отъезд - в следующий понедельник из полка. В своё хранилище он должен заготовить картофель для роты до нового урожая. На зимний период завезут квашеную капусту в бочках, огурцы, свёклу и морковь.

С прорабом и старшиной решили, какое отделение посылать на заготовки, и начали форсировать строительство овощехранилища. К субботе хранилище было готово принимать картофель и овощи.

В понедельник заготовители в колхоз не поехали, пошел дождь. Холодные, нудные дожди в тот год с небольшими перерывами шли с начала сентября и до двадцатых чисел. Грунтовые дороги в деревнях развезло, невозможно было и копать картофель. С большим трудом части завозили только морковь и свеклу. Заготовки картофеля оказались под угрозой срыва. Когда шел дождь, приходилось приостанавливать некоторые работы и на основной площадке.

В один из таких дней к ротному и прорабу зашли старшина роты с Балабко. Попросив разрешения войти, ребята предложили не ждать, когда привезут им картофель из полка, а пойти в деревню и договориться закупить картофель там.

- От поля до деревни они помогут доехать трактором, помогут подняться машинам и на гору, а на горе дорога каменистая, можно проехать в любую погоду. Только надо соединить её с нашей и всё, - предложил Балабко.

- А как ты её соединишь с нашей, там же только тропа? – спросил Захаров.

- Тропа от нашей дороги пошла прямо, а если убрать небольшую скалу что у въезда в карьер над ручьём, там взрывчатки надо не много, то можно переехать через овражек, и по той стороне его русла можно спокойно выехать на гору. Овраг на горе не глубокий, русло широкое и ровное. Только ещё немного надо поработать бульдозером.

- А у тебя, Балабко взрывчатка лишняя есть?

- Найдём, товарищ старший лейтенант, если не будет возражать наш лейтенант.

- Тогда решайте с ротным, а я помогу. Картошка вам на зиму нужна. Давайте хоть сейчас съездим в горы и глянем, что там и как? – предложил Захаров.

Минут через тридцать самосвал с четырьмя пассажирами в кабине притормозил в конечной точке дороги, что была проложена в каменный карьер почти на самой вершине горы. Офицеры, рядовой Балабко и старшина роты вышли из кабины и направились по тропе в сторону вершины. Осмотрели не большую, торчавшую над ручьём как большой пень каменную глыбу, прошли вверх по уже широкому руслу ручья до дороги на горе.

2

Глыбу решили рвать со всех сторон, чтобы сильнее раздробить. На пригорке

противоположного берега ручья наметили произвести взрыв на площади густо расположенными друг от друга, не глубокими шурфами. Нужна была горная мелочь для отсыпки отдельных участков дороги по ручью и на горе.

По возвращении в роту, офицеры позвонили командиру полка, доложили о своём намерении. Подполковник Польшгалов выслушал офицеров и велел ротному топать в деревню к председателю и узнать, сколько картофеля они смогут продать полку. Сразу же после разговора с командиром полка ротный и старшина пошли в деревню. От лесника позвонили в колхоз председателю. Предложению военных тот обрадовался и обещал помогать и копать и вывозить.

- Мы до сих пор не выкопали ни одного гектара картошки, - сказал председатель, – без такой рабочей силы как вы, в этом году мы её не выкопаем. Вся уйдёт под снег. Копайте и покупайте хоть всю.

На следующий день в колхоз выехали полковые интенданты, а Балабко с отделением взрывников приступили к подготовке взрывных работ на горе. Через два дня тишину гор разорвал резкий, трескучий взрыв, раздробивший каменную глыбу над оврагом и перепахавший пригорок. К воскресенью дорога в деревню была проложена. И рано утром три взвода солдат во главе со своим лейтенантом, с лопатами потопали в деревню. Там их уже ожидал трактор с тележкой, который за два раза доставил солдат на картофельное поле. Когда трактор привёз на поле и высадил вторую половину роты, его водитель долговязый, высокий парень заглушил мотор и вылез из кабины. Увидев его, Савинович присвистнул и громко прокричал:

- Ба-а! А кто нас привёз! Ты ж мой должничёк, парень! Не забыл?

Тракторист, было, попятился назад к трактору, но тут подал голос Балабко:

- У тебя голос прорезался, Стёпа? А ну ступай к своему отделению, а то я тебе сейчас и второй глаз подкрашу. И тоже буду должником.

Савинович недовольно покосился на Балабко и молча побрёл в поле, где его отделение уже начинало копать.

Вскоре на лошади хромой дед привёз вёдра, мешки, две фляги молока и аппетитно пахнувший свежий деревенский хлеб.

Мелкий морозящий дождик то накрывал своей мутью поле с дружно работавшими солдатами, то успокаивался, проясняя пасмурный день. К обеду у края леса ребята разожгли костры, закусывая, грелись и сушились. К вечеру того дня восьмая лесная накопала для себя картофеля больше положенного. Трактор увозил картофель до деревни, там мешки перегружали в самосвал и везли в роту.

На следующий день в колхоз отправилась команда заготовщиков для полка. С полковыми заготовщиками командир полка приказал

Панову послать кого ни будь из своих. «Твои там уже были, помогите».

Не задумываясь, лейтенант в деревню послал Балабко.

- Ты, Витя, им там всё покажи, помоги получше организовать, - напутствовал лейтенант солдата.

На поле к солдатам, копавшим картофель, однажды заехал командир полка. Докладывая подполковнику о ходе заготовки, седовласый капитан, старший группы, сказал:

-Хорошего парня дал мне Панов в помощники. Всех тут знает, помогает организовывать и в поле и в расположении. Работает в поле за двоих. Начинаем грузить картошку, становится кидать в машину мешки. В субботу хотели ехать в полк помыться в бане, а он пошел к председателю и организовал нам баню в селе. Толковый, работающий солдат.

Возвращаясь в полк, командир заехал в роту к Панову. Уже отъезжая, сказал лейтенанту:

- Там на заготовках твой солдат очень хорошо работает и помогает во всём капитану. Ты представь его на поощрение после заготовок.

- Это Балабко, товарищ подполковник. Он придумал заготовливать здесь картошку, придумал и сделал через гору дорогу.

- Это тот Балабко, что мы чуть не посадили?

- Да. Он. Он всё это время очень хорошо работает на производстве, помогает во всём мне и старшине в роте, даже приструнил нарушителей.

- Вот это да! Ну что ж. Раз хорошо служит, то и представляй. Я же сказал, пусть так и будет.

После окончания заготовок солдат, выполнивших не лёгкую работу, в качестве поощрения сразу же увольняли в запас. Лейтенант Панов из своей роты на то поощрение представил рядового Балабко.

Когда из части позвонили и приказали рядового Балабко в парадной форме и с вещами прислать в полк, лейтенант сам пошел за ним на

стройку. Взобравшись напрямую по крутому склону горы в карьер, он сначала присел на камень у края карьера и некоторое время наблюдал, как Виктор и двое солдат осторожно загружали в глубокий шурф взрывчатку, как сначала осторожно присыпали её мелкими фракциями породы, как огораживали от удара камнями провода, когда шурф засыпал бульдозер. Вот солдаты направились к следующему шурфу, и лейтенант окликнул Балабко. Солдат остановился, удивлённо посмотрел на ротного, потом повернул в его сторону и зашагал навстречу. Когда они встретились, солдат заметил волнение лейтенанта и насторожился.

- Витя, - обратился ротный к солдату, – ты мой самый первый солдат. Первым ты стал и в службе. В общем, ты первый солдат во всех отношениях. От нашей роты тебя увольняем первым. За заготовки. Иди, переодевайся, бери у старшины вещи, и самосвал отвезёт тебя в полк. Я уже шоферу приказал.

- Да вы что?! Меня?! И командир полка даст мне обходную?

- Даст, Витя. Даст. Приказ он уже написал. Завтра утренним уезжаете.

Солдат с минуту постоял в растерянности, осмотрел карьер и, глядя в самую глубину глаз лейтенанта, тихо промолвил:

- А как же тут..! А кто ж будет...?

- Иди, Витя, иди. Я тут пока сам посмотрю за ребятами. Иди. У тебя времени мало. Пусть старшина напишет рапорт, что ты ничего не должен, чтобы не идти в роту с обходной. Да покушай. Понял?

Солдат проводил взглядом заспешившего к шурфам лейтенанта и медленно пошагал в роту.

Часа три лейтенант руководил работой солдат взрывников. Оставив двух солдат охранять поле, остальных собрался вести на обед, когда услышал надрывный рёв мотора грузовика. Вот из-за пригорка показалась, подпрыгивая на неровностях дороги, кабина самосвала, потом и

сам он вынырнул и резко затормозил у края карьера. Из кабины выпрыгнул стройный, красивый в парадной форме Балабко, и побежал к лейтенанту. Увидев, что солдат бежит к нему, офицер торопливо заспешил ему навстречу.

- Собрался? Уезжаешь? – сходу спросил лейтенант подбежавшего к нему солдата.

Но тот, словно и не слышал вопроса офицера, глядя в его заблестевшие глаза, разделяя каждое слово, сказал:

- Я уезжаю. Спасибо вам, товарищ лейтенант! Спасибо! Я поеду в Белоруссию, буду работать. Прощайте.

- Да, да, Витя, езжай. Ты хороший парень. Спасибо тебе за всё. Спасибо. Всё у тебя будет хорошо. Будь счастлив.

Лейтенант, направляясь в сторону автомобиля, положил свою руку на спину солдата, и они медленно пошли в сторону грузовика.

Некоторое время солдат и офицер шли молча. Потом лейтенант тихим, мягким голосом спросил своего спутника:

- Витя, а едешь—то один?

Солдат резко остановился, развернулся к лейтенанту лицом и, глядя ему прямо в глаза, ответил:

- Едем с Настенькой. Мне тут нельзя. Мне ж ещё надо найти сестрёнку. Где-то была в детдоме. А вы всё знаете, вам доложили?

- Нет, Витя. Мне никто, ничего не докладывал. Я видел, как вы укладывали сено.

- И потому послали меня помогать полку?

- Потому.

- Не знаю, что и сказать. Спасибо! За всё, за всё и за Настю тоже.

Лейтенант и солдат пожали друг – другу руки и демобилизованный, сопровождаемый взглядом лейтенанта, пошагал к машине. У автомобиля он обернулся, взмахнул рукой, быстро сел в кабину и водитель дал газ.

Дней через пять в лесной роте объявился капитан Герасименко. Сразу после памятного дежурства в роте, когда отпущенные им в лес по ягоды солдаты оказались на гауптвахте, он залёг в госпиталь. Долго там обитал, ожидая приказа на увольнение, но прошло почти два месяца, а приказа не было. Пришлось из госпиталя выписываться и хмурым ранним осенним утром снова топать в лесную.

Лейтенант Панов старичка встретил приветливо. Порасспросив о здоровье, о том, как добрался, пригласил в прорабку. Докладывая командиру полка о делах в роте за прошедшие сутки, доложил и о прибытии в роту капитана Герасименко.

- Пришел, так пришел. Пусть там у тебя и будет. Уже не много осталось ему ждать приказ. Проводим старика и пусть с богом отдыхает. Сейчас у тебя там дела получше, но смотри, чтобы твои орлы ещё какую ни будь свинку не

подложили капитану. Он бедолага напугался, что и без пенсии останется, из-за твоих чертей. Может в чём и поможет тебе. Да, чуть не забыл спросить. Ты не знаешь, с чего это начальник политотдела интересовался твоей персоной?

- Не знаю, товарищ подполковник.

- Ну ладно. Не знаешь, так не знаешь. Знай только, что я уже полковник. Понял?

Лейтенант хотел, было, поздравить своего командира, но тот уже повесил трубку.

Офицеры завели разговор о том, о чём, когда слышался гул автомобиля. Выглянув в окошко, лейтенант увидел подрулившую к прорабке белую «Победу» и пулей вылетел с докладом. Сидевший в машине начальник политотдела, не выходя из машины, открыл заднюю дверь автомобиля и приказал лейтенанту садиться. Как только лейтенант Панов захлопнул дверь кабины, полковник приказал водителю трогать. Машина направилась в город. Странное поведение полковника здорово напугало Анатолия. Чтобы нарушить непонятное молчание

он стал докладывать ему, что в роте у него всё в порядке.

- Я знаю, лейтенант. Знаю, что у тебя в роте порядок. У тебя всегда порядок, потому я вот и приехал за тобой.

- Опять ни чего не ясно, - думал лейтенант, - если что случилось, так полковник, вроде, не ехидничает, говорит серьёзно. Но куда и зачем везёт – не понятно.

Полковник, видя, как мучается в догадках лейтенант, успокоил его:

- Всё, дорогой мой, в порядке. Не волнуйся. Сейчас приедем, и ты всё узнаешь.

Проскочив лес, «Победа» выехала на асфальт улицы Комсомольской, пересекла вытянувшийся вдоль русла речушки город поперёк и помчалась в направлении станционного посёлка. Уже у самого выезда за город, автомобиль резко затормозил и свернул влево. Заметив красные вёзды на воротах, Анатолий понял, что приехали в какую-то неизвестную ему воинскую часть. Проехав быстро распахнувшиеся ворота,

«Победа» остановилась у клуба. Тут полковник вышел из машины, вылез и Анатолий. Офицеры вошли в коридор клуба, вошли в боковую дверь и оказались на сцене зрительного зала.

На украшенной лозунгами и знамёнами сцене за длинным, покрытым бархатной красной скатертью столом сидел президиум. Зрительный зал был заполнен солдатами, переодетыми в парадную форму. Начальник политотдела прошел, приглашая и лейтенанта в президиум.

Дождавшись окончания выступления незнакомого Анатолию старшего лейтенанта, начальник политотдела поднялся с места и сказал собравшимся:

- Товарищи комсомольцы, я привёз вам и думаю, что вы меня поддержите и изберёте комсоргом вашего полка лейтенанта Панова, командира восьмой роты соседнего полка. Товарищ лейтенант, поднимитесь, пожалуйста.

Анатолий, с перепуганным, пунцовым лицом поднялся со стула.

- Вопросы к лейтенанту есть? Он командир одной из лучших рот нашего управления. Солдатам он нравится. Если нет вопросов, прошу проголосовать, за избрание лейтенанта Панова комсомольским секретарём вашего полка.

Все сидящие в зале взметнули, голосуя, руки.

- Всё, - сказал полковник, - комсорга избрали. Бюро тоже избрали? - спросил он сидевшего в центре президиума чубатого широкоскулого подполковника.

Тот ответил, что состав бюро избран, ожидали, обещанного вами лейтенанта, - странно окая, ответил подполковник.

– Тогда будем заканчивать собрание, - сказал полковник. Он пожал Анатолию руку, высказал положенные в таких случаях наставления и удалился с чубатым подполковником.

Так внезапно в службе Анатолия произошли перемены. Через день он отпросился у чубатого замполита полка съездить в свою роту, забрать кое-какие свои вещи.

Шагая по хорошо знакомой лесной тропе вдоль столбов электролинии, он вспоминал, как шел десять месяцев назад этой дорогой первый раз в свою роту, не имея ни какого представления, что и кто его там ждёт. Шел он тогда самоуверенный, готовый принять под командование хоть роту, хоть батальон. Сейчас он шел грустный и растерянный. Предстояло прощание с дорогими его ребятами.

Когда вышел на свою поляну остановился, осматривая до мелочей знакомую стройку и ротное хозяйство. Грустный он постоял несколько минут у края поляны и тихо сказал: -

- Всё на месте, всё здесь хорошо, но нет Вити. Пошел и я.

Ободрённый сказанным, Анатолий решительно направился навстречу нелёгкому прощанию.

А. Перепелятников

*Памяти участника ВОВ,
начальника УВСЧ в/ч 20161*

Клим Назаровича Федченко

Посвящаю.

Имевшие честь

повесть

Клим Назарович

1

Клим Назарович Федченко закончил войну командиром полка в звании майор. Два года после её окончания служил в Германии. В ноябре 1947 их дивизия была расформирована. Полк Клим Назаровича получил приказ сдать вооружение и боевую технику, воинским

эшелонем убыть на Урал. Вести эшелон Клим Назарович поручил своему заместителю, а сам самолётом убыл в штаб УралВО, чтобы до прибытия полка уточнить место новой дислокации, хоть как-то подготовиться к прибытию людей.

В ста сорока километрах на север от Челябинска разворачивалась большая строго засекреченная стройка. Начиналось строительство огромного комбината, который должен был производить для вооружения Советской армии атомное оружие. На эту стройку прибывали воинские части из разных округов страны и сокращавшейся группировки войск в Германии.

Место для размещения части Клим Назаровичу отвели в километре от строившегося главного корпуса будущего комбината. Директор комбината отдал распоряжение обозначить место будущего военного городка, бульдозером расчистить к нему дорогу. Начальник стройки на обустройство прибывающей части выделил несколько сот кубометров пиломатериала,

круглый лес, строительный инструмент, стекло и другие материалы. Соседний Райисполком доставил к будущему военному городку большое количество соломы.

Эшелон прибыл на станцию, что в десяти километрах от будущего места расположения. На подводы погрузили штабные документы и имущество, продовольствие, да большие зимние палатки. Солдаты, уже отвыкшие от русских морозов, поротно пошли пешком. По прибытии на место приступили к валке леса, установке палаток. На мёрзлую землю в палатках уложили лапник, по нему настелили солому. Развернули солдатские полевые кухни. Наутро первая рота приступила к рытью и обустройству землянок для полка, а все остальные бойцы потопали на рытьё огромной глубины котлована и траншей под фундаменты главного корпуса комбината.

Через месяц полк жил в просторных, тёплых, хорошо освещённых, оборудованных нарами землянках. В каждой землянке располагался взвод солдат. Территория полка была

огорожена, по ней были проложены дощатые дорожки.

Несколько лет упорного тяжелого труда и первый завод комбината был введен в эксплуатацию.

К тому времени все солдаты полка Клим Назаровича, в отличие от других, жили в добротных одноэтажных щитовых казармах. Была построена столовая, здание штаба. Полк приступил к сооружению следующих заводов комбината, а его командир получил повышение.

2

Направили Клим Назаровича в Восточную Сибирь на строительство следующего комбината начальником Управления военно-строительных частей. На новой площадке, в глухой тайге, вдали от дорог и населённых пунктов, опять пришлось ударными темпами строить цеха огромного комбината, землянки для размещения личного состава, потом казармы и разного рода объекты

жизнеобеспечения. Управление войск состояло из восьми полков и нескольких отрядов.

В то, самое нелёгкое время вышел приказ министра Среднего машиностроения, которым начальник Управления военно-строительных частей назначался ещё и заместителем начальника стройки. Командиры полков – начальниками СМУ или строительных районов. Командиры рот – прорабами или начальниками участков. А командиры взводов – мастерами. Хорошая идея приблизить командный состав частей к решению производственных задач в тех условиях привела только к невообразимому хаосу. Ведь подавляющее большинство офицеров были фронтовики с семилетним образованием. Военное училище министерства сделало только первый ускоренный выпуск младших лейтенантов с аттестатом строительного мастера. На трёхгодичное обучение офицеров техников-строителей ещё только объявили набор.

Как в тех невыносимых условиях полковник Федченко построил для огромного войскового

соединения прекрасные военные городки, как обеспечил частями выполнение плановых производственных заданий, известно одному Богу. Управление Федченко по министерству всегда отмечалось только в числе передовых.

В конце шестидесятых, когда основные объекты комбината были построены и объёмы строительных работ, а значит и численность военных строителей, стала стремительно сокращаться, Клим Назарович повёл разговор об увольнении в запас. Но начальник Центрального Управления войск министерства в увольнении ему отказал и уговорил послужить ещё годков пять начальником одного не очень благополучного Управления войск в Западной Сибири.

На новом месте Клим Назарович опять прославился тем, что привёл в порядок все уже имевшиеся до него военные городки. Разрешил он и острейшую проблему жилья для офицеров и служащих частей. А после празднования 100 – летия со дня рождения Ленина, когда спало напряжение после Всесоюзного

социалистического соревнования, и Клим Назаровича стало угнетать отсутствие крайнего напряжения в работе, решил он на живописном берегу реки, на границе двух областей построить базу отдыха для офицеров и их семей.

3

Окраинное приграничье Томской и Кемеровской областей пребывало в полном забвении. Тамошние деревеньки и их колхозы были немногочисленны и бедны. В них не было ни одного добротного дома, улицы были не мощены, не было телефона и магазинов.

Поэтому, когда воинство пообещало властям подремонттировать гравийную дорогу, лежавшую через окраинные деревни к выбранному под базу месту, отремонтировать два мостика через ручьи, протянуть через деревни телефон, земля тут же и была выделена.

На место будущей базы немедленно выехала группа офицеров, как сказал Клим Назарович, на рекогносцировку. На живописном высоком

берегу Томи выбрали место самой базы отдыха, определили, где будут стоять двухэтажные щитовые домики для каждой части и штаба Управления. Свои домики полки, естественно, должны были строить самостоятельно. Распределили строительство объектов общего пользования: бани с просторной комнатой отдыха, линии электропередач от соседней деревни, кухни с электроплитами, беседок, причала для лодочной станции, танцевальной, волейбольной и детской площадок, прочих более мелких объектов.

В ближайшую же субботу по пыльному бездорожью к будущей базе потянулись грузовики со строительными материалами и автобусы с солдатами и офицерами. Началась стройка, постоянно контролировавшаяся самим Клим Назаровичем.

К лету 1973 года основные объекты базы отдыха «Зелёный мыс» были построены.

Анатолий Кузнецов

После окончания войны кавалер двух орденов и нескольких медалей рядовой Анатолий Кузнецов поступил на юридический факультет известного в Сибири университета. По окончании нелёгкой учёбы, с комсомольской путёвкой он явился в отдел кадров областной милиции. Там в то время формировался отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. Кузнецову присвоили звание лейтенант милиции, и началась его нелёгкая служба в ОБХСС.

К охране народного добра бывший фронтовик относился добросовестно, был честен, скромнен, трудолюбив и быстро шагал вверх по служебной лестнице. Заместителем начальника отдела его направили на курсы в московскую Академию МВД, а после переподготовки зачислили в резерв на выдвижение на вышестоящую должность.

Ох, уж этот ЗАТО

В двадцати километрах от областного центра, за вековым сосновым бором, быстро рос строго засекреченный городок с важным оборонным комбинатом. Рабочие и ИТР того города хорошо оплачивались, отлично снабжались продуктами питания, мебелью, одеждой и бытовой техникой - всем тем, что для всех жителей Советской державы в те времена было большим дефицитом. В очереди на покупку автомобиля в том городе нужно было стоять не более трёх-четырёх месяцев. Даже квартиры работники комбината получали, чуть ли не через год после постановки их на очередь.

Соседствовавший с областным центром с таким снабжением город был настоящей головной болью для областного начальства и, особенно, для правоохранительных органов. Огромная городская «барахолка» и авторынок Томска на восемьдесят процентов торговали товаром из того чудо города. Многие продавались ещё в заводской или в фабричной упаковке, а автомобили - часто с нулевым пробегом.

Когда сыщики ловили на барахолке спекулянта с новым товаром, продававшимся втридорога, то на вопрос, где взял товар, задержанный, как правило, отвечал: «Купил у мужика, который уехал в сторону «почтового». А если на спекуляции попадался сам житель «почтового», так и в этом случае с разбирательством была одна морока. Если прокурор не дал санкцию на арест, попробуй, проведи расследование с правонарушителем, проживающим за колючей проволокой. По телефону ни в одно учреждение не позвонишь, посыльного с повесткой не пошлешь, на помощь тамошней милиции особо рассчитывать не приходилось. На «почтовом» своя спецпрокуратура, свой спецсуд, своя, какая-то особенная, милиция. И если следователь вёл расследование не по «особо тяжкому», то посылал на почтовый повестки и запросы, тянул месячишко время, и закрывал «дохлое» дело.

Областное начальство не единожды ставило вопрос о необходимости разрешения проблемы, но крепость оставалась неприступной. И тогда начальник областного УВД решил на пост

начальника Горотдела милиции ЗАТО, взамен уходящего на пенсию, назначить офицера из областного УВД. «Мы хоть таким образом наладим контакт с милицией «почтового», - подумал генерал. К решению вопроса через Москву подключился Обком партии, и вопрос был решен положительно.

Дачники-неудачники

1

В начале шестидесятых в быстро растущих городах Союза стала остро ощущаться нехватка продовольствия. И в руководящих головах страны созрела идея заставить жителей городов, так же как и жителей сельской местности, для самопрокормления, некоторые продукты питания, в первую очередь фрукты и овощи, производить для себя самим. Было решено вблизи больших и малых городов создавать для горожан садово-огородные товарищества, где бы они выращивали для себя фрукты и овощи.

К концу шестидесятых страсти по получению земли в стране постепенно улеглись, а окрест городов появились мало-мальски обустроенные садовые товарищества с крохотными земельными наделами и такими же крохотными и убогими, почти одинаковыми домиками под рубероидом и шифером.

В августе семьдесят третьего года на противоположном от областного центра берегу быстрой сибирской реки, на большой поляне сказочного леса из раскидистых сосен и величественно стройных и важных кедров ударными темпами стал расти небольшой дачный посёлок. Крутой изворот реки и лес отлично прикрывали стройку от посторонних глаз. Вся территория товарищества первым делом была огорожена добротным дощатым забором. Бетонированную дорогу и электролинию дачники провели лесом от дальней деревушки, а не от близких городских окраин. Очевидно, чтобы не мозолить глаза посторонним. Чёрная, как уголь земля была аккуратно распахана и густо уставлена

межевыми колышками, разделяя массив на приличные наделы.

2

Однажды поздним осенним вечером Анатолия Петровича Кузнецова вызвал к себе начальник отдела. Он приказал своему заму через пять минут быть в машине. Не успел Петрович захлопнуть за собой дверку газика, как тот сорвался с места и проворно помчался по узкой улочке в сторону центра. К таким срочным выездам Кузнецову было не привыкать, потому он и не стал задавать начальнику вопросы, где и что случилось. Сидел в тряской, тесной машине молча. Бросил удивлённый взгляд на своего начальника Анатолий Петрович только тогда, когда машина затормозила у главного подъезда Обкома партии, и они вышли из машины. Начальник на его вопрошающий взгляд буркнул: «Зачем-то к первому».

Когда офицеры вошли в приёмную, низкорослый, прилизанный, шустрый

мужичишка открыл дверь кабинета первого секретаря и пригласил проходить. За длинным столом у внутренней стены кабинета сидели первый и второй секретари обкома, первый секретарь горкома партии и начальник УВД.

- Проходите товарищи, подключайтесь к нашей работе, - сказал мягким, приятным голосом, подчёркнуто вежливый Егор Кузьмич.

3

С того дня переодетые в гражданку сотрудники ОБХСС и инспекторы ГАИ вели наблюдение за строившимся садово-огородным кооперативом в ближнем Заречье. Записывались номера грузовиков и автокранов, сновавших целыми днями на стройку и обратно, служебных Волг и ГАЗиков. Фиксировались перевозимые на стройку грузы, бригады строителей и отделочников. Руководил сбором информации о стройке подполковник Кузнецов.

К началу сентября основные работы на стройке были завершены, и там воцарилась тишина. А

через пару дней областная партийная газета «Красное знамя» опубликовала информационное сообщение о состоявшемся расширенном заседании бюро обкома КПСС и пленарном заседании Облисполкома. В сообщении говорилось, что за злоупотребление служебным положением в корыстных целях и нескромность в поведении из рядов КПСС исключены: бывший председатель Облснаба ..., бывший директор лесхоза ..., бывший начальник мостоотряда ..., бывший начальник СМУ N..., бывший начальник управления механизации Всего в списке значилось около двух десятков фамилий.

Далее партийный орган требовал от руководителей предприятий и учреждений области прекратить практику строительства разного рода загородных «охотничьих» домиков, баз отдыха и тому подобных заведений для руководящего персонала с банями и комнатами отдыха. Уже имеющиеся такие постройки предписывалось немедленно поставить на баланс, а профсоюзным комитетам

организовать в них отдых для всех тружеников предприятий и учреждений.

В постановлении Облисполкома речь шла о принятии на баланс области построенного на берегу реки «Детского оздоровительного лагеря». Назначался директор этого заведения, выделялись средства для срочного проектирования административного корпуса, медицинского пункта, столовой, игровых площадок, пляжа и прочих объектов для полноценного отдыха детей в оздоровительном лагере.

Организации, построившие дачный кооператив, преобразованный в детский оздоровительный лагерь, обязывались построить недостающие объекты за свой счёт и ввести их в эксплуатацию не позднее двадцать пятого декабря того же года.

Сразу после ноябрьских праздников, отличившегося за «раскрутку» дачного дела подполковника Кузнецова повысили в звании и

назначили начальником Горотдела милиции в ЗАТО.

Проводы и встреча

1

К осени семьдесят третьего сын Клим Назаровича, физик, научный сотрудник одного из НИИ подмосковного наукограда получил просторную квартиру. Он сразу же написал отцу письмо с предложением перебираться поближе. Не долго думая, Клим Назарович, имевший к тому времени предельную выслугу лет, написал рапорт на увольнение. Рапорту дали ход, а в начале декабря пришел приказ о его увольнении.

Подготовку к увольнению Клим Назарович держал в строжайшем секрете от всех своих подчинённых. «Чтобы никто не расслаблялся и не преподнёс мне на последних днях службы «свинку», - сказал он по этому поводу начальнику стройки. С получением приказа, он быстро передал дела преемнику, отправил сыну

контейнеры с домашним скарбом и стал готовиться к отъезду.

Свою трёхкомнатную квартиру, на втором этаже, рядом с Горкомом партии на центральной площади городка он порекомендовал квартирной комиссии выделить одному многодетному капитану. Офицер, его мать, жена и трое детей ютились в крохотной, двухкомнатной «хрущёвке» на первом этаже.

Узнавшие о свалившемся на капитана счастье сослуживцы, думали, что въедет их страдалец товарищ в роскошные хоромы. А бедолага рассказывал, отказывавшимся верить сослуживцам, что квартира, конечно, очень просторная, но отделана без всякого шика. Стены и потолки кабинета и спальни просто побелены. В гостиной по тонированной побелке стен – красивый накат. Полы во всех комнатах дощатые со скрипом. Панели в коридоре и кухне покрашены голубой краской. Во входной двери обычный простенький замок, врезанный ещё строителями. «Вот в каких «хоромах» жил наш «батя», - подводил итог рассказу счастливец.

Со всеми проблемами предстоящего отъезда уволенный полковник управился быстро и без особых проблем. Задумался Клим Назарович только о том, как проститься с сослуживцами. Собрать всех, поблагодарить за совместную службу и на том попрощаться боевой офицер фронтовик не мог.

- Нарушить традицию не могу, - размышлял он, – но собрать дома в пустой квартире, да ещё под окнами Горкома партии – опасно. Собрать ребят в городском ресторане? Но начальник Центрального Управления совсем недавно на это обращал внимание. Месяц назад в месте с министром он был в командировке в г. Шевченко. Ефим Павловичу в те дни как раз исполнялось семьдесят пять. Тамошнее начальство решило под видом открытия сданного в эксплуатацию нового ресторана, устроить юбиляру небольшое торжество.

В новом ресторане собрались только первые лица города, комбината и стройки. Когда министр зашел в зал, где были накрыты столы, он всё внимательно осмотрел и сказал, что его жалования не хватит, чтобы оплатить такое угощение. После этого развернулся и ушел. Никому по этому поводу министр не сказал больше ни слова. Все, всё поняли сами. А генерал потребовал от всех нас в таких случаях быть скромнее. Ресторан, стало быть, отпадает тоже.

Думал-думал наш вояка и решил собрать командование Управления войск и командиров частей на базе отдыха. «Натопим баню, и в просторной комнате на втором этаже будет тепло. Место от города удалённое, никто ничего о вечеринке не узнает», - решил он.

3

С утра в назначенный день на «Зелёный мыс» уехала «санитарка», загруженная посудой, купленными накануне на базаре в областном

центре продуктами, водкой, вином и коньяком. В УАЗе уехали шеф повар Управления и капитан культмассовик из полиотдела. А в пятнадцать часов от штаба Управления отошел небольшой заказанный в городском АТП автобус. С зашторенными окнами «ПАЗик» неспешно выехал из двора штаба Управления и через областной центр направился за город.

Офицерская вечеринка была в самом разгаре, как вдруг тихо открылась дверь, и на пороге появился начальник горотдела милиции, недавно на всю область прогремевший борец со злоупотреблениями начальства полковник Кузнецов.

Все шестнадцать человек, сидевшие за скромно накрытым столом мгновенно протрезвев, замерли, словно это было групповое фото. Начальник политотдела мгновенно, ловким движением руки отодвинул от себя алюминиевую кружку с недопитой водкой. А неожиданно появившийся милиционер, стоял у порога растерянный, не зная, что сказать и как себя вести.

- Я-то уже на пенсии, но ребята могут здорово пострадать, - подумал Клим Назарович и гробовую тишину нарушил шум резко отодвинутого им табурета.

Все сидевшие за столом разом повернули головы в его сторону. Вытянувшийся во весь свой немалый рост новоотставной полковник со строгим, слегка побелевшим лицом легонько кашлянул в кулак, тряхнул до блеска выбритой головой и, чуть заметно улыбнувшись, сказал, обращаясь к незваному гостю:

- Вы, наверное, слышали, что я уволен в запас. По нашей фронтовой традиции я собрал за этим столом, подальше от наших подчинённых, моих самых близких товарищей сослуживцев, чтобы поблагодарить их за совместную службу. Правильно или нет я поступил - не знаю. Но дело сделано, и я прошу вас присоединиться к нам. Окажите честь.

За столом место шеф повара в это время было свободным, и гостя пригласили его занять. Шустрый подполковник слева быстро наполнил

и поставил перед милиционером алюминиевую кружку, приговаривая: «Мы тут по – нашему, по фронтовому – из кружек, из кружек. Хрустали не приемлем». А сосед с другой стороны стал накладывать гостю в тарелку вареную картошку с тушенкой, солёные огурчики, грибочки, крупно нарезанную, белую, как снег капусту.

Отодвинув кружку, милицейский полковник от выпивки стал умоляюще отказываться, сказавши: «Извините, я за рулём. Километр не доехал. Застрял мой жигулёнок в сугробе». После этих слов Анатолий Петрович несмело взял в правую руку вилку, готовясь к трапезе, и обвёл взглядом присутствующих. Видя, что никто не ест и не выпивает, он тут же дрожащей рукой положил вилку на стол и опустил голову. На минуту в комнате воцарилась тишина. Но вот милиционер густо покраснел, носовым платком быстро вытер вспотевшее лицо, с шумом втянул в себя воздух, встал и негромко сказал, виновато глядя на Клим Назаровича:

- Товарищи, я вижу, что своим появлением я смутил всех вас, испортил настроение. Извините

меня, пожалуйста. Позвольте объяснить, почему я сюда без приглашения приехал. Я только сегодня перед обедом узнал, что вы, товарищ полковник уволены в запас. Вы, Клим Назарович, естественно, меня не знаете и не помните. Я с лета сорок третьего и до апреля сорок пятого, - лицо Клим Назаровича при этих его словах стало строгим и сосредоточенным, широко открытыми глазами он, казалось, насквозь пронзил говорившего, - воевал, пока не попал в госпиталь, в первом батальоне вашего полка.

После этих слов милицейский полковник, как провинившийся школьник замолчал и опустил голову. А все сидевшие за столом, разом шумно выдохнули, словно освободились от очень тяжелого груза. Милиционер стоял, устремив ничего не видящий взгляд перед собой.

Ошеломлённый услышанным, Клим Назарович медленно поднялся, его голова и лицо приняли свекольно – красный цвет. Обойдя стол, он подошел к однополчанину, тронул его за плечо и тихо сказал:

- Ну, давай, дорогой мой солдат, поздороваемся. Чего ж ты так напугался?

Анатолий Петрови резко развернулся и перекошенным лицом ткнулся в грудь своего фронтового командира. Фронтовики однополчане крепко обнялись, не вытирая брызнувшие из глаз слёзы. Все сидевшие за столом тоже достали носовые платки и стали усердно протирать промокшие глаза.

Остаток вечера Клим Назарович и Анатолий Петрович сидели рядом и о чём-то своём далёком и дорогом говорили, говорили, говорили

.

Хулиган
повесть

Часть 1

Глава 1

1

Анатолий Нилович и его жена решили сделать в квартире перестановку мебели. Сразу после

завтрака они и принялись освобождать шкафы от их содержимого, а заодно и освобождаться от лишнего, давно не нужного. В центре гостиной Нилыч поставил большую картонную коробку и стал, перебирая освобождать книжный шкаф.

В коробку летели какие-то старые газеты и вырезки из них, брошюры и книги, ненужные документы.

Восьмиклассница Леночка помогала бабушке разбирать шкафы в соседней комнате. И вот в комнату, где занимался Нилыч, входит внучка с перетянутой шпагатом пухлой папкой.

- Деда, - обратилась она к Анатолию Ниловичу,
- бабуля велела тебе посмотреть эти бумаги. Может тут можно что выбросить?

- Эти бумаги? Давай их сюда. Из этой папки выбросу ни что не подлежит!

Нилыч почти выхватил из рук внучки папку, с минуту постоял в размышлении, потом подошел к своему столу, открыл дверку, положил папку на верхнюю полочку и закрыл дверцу на ключ.

- Дед, одни бумаги ты выбрасываешь, другие запираешь на ключ. Почему? Ты всегда хранишь только нужные. Но в той папке бумаги очень старые. Они какие-то важные?

- Конечно, конечно. Ты права. Которые не нужны, я выбрасываю. Папку же, что ты сейчас принесла, пока жив, буду хранить. А там уже вы будете решать хранить их или выбросить.

- А почему они такие важные? – не унималась Леночка.

- В ту папку я собрал все наши самые дорогие документы. Там документы о нашей с бабушкой и наших родителей жизни. Там документы о том, кто мы и откуда, чем в нашей жизни и как занимались. Как же это не может быть нам дорого?

- А можно мне их посмотреть? Покажи, - попросила девочка.

Анатолий Нилович взял положенную в стол папку, развязал шпагат, уселся в кресло и стал перебирать пожелтевшие листки.

- Ну, вот смотри. Это вырезка из Красноярской краевой комсомольской газеты о праздновании в 1964 году сорокалетия именованя комсомола Ленинским. Было соревнование в честь той даты. Победителей соревнования Крайком комсомола собирал в селе Шушенском, где отбывал ссылку Ленин. Я был в числе тех ребят. Нас было сотни полторы из всего Красноярского края. А это вот бабушкиной мамы школьный аттестат зрелости. Видишь, какие были у твоей прабабушки оценки? Ты учишься не плохо, а она училась лучше. А вот выписка из церковной книги о рождении казака бабушкиного пра, пра, прадедушки. Ты его внука уже в пятом или шестом поколении. Смотри. Документ – 1934 – го года! А запись в церковной книге, откуда выписка, была сделана аж в 1847 году.

- Дай я сама посмотрю.

- На, держи.

Девочка взяла в руки пожелтевший листок и, затаив дыхание, долго читала, красивым ровным почерком написанные строчки. Текст

был словно напечатан. Буквы выписки были написаны с красивыми завитушками.

- Здорово! – сказала Леночка после прочтения и осторожно вернула документ деду.

- А это вот грамота горкома комсомола, данная мне за выполнение одного очень важного поручения. Собственно, само поручение выполнил не я. Всё сделали солдаты. Я только всё пробивал, согласовывал, помогал. А не простую задачку тогда решил Хулиган.

- Хулиган?

- Да. Очень недисциплинированным был тот солдат с первого дня службы, а под конец отличился. Хулиган была его воровская кличка.

Нилыч взял из стопки следующий листок, но в это время в комнату вошла жена. Увидевши, чем заняты муж и внучка, она вздохнула и как бы самой себе сказала:

- Ну, всё. На том работа и закончилась.

- Давай потом, а? – сказал внучке Нилыч и стал складывать назад свои драгоценные бумаги.

- Давай сегодня? Как закончим. Это так интересно.

- Договорились, - сказал Нилыч.

2

Спать в тот вечер Леночка, на удивление бабушки, собралась рано. Когда она, направляясь в свою комнату, подошла к деду и тихонько шепнула:

- Пошли?

- Пошли, - ответил Нилыч, и они прошли в комнату внучки.

Леночка забралась под одеяло, а дед уселся в кресло рядом с её кроватью и приготовился к рассказу.

- А бумаги? – протянула внучка.

Нилыч проворно подскочил и потопал за папкой, но в коридоре путь ему преградила жена.

- Она ж хотела спать! Имейте в виду, я вас завтра подниму рано. В девять уже придут ребята переставлять, а у нас ещё не всё разобрано.

- Поднимемся, поднимемся. У девчонки каникулы. Можем же мы хоть сейчас поболтать?

На том жена и отступилась. А Нилыч достал из стола папку с бумагами, прихватил очки и прошел в комнату внучки. Усевшись в кресло, он включил рядом стоявший торшер, снова развязал папку, нацепил очки и спросил Леночку:

- Так с чего начнём?

- Давай сначала про Хулигана.

- Про Хулигана, так про Хулигана, - согласился дед.

Он нашел в папке данную ему когда-то грамоту и продолжил:

- Ну, вот смотри, это грамота городского комитета комсомола. Награждается комсомолец ... за успешное выполнение ответственного

комсомольского поручения, - прочёл Нилыч, - А дело было так:

3

В те годы в разных концах страны строились заводы, электростанции, железные дороги. Строились даже новые города. Много строилось оборонных заводов. В том числе и огромных предприятий атомной промышленности. Производство это небезопасное для населения и окружающей среды, во-первых. А во-вторых, всё, что было связано с производством атомного оружия, было строго засекречено. Поэтому эти предприятия строились подальше от крупных городов. Возле этих гигантских заводов строились не большие города. Из космоса они были прекрасно видны, но на наших картах тех городов не было. Рассказывать о них посторонним запрещалось. Секрет.

Сразу после войны на этих важных стройках работали заключенные. Осужденные за различные преступления в Советском Союзе

работали на стройках, на лесоразработках и в других местах до последних дней существования того государства. А до пятидесяти третьего года в стране было много и заключённых по политическим мотивам. Были так называемые ГУЛАГи. Ты о них слышала. Так вот. Когда в 1953 году умер Сталин, который руководил Коммунистической партией и страной с 20-х годов, ГУЛАГи ликвидировали. По случаю смерти вождя была объявлена амнистия и для многих осуждённых по уголовным статьям. На стройках министерства Среднего машиностроения, так тогда называлось нынешнее Минатомэнерго, которое создавало атомное оружие и строило большое количество разного рода предприятий для его производства, трудилось очень большое количество заключённых.

Армия Советского Союза после войны была очень большая. Её дорого было содержать, да и не было необходимости в мирное время иметь такую численность войск. Поэтому, армию постепенно сокращали. Многие боевые

воинские части, подлежащие сокращению, в полном составе направлялись на стройки Среднего машиностроения. Заключенных стали постепенно заменять солдатами. Особенно много солдат на эти стройки было направлено после амнистии 1953 года.

В одной из таких воинских частей, на стройке Минсредмаша я и служил в то время секретарём комсомольской организации полка.

4

Солдаты нашего полка работали на предприятиях, которые делали для стройки бетон, различные изделия из него, делали столярные изделия, работали бульдозеристами, крановщиками, шоферами и так далее. Полк был очень крупным по численности, и одним из лучших на стройке.

В наших частях было очень много комсомольцев. Поэтому комитеты комсомола частей имели права райкома комсомола с освобождённым секретарем и сектором учёта

комсомольцев со штатной сотрудницей. Угадай, кто был в нашем комитете комсомола заведующей сектором учёта?

- Наверняка бабуля! – кто ж ещё?

- Угадала, - подтвердил Нилыч. – Только тогда она была не бабулей, а стройной, с косичками и большущими белёсыми глазищами девушкой.

- Ты был её начальником, и она тебе подчинялась?

- Ну, в общем-то, да. Хотя, практически, мне никогда не приходилось от неё что-то требовать, указывать, как это обычно делают начальники. Я уж не говорю, чтобы за что-нибудь ругаться и так далее. Больше она от меня требовала и ругалась.

- Хм. Она на тебя, на начальника наезжала?

- Да нет. Наезжала это не совсем так. Понимаешь, она ж занималась бумагами. Вела учёт комсомольцев, оформляла всякие документы, печатала их на машинке. Составляла, например, отчёты и носила их в

горком комсомола и в вышестоящий штаб. А отчёты всегда надо подавать вовремя. Она документ напечатает, его надо подписать и нести, а он не подписан - меня нет и нет. Из вышестоящего штаба или горкома комсомола звонят, требуют отчёт, ругаются, а она ничего поделывать не может. Мне-то некогда сидеть в кабинете. Я постоянно мотался то по производству, то по ротам. Постоянно ж какие-то дела. Вот за это мне от моей заведующей учётом и доставалось. Она была вся такая правильная, всё у неё всегда должно делаться так, как положено, как требовали. Ну, а мне было не до бумажек. Я быстренько бумагу набросаю, и побежал. Она садится её печатать, а там написано так, что нужен переводчик. Ты почерк мой видела. Понимаешь, как я писал. И за это мне от неё доставалось тоже. Но в целом мы работали дружно, часто шутили. Правда, однажды за одну мою шутку дело чуть не дошло до рукоприкладства.

- Она хотела тебе поддать? Расскажи.

- А ты ей не скажешь, что я тебе рассказал про ту историю?

- Никогда. Рассказывай. Ну, деда, давай!

- Бывало, я сижу за столом, она приносит выписанный комсомольский билет, вот такие у нас были билеты.

Нилыч взял из папки красную книжицу, показал внучке. Потом продолжил:

- Ну, так вот. Заходит она, обычно, ко мне и говорит: «Поставь мне печать». Тут-то я, при таких её словах, всегда и говорил: «Печать поставить на билет или тебе?» Ну, шутил, значит.

И вот однажды был я в каком-то весёлом таком настроении. Зашел в кабинет, что-то напеваю. Только сел я за стол, как завсектором учёта влетает в кабинет и сходу: «Поставь мне печать». Я открыл сейф, достал печать, обмакнул её в штемпельную подушку, и ...тиснул ей на лоб. Она ж попросила поставить печать ей. Представляешь?! А на столе у меня стоял чернильный прибор из не большой мраморной плиты. Тогда они были в моде. Бабка твоя как

этот прибор схватила, и на меня. Я - пулей из кабинета. Она за мной. По коридору, в аккурат, шел замполит Иван Васильевич Шишкин. В коридоре было темновато, но я его заметил и прошмыгнул мимо, а бабуля твоя с прибором в руках на подполковника и налетела. С перепугу грохнула прибор об пол, и убежала в кабинет. Сидит, ревет. Шишкин следом зашел, давай её успокаивать. Еле сдерживая смех, спрашивает, что у нас произошло, что я натворил, чем её обидел. Она руками лицо закрыла и хлюпает. Я стою за дверью, слушаю, а заходить в кабинет боюсь. Спрашивал он её, спрашивал, махнул рукой и пошел из кабинета. Выходит в коридор, я стою. «Та - а – к! Ты, значит, напроказничал и сбёг. А мне, ядрёна мать, чуть за тебя не попало! Иди вон теперь успокаивай. Немедля извиняйся! А пожалуется – получишь у меня, получишь. Я тоже баловаться умею», - строгим таким голосом отчитал меня Иван Васильевич и ушел. Я всё это время стоял ни живой, ни мёртвый. Шишкин был человек добрый. Знал я, что не накажет. Стыдно было.

- И чем же у вас всё закончилось?

- Да чем, чем. Закрыл я кабинет на ключ, из графина водой намочил свой носовой платок и давай оттирать ей лоб. Она сначала не давалась, шлёпала меня по рукам, отталкивалась. Но лоб-то отмывать надо. Как домой ехать? Посопела, посопела, оделась и ушла на остановку. Дня через два мы помирились, по-прежнему дружно работали, шутили, спорили. Но так я больше, естественно, не шутил. Мы, кажется, далеко ушли от темы. На чём я остановился?

- Про стройки, про вашу военную часть.

- Да, да. Ну, так вот. Многие важные крупные стройки страны в те времена, особенно в отдалённых районах, нуждались в большом количестве молодых рабочих, грамотных специалистах. Государство и правившая в стране партия коммунистов, поручала комсомолу шефствовать над такими стройками. Объявляли их Ударными комсомольскими. ЦК комсомола, он был в Москве, принимал решения по направлению на эти стройки комсомольцев,

контролировал работу, помогал комсомольцам во всех их проблемах.

На реке Ангара строилась в ту пору Братская гидроэлектростанция. Ну, как у нас на Волге. Только гидроэлектростанции на Ангаре и Енисее куда большей мощности. Реки в Сибири полноводные, широкие, а перепад местности очень резкий. Поэтому скорость течения и напор воды в них гораздо мощнее, больше в них и энергии.

Строительство Братской ГЭС было объявлено Всесоюзной Ударной комсомольской стройкой. Ехали на её строительство тысячи парней и девчат со всего Союза. Стройка гремела. О ней слагали стихи и песни. Дела на строительстве постоянно освещали центральные газеты, радио, телевидение. «Комсомолка» не выходила тогда без материалов о стройке на Ангаре.

К тому времени на Братской ГЭС уже было пущено в эксплуатацию две турбины. Монтировалась и готовилась к пуску третья. Но вот незадача – некуда было в том регионе девать

электроэнергию. Заводы города Братска ещё только строились. Строились крупные заводы в Ангарске и Иркутске. После ввода всех их в эксплуатацию применение всей мощи Братской гидроэлектростанции нашлось. Позже была построена ещё и Ангарская ГЭС, только сейчас заканчивается строительство ещё и Усть-Илимской. И все эти электростанции сегодня загружены на полную мощь. А тогда ситуация была иная.

Мощный энергетический комплекс Иркутской области запланировали соединить с быстро развивающимся Красноярским краем, потом с Западной Сибирью и дальше с Европейской частью Союза. Так сейчас и есть. По географии про те экономические районы вы, наверняка, учили.

- Что-то такое было. Не помню уже, - протянула Леночка.

- Ну, да ладно. От Братска, где строилась ГЭС, до Красноярска, испытывавшего в то время острую нехватку электроэнергии, уже была

построена высоковольтная электролиния на 500 киловольт. В её строительстве принимали участие и солдаты нашего управления войск. Об этой линии композитор Александра Пахмутова написала песню «ЛЭП пятьсот не простая линия...» Ты её слышала.

- Да, слышала. По телеку какой-то концерт был.

- Тогда эта песня гремела постоянно. Так вот. Нашему строившемуся комбинату тоже нужно было немало электроэнергии. Потому «ЛЭП пятьсот» протянули через нашу стройку. А чтобы перекачать электроэнергию на такое большое расстояние, нужен промежуточный мощный трансформатор. Строительство этой трансформаторной подстанции и запланировали в нашем закрытом городе.

Комсомольцы – добровольцы, как называли строителей Братской ГЭС, ударными темпами вели монтаж третьей турбины и готовили её к вводу в эксплуатацию значительно раньше срока. А трансформаторную подстанцию в

нашем городе строить только начинали. Эта подстанция не была включена в титульный список строящихся объектов того года. По плану-то третья турбина должна была вводиться в эксплуатацию в году следующем. Кто ж знал что комсомольцы – добровольцы сдадут в эксплуатацию третий блок раньше срока. Титульный список, это такой список объектов, которые планировалось строить каждый конкретный год. По этому списку на строительство каждого объекта выделялись деньги, рабочая сила и строительные материалы.

Раз здание для трансформатора планировалось строить только в году следующем, поэтому оно и не было включено в титул того года, о котором речь. Вот тут-то и создалась ситуация. Строители Братской ГЭС спешат, стараются раньше срока ввести третью турбину в эксплуатацию, а запускать её без промежуточного трансформатора нельзя, некуда девать электроэнергию.

Ну, раз стройка комсомольская, да ещё Ударная и Всесоюзная, братчане звонят в ЦК комсомола, просят ускорить строительство промежуточной трансформаторной подстанции. Оттуда звонят в Красноярский Крайком комсомола. Из Крайкома звонок поступил в наш Горком комсомола. Секретарь Горкома Геннадий Шишенков, - Нилыч при этих словах ткнул пальцем в грамоту, указывая на её подписавшего, обращается с просьбой к нашим строителям. Тут надо заметить, что главным инженером стройки был отец Геннадия, но и родственные связи не помогли. В просьбе активизировать строительство подстанции ему решительно отказали. У нас у строителей готовились к сдаче свои очень важные для обороны страны объекты. Плюс к этому, на стройке был острый недостаток цемента. Для комплектации здания подстанции нужны были стеновые панели, плиты перекрытия на кровлю и 24 огромные колонны, к которым должны были крепиться стеновые панели и крыша здания. А по консолям колонн, таким выступам, должен

был быть смонтирован мостовой кран большой грузоподъёмности. Плиты перекрытия в запасе у строителей, как выяснилось, были, были и стеновые панели. Фермы на крышу и металлические балки под кран откуда-то поступили. В тот момент на стройке было и несколько свободных бригад монтажников, которые из готовых конструкций собирают здания. А вот железобетонные колонны на подстанцию надо было делать.

Походил, походил Геннадий по коридорам управления строительства и приехал ко мне. Обрисовал ситуацию, попросил помочь.

- И ты помог? – спросила Лена.

- Помог..., - протянул Нилыч. - ох, и досталось же мне тогда!

Он немного помолчал, и продолжил.

Глава 2

На следующий день пошел я к начальнику комбината железобетонных изделий, где должны были делать злополучные колонны. Тот выслушал меня и ответил то же самое, что и Геннадию в управлении стройки.

- Если я сниму хоть одного рабочего с изделий для пускового здания – меня повесят без суда и следствия. Да и силосы для цемента на заводе ЖБИ пусты. На всю стойку в день приходит один - два вагона цемента и всё. Объект вне титула этого года, материалов для него нет и делать эти твои колонны мне никто раньше срока не разрешит. Арматуры у меня на комбинате достаточно. Есть даже излишки. Арматурный цех сейчас не загружен, работает только в первую смену. Каркасы мы тебе сварим хоть завтра. Не загружен и столярный цех.

- Выбивайте через ваш Крайком цемент, давайте мне дополнительную рабочую силу и тогда я помогу выполнить данное тебе комсомольское поручение, - притворно мило улыбаясь, сказал на прощание директор.

Прежде чем звонить секретарю горкома комсомола и предложить попытаться достать цемент через Крайком комсомола, как посоветовал директор комбината, решил я зайти на бетонорастворный завод и узнать, сколько цемента требуется для приготовления бетона на эти колонны.

Худющий, маленького росточка, почерневший от трудов начальник завода с ходу выдал мне нужное количество тонн цемента.

- Можешь везти больше, у меня в ёмкостях пусто, ветер гуляет, - заключил добродушный трудяга.

Я поблагодарил Семёныча за помощь и направился к выходу из его с ободранными стенами и ветхой мебелью кабинета. Уже у самого порога хозяин кабинета меня окликнул. Я остановился, вернулся к столу. Семёныч прошел мимо меня к двери, открыл её, выглянул в коридор, потом закрыл дверь на ключ и

подошел ко мне. Такое его поведение меня насторожило. А Семёныч молча стоял и смотрел на меня. Его тёмные, блестящие глаза с минуту сверлили меня насквозь. Потом он прошел за свой стол, сел на скрипнувший стул. Посидел неподвижно, глядя прямо перед собой, коротко глянул на меня и засуетился: убрал в ящик стола какую-то папку с бумагами, порылся в поисках чего-то в ящике стола, передвинул на край стола телефон. Я всё это время внимательно наблюдал за его необычным поведением. Семёныч чувствовал на себе мой вопросительный взгляд, тянуть дальше и не рассказывать того, о чём хотел и не решался, стало неловко. Наконец он не сильно хлопнул о стол маленькой с корявыми пальчиками ладошкой и решительно, но тихо сказал:

- Ладно. Раз уж я решил рассказать тебе кое-что, слушай. Я знаю, где есть цемент. Там его много, он, можно сказать, ничейный, но взять его оттуда очень трудно. Если тебе так срочно надо, да ещё и для такого важного дела, попробуй. Но скажу я тебе, где он при условии,

что никому, никогда не скажешь, где взял и кто подсказал. Иначе меня опять могут погнать валить тайгу, хоть сейчас уже и нет Сталина. А мне этого очень не хочется! Понял?!

- Даю слово, - ответил я тут же.

После небольшой паузы Семёныч крутнул в мою сторону головой и сказал:

- Тогда слушай, - и начал свой рассказ.

3

Ты знаешь, что наш комбинат ещё строится. Основные цеха и открытый полигон начали работу в прошлом году. А мой завод заработал только два месяца назад. До того мы работали на временной площадке возле СМУ – 2. Товарный бетон на стройку и для цехов комбината возили оттуда. Это далеко, неудобно и дорого. Как только закончили монтаж оборудования на этом заводе, мне приказали срочно перебираться сюда. Тут надо было прокрутить и отладить оборудование и начинать

работать, а у нас, как всегда, куча недоделок и неполадок. Все мои мастера, специалисты и рабочие работали несколько суток безвылазно. А сколько оставалось оборудования на том заводе? И всё ж числилось на мне. Надо тут начинать на полную мощь работать, а там надо вести демонтаж. Людей дополнительно мне никто не дал. Что успел снять то и привёз, остальное - списали.

- И цемент? – вырвалось у меня?

- И цемент. На той площадке наш бетонорастворный узел строился как временка. Ёмкостей для цемента, какие положено, не было. Из кирпича выложили метров шесть в высоту несколько колодцев. Их перекрыли металлическими балками, по балкам разместили бетоно и растворомешалки. Потом наспех подвели воду, соорудили наклонные галереи для подающих песок и щебёнку транспортёров.

- А где же хранили и как подавали цемент? – спросил я.

- Во! Вот тут собака и зарыта! Где-где? Да в колодцах под мешалками. ковшовыми транспортёрами подавали его наверх в небольшие накопительные бункеры, а оттуда по трубе самотёком в мешалки. Понял, какая там была технология? А ты мне, как только встретимся, почему худой, да когда поправишься? Поработал бы там со мной. Знал бы, куда остатки моего здоровья делись.

Говорил я директору комбината про цемент, что там остался, - продолжил Семёныч, - просил людей, чтобы как-то выгрузить да перевезти его сюда. Но людей не дали, а если бы и дали, то как мне было тот цемент оттуда вытаскивать, если энергию в первый же день отключили? Может вёдрами, или мешками? А там его не один десяток тонн! Не только на двадцать четыре, на восемьдесят твоих колонн хватит. Так что смотри. Сможешь взять, бери, привози. Дадим тебе бетон. Народ у тебя есть. Автобат тоже у тебя, перевезти цемент проблем не будет. Думай.

- А что я скажу, когда спросят, откуда взял цемент, если про старый завод не говорить?

- А кто будет спрашивать? Кому это надо? Если сам не разболтаешь, то знать никто и не будет. Бетон и раствор в объёме плановых поставок мы стройке даём. Шума из-за бетона никакого не будет. А сделаешь колонны, их начальник комбината запишет в свой месячный план. А про тот цемент он лично знает. Если что, так его рядом со мною на «скамеечку» и посадят. В Управлении стройки твои колонны, их монтаж и даже пуск подстанции никто и не заметит. Им не до того. У них в первую очередь другие объекты. Сам знаешь, какие. За те объекты, если не сдадут к сроку, с них головушки поснимают. А твой трансформатор для них дело второстепенное. Соберут здание – хорошо, первыми благодарности и премии получают, а не соберут - никто им и худого слова не скажет.

Цемент нашелся. Но кем и как делать колонны? Когда? И потопал я с этим вопросом к командиру полка. Тот тоже меня выслушал и говорит:

- Какие колонны? Где ты возьмёшь солдат? От нас командиров частей и начальника Управления каждый день начальник стройки требует и требует людей на пусковые объекты. Каждый солдат на счету. Да меня, если узнают, что я разрешил тебе поставить людей на колонны для какого-то трансформатора нужного вашей комсомольской стройке, завтра же уравниют с тобой в звании и выпрут из армии. Понял?

- Понял, - ответил я уже «завопившемуся» полковнику и быстренько покинул кабинет.

Моим заместителем был секретарь комсомольской организации первой роты Виктор Рогатенюк.

- Тоже лейтенантик? – прервала деда Леночка.

- Нет. Рядовой солдат. Комсорг же роты. Какой офицер? Работал он на ЖБИ, как и все солдаты

его роты. А в комитете комсомола работал на общественных началах. Кстати, по окончании его службы наш комитет комсомола дал ему направление для поступления в высшую школу милиции. После учёбы долго служил там же, в нашем городке, а потом переехал на Украину и служил до пенсии. Дослужился Виктор Петрович до высоких постов и званий. Так вот.

Этот Виктор, разумеется, был в курсе всех моих мытарств по поводу райкомовского поручения. А когда я вышел от командира полка и зашел к себе, он был в комитете. Я рассказал ему о разговоре с командиром полка. Рогатенюк был очень настырный и упёртый парень, как сейчас говорят. Выслушал он меня и сказал, что какие бы обстоятельства нам не мешали, но колонны мы должны сделать.

На следующий день с работы Виктор пришел раньше роты. Ему это разрешалось. Зашел в штаб и долго томился в ожидании меня. Я был на каком-то совещании у начальника штаба.

Когда я вышел с совещания, Виктор подлетел ко мне и потащил в комнату комитета комсомола. Когда вошли в кабинет, начал тараторить, что у него есть идея кем сделать колонны. Я с трудом успокоил его и попросил по порядку рассказать об идее.

- Я ещё не утомил тебя своим рассказом?

- Не. Но давай побыстрее про своего Хулигана. Долго собираешься, - зевнув, протянула девочка.

- Ладно. Постараюсь короче. Но ещё одно небольшое отступление для ясности и тогда уж про саму историю.

5

В тот год оканчивали службу «ростовские жулики». Так именовали у нас солдат из Ростовской области. Тот призыв был необычным. Дело в том, что решением партии и правительства в стране закрывались тюрьмы для несовершеннолетних. Парней призывного

возраста, отбывавших сроки за незначительные преступления в этих колониях, (молодёжь в те времена почти не совершала тяжкие и особо тяжкие преступления), из мест лишения свободы отправляли служить в Советскую армию. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв изрёк: «Пусть их перевоспитывает армия. Стране, строящей коммунизм, молодёжь перевоспитывать в тюрьмах непристойно».

Так из Ростовской области к нам на стройку и прибыло около восьми сотен этих призывников. В нашем полку их было более двухсот. Очень многие те ребята служили хорошо. Но немало было и тех, кого надо было бы вернуть обратно за колючую проволоку. В нашем, до того отличном полку, с тех пор стали случаться такие нарушения дисциплины, о которых мы раньше и не слышали. Самое трудное для нас время наступило, когда эти ростовчане стали заканчивать службу. Мне кажется, с тех самых пор и повелось в армии, что солдат, оканчивающий службу, как бы имеет право, что ли, нарушать дисциплину. Их стали называть

старослужащими, а они себя - дедушками. Отсюда и возникло слово «дедовщина». Эти солдаты на последних месяцах службы уклонялись от всех хозяйственных работ, перекладывая их на солдат младшего призыва, как правило, на первогодков. Они позволяли себе вольности в обращении с сержантами и даже с молодыми офицерами. Часто эти солдаты пьянствовали, а пьяные совершали серьёзные нарушения и даже преступления. В общем, досталось нам от тех призывников по полной.

Первой ротой нашего полка, работавшей на комбинате ЖБИ, командовал капитан Анатолий Иванович Жуков. Высокого роста, стройный, сажень в плечах фронтовик. На войне он был с первого и до последнего дня разведчиком. Был он строг и требователен к солдатам, а заботился о каждом из них не хуже мамы, как говаривали его подчинённые. Естественно, все солдаты его любили и уважали, даже ростовчане. Были и в роте Анатолия Ивановича серьёзные нарушители дисциплины, особенно эти ростовчане в последние месяцы службы.

Во многих цехах завода железобетонных изделий работа была организована потоком. В начале цеха собирался арматурный каркас изделия, далее оно поступало на пост заливки бетоном, потом на вибрирование и на пропарку. В другом конце цеха непрерывно шла отгрузка на железнодорожные платформы уже готовых изделий. Нормально такой огромный цех может работать, если чётко, без малейших задержек будет вестись работа на всех постах потока. Если на каком-нибудь посту, хоть один солдат будет работать с прохладцей, это будет лихорадить весь цех. Я уж не говорю о том, что будет если он куда-ни будь отлучится, или даже если его посадят на гауптвахту за нарушение трудовой или воинской дисциплины. Как будет работать конвейер? Кем заменить солдата специалиста на том посту? Проблема.

Ну, так вот. К лету того года начальник цеха железобетонных изделий потребовал от Анатолия Ивановича шесть недисциплинированных, плохо работавших и часто нарушавших дисциплину солдат из цеха

убрать. Это были все ростовчане. Он их убрал, а куда девать? Где таким разгильдяям найти работу? Кто их возьмёт? Анатолий Иванович и договорился с директором комбината сформировать из них бригаду. Давать им на каждый день разовые задания и строго контролировать выполнение. Так и сделали. Эта бригада работала там же на ЖБИ. Долбила наслоения из пролившегося на пол бетона под мешалками растворных узлов, увозила на специальную площадку бракованные или сломанные изделия, мела территорию, выполняла различные погрузочные работы и так далее. За солдатами этой бригады был установлен строгий контроль, и они хоть и не в поте лица, но помаленьку трудились. Правда, задания на день часто не выполняли, бегали с производства в самоволки, пьянствовали.

Вот Виктору и пришла в голову идея использовать эту никому, по большому счёту, не нужную бригаду. Когда он высказал мне эту свою идею, я чуть не потерял дар речи, а мои, тогда густые, волосы приподняли фуражку. Видя мою

реакцию на его идею, Рогатенюк повышенным тоном, давая понять, что я его должен выслушать до конца, выпалил:

- Что ж вы думаете, товарищ лейтенант, эти ребята не люди!? Или мы с вами, наш, командир роты, не можем с ними, как следует, поговорить!? Разве они уже не солдаты и им, в конце – концов, нельзя приказать!? Надо с ними поговорить! Другого пути у нас с вами нет! Вот и всё! Лучше давайте подумаем, как с ними разговаривать, как их заставить сделать колонны.

Высказавшись, чтобы не слушать мои возражения, Виктор встал и, не спрашивая разрешения, ушел.

Долго в тот вечер думал я о его предложении, а на следующее утро, когда ехал на службу в полковом автобусе, понял и сам, что другого пути у нас нет. Согласятся эти отпетые хулиганы сделать колонны, значит сделаем. А нет, то тут уж ничего не поделаешь. А помочь Всесоюзной Ударной комсомольской хотелось. Это ж для

Братской ГЭС! Пуска третьего блока ждали ж все комсомольцы страны. «О нас никто и знать-то не будет, но всё равно помочь надо», - размышлял я.

Глава 3

1

После утренних штабных мероприятий я и потопал на комбинат. В кабинете начальника цеха ЖБИ нашел Анатолия Ивановича. Дождался, пока они с начальником цеха обсудят свои производственные дела, и начал с ним разговор. Я видел, как несколько раз менялось выражение лица бывалого вояки по ходу моего рассказа. Когда я говорил о Братской ГЭС и готовящемся досрочном пуске третьей турбины, его лицо выражало живой интерес. А когда дошел до данного нам поручения и проблем, с ним связанных, лицо офицера стало серым и грустным. Его умные глаза сузились и часто-часто замигали, сжались в напряжении губы. Анатолий Иванович уже понял, зачем я к нему пришёл. Он

негромко кашлянул в кулак и прервал мой рассказ на самых подступах к идеям начальника растворного завода и Виктора Рогатенюка:

- Придумали какую-то авантюру, решили втянуть в неё и меня? – произнёс он и просверлил меня насквозь своими умными светлыми глазками.

Под этим взглядом я только и смог, что мотнул головой, подтверждая его догадку. Анатолий Иванович отвернулся от меня и с иронией произнёс:

- Тогда давай и мне ваше комсомольское поручение.

Я dokonчил свой рассказ. После этого Жуков поднялся во весь свой не малый рост, одёрнул, потом растянул большущими ручищами по ремню назад гимнастёрку, выпячивая при этом грудь, закинул по привычке руки за спину и, устремившись на выход, буркнул мне: «Пошли».

Сразу у ворот цеха стоял самосвал и три солдата лопатами грузили в него кучу мусора.

- Где остальные? – сходу пробасил Анатолий Иванович, обращаясь к работавшим солдатам.

- Вона отдыхают, - указал ротному с досиня исколотыми руками солдат.

- Мы покидаем, потом они, - добавил второй.

- Зовите всех сюда, - приказал Анатолий Иванович.

Когда вся семёрка подошла к нам, ротный сказал:

- Значит так, товарищи солдаты, сейчас быстро догрузите самосвал, потом товарищ лейтенант доложит вам об очень важном задании. Я прошу вас, постарайтесь его выполнить. Дело очень нужное. Я в долгу не останусь. Поняли?

- Поняли, - недружным хором ответили солдаты.

Анатолий Иванович долгим взглядом обвёл вразнобой стоявших солдат, пожал мне руку и со словами: «Желаю успеха», - удалился.

Вся семёрка взяла лопаты и приступила к работе, а я отошел к штабелям готовых изделий,

сел на плиты и стал ожидать окончания погрузки. Самосвал ребята догрузили быстро, пришли ко мне и, рассаживаясь вокруг, стали закуривать, давая мне понять, что готовы слушать.

Тут я и поведал им всё с начала и до конца.

Когда я закончил свой рассказ, солдаты некоторое время, переглядываясь меж собой, молчали. Потом старший из них Калиниченко, а по кличке – Хулиган, сказал мне, что они моё предложение обсудят, хорошенько подумают и вечером дадут ответ.

2

Вечером того дня, когда я уже вышел из штаба и поспешил было к отъезжавшему в город полковому автобусу, ко мне подошел Калиниченко. Я позвал его в комитет комсомола, и там повели разговор.

Начал солдат с того, что залить двадцать четыре колонны для них дело пустяковое. Если

разреши́т, и не будет препятствовать начальство комбината и полка, колонны будут готовы дней через двадцать не больше. Я в это не поверил, но промолчал. А солдат продолжил:

- Надо будет отпускать нас на работу в ночную смену, на что вряд ли пойдёт командир полка. Надо выделить нам хотя бы одну пропарочную камеру на открытом полигоне. Нужно, чтобы там же работал, когда надо, козловой кран, и чтобы по требованию, регулярно, как в цеха, давали бетон и арматуру. Мастер полигона должен разрешать самим прихватывать электросваркой арматурные каркасы, а то сварщики будут здорово тормозить работу. Ну и последнее, надо один или два самосвала для перевозки на завод цемента.

Понял я, что решить все вопросы будет нелегко, учитывая с кем имею дело. Но Хулигану пообещал все эти вопросы решить. Сказал, что на полигоне днём и в ночь буду с ними сам. Завтра с утра возьму машину, и съездим с ним на старый завод, посмотрим, как можно загружать

цемент, сколько надо будет машин и какого инструмента.

После нашего разговора Калиниченко ушел в роту, а я пошел в столовую, где дежурный по полку командир третьей автомобильной роты Володя Голянкин кормил ужином полк. Насчёт автомобилей договорились без проблем.

Утром следующего дня с рядовым Калиниченко мы и поехали на старый бетонорастворный завод.

Я всю дорогу думал не об организации работы, а о том, что попросят эти орлы, какие выставят мне условия за выполнение работы. Это было для меня самым трудным. Сам говорить на эту тему боялся и помалкивал в ожидании. В том, что что-то они попросят, и что эти их условия будут не простыми, я был уверен. Молчал об этом пока и Хулиган.

Самосвал, шикнув тормозами, остановился. По уже наполовину разрушенной лестнице солдат взобрался в помещение бывшего бетонорастворного узла. Долго он возился там,

открывая металлические люки колодцев, жег спички и бумагу, осматривая ёмкости с цементом. Потом спустился вниз, обошел все четыре строения, внимательно осмотрел их снаружи и вернулся ко мне.

- Набрать здесь нужное нам количество цемента пустяки. Давайте нам машины и хоть сегодня начнём возить цемент. Решите все остальные вопросы, и колонны мы сделаем. Мы все тоже заинтересованы делать их. Каждая колонна очень хорошо стоит. А нам перед дембелем деньги нужны. Сами понимаете. На мусоре, да на долбёжке под растворным узлом мы ничего не зарабатываем. А если ещё за эту работу с нас хоть поснимают взыскания и отпустят домой со всеми остальными ребятами, так это будет просто здорово. Ротный пообещал, а вы, поможете нам хоть чем-то?

- А как же! - машинально вырвалось у меня, - помогу.

Солдат, коротко, как-то недоверчиво, глянул на меня и полез в кабину.

В часть ехали молча. Я обдумывал, что делать дальше, а Калиниченко всю дорогу мило посапывая, спал.

3

Весь следующий день у меня ушел на согласования. С командиром полка договорился о разрешении бригаде хулиганов работать в ночные смены. Главным возражающим тут был начальник штаба полка подполковник Шадрин. Только под моё обещание быть все ночи с солдатами на полигоне вопрос был решен. Не так просто удалось согласовать и все вопросы с директором комбината и начальником цеха ЖБИ, у которого в подчинении был открытый полигон. По ночам в тот месяц на полигоне производили пару часов выгрузку из пропарочных камер готовых изделий, да их отгрузку. Это делали с дежурной подменной крановщицей комбината. Заставить её работать на полигоне дольше, было нельзя. Она ночью подменяла крановщиц в разных

цехах завода на перерывы, с новенькими работала в качестве инструктора.

- Допустить из-за вас простой какого-то цеха без крана я не могу, - сказал директор.

А начальник цеха ЖБИ отказался разрешить работу бригады в ночную смену без мастера.

- Не дай бог что случится, а на полигоне не было ИТР, меня посадят. Решай с директором комбината вопрос, чтобы он своим приказом заставил контролировать ночью работу на полигоне дежурного инженера комбината, - предложил он.

К директору комбината в течение того дня мне пришлось заходить разов пять. Ходил решать вопрос по мастеру, по столярному цеху, по включению отпуска бетона на полигон в график комбината и многим прочим вопросам. В тот раз я ему изрядно надоел. При очередном моём появлении в его кабинете он уже делал вид, будто занят, или куда-то торопится по неотложным делам. Но, бегая по комбинату туда - сюда, я постоянно встречался с

Виктором Рогатенюком. Приходилось вводить и его в курс всех дел, выслушивать его «ценные» советы и предложения. И мне, должно быть, невольно стала передаваться его настырность. Поэтому в тот день просто так от меня отмахнуться начальству не удавалось.

К концу дня все основные вопросы на комбинате я решил. Усталый, зашел на несколько минут в полк. Сообщил капитану Жукову, что завтра с утра бригада Калиниченко начинает делать колонны, и заказал с утра два самосвала на перевозку цемента. После этого уехал домой.

4

Утром следующего дня Калиниченко и три солдата из его бригады на двух самосвалах собрались ехать за цементом. Я не имел и малейшего представления о том, как и чем из тех высоких колодцев доставать цемент. Когда заговорил об этом с Хулиганом и об опасности

работы в колодцах и над ними, тот усмехнулся и ответил мне, что он не дурак, и в колодцы с цементом никто не ползет. Не будем и вручную таскать оттуда цемент. Всё необходимое для погрузки мы вон уже приготовили. Я посмотрел, куда указал солдат, и увидел у ворот два лома, кувалду и несколько коротких досок.

- И как же ты этим инструментом будешь грузить? – с удивлением спросил я.

- А мы и не будем грузить. Цементик у нас сам нагрузится, - с усмешкой ответил солдат.

Он с минуту помолчал и продолжил:

- В кирпичных стенах колодцев пробьём дыры. Будем вставлять туда лоток из досок, подгонять задним бортом самосвал к лотку, а цемент сам и потечёт в кузов. В одном колодце его под самый потолок. Один колодец почти пустой. А в третьем – чуть меньше половины. Самотёком нам цемента хватит с большим запасом. Мы только длинной жердью будем тормозить цемент через отверстие и всё. А тот цемент, что

останется ниже уровня кузова самосвала, если он кому нужен, могут грузить любым способом, расширяя отверстие вниз.

Тогда я в первый раз поразился сообразительности и выдумке Хулигана. Ему о том ничего не сказал, а только спросил, что будут делать остальные ребята из его бригады, пока он будет возить цемент.

- Они задание на целый день имеют. Вы с Рогатенюком наведывайтесь на полигон, чтобы им никто не чинил препятствий и не мешал. А мы на первый рейс съездим вчетвером, а потом двое из нас пойдут в столярку и будут с плотниками делать щиты опалубки на одну колонну и некоторые элементы на другие.

Опять мне было непонятно почему будут делать опалубку только на одну колонну, но я промолчал.

У ворот части, развернувшись, остановились два самосвала и солдаты, захватив инструмент, быстро сели в кабины и уехали. Я, пока не скрылись из виду самосвалы, стоял и вертел

головой то на штаб, то на уезжавшие машины. Командиру полка я пообещал быть всё время с этими солдатами, а сам посадил их в машины и одних отправил черт знает куда. Увидел бы всё это начальник штаба...

Когда я пришел на полигон ЖБИ, трое солдат из бригады Хулигана уже приступили к работе. Двое тщательно очищали от мусора дно одной из пропарочных камер. Третий солдат со слесарем возились, ремонтируя кран на трубе подачи в камеру пара. Несколько раз в течение дня мы с Рогатенюком посещали полигон, растворный узел, куда самосвалы возили и возили цемент. Ходили в арматурный цех, где варили нам каркасы сразу на двух постах и делали закладные детали.

Все эти подготовительные работы заняли у нас два дня. К вечеру второго дня пропарочная камера на полигоне была очищена, выбоины и трещины в полу солдаты замазали раствором, пол посыпали чистым песком. Автопогрузчиком привезли арматурные каркасы, петли и закладные для восьми колонн. Вручную ребята

принесли деревянные щиты из столярки, она располагалась рядом с полигоном. Я с Жуковым и его ротой в конце смены второго дня пошел в полк. С ребятами на полигоне мы оставили Виктора Рогатенюка. Я должен был оформить на бригаду выход на работу в ночную смену и вывести их на ЖБИ из полка после ужина.

Когда после ужина мы пришли на полигон, ребята вручную затащили арматурные каркасы в пропарочную камеру и, не собирая опалубку, стали собирать арматуру колонны в единый каркас. Собрали и связали арматуру колонны, вставили и прихватили сваркой закладные, вставили на место монтажные петли и только после этого стали обставлять колонну деревянными щитами. Я опять был поражен находчивости Хулигана. Технологию сборки колонны он оригинально упростил. Немного повозиться пришлось с опалубкой для мощной консоли, а, в общем-то, колонну солдаты собрали за считанные минуты. Крепили проволокой щиты не друг - к другу, а прямо к арматуре, что проще, надёжнее и быстрее.

Когда работы на колонне стали завершать, Калиниченко послал меня в диспетчерскую за дежурной крановщицей. Сам поспешил на растворный узел за бетоном.

Крановщицу Зою диспетчер дал мне без возражений. И пока полная, смешно покрашенная Зоя открывала кран и готовилась к работе, первый самосвал уже выгрузил в большую бадью бетон. Одну за другой солдаты выгрузили и уложили в опалубку три машины бетона. Когда бетон провибрировали и мастерками заровняли верх колонны, камеру закрыли крышкой и включили пар.

- Теперь, - сказал Калиниченко, - идём в полк спать. Придём сюда через шесть часов. Аккуратно, чтобы не повредить щиты, мы их применим несколько раз, разопалубим колонну. Рядом с ней на расстоянии ширины колонны соберём и зальём колонну следующую и снова пойдём отдыхать. Через шесть часов первая колонна уже наберёт сто процентов прочности, и её можно было бы вынимать, но мы её оставим на месте. Между ней и второй, используя

колонны как опалубку, мы смонтируем третью. За второй колонной опять поставим каркас уже из деревянной опалубки на четвёртую колонну. Зальём сразу две колонны и снова отдыхать шесть часов.

5

По этой простейшей, придуманной Хулиганом технологии за двое суток парни заливали по шесть колонн. Мне толком и не пришлось контролировать их по ночам. Контроль сам собою не потребовался. Всё начальство нашей работой мы так зарядили, что ни в полку, ни на комбинате ребятам никто, никаких препятствий не чинил.

Когда нам оставалось изготовить шесть колонн, мы пригласили мастера ОТК принять готовые изделия. Кудлатый молоденький очкарик тщательно осмотрел поверхности всех колонн, но так и не обнаружил ни на одной из них ни перекосов, ни выпуклостей при формовке.

- Какие могут быть прогибы или перекосы при такой опалубке? - подумалось мне тогда.

Красной краской очкарик замаркировал изделия и убыл. Ребята продолжили заливать колонны, а мы с Виктором пошли в транспортный цех решать вопрос отгрузки колонн на строительную площадку. Оттуда я ушел в полк.

Только я вошел в свой кабинет, как за мной прибежал солдат с ЖБИ. Его послал Анатолий Иванович. Он срочно звал меня на полигон. Не представляя зачем, я, перепуганный, помчался на ЖБИ. Подходя к полигону, и увидев там толпу разного комбинатовского начальства, я ещё больше уверился в предположении о «ЧП». Подходил к директору комбината и Анатолию Ивановичу, еле переставляя ноги. Увидев меня, директор, улыбаясь, крикнул: «А вот и сам закопёрщик всего этого дела!» - я воспрянул духом.

Начальство окружило пропарочную камеру, в которой ребята собирали опалубку двух колонн

по своей простой до оригинальности надёжной и в несколько раз менее трудозатратной технологии. Главный инженер комбината спустился к солдатам в камеру, ходил вокруг собираемых колонн, фиксировал карандашом на бумагу схему и порядок сборки колонны. Стоя в камере, он сказал директору:

- Иван Петрович, надо вызывать техотдел стройки, пусть смотрят, вносят в технологию изменения и дают нам официальное разрешение по ней работать. Этим способом мы всю стройку без труда завалим сваями, ригелями и колоннами! А какой у нас план на четвёртый квартал на колонны для нового здания завода! Вот это дела! Никогда не ожидал от этих орлов такого! Никогда! Сейчас же распоряжусь оформить рацпредложение. Сейчас же!

Ещё два дня бригада нашего Хулигана работала в постоянном окружении разного рода инженеров комбината и Управления строительства, сметчиков и технологов. Колонны мы сделали и отгрузили на

строительство трансформаторной подстанции всего за четырнадцать суток.

В одночасье ставших героями, ребят из бригады Хулигана командиры и начальники всех рангов поощрили. Директор комбината выписал им премию по сто рублей. Это, в те времена, были большие деньги. А Степану Калиниченко, Хулигану, выплатили премию ещё и за рацпредложение. До конца службы его бригада работала на полигоне бетонщиками. Хулиганом бригадира больше никто не называл, а демобилизовался он младшим сержантом.

Мне командир полка тоже объявил благодарность, а горком комсомола наградил этой вот грамотой. Теперь поняла, какая это ценность?

- Да, - ответила Леночка.

- Я, к сожалению, не следил за специальной строительной литературой, - продолжил Нилыч, - не знаю с чего, почему повсеместно быстро изменилась технология заливки колонн, свай, прямоугольных ригелей и прочих подобных

железобетонных изделий. У нас на стройке всю технологию поменяли по рацпредложению той бригады это точно. Оформили на Калиниченко рацпредложение, а потом инженеры всё продумали, просчитали, разработали по науке металлические формы, оснастку и прочее необходимое для работы оборудование по новой технологии. Но в основе осталась идея Хулигана. Я бывал на многих стройках нашего министерства и везде при изготовлении подобных изделий видел эту технологию. Даже сейчас, здесь у нас в городе делают сваи и колонны по технологии, отдалённо похожей на ту, хулигановскую. Вот так-то. Вот тебе и Хулиган!

- Здорово! Все бы хулиганы были такими, - сказала Леночка.

Она зевнула и закрыла глаза. Нилыч перевязал шпагатом свою папку, пожелал внучке спокойной ночи, выключил торшер и удалился.

Глава 1

1

Только дней через пять Анатолий Нилович с внучкой выбрали время поговорить ещё раз. В один из вечеров, Лена спросивши у деда разрешение, начала просматривать папку со старыми бумагами, чтобы найти что-нибудь интересное, но дед, облачившийся в домашний халат, перебиравший пультом каналы телевизора, неожиданно сказал:

- А ты знаешь, подвиги Хулигана изготовлением колонн не закончились.

- Расскажи, - потребовала внучка и отложила бумаги.

- В том городе оборонные предприятия расположены достаточно далеко от жилых кварталов, – неспешно начал Нилич, выключив телевизор. Он сделал не большую паузу, дожидаясь пока усядется рядом внучка, и продолжил:

- Поэтому, режим охраны самого города в то время был не очень строгим. На въезде располагался контрольно-пропускной пункт. Дорогу в город преграждал шлагбаум, и загородка из колючей проволоки метров на триста в обе стороны. Службу на КПП несла военизированная охрана из вооруженных гражданских мужчин и женщин. Пропуском для жителей города служила прописка в паспорте. На всех иногородних оформлялись пропуска. Если кому надо было попасть в город, а городской прописки в паспорте и пропуска не имелось, то можно было обойти лесом КПП и всё. Многие этим путём пользовались.

Минуя КПП, хаживали и солдаты наших частей в самовольные отлучки в станционный посёлок, располагавшийся километрах в тридцати - сорока от нас. Идти пешком в посёлок далеко. На автобусе ехать опасно – можно нарваться на офицеров или патрулей. Ездили солдаты в станционный посёлок товарными поездами.

Для стройки, для строившегося завода и самого города по железной дороге ежедневно шло

много различных грузов. Каждый день для ТЭЦ и различных котельных везли эшелон бурого угля. На сортировочной железнодорожной станции нашего города садились воины на товарные поезда и ехали до тупиков на Транссибе, что в станционном посёлке. Там формировались все товарняки в наш город. Тем же путём солдаты возвращались обратно. Сойти с поезда в нашем городе можно было как на сортировочной станции, так и на затяжном подъёме, где поезда шли с очень маленькой скоростью. Кроме того, за предприятиями строительной индустрии, а они располагались не далеко от нашей части, были ответвления от основной дороги. На стрелках поезда тоже снижали скорость, а иногда и вовсе останавливались для того, чтобы отцепить вагоны, предназначенные для котельной, для ДОКа, комбината ЖБИ и прочих предприятий. Солдаты чаще всего садились и сходили с поездов в том месте.

По другую сторону от нашей части располагался посёлок барачного типа. Его

строили для проживания первых строителей города. В одном из бараков посёлка жила медсестра нашего госпиталя. Помнится, звали её Валентина Ивановна. В городе Красноярске жила её дочь. Девушка часто по пропуску навещала свою маму. Однажды Валентина Ивановна заболела. Наташа решила в выходной поехать навестить маму. Телеграмму о приезде дочери Валентина Ивановна получила, но сама заняться оформлением пропуска не смогла и попросила это сделать сотрудницу по работе. К приезду Наташи пропуск по какой-то причине оформлен не был. Девушка об этом не знала и ехала уверенная, что разрешение на въезд, как всегда, есть. Валентина Ивановна узнала, что пропуск на дочь не оформлен только в субботу вечером. Получалось, что если приезжавшая утром в воскресенье Наташа появится на КПП, то ей придётся возвращаться обратно. Ведь на глазах у охраны в обход заграждения не пойдёшь. Дочь уже в дороге, предупредить её об отсутствии пропуска невозможно, сотовых же тогда не было. Что делать? Как быть? И обратилась

Валентина Ивановна с просьбой к одному жильцу ихнего барака – поехать на железнодорожный вокзал, встретить приезжавшую электричкой дочь и провести её в город в обход КПП.

Лет сорока мужчина несколько раз отбывал сроки заключения, часто выпивал. Валентина Ивановна об этом прекрасно знала, но больше бедной женщине попросить было уже некого.

2.

В то воскресенье я выезжал с нашей волейбольной командой на какие-то соревнования. В часть мы вернулись поздно вечером. Я сводил ребят в столовую, накормил ужином и собрался идти на остановку автобуса. У КПП меня окликнул Виктор Рогатенюк. Солдат был в очень подавленном настроении. Когда он подошел ко мне и поздоровался, не поднимая глаз, словно совершил что-то дурное, сказал: «Калиниченко в комендатуре. Задержан в посёлке. Шел с какой-то девицей. Был трезвый».

Мы с минуту помолчали. Потом я сказал, что раз уж нарушил, то пусть отвечает. Как мог, я постарался успокоить Виктора, попрощался и ушел.

В понедельник утром я пришел на остановку нашего полкового автобуса. Находившийся уже там начальник штаба части, велел мне в часть не ехать, а топать в комендатуру и принять участие в разборе какого-то происшествия с Калиниченко.

- Разберётесь, и приезжайте в часть. Хулигана из комендатуры не забирайте. Я выпишу записку об аресте, пусть маленько посидит. Перехвалили вы этого проходимца, - ехидно улыбаясь, сказал подполковник Шадрин.

В кабинете коменданта гарнизона за столиком, приставленным к рабочему столу хозяина кабинета, сидел молоденький капитан милиции, напротив него, опустив голову, - Калиниченко. У стены сидел помощник прокурора города. Я поздоровался и доложил, что послан командованием части для участия в

разбирательстве. Милицейский капитан очень вежливо мне ответил, что помощь ему пока не нужна, если потребуется - он меня позовёт, и попросил покинуть кабинет.

Я прошел к дежурному по гарнизону и стал пытаться его, что совершил наш солдат. Чубатый майор с крупным шрамом на лбу заявил мне, что о случившемся с нашим солдатом он ничего не знает. Вечером в комендатуру приходила какая-то симпатичная девушка с синяком под глазом и поцарапанным лицом. Она попросила встречи с кем-нибудь из начальников. Ей нужно было что-то очень важное объяснить по поводу одного солдата. Ему она ничего говорить не стала. Было воскресенье, коменданта на службе не было, и майор направил девушку к оперативному дежурному Управления войск. Утром приехал следователь милиции и помощник прокурора. Оперативный дежурный позвонил и приказал представить им солдата, задержанного патрульным нарядом в барачном посёлке.

Приехал комендант гарнизона подполковник Улезченко. Дежурный отдал ему рапорт и стал

докладывать о всех происшествиях в гарнизоне. О том, что следователь милиции беседует с задержанным солдатом Калиниченко, подполковник слушать не стал. Сказал, что он о нём всё знает. В свой кабинет комендант не пошел.

Я решил, что Калиниченко совершил что-то очень серьёзное, оставил в покое дежурного по гарнизону и принялся просматривать принесенные почтальоном свежие газеты.

3.

Разбирательство в кабинете коменданта затягивалось. После девяти часов в комендатуре появился начальник политотдела Управления полковник Молоков. Следом за ним, боязливо озираясь по сторонам, осторожно ступая, вошла лет двадцати пяти, с опухшим носиком, кроваво синим левым глазом и расцарапанным подбородком девушка. Было видно, что она пыталась кремами и пудрой скрыть повреждения красивого личика, но они всё

равно были хорошо заметны. Особенно глаз. Увидев меня, полковник сходу выпалил:

- Лейтенант, это тот самый солдат, который сделал колонны?

Запинаясь, я ответил:

- Там у следователя тот самый Калиниченко...

- Герой он всегда герой, - сказал полковник, резко открыл дверь кабинета коменданта, пропустил туда девушку, вошел сам и плотно прикрыл дверь.

Газеты больше меня интересовать перестали. Я размышлял о том, что же мог такое совершить мой Хулиган? Пойман он в самоволке. Был с девицей. Наверняка это та самая. Она избита, а Хулиган - герой.

Минут через тридцать в комнату дежурного вошел сержант милиции и попросил доложить следователю, что наряд прибыл. Майор пошел в кабинет докладывать и оттуда тут же вышли следователь, девушка и помощник прокурора. Все они сели в милицейскую машину и уехали.

Начальник политотдела и Калиниченко оставались в кабинете. Вскоре вышел полковник. Со свекольно-красным лицом, перепуганный и вспотевший, словно вышел из парилки, за ним проследовал Калиниченко. Полковник подозревал меня и приказал везти солдата в часть. Я стал ему говорить о том, что начальник штаба приказал из комендатуры Калиниченко не забирать. Полковник меня резко оборвал и сказал, что Калиниченко совершил благородный поступок. Его не в камере надо держать, а представлять к награде.

- Вот погоди, закончится следствие, и мы примем решение, как его наградить: – с достоинством сказал он.

После этого полковник пожал Калиниченко руку, глянул на часы и торопливо вышел.

Я обрадовался, что наш Хулиган ничего плохого не сделал, и довольный отправился с ним в часть.

По пути на остановку и в автобусе мы ни о чём не говорили. Но я видел, что солдат задумчив и

чем-то озабочен. Мне не терпелось побыстрее узнать, что случилось с нашим Хулиганом, но, видя его состояние, решил не беспокоить солдата своими расспросами. Когда мы у части вышли из автобуса, Калиниченко обратился ко мне:

- Товарищ лейтенант, давайте пока в часть не пойдём. Надо поговорить.

К самому шоссе возле остановки подступал молодой березняк. Туда мы и направились. Как только оказались в окружении белоствольных ровных и высоких красавиц, Калиниченко сказал:

- Товарищ лейтенант, посоветуйте, как мне быть? Мы с Наташей, той девушкой, немного соврали следователю. Неправду я сказал и товарищу полковнику.

- Но я же не знаю, что у вас с Наташей случилось и что соврали. Если нужен мой совет – рассказывай.

- Ладно. Вам расскажу всё, как было.

Глава 2

1

В отделении Хулигана служил солдат Володя Пилипенко. Это был очень хороший парень.

- Хороший, а из цеха выгнали, – удивилась Леночка.

- Из цеха ЖБИ его, как оказалось, выгнали и включили в отделение Хулигана случайно, можно сказать – по ошибке. Он был детдомовец, призвался из Ростовской области. В одну из суббот он раньше положенного времени ушел с работы. В тот день часа на три раньше по какой-то причине ушла с работы крановщица. Солдаты не догрузили полувагон, не сделали какие-то срочно требовавшиеся изделия. В цех пришел дежурный инженер комбината. Он увидел, что цех, не работает. Многие рабочие из цеха уже ушли. По этому поводу он написал рапорт начальству. О простое цеха ЖБИ инженер сразу позвонил в полк. Заместитель ротного на съёме всех солдат проверил по списку и установил

отсутствие Володьки. Когда рота пришла в полк, за Володей сбегали, все ж знали, где он. Через несколько минут он был в полку. За отсутствие на съёме с производства в роте его не наказали, но начальник цеха потребовал из цеха Пилипенко убрать. Сменный мастер за тот простой был переведен на другую работу, и заступиться за хорошего работника было некому. Так Пилипенко и попал в бригаду нарушителей подметальщиков. И в этой бригаде Володя работал хорошо, не нарушал дисциплину. До армии Володя дружил с очень красивой и хорошей девушкой Любой. Она носила длинную, цвета спелой ржи косу. Лицо девушки было усыпано симпатичными, какими-то весёлыми веснушками. Люба тоже воспитывалась в том же детдоме, что и Володька. После детдома ребята поступили в ФЗУ, окончили его и по направлению поехали работать на шахту. Жили в общежитии. Уже решили пожениться, но Володьку призвали в армию. А к Любе стал приставать какой-то парень. Постоянно преследовал её, а когда

напивался – буянил, устраивал скандалы. Люба доработала на шахте год, и ей можно было увольняться. Она и решила поехать поближе к Володьке. Устроилась Люба работать на угольный Разрез, что рядом со станционным посёлком. Теперь они с Володей виделись раза два в месяц, а иногда и чаще. Володька получал увольнение, шел на КПП, туда приезжала Люба. Они обходили проволоку и гуляли в лесу. На КПП их все знали и не препятствовали им там встречаться. Все ж видели, что ребята хорошие, ничего плохого не делают. В непогоду осенью, в весеннюю распутицу, а особенно в зимнюю стужу в лесу не погуляешь. В это время Люба приезжала угольными товарняками в наш город.

- Она тоже прыгала на ходу поезда? – спросила Лена.

- Думаю, что нет. Она же работала на угольном разрезе, откуда грузовые поезда возили на нашу ТЭЦ и котельные города уголь. Все машинисты тепловозов Любу знали, и она запросто могла ездить у них в кабине, а

выходить на сортировке. Володька встречал её, и они гуляли по городу.

На Разрезе Люба хорошо зарабатывала, но там не было жилья. Да и в Ростовской области в то время, кроме общаги угол было не получить. И где же им детдомовцам жить, когда поженятся? Вот и решили Люба с Володькой после его увольнения остаться жить в нашем городе. На наших стройках жильём рабочих обеспечивали не плохо. Я, например, в то время был ещё холостяком, но получил комнату. А как только с твоей бабушкой поженились – сразу получил двухкомнатную квартиру.

Солдат нарушителей дисциплины после армии жить в нашем городе командование не оставляло. После работы на колоннах отношение к бригаде Хулигана у командира полка немножко изменилось, но всё равно существовала опасность, что Володьку могли не оставить после армии работать в нашем городе. И ребята решили до Володькиного увольнения оформить брак, а Любе устроиться на работу в наш город. Она написала заявление, заполнила

анкету и ждала вызова. Вызов на работу и пропуск в город мог прийти недели через две. Володьку после сентября могли в любое время уволить. Его могли отправить в Ростовскую область – откуда призывался. Пришлось бы там вставать на воинский учёт, получать паспорт, и только после этого можно было бы ехать к Любе. А если бы она уже проживала в нашем городе, то пришлось бы Володьке и оформлять разрешение на въезд. Сколько канители? Ясно, что с оформлением брака им нужно было спешить.

Люба договорилась в разрезовском сельсовете, что в субботу, накануне задержания Калиниченко патрулями, они подадут заявление о вступлении в брак.

В субботу Володя договорился со старшиной, он его часто отпускал к Любе, и часов в десять уехал на Разрез. Там он должен был быть в двенадцать, а часов в пять вечера - уже в роте. Но Володька в субботу в часть не вернулся. Старшина стал волноваться – он же солдата отпустил. Утром следующего дня он сказал

Калиниченко, что если к обеду Володьки в роте не будет, то он вынужден будет докладывать о самоволке.

2

Ещё до завтрака Калиниченко и двинул в посёлок, где жила Люба. Володька до приезда Калиниченко уже уехал в часть. Люба ему рассказала, что когда они пришли с Володькой в сельсовет писать заявление, председатель стал с ними беседовать. Он предложил и Володьке после увольнения из армии работать у них в Разрезе. Стал рассказывать о перспективах развития добывающего предприятия и посёлка, о возможности получить очень хорошую специальность, о высоких зарплатах. Сказал, что когда начнут строить новый посёлок, то они обязательно получат и квартиру. Но это всё было в будущем и Люба с Володькой ничего определённого обещать председателю не стали.

Ребята написали заявление, председатель назначил число, когда они будут расписываться.

Люба попросила председателя написать бумагу для командования, чтобы Володю отпустили в тот день в увольнение. Увольнение солдат за пределы города оформлялось только по отпускному билету. А получить его было не просто. Председатель сельсовета предложил написать бумагу с ходатайством о том, чтобы Володьку к тому числу демобилизовали. Начал он уже и бумагу писать, но Володя вдруг вспомнил, что он же в самовольной отлучке. Если он принесёт командованию бумагу, а в ней написано будет, что он написал заявление на вступление в брак, то о самоволке узнают. И кто его после этого отпустит на роспись, а тем более демобилизует раньше срока? Об этом он, погрузневший, и сказал председателю сельсовета. Председатель нервно скомкал недописанное своё ходатайство, с силой швырнул бумагу в урну, посмотрел на бедных влюблённых и сказал:

- Тогда самое лучшее для вас - расписаться прямо сейчас. Я готов пойти на нарушение. Пусть наказывают и меня. А тебе солдат после этого

будет уже всё равно, накажут тебя за самоволку или нет, но из армии рано или поздно уволят. По закону обязаны направить тебя к месту проживания жены. Что вам ещё надо?

Обрадованные таким предложением председателя сельсовета, ребята разом выпалили: «Спасибо!»

После того, как председатель выдал ребятам свидетельство о браке, Люба сбегала в буфет разрезовской столовки, купила бутылку шампанского и прямо в кабинете председателя сельсовета её открыли.

Счастливые молодожены пошли в Любино общежитие, и Володька остался там до утра.

После рассказа Любы Калиниченко тут же поехал обратно в часть. Люба хотела отправить его угольным составом, но тот отправлялся только после обеда. Калиниченко на станции сел на обычный товарняк. Ехал он на рабочей площадке вагона. Решил сойти с поезда на стрелках напротив ЖБИ.

Сосед Валентины Ивановны Наташу на станции встретил. Когда пришли на автовокзал и стали ждать автобус, мужчина попросил Наташу купить ему бутылку водки. Сказал, что её мама обещала. Наташа стала отговаривать его от оплаты услуги в станционном посёлке. Обещала рассчитаться, как только приедут в город, но мужчина настаивал. Он сослался на сильную головную боль, обещал выпить немножко для опохмелки, а остальное допить дома за обедом. Девушка и купила ему водку. Мужчина сразу выпил полбутылки. Ехал в автобусе уже под хмельком. Когда вышли из автобуса у ближайшей к КПП деревни и пошли лесом, он стал снова прикладываться к бутылке. Предлагал выпить с ним за компанию и Наташе. Она, естественно, пить водку категорически отказалась. Мужчина допил бутылку сам, стал вести себя развязано и приставать к Наташе. Девушка с трудом от него вырвалась и стала убежать.

Хулиган уже готовился прыгать с подножки товарняка напротив части, как увидел выбежавшую из леса девушку и гнавшегося за ней мужчину. Среднего роста, коренастый крепыш догнал девушку, повалил на землю и сильно ударил по лицу. Было видно, что после удара девушка перестала сопротивляться. Мужчина стал лихорадочно рвать на ней одежду и готовился её насиловать. Калиниченко, не дождавшись замедления скорости поезда, сиганул с подножки, немного покувыркался на земле и побежал на помощь девушке. Мужчина увидел бегущего к ним солдата, встал, наспех застегнулся, выхватил из кармана нож и потребовал от подбежавшего солдата, чтобы тот уходил, не мешал ему. Полуобнаженная девушка с окровавленным лицом, лежала неподвижно. Калиниченко выбил у мужчины нож и несколько раз сильно его ударил. Мужчина упал на землю, потом приподнялся, рукавом вытер кровь с разбитой губы, быстро поднялся и бросился убежать. Калиниченко подошел к девушке. Она

открыла глаза, увидела солдата и отвернулась, прикрывая ключьями платья свою наготу.

Её платье и нижнее бельё было изорвано. Идти в таком виде в посёлок девушка не могла. Калиниченко повёл её на промышленную котельную, которая располагалась рядом с комбинатом ЖБИ. Там работавшие на смене солдаты дали спортивную куртку и брюки трико. Девушка переоделась, и Калиниченко повёл её в посёлок к матери. У самого барака, где жила Валентина Ивановна, его и задержали патрули.

- От патрулей я бы запросто убежал. Но когда мы подходили к бараку, где живёт мама Наташи, она остановилась – боялась идти. Я её уговаривал идти, мне ж некогда. В общем, я не заметил, как они подошли, - с сожалением закончил свой рассказ Калиниченко и посмотрел на меня долгим вопрошающим взглядом.

- И что же ты соврал следователю? - спросил я.

- А то, как я там за ЖБИ оказался. Сказал, что по своим делам пошел ненадолго на ЖБИ, а там услышал женский крик о помощи. Но сейчас

следователь поехал забирать того мужика. Будут его допрашивать, а он скажет, что Наташа не кричала. Мужик мог меня увидеть на площадке товарняка, когда гнался за Наташей. Если бы даже Наташа и кричала, то я ни как не мог услышать её крик. Далеко ж от ЖБИ, да и шел же поезд. У нас с ней не было возможности согласовать наши показания и будет неувязка. Как мне теперь быть?

Немного подумав, я посоветовал Хулигану рассказать командованию и следователю, как всё было от начала и до конца.

- Ты герой, тебя строго не накажут. Начальник политотдела управления говорил даже о награждении тебя за благородный поступок. Когда командование будет всё знать и про Володьку, его тоже строго наказывать не будут. Самое строгое наказание ему будет гауптвахта. Это в самом худшем случае. И всё. А мне легче всего будет заступаться и за тебя, и за Володьку. Думаю, - заключил я, - что заступятся за вас и замполит полка с начальником политотдела.

Калиниченко немного подумал и согласился с моим предложением.

4

Привёл я Хулигана прямо в кабинет командира полка. Сразу собралось всё командование, а я попросился выйти. Потопал, разумеется, я в первую роту, нашел старшину и рассказал ему обо всём, что произошло с Калиниченко и Пилипенко. Старшина сказал мне, что Пилипенко давно в роте, что и как говорить о его поездке на женитьбу они уже продумали.

На утреннем разводе следующего дня командир полка вывел перед строем Калиниченко и рассказал о его благородном поступке. А в заключение добавил:

- Одно печально, товарищи солдаты, наши ростовчане даже благородного поступка, за который можно было бы представить к награде, без нарушения воинской дисциплины совершить никак не могут. Спас-то девушку от насильника

наш Хулиган, возвращаясь из самоволки! Как, в таком случае, прикажете мне его поощрять за геройский поступок? Что мне с ним окаянным делать? Я пока не знаю!

- И что же с ним сделали? – выпалила Леночка.

А ничего. Тихонько, без шума, после суда над насильником уволили в запас и всё. Не могло же командование докладывать в Москву о налаженном нашими солдатами пути в самоволки из закрытого города. Не могли они написать о том, какие они бездушные к судьбе солдата сироты, которому, чтобы жениться, пришлось совершить самоволку.

Суд состоялся недели через полторы. Всех торопила Наташа, ей же надо было ехать в Красноярск на работу. Да к тому же в то время следователи и судьи не были так завалены уголовными делами, как теперь. Во всём разобрались быстро.

- А Володю наказали? – поинтересовалась Леночка.

- Про Володю Пилипенко никто и словом не обмолвился. Вспомнили про него только тогда, когда стали увольнять из армии. Он предъявил свидетельство о браке и справку о месте проживания жены. Попросил после увольнения направить его к жене. Начальник штаба поворчал маленько и всё. Как только он сдал обходную, ему отдали документы и отпустили. Люба к тому времени уже жила в нашем городе.

Володя ушел в общежитие к Любе, а его друзья – товарищи по бригаде уезжали домой утром следующего дня. Вечером все они пришли к командиру полка и стали просить разрешение съездить к Володьке и Любе попрощаться. Командир полка долго не решался отпускать. Но, очевидно, побоялся, что уже демобилизованные солдаты могут поехать сами. Скорее всего, именно поэтому он поездку и разрешил. Только всё это хорошенько обставил. Полковник вызвал к себе меня и начальника штаба. Начальнику штаба приказал отобрать у всех тех солдат документы и вернуть, если

вернутся в часть без малейшего запаха спиртного.

- Выпьют хоть по капле – всех сажайте на гауптвахту! – припугнул он находившихся там же солдат.

Мне приказал съездить с ними. Предупредил, что если солдаты напьются, допустят какое-нибудь нарушение или задержатся в общежитии больше получаса, то я буду сидеть на гауптвахте вместе с ними.

Ну, чуть-чуть шампанского те орлы, конечно, выпили. Мне, разумеется, выпить пришлось тоже. По возвращении в часть солдат никто проверять и не думал. Я доложил начальнику штаба, что прибыли и всё.

А ещё раз у Пилипенко мне пришлось пить шампанское перед новым годом. В двухэтажном деревянном доме они получили большую комнату и скромно отмечали новоселье. Мне в полк позвонила счастливая Люба и пригласила. Я не мог не зайти к ним на минутку. Уже не помню,

что я им подарил, но пошел не с пустыми руками это точно.

Отмечали новоселье впятером: Люба с Володей, я и Володин старшина роты с женой. Старшина тоже женился и остался жить в нашем городе, это нынешний Зеленогорск.

Медовый месяц

Главы из романа

Глава I

1

Суббота в славном военно-строительном полку был днём учебным. После утренних мероприятий и завтрака в повседневной форме одежды роты выстраивались на центральной аллее военного городка, производился развод в казармы и в учебные классы. Первые два часа учебного времени отводились, естественно, политической подготовке, затем проводилась боевая, строевая и производственная подготовка.

Замполит полка вологжанин подполковник Шишка распорядился, чтобы занятия по политической подготовке с комсомольским активом полка проводил комсорг лейтенант Поляков. «Хоть раз в неделю секретарь комитета комсомола будет иметь возможность увидеть всех секретарей комсомольских организаций рот», - сказал он на совещании, отдавая распоряжение. Занятия этой группы он велел проводить в классе учебного центра полка и частенько на занятия этой учебной группы наведывался сам. Там он делал активистам полка кое-какие объявления, отвечал на их вопросы. А если тема занятий касалась Великой Отечественной, любил рассказывать ребятам разные истории из своей, короткой боевой биографии.

Небольшое барачного типа здание учебного центра располагалось рядом со штабом части. Там ИТР комбината ЖБИ, ДОКа, УАТ и других предприятий по вечерам постоянно вели обучение воинов строительным специальностям, обучали их правилам техники безопасности,

принимали экзамены на повышение разрядов. В здании было три учебных класса. Один большой класс был обставлен хорошей мебелью и красиво оформлен стендами. В нём на занятия можно было разместить до пятидесяти человек. Два другие были размером поменьше, а обставлены мебелью и оформлены стендами поскромнее.

В самую первую субботу января полк приступил к летнему периоду обучения. «К первому занятию надо подготовиться как можно лучше, могут приехать проверяющие из штаба Управления войск, а уж замполит полка мою учебную группу в такой день посетит обязательно», - сказал себе Антон Поляков. Несколько раз приступал он к написанию конспекта. Но лекция ни как не получалась. Он несколько раз проштудировал методическую разработку в «Советском воине», перечитал постановление ЦК КПСС о задачах на начавшуюся пятилетку. Но лекция всё равно получалась длиннющая из-за обилия цифр, не интересная самому политгрупповоду. Кое-как с

третьей или четвертой попытки написал он свой конспект, представил замполиту на утверждение и успокоился.

2

И вот после полкового развода, поздравления, наставлений и задач командования на новый учебный год в учебном классе собрались слушатели группы лейтенанта Полякова, и он приступил к занятиям. Сначала Антон тоже поздравил своих слушателей с началом нового учебного года, объявил темы занятий, которые будут изучаться в новом учебном году, порекомендовал ребятам, какие работы Ленина им надо обязательно прочесть, желательно даже законспектировать, какие прочесть статьи из журналов «Советский воин» и «Агитатор», чтобы легче усвоить программу нового учебного года. Особое внимание обратил он на продолжение изучения решений Двадцать второго съезда КПСС.

В окно справа от своего стола он видел, как из штаба полка вышли замполит полка, пропагандист и секретарь партбюро. Офицеры несколько минут постояли на центральной аллее, потом разошлись в разные стороны. Антону хотелось, чтобы замполит зашел к нему именно сейчас, когда он читал вводную часть, но подполковник, проходя мимо учебки, чуть приостановился, глянул на часы и поспешил дальше.

Антон, тем временем, перешел к изложению материала по теме занятий. Он объявил и продиктовал ребятам тему и учебные вопросы, делая после каждого предложения паузы и по несколько раз их повторяя.

Отопление в классе, как и во всём военном городке, было паровым, радиаторы отопления, как всегда, пылали жаром, поэтому в классе было очень душно.

Это обстоятельство вскоре привело к тому, что наш не выспавшийся политгрупповод сначала начал позёвывать, а вскоре у него стали

предательски закрываться и глаза. Борясь с зевотой и непослушными глазами, лейтенант на несколько минут стал отходить от своего стола. Держа в левой руке конспект, тыльной стороной указательного пальца, время от времени он стал потирать глаза, при перемещении по классу, делать резкие развороты назад, пытаясь взбодриться. Возле своего стола он открыл форточку, но слабый морозный ветер дул в то утро не в окна его класса, и свежая струя морозного воздуха не врывалась в окно, не освежала голову бедного лейтенанта, и нахлынувшая на него сонливость ни как не проходила. Наоборот, его тело уже стала одолевать слабость, куда-то уходили силы. Текст конспекта различался всё хуже и офицеру, чтобы прочесть очередной тезис в конспекте, приходилось напрягаться.

Постепенно, вначале бодрый и звонкий его голос стал каким-то приглушенным, ноги стали настолько ватными, что при движении молодой человек уже слегка пошаркивал ногами по надраенному полу.

Не отдавая себе отчёта, с трудом продолжая диктовать слушателям материал по теме, лейтенант подошел к своему столу, положил конспект и тяжело сел на стул. Несколько минут, продолжая отчаянную борьбу с навалившимся сном, он ещё продолжал что-то говорить. Но вот его отяжелевшая голова медленно опустилась на кисть, лежавшей на столе левой руки, сами закрылись ни чего не видевшие глаза и он окончательно уснул.

На мгновение в классе установилась мёртвая тишина. Кто-то из слушателей хихикнул, потом, сидевший за первым столом Виктор Рогатенко комсорг первой роты он же и заместитель секретаря комитета комсомола, не громко сказал:

- Товариш лейтенант!

Но Антон уже спал мертвецким сном и помощью своего зама не воспользовался. Видя это, Рогатенко поднялся с места, намереваясь подойти и разбудить лейтенанта, но окриком «погоди» его остановил Борис Смаков. В классе

опять установилась абсолютная тишина. Ребята с интересом и недоумением во все глаза смотрели на своего политгрупповода. Через минуту раздался сигнал трубы, возвещавшей перерыв. В классе послышался лёгкий шумок. Но с места быстро поднялся Борис Смаков, резко развернулся назад, приподнял вверх с растопыренными пальцами обе руки и сказал: «Тшшш!». Все опять замерли, а Борис, жестикулируя обеими руками, безмолвно потребовал тихо выходить на улицу. Когда опустел класс, Борис осторожно подошел к спящему лейтенанту, с минуту постоял, размышляя, что делать и направился на выход. Выйдя на улицу, он скомандовал Рогатенке никого в класс не впускать, а сам метнулся в свою роту.

Через несколько минут он прибежал с внештатным полковым фотографом Виктором Шутовым. Крохотная комнатка фотолаборатории Шутова находилась тут же в здании учебки, а потому в обязанности Виктора было вменено и поддержание чистоты и порядка в здании. У него

же, естественно, были и ключи от всех классов. По распоряжению Смакова_Шутов открыл оба малых класса. А Смаков подозвал к себе Рогатенку и о чём-то с ним посоветовался.

Когда полковой трубач возвестил о начале второго часа занятий, Борис велел всем тихо зайти в класс, взять конспекты и перейти в классы малые. С первой по четвёртую роты – во второй, остальные заходи в третий класс», - скомандовал вдруг став решительным, требовательным и проворным стеснительно застенчивый Борис. Шутов класс со спящим лейтенантом закрыл на ключ, предварительно зашторив окна, и заперся в своей лаборатории.

Во втором классе стол преподавателя занял строгий и чрезвычайно ко всем требовательный и принципиальный хохол Рогатенко, а в третьем – Борис Смаков. Рогатенко под диктовку читал ребятам отрывки из методической разработки «Советского воина», а Борис подчёркнутые абзацы в газете «Правда» материалов двадцать второго съезда КПСС. Газету и журнал ребята взяли со стола у лейтенанта.

Его конспектом ребята воспользоваться не смогли потому, что ни тот ни другой не могли разобрать мелкого и абсолютно неразборчивого почерка.

3

Ближе к концу второго часа занятий подполковник Шишка, решил заглянуть в учебную группу комсомольского актива полка и поговорить с активистами. Когда он вошел в коридор учебного центра, открылась дверь фотолаборатории, и из её темноты предстал рядовой Шутов:

- Товарищ подполковник, - обратился к нему солдат, - я потерял ключ от большого класса, поэтому товарищ лейтенант рассадил ребят по малым классам. Занятия ведут его помощники, а сам товарищ лейтенант куда-то ушел, - бойко доложил фотограф.

- Как так потерял? Ты, брат, в такой день, считай, сорвал занятия! Тебя надобно, едрёна мать, как следует за это наказать. Понял?

- Так точно! Понял, товарищ подполковник, – выпалил солдат и продолжил, - вообще-то я не знаю, потерял я ключ или его у меня утащили. У меня из кармана ночью кто-то утащил фотки, которые я сделал начальнику клуба и немного денег. Поэтому я отпросился в роте и переделываю фотографии. Старшина Шибунин сказал, что они срочно ему нужны. В производственном отделе есть ещё ключ, я у них его попрошу и в понедельник на работе сделаю себе новый.

- Ясно! Но всё равно взгреть бы тебя не мешало, - сказал Шишка, уже более спокойно.

Громкий разговор подполковника и Шутова, разумеется, услышали в классах. Потому из второго тут же раздался властный возглас Рогатенки:

- А теперь давайте закрепим изученный материал. Товариш Никитин, повторите пожалуйста, что я сейчас рассказывал. Послышался шум отодвинутого стула и зазвучал чёткий голос члена комитета комсомола полка Володи

Никитина, призванного на службу на один год, как окончившего институт.

А сквозь не плотно прикрытую дверь третьего класса слышалось:

- И так, мы с вами рассмотрели все вопросы по теме. Теперь давайте кратко запишем задачи, поставленные партией на нынешнюю пятилетку. И ефрейтор Смаков стал уверенно диктовать «рубежи» пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на новую пятилетку.

Подполковник с минуту постоял, слушая выступления лекторов, потом, почему-то, удалился.

Шутов закрыл за подполковником дверь, глянул в замочную скважину на мирно спавшего за столом лейтенанта и вернулся в свою лабораторию.

Когда закончились занятия по политподготовке, ребята тихо покинули учебные

классы, расходясь по ротам. А Смаков, Рогатенко и Шутов в коридоре тихо посовещались. После этого Борис и Виктор ушли по своим ротам, а Шутов изнутри заперся в учебке.

В полку начались занятия по боевой подготовке. Стоявший на центральной аллее начальник штаба полка подполковник Шардин окликнул стоявшего у входа во вторую роту замполита:

- Иван Васильевич! А где твой комсомолец? В плане проверки боевой подготовки я записал его в третью роту к шоферам, но его там нет. Солдаты его группы из учебки вышли, а его видно не было.

- Сам не знаю Иван Порфирьевич. Куда-то упорхнул.

- Комсомольскому вожаку это не простительно. Вы, пожалуйста, с ним разберитесь, а я уж третью роту как-нибудь прикрою, - недовольно процедил начштаба.

- Ладно, разберусь. А то давайте я схожу в третью, раз мой политработник сачканул, - усмехнувшись, сказал замполит.

- Да нет. Я уже настроился сходить туда самому. Не беспокойтесь.

Когда трубач возвестил об окончании занятий по боевой подготовке, из штаба сначала во вторую роту, а затем в учебку побежал посыльный. Он постучал в дверь, окрикая фотографа. Когда тот вышел, сказал ему, что заместитель командира полка по производству велел открыть класс, сейчас здесь он и гражданские начальники будут проводить занятия с бригадами строительных рот. Передав распоряжение Шутову, посыльный убежал в штаб, а фотограф, закрыв за ним дверь на ключ, открыл класс, где по-прежнему крепко спал лейтенант и начал его будить, говоря при этом: Товарищ лейтенант проснитесь. Сейчас тут будут проводиться занятия. Сейчас сюда придут...»

С трудом просыпаясь, лейтенант поднял с руки голову с отпечатавшейся на левой щеке складкой от рукава гимнастёрки. Сначала он с недоумением посмотрел на солдата, потом быстро глянул на свой конспект. Смутившись, подскочил со стула, глянул на свои наручные часы, быстро подошел к окну, осторожно отодвинул шторину, глянул в разные концы городка и тихо спросил Шутова:

- Шишка приходил, меня видел?

- Заходил, но мы вас тут закрыли, а занятия Борька и Витька провели в тех классах. Подполковнику я сказал, что потерял ключ от большого класса и что перед концом занятий вы куда-то ушли по делам.

- Ладно, я пошел. Ты только никому не распространяйся, а хотя-я...

- Не бойтесь, товарищ лейтенант. Борька всем ребятам сказал, чтобы никому ни слова. Всё будет в норме, не разболтают.

Лейтенант быстрым взглядом измерил добродушного солдата, молча подхватил со

стола конспект и материалы к занятию и быстро вышел в коридор. Подойдя к входной двери, он приоткрыл её, в щель внимательно осмотрел прилегающую территорию, быстро вышел на крылечко и шмыгнул за угол. Пригибаясь за густым кустарником, он отбежал подальше от учебки, потом вышел на вторую линию городка и направился в штаб. Когда, отперев кабинет, Антон подошел к столу, послышался стук в стену. Это замполит из своего соседнего кабинета вызывал его к себе.

- Слушаю вас, товарищ подполковник, - сказал Антон, войдя в кабинет начальника.

- Проходи, присаживайся. Как прошли занятия? – строго глядя на лейтенанта, спросил подполковник.

- Шутов не смог открыть большой класс. Занятия организовал в малых классах. Перед концом я ушел в штаб, готовил для райкома данные, они там сегодня делают годовой отчёт, просили срочно сообщить.

- Ясно, - с распевом произнёс подполковник.

И в это самое время на столе замполита зазвонил телефон.

- Слушаю, товарищ полковник, - сказал замполит.

Он выслушал звонившего, положил трубку и сказал Антону:

- Иди, занимайся. Поговорим позже, меня тут командир вызывает.

Антон козырнул начальнику и вышел.

Часов до пятнадцати он занимался своими делами в своём кабинете и в ротах, побывал в клубе части Там собрались участники художественной самодеятельности на репетицию. По пути в спортзал, где его однокашник Борька Максимов проводил полковое первенство по поднятию тяжестей. Потом Антон зашел в полковое кафе, чтобы немного перекусить, но там было битком солдат. Выйдя на улицу, он с минуту постоял, размышляя, что делать дальше. Глянув на часы, решительно направился в сторону КПП, решив

ехать домой. «Уже поздно, к тому же сильно хочется есть», - сказал он себе и прибавил шаг.

5

Подполковник Шишка в развалку вошел в кабинет командира полка, сел на стул у наружной стены. Как всегда, закинул ногу на ногу, правой рукой облокотившись на спинку соседнего стула.

День был субботний, занятия в полку шли к концу. Проверяющих из Управления войск не было, поэтому замполит пребывал в хорошем, игриво-весёлом настроении. Думалось ему, что позвал его командир по какому-то рабочему вопросу, а может что-то планирует на следующую неделю и хочет посоветоваться. Вон ведь как что-то сосредоточенно пишет. Хотя, обычно приглашенные назад редкие седые волосы на голове командира сейчас почему-то всклокочены. Так бывает, когда полковник в гневе кого-нибудь отчитывает. Да и его лицо

сейчас непроницаемо серьёзное, слегка покрасневшее.

Полковник всё писал и писал в своём настольном блокноте, не обращая никакого внимания на вошедшего своего заместителя. А внимательно наблюдавший за ним подполковник Шишка, уже понял, что занятость Законникова, не естественна, наигранна. «Изображает занятость, а на самом деле готовит себя к какому-то очередному скандальному разговору. Вон и вытянутый, правильной формы его мясистый нос всё больше и больше наливаются краснотой. «Играет, чёрт. Опять играет. Выдерживает, значит, меня. Подчёркивает свою значимость и важность. Ну-ну! Играй, играй! Сейчас вот встану и уйду, а начнёшь орать, так всыплю так, что мало не покажется», - размышлял Шишка, через правое плечо что-то рассматривая за окном.

Наконец Законников, заметивший решительный вид замполита, деланно важно отодвинул от себя блокнот, вставил ручку в её гнездо массивного настольного письменного

прибора и мягким, чуточку лилейным голосом промолвил:

- Иван Васильевич, я вот тут после обхода рот зашел к себе в кабинет. Сидел, анализировал итоги прошлого года, мы же в ближайшие дни должны их обсудить на совещании офицерского состава, на партийном собрании, готовить докладную в Управление. Так вот, выглянул я вон в то окно и вижу, как из учебного класса вышел твой комсомолец, как заяц, пригнувшись. Шмыгнул за угол в кусты. А через несколько минут важно проследовал в штаб. Что бы это значило? Почему и от кого он прятался. Я тут просил пригласить ко мне Шардина, а мне сказали, что он в третьей роте. А по его расстановке, в третьей как раз и должен быть твой Поляков.

- Он и политзанятия до конца сегодня не проводил. Не открыли большой класс. Но занятия организовал хорошо. Его помощники двумя группами провели занятия замечательно. Сам проверял. А почему зайцем покинул учебку? Да чёрт его знает. Наверно боялся, чтобы не

увидели, что уходит до окончания политзанятий. Так он же, думаю, знает, что в такой-то день я ж обязательно зайду, - задумавшись протянул Шишка, - ладно с этим разберусь.

- Из учебки он удирал уже после боевой подготовки, - продолжил Законников.

- Разберусь, обязательно разберусь, что и как, - и продолжил, - из райкома у него срочно потребовали какие-то данные, вот он, наверно, и скрылся, чтобы не идти в третью роту. Хотя мог бы подойти, отпроситься, раз занят. Думаю, что и Шардин разрешил бы ему не идти в третью роту, раз уж срочно надо, - сказал что-то обдумывая Шишка.

По-моему, он не тот офицер, за которого мы его принимаем. Вы постоянно за него заступаетесь, а зря. Он давно заслуживает строгого наказания. Он у вас уже обнаглел окончательно. Я вот освобожусь, сам вызову его и накажу за такие дела. Сделать это обязан. Иначе молодой, захваленный офицер разложится окончательно.

И мы с вами будем за это в ответе, - сказал, делая вид, что разговор закончен, Законников.

Шишка с ужасом представил себе, что ожидает его подчинённого. Как, какими словами этот не строгий, нет не строгий, а жестокий человек будет воспитывать молодого паренька. И его неприязнь к Законникову и решительность, возникшие с первых минут пребывания в этом кабинете, вдруг привели к взрыву всегда сдержанного офицера. Подполковник резко встал со стула, и с желваками на скуластом лице, с широко открытыми, испускавшими молнии гнева глазами подошёл к столу командира полка, мягко, но с силой положил ладонь правой руки на край его стола и, процеживая каждое слово, сказал:

- Нет, товарищ полковник! С лейтенантом я буду разбираться сам! Во-первых, он мой подчинённый. За его работу и воспитание отвечаю я в первую очередь! – подполковник сделал трёхсекундную паузу и продолжил, - а во-вторых, я знаю, как вы будете с этим мальчишкой разбираться и беседовать. Поступил

он неправильно, потолковать и пожурить надо, но не так как это делаете вы. Я, как замполит, как коммунист обязан был давно пресечь ваше поведение с подчинёнными. Ваши истошные крики, при подобных разборательствах слышит не только весь полк, но и соседний посёлок.

С быстро налившимися кровью глазами, рассвирепевший Законников схватил стоявшие сзади него у стены костыли, резко поднялся и заорал:

- Это что за тон, товарищ подполковник! Кто вам дал право так со мною разговаривать!

- Партия дала мне право ставить таких, как вы на своё место! Партия! Я коммунист политработник, представитель здесь нашей партии! Это вам ясно?! И на меня не орите. Не за-пу-га-е-те! Я сказал всё! Делайте выводы, не то, нам с вами придётся беседовать в другом месте, – резко ответил Шишка, - после этих слов во весь свой рост выпрямился, опустил по швам руки, наклонив голову вперёд, вымолвил, - Имею честь! - и, сверкнув белками своих строгих

глаз, развернулся кругом и вышел вон из кабинета, жестковато прикрыв за собою дверь.

6

По понедельникам утром с шести тридцати до семи в полку проводилась политинформация. Для этого подъём по понедельникам производился на тридцать минут раньше. К проведению политинформаций привлекались все офицеры штаба части, политработники, естественно, в первую очередь. Чтобы офицеры штаба полка больше общались с личным составом рот, замполит каждый раз направлял выступать политинформаторов в разные роты.

По примеру замполита, начальник штаба полка Шардин, создал отдельную группу слушателей из сержантов части.

К очередной информации Антон готовился особо тщательно. Он внимательно, с карандашом изучил передовицы «Красной звезды» и «Правды», несколько раз за день внимательно прослушал по радио последние

известия, набросал план выступления, хотя конспект на политинформацию не требовался.

Чтобы не проспать, и не уснуть во время проведения ещё и политинформации, спать он лёг пораньше. Заведенный на четыре тридцать будильник поставил в пустую эмалированную кастрюлю. Гремевший утром будильник и слова жены: «Вставай, пора», - он слышал. Лене сказал, что проснулся, сейчас ещё немного полежит и встанет. Но когда поднялся, понял, что на полковой автобус он уже опоздал. Быстро одевшись, не заходя в ванную, пулей вылетел на улицу и быстро помчался в сторону полка напрямую через поле и овраг.

С обеда в воскресенье мела метель. К этому часу ветер стих и усилился мороз. В разрывах низких облаков, в черноте неба ярко, казавшиеся близкими, мерцали звёзды. Одним махом молодой офицер пробежал, пересекая, ярко освещённые улицы, посёлка. Хоть метель и замела тропинку через широкое поле, но снега было ещё не много, и Антон без особого труда быстро пробежал полем, спустился в поросший

кустарником с пологими склонами овраг, без особого труда выбрался на другую его сторону и оказался у полка. На минуту остановился, задумавшись. Потом быстро побежал вдоль забора части, выбрал удобное место его преодоления, одним махом перелетел, словно на крыльях, через высокое дощатое, опутанное колючей проволокой препятствие и направился в полковой клуб. Там он сегодня должен выступать перед сержантами срочниками полка. В клуб вошел через дверь в торце здания. Быстро разделся в маленькой комнате справа, и влетел в комнату напротив, где должен был проводить политинформацию, а войдя, остолбенел. За столом политинформатора сидел подполковник Шишка. Увидев вошедшего лейтенанта, подполковник резко встал со стула и скомандовал: «Встаь! Смирно!». Потом, как бравый солдат, чётко повернулся в сторону оторопевшего лейтенанта и отрапортовал: «Товарищ лейтенант, с сержантами части в количестве сорока четырёх человек проводится

политическая информация! Политинформатор подполковник Шишка!»

Как свёкла покрасневший, готовый разрыдаться лейтенант, не помня себя, медленно развернулся, толкнул дверь и, шатаясь на непослушных ногах, вышел в коридор. Такого удара он не ожидал. Медленно, тяжело дыша, вошел он в комнату, где разделся, спиной прислонился к стене и, задыхаясь, беззвучно зарыдал. Всхлипывая, обеими руками он вытирал словно из крана вода, катившие по щекам солёные слёзы. В голове вихрем проносились одна отчаяннее другой самые разные мысли-решения: «Всё! Хватит! Сейчас же напишу рапорт. Пусть снимают и переводят куда угодно. Лучше бы сразу арестовал, а он...!».

Антон не слышал, как выходили из класса сержанты, как тихо открылась дверь комнаты, где он находился и как вошел подполковник.

- Э-э, браток! Так не годится, не годи-ится! Понимаю, понимаю, что стыдно, но плакать-то зачем. Провинился? Получишь! Но ты ж мужик,

едрёна каламашка! Реветь-то зачем? Не надо, не надо. Успокойся, - не сердитым голосом говорил разволновавшийся замполит.

Антон, с появлением в комнате подполковника, отвернулся к стене и продолжал всхлипывать, давясь дыханием. А когда начальник закончил успокоительную речь, он, всхлипывая, стал говорить:

- В-всё-ё, т-товари-ищ п-под-полковник, в-всё. С-с-ним-майте меня. Наказывай-й-т-те ка-ак хо-о-ти-те, уйду я и-и-з полка. Уйду-у куда у-уго-о-дно...

- Погоди, погоди! - продолжая успокаивать, - сказал Шишка.

Он подошел к Антону, взял его за плечи, развернул к себе и хотел усадить на рядом стоявший стул, но Антон неожиданно ткнулся лицом в грудь своего начальника и, перестав сдерживаться, дал волю плачу. Подполковник одной рукой прижал парня к себе, а другой стал тихонько поглаживать его по спине, успокаивая: «Ну-ну, ну хватит, хватит, перестань. Чёрт с ней с

этой политинформацией. Я ж её провёл? Провёл. Перестань». Буквально через минуту нахлынувшая горечь безнадёжности у Антона прошла, он отстранился от подполковника. А тот, придерживая парня одной рукой за спину, продолжая успокаивать, начал своим носовым платком вытирать его лицо.

- Выплакался? Успокоился? Ну и хорошо. Хорошо. Теперича давай, сынок немного и поговорим, - сказал Шишка, подвигая Антона к стулу.

А тот, услышав слово «сынок», бухнувшись на стул, опять залился слезами. На сей раз он не пытался их сдерживать, и вызвало их на этот раз не отчаяние и стыд, завладевшие всем его разумом несколько минут назад. Нет. То были слёзы совсем другого порядка.

Рос он без отца, не вернувшегося с войны. И за все его двадцать с небольшим лет, никто из мужчин, ни разу в подобной ситуации не пожалел его и тем более не сказал волшебного слова «сынок». Слёзы из глаз Антона лились, а на

душе становилось легко. Через пару минут он успокоился окончательно и стал извиняться и за свои слёзы и за опоздание. А подполковник взял, стоявший у стены стул, поставил его перед Антоном, сел и в упор уставился в него своими добрыми светлыми, улыбающимися глазками.

- Ну, чево, чево это ты? Бывает же в жизни и не такое. Не расстраивайся, - продолжал подполковник.

- Ты штож, думаешь я не понимаю? Я ж, поди, тоже молодым был! А тут же у тебя ещё ж и жена молодая. Ты ж её только неделю назад-то и привёз. У тебя ж медовый месяц в самом разгаре, едрёна мать! Мы ж с тобой мужики. Чего ж тут не понять-то. Понимаю. Всё это пройдёт, скоро устанешь, по ночам будешь спать как убитый. Ну, а с этим делом, сейчас-то вот, маленько можно и воздерживаться. Приберегать, приберегать мужские-то силёнки.

- Да нет, товарищ подполковник. Нет. Я не высыпаюсь совсем не по этому, - сказал Антон.

- Да? А тогда почему же, почему? Поведай, не стесняйся. Мы с тобой люди свои. Расскажи! Всё, что скажешь, тут промежду нами и останется. Не бойся. Может это самое-то не получается? А?

- Нет. С этим всё нормально. Всё хорошо, - с вялой улыбкой, опустив глаза, сказал Антон, - понимаете, она после этого уснёт и спит себе, такая вся спокойная, радостная, счастливая. А я смотрю и смотрю на неё, и спать совсем не хочется. Знаете, сколько мы с ней дружили?! Сколько лет я уговаривал её пожениться! И вот теперь она здесь, рядом. Смотрю и не верю своим глазам, как сон какой-то, - на одном дыхании проговорил засиявший, счастливый Антон.

- Ну, так и хорошо, и хорошо! Это бывает, это всё нормально. Скажу я тебе, что это так и быть должно, раз любишь свою женушку. Это дай бог! Только знаешь что? Давай с тобой договоримся так! Устал, надо отдохнуть, выспаться, так ты подойди ко мне, скажи. Всё решим, всё уладим и сделаем. Всё! Понял?! А мне никогда, ни в чём не ври! Очень тебя прошу! Понял? Что бы с

тобой ни случилось, что бы не натворил, приходи, всё выкладывай. Я особо-то по головке гладить не обещаю, но всё должно быть по-честному. Когда может и накажу, чтобы не расслаблялся. А исправишься – взыскание сниму и поощрю, но только не ври. Никогда! Ничего! Понял?

- Так точно, товарищ подполковник! Не буду! Даю слово!

- Ну, раз договорились, расскажи-ка мне, что у тебя там случилось в субботу-то. Ты мне доложил, что в райком срочно готовил сведения, а полковник Законников говорит, что видел в окно, как ты зайцем бежал из учебки. Это правда? Он ведь хотел тебя здорово наказать. Я, конечно, заступился, даже поругался с ним. Сказал, сначала сам разберусь и накажу, если ты в чём виноват.

- Извините, товарищ подполковник, - перебил Антон начальника, - я вам тогда соврал. Я во время занятий уснул.

- Да ты что! Прямо так, вёл, вёл занятия и уснул?

- Да, так и уснул. Старался, старался не уснуть и не помню...

Антон ещё что-то говорил, а подполковник, откинувшись на спинку стула, от души рассмеялся.

- Ну, ты, брат, даёшь! Такого на моей памяти ещё не-е было. Во-о-от дела-то, вот дела!

А ты знаешь? Ты молодец! Всё ещё смеяшь, уже серьёзно сказал подполковник. Так втрескаться в девчонку, так полюбить! На это брат, я тебе скажу, способен не ка-аждый. У меня вот, например, такого не было. У нас же война. Када её закончили нас молодых долго не отпускали, призывать то в армию было некого. Поэтому только приехал из Германии в Союз в первый же месяц и женился. А у тебя такая любовь... Жить со своей, как её...?

- Лена, - протянул Антон.

- ...Леночкой, будешь душа в душу. Это хорошо. А трудности первого месяца пройдут, посмотришь, пройдут. Всё уладится. Да и хлопцы у тебя молодцы. По ходу, окаянные, сориентировались, начальника своего ловко прикрыли, меня старого воробья провели. И если бы Законников в окно тебя не увидел, так бы всё и сошло. Во, каких ты себе орлов подобрал. С такими и в разведку можно. Молодец!

Подполковник быстро глянул на свои часы, подскочил и, положивши руку на плечо Антона, сказал:

- Извини, брат. Разговор придётся прервать. Уже скоро восемь, я опаздываю с докладом. Надо бежать звонить, а то начальник опять взгреет, - подполковник метнулся в класс, где проводил политинформацию, быстро оделся и пошагал в штаб.

Глава II

Антон тоже встал со стула одел шинель и медленно потопал на плац, где на утренний развод уже строился полк. После развода он сразу зашел к начальнику штаба, извинился, что он не может сразу с утра поехать дежурить на линию с автомобилистами, так как ему до обеда надо срочно сделать отчёт в горком комсомола.

- Сейчас приедет завсектором учёта, мы сделаем с ней отчёт, я его подпишу, заверю печатью, она повезёт отчёт в горком, а я могу заниматься, чем прикажете, - сказал Антон.

Смуглолицый подполковник бурят с серьёзным выражением лица, оторвавшись от написания какой-то бумаги, слушал лейтенанта, откинувшись на спинку стула, насупив брови, глядя на собеседника острыми, прищуренными глазками. Когда лейтенант закончил говорить, он легонько гмыкнул и сказал:

- Ну что ж, раз надо, то надо. Делайте ваш отчёт, а после этого пройдёте в автопарк, там сориентируетесь, чем заняться. Будет машина - проедете по объектам, не будет машины -

обойдите рабочие места слесарей. А вечером поможете командирам рот снять личный состав с производства.

- Разрешите идти? - Козырнув, сказал Антон.

- Идите, - ответил, ещё больше напуская на себя важный вид, подполковник.

Антон зашел в свой кабинет и стал дожидаться прихода Светланы. Подписав отчёт, прошёл в УАТ и до конца дня занимался там различными делами. Автомобилисты раньше всех уходили на производство и позже всех возвращались в часть. Из автобазы все три роты автомобилистов в часть повёл командир четвёртой роты, а Антон с командиром третьей автобусом, увозившим ИТР, поехали сразу домой. Полковой автобус из части уже давно убыл.

Придя домой, Антон с порога сразу не бросился к Леночке, как он это делал все предшествующие дни, а молча снял шинель и сапоги, обул домашние тапочки, прошел в ванную и только после этого вошел на кухню,

откуда внимательно за каждым его движением наблюдала жена.

- Что-нибудь случилось, Антоша? – Спросила Лена своим мягким, тёплым голоском, встревоженно глядя ему в лицо.

- Всё в норме. Замёрз и здорово проголодался,
- ответил Антон.

В чистеньком, цветастом передничке Лена поставила на стол сковородку с подрумяненной картошкой, налила в бокал тёплого молока, как любил Антон, и уселась напротив, большущими своими белесыми глазами, уставилась на мужа. А тот быстро поужинал, обошел стол, склонился над отстраняющейся Леной, и, преодолевая её стеснение, сгрёб в объятиях. Когда Лена покорилась, смачно поцеловал её в обе щеки, прошел в комнату и бухнулся на диван.

Плотный ужин и тепло комнаты сморили его, и он быстро уснул. Спал он до тех пор, пока Лена не разбудила его словами:

- Антош, поднимись, пожалуйста, разденься, а я постелю.

Просыпаясь, Антон перевернулся на спину, потом подскочил и с испугом уставился на будильник. Щурясь от яркого света лампочки, стал соображать который час.

- Не пугайся, ещё вечер. Ещё только одиннадцать. Раздевайся и ещё целых семь часов поспишь, - щебетала Лена.

- Ничего себе я дреманул. Что ж ты не разбудила меня раньше? Я дрыхну, а ты сидишь на стуле мучаешься.

- Ничего. Я прибиралась на кухне, приготовила завтрак, а потом слушала радио. Ты ж так рано поднялся, целый день мотался на улице в такой мороз, устал. Я выплюсь. Скорее бы найти какую-нибудь работу. Скучно одной дома. Ты сегодня не звонил в кадры, не появилось ли там какое-нибудь место?

- Я звоню каждый день. Сейчас зима и везде отвечают, что ничего нет. Если и будут нужны работники, то ближе к лету, - соврал Антон.

Он и мысли не допускал, чтобы его хрупкая, нежненькая Лена поднималась затемно и в

лютый мороз ехала на работу. «Наступит весна, там и посмотрим, а сейчас пусть сидит дома», - решил он.

Закрутив до конца пружины хода и звонка будильника, Антон попроси Лену будить его всеми способами, пока не поднимется и не встанет на ноги.

- Понимаешь, - сказал он Лене, - сегодня опоздал на политинформацию. Влетело. Дал слово больше не просыпать. Если не встаю, лей холодную воду, лупи чем попало, сбрасывай с дивана, но не давай спать. Иначе мне хана. Снимут с должности, загонят в какой-нибудь дальний полк или загородный отряд и нам будет очень трудно. Буду мало бывать дома, а ты будешь тут одна от выходного до выходного.

- Ладно, я больше не позволю тебе просыпать, буду дежурить, а спать буду днём. Это, пока не устроюсь на работу, и будет моя работа.

- Ты что!? - вскрикнул Антон, сгребая в объятия жену. Кто тебе позволит не спать! Я ж только попросил, чтобы ты настойчивей меня будила.

Ты ж всегда подхватываешься по будильнику, но даёшь мне ещё полежать, а я снова засыпаю. Поняла?

Без малейшей паузы после этих слов Антон сгрёб в свои объятия жену, повалил на диван, пытаясь поцеловать её губки. А Лена, сопротивляясь, упиралась своими ручонками в его грудь, отстраняясь, тихо выдавливала слова: «Всё, больше ко мне не приставай, после ужина будешь сразу ложиться. Понял? Целоваться будем только по выходным». Но вскоре её сопротивление ослабло, она покорилась напору мужа, а тот выключил торшер.

Через несколько минут Лена, тихо посапывая, уснула, а на выспавшегося Антона нахлынули воспоминания их с Леной знакомства и женитьбы.

2

Познакомился Антон с Леной случайно. Ещё до армии в школе он активно занимался спортом, выступал за сборную их небольшого городка по

пулевой стрельбе, бегал средние дистанции. На зональных соревнованиях перед поступлением в училище бежал четыреста, восемьсот и полторы тысячи метров. Призовых мест не завоевал, но команде города и края принёс хорошие очки.

В военном училище занятия спортом Антон продолжил. В каких только соревнованиях он не участвовал. На втором курсе в апреле месяце проходило первенство училища по армейскому многоборью. Команда взвода, в котором служил Антон, заняла по училищу первое место. В качестве поощрения ротный объявил всей команде взвода по двое суток увольнения.

Увольнением Антон с друзьями воспользовались на Первое и второе мая. Погуляли Антон с Генкой Москалёвым по городу Первого мая, в училище переночевали, с утра второго мая ушли в город снова. Второй день увольнения парни провели в центральном городском парке, а к вечеру направились в училище. Рядом с училищем располагался Дом культуры строителей. Проходя мимо него, ребята увидели, что там начинается вечер

танцев. До девяти, времени конца их увольнения, было ещё более трёх часов. Генка предложил сходить на танцы.

- А где у нас деньги? – ответил Антон. Мы же всё, что было проели.

- Пошли, попробуем проникнуть так, а не пустят, уйдём.

Антон глянул на свою «Победу», понял, что кино в училище уже началось, что до отбоя всё равно придётся бездельничать, и согласился с Генкой.

Молодёжи в клубе было ещё мало. Добродушная, полная женщина контролёрша, завидев в фойе двух курсантов, сказала, обращаясь к ним:

- А вы почему не заходите?

Генка, казалось, только этого и ждал. Он тут же подошел к тётеньке и, до ушей улыбаясь, словно дирижёр в оперном, жестикулируя обеими руками, повёл с нею разговор.

- Этот паразит тётку сейчас уговорит. Ну и пусть, а я позориться не буду. Пойду в училище, - подумал Антон.

Но в это самое время улыбающийся Генка развернулся к нему и махнул рукой, подавая команду «пошли».

Пройдя в полупустой зал, ребята уселись в дальнем углу и наблюдали за несколькими танцующими парами смельчаков. Зал быстро наполнялся молодёжью, всё больше становилось и танцующих. Вот недалеко от ребят остановилась стайка весёлых девушек, и Генка, сорвавшись с места, пригласил одну из них. Остальные девушки пошли танцевать друг-с-другом, и у стены осталась только одна из них. Девушка с минуту постояла в одиночестве и пошла мимо Антона, намереваясь присесть на свободное место. Антон неожиданно для себя подскочил, преграждая девушке путь, взял её под локоток и, тоном, не допускающим возражения, пригласил, увлекая, танцевать. Всё получилось без «разрешите», «пожалуйста». Медленный танец через несколько минут

закончился. Антон остановился и уставился на музыкантов, продолжая придерживать девушку за талию и руку. И тут грянул вальс! Антон подхватил свою партнёршу и вихрем закружился в танце. От стен зала отделялись пары, начиная танцевать, поэтому Антон сразу повёл свою партнёршу в центр зала и, пока там было свободно, кружил, как заведенный. Постепенно танцующих становилось всё больше и ему пришлось сбавить обороты.

- Жаль больше нельзя покружиться по настоящему, - сказал Антон девушке.

- Вот и хорошо, - пропела та, - у меня уже закружилась голова.

- Пусть кружится, - я вас не уроню, - ответил Антон и крепче прижал её к себе.

Шла она в танце легко и послушно. Антону даже казалось, что он танцует один. Ловко лавируя между танцующими, он несколько раз устремлял свой взор на партнёршу, словно проверял, тут ли она. А девушка, склонив влево головку, плавно плыла, слово семя одуванчика

на лёгком ветерке. Две её небольшие косички слегка приподнимались при быстром вращении. Закончился вальс, а Антон опять не отпустил девушку. Ожидая музыку следующего танца, он удерживал её в самом центре зала. Во время танго Антон мельком глянул на свои часы и сказал:

- Как быстро бежит время. Такой чудный вечер, а мне скоро уходить.

- А я тоже, вот прямо после этого танца, пойду домой. Мне завтра на работу, - сказала девушка.

- Правда? - почти воскликнул почему-то обрадовавшийся Антон, - тогда идёмте, я вас провожу.

- Не надо, мне тут рядом, а то ещё опоздаете.

- У меня ещё целых сорок пять минут. Успею. Ну, пошли?

- Надо бы сказать девочкам что ухожу, - пропела девушка, озираясь по сторонам.

Но Антон уже властно вёл её на выход.

Когда молодые люди вышли на улицу, там заканчивался небольшой дождик. Редкие белёсые паутинки низких облаков на фоне черневших, более высоких и крупных туч, ветерок отогнал к черневшему на горизонте лесу. Площадка перед клубом и тротуары окраинного посёлка поблескивали небольшими лужицами. Легко дышалось, и молодые люди обрадовались тому, что оказались на свободе в этот прекрасный вечерний час.

Спустившись с небольшого крылечка, стройная и лёгкая, как былинка, девушка сделала несколько шагов влево, развернулась к Антону и сказала, указывая рукой, нет, лёгким крылышком, в сторону частного сектора:

- А мне туда.

Антон тут же подхватил её под локоток и, сказавши: «А хоть на край света», - направился в утопавшую в черёмуховой белизне не мощеную улочку. Какое-то время шли молча. Но вот Антон, резко развернувшись, встал перед девушкой,

взял её за обе руки и, глядя прямо в её округлившиеся большие белёсые глаза, сказал:

- Меня зовут Антон.

- А меня Лена, - опустив глаза, в смущении прошептала девушка.

Несколько минут молодые люди опять молчали, медленно и осторожно ступая по искрившейся капельками воды молодой мураве. Лёгкий ветерок не раскачивая кусты отцветавшей черёмухи, кружил и легонько укладывал в лужицы белые лепестки её цвета. Когда дошли до последнего дома улочки, за которым начинался заросший кустарником овраг, и развернулись обратно, почему-то оробевший к тому времени Антон спросил:

- А где и когда я увижу вас ещё?

- Не знаю, пропела Лена.

А что мог знать Антон? Когда он теперь будет свободен, когда получит увольнение? Он молчал, лихорадочно думая о том, что он должен, должен ещё и ещё раз видеть эту

простую, нет, не простую, очень хорошую девушку. С нею ему очень хорошо. Так хорошо ему ещё не было ни с кем. Но что, что делать-то? Как же быть, чтобы ещё и ещё вот так же гулять с нею? И тут он как сквозь сон услышал спасительное:

- А вот и наш дом. Я пришла, - сказала Лена, указывая на небольшой, на две квартиры домик, утонувший в цветах черёмухи.

- Здесь вы живёте!?! Это ж тут рядом! Я приду, я обязательно приду, - сказал ликующий Антон, с разворотом подпрыгнул, махнул Лене рукой до свидания и рванул в сторону училища.

3

В строю на вечерней поверке, в кровати после отбоя Антона в тот вечер не покидали мысли о Лене. Всю следующую неделю он был необычайно возбуждённым, каким-то посвежевшим, жизнерадостным. Если получал от сержантов какое-нибудь распоряжение, то молниеносно, без пререкания с усердием

выполнял его и радостный, весь сияющий докладывал об исполнении. На занятиях построевой, на физподготовке, на утренней зарядке его движения были энергичными, чёткими, наполненными какой-то необычайной энергией. Уроки в классах пролетали молниеносно, на одном дыхании. Ещё неделю назад будни курсантской жизни Антону казались бесконечными, тягостными, серыми, однообразными. Как тяжкий груз тащилась его курсовая - проект жилого дома. Теперь же легко и просто решались задачи курсовой, как семечки теперь он щелкал задачки по высшей математике и теоретической механике. А как легко выполнялись бесконечные, ненавистные раньше хозяйственные работы на хоздворе и в казарме.

Приуныл он только в субботу. В увольнении он только что побывал. Понимал, что на Первомай увольнение было вне графика, можно было подойти к помкомвзводу Лёше Городецкому и попытаться записаться, но не позволяла совесть – многие, очень многие ребята ждут увольнения

уже которую неделю. А по графику его увольнение могло состояться только через две недели. И не подошел, не попросился.

С утра в воскресенье ходил в читалку библиотеки, попытался почитать рекомендованные материалы к экзамену по истории КПСС. Но чтение в голову не шло, и он поплёлся в казарму. У крыльца его встретил старший сержант Городецкий.

- Послушай, Поляков! Выручи, пожалуйста. Наше второе отделение сегодня в наряде на кухне, а их всего семь человек. Четверо в городе на соревнованиях. К одному приехала мать, а он в наряде. Сидит мамаша у дежурного ждёт, пока он освободится. Майор велел мне заменить его, а кем? Сходи, поработай часов до трёх, а я в долгу не останусь.

- Я пошел неожиданно для сержанта ответил Антон, - поработаю до шести, а потом приду с маленькой просьбочкой. Ладно?

- Давай, давай иди, иди скорее. Потом разберёмся, - ответил помкомвзвода.

Надо было видеть, с каким рвением в тот раз работал Антон в столовой. Он пулей летал по обеденному залу в одиночку разнося по столам кастрюли с первыми и вторыми блюдами, чайники с горячим чаем и нарезанный порциями хлеб. После обеда, как заведенный, мыл котлы и посуду, драил полы в варочном цехе.

Когда же сдали дежурство, пошел искать Городецкого. Нашел он помкомвзвода в каптёрке у старшины. Антону не хотелось обращаться к своему начальнику в присутствии старшины роты, но все уже собирались идти в кино, и Антон, набравшись смелости, постучал в каптёрку. А когда вошел и, не спрашивая разрешения обратиться, отрапортовал:

- Товарищ старший сержант, ваше приказание выполнил!

- Вот хитрюга, - сказал Городецкий, обращаясь к важному старшине роты, - вижу, что сейчас будет что-то просить. Ну ладно. Давай, что там у тебя? Только по быстрому, кино уже начинается.

Антон немного помедлил, переминаясь с ноги на ногу, провёл пальцами рук по поясному ремню, поправляя гимнастёрку и нерешительно, глядя, то на старшину то на помкомвзвода, протянул:

- Мне бы хоть не на долго сходить в одно место. Тут не далеко.

При этом его глаза горели, а лицо, ставшее пунцовым, выражало такую просьбу и надежду, что сержант и старшина с удивлением молча переглянулись меж собой и поднялись, собираясь на выход. Антон из каптёрки вышел первым и встал в сторонке. Старшина запирает дверь, а Городецкий, подойдя к Антону, поправил усы, склонился к нему на ухо и не громко сказал:

- Я тебя никуда не отпускал и ничего не знаю. Попадёшься – пеняй на себя. Собрался к девке, смени хоть подворотничок.

После этого сержант ладонью легонько хлопнул Антона по плечу и пошел нагонять старшину. А Антон метнулся к своей тумбочке,

сорвал с себя гимнастёрку, быстро сменил подворотничок, схватил сапожную щётку и крем, пулей слетал на улицу и надраил сапоги.

Через несколько минут запыхавшийся, он остановился метрах в пятидесяти от заветного домика. Постояв с минуту, не спеша, прошелся по противоположной стороне улицы, пяля глаза в два окошка Лениного дома. Лены видно не было. Войти в калитку и постучать, не решился. На его счастье из соседнего двора вывалила группа пацанов с большим, старым велосипедом. Антон быстро направился к ребятам, подозвал одного из них. Когда конопатый мальчуган нехотя подошел, Антон вынул из кармана эмблему рода войск и сказал:

- Сходи вон в тот дом и позови Лену, получишь вот это. Только не говори, кто зовёт.

Мальчуган тут же побежал к дому Лены. Через минуту, не закрыв за собой калитку, он выбежал на улицу и прокричал: «Сейчас придёт! Гони значок!»

До самой проверки бродили и бродили они с Леной в тот вечер. Лена расспрашивала Антона про учёбу и службу, про школу и школьных учителей. Антона интересовало, с кем Лена живёт и чем занимается, где бывает по выходным. Так, беседуя, рассказывая друг - другу о себе и своём житье-бытье и гуляли молодые люди в тот прекрасный по - настоящему весенний, тёплый вечер.

Часто испросясь и без спроса наведывался Антон на заветную улочку. По разному вызывал он на улицу Лену, но чаще всего, как и в первый раз, посылал соседских мальчишек.

Однажды, гостившая в семье Лены её бабушка, завидев, прячущегося за телеграфным столбом Антона, сказала ей: «Ступай девонька, ступай. Там твой красноармеец опять со столбом обнимается». Стали посмеиваться над чересчур робким курсантиком и все соседи. Тогда Ленина мама и добродушный папа решительно потребовали от Лены, чтобы вела она своего друга и познакомила. «Пусть прямо к нам и приходит, сколько ж можно прятаться. Он что,

боится нас? Чай, мы люди простые», - подитожил разговор папа. И когда в очередной раз на улице появился Антон, Лена быстро к нему вышла, пригласила в дом, а чтобы побыстрее преодолеть робость Антона, своими крохотными нежными пальчиками взяла его грубую мозолистую ладонь и увлекла за собой.

4

Так Антон и познакомился с родителями Лены. До переводных экзаменов бегал он на тихую улочку почти каждый день. Все ребята и сержанты в отделении и взводе знали о его похождениях, но препятствий никто не чинил. Во-первых, Антон на всех построениях и мероприятиях был на месте. После отлучек приходил всегда трезвым, никаких нарушений не приносил. К тому же, к второкурсникам командиры, особенно сержанты, относились уже более снисходительно. А в день приезда с производственной практики был Антон у Лены без увольнительной до самой поверки.

И из отпуска спешил он теперь не в училище, а на заветную Садовую. И все его увольнения на третьем курсе начинались оттуда же. Молодые люди часто посещали оперный и драматический театры, ходили в цирк и зоопарк. Зимой по выходным Антон часто брал у старшины свои лыжи, и топал к Лене. Для лыжной прогулки брать увольнительную было не обязательно. Так ему старшина однажды и сказал: «Зачем она тебе, знаем куда ты наострил свои лыжи. Пока не опоздаешь или чего не натворишь, ходи так».

По весне встречались не часто. Сначала днями и ночами корпел Антон над дипломным проектом. Потом уехал на стажировку. После стажировки надо было готовиться и сдавать госэкзамены. К тому же и Лена усиленно готовилась поступать в институт.

После выпускного вечера всё своё «приданое» Антон притащил к Лене домой. Пожил в её семье два дня, съездил в отпуск домой. После отпуска приехал в училище, получил назначение и предложил Лене ехать к месту службы вместе. Лена тут же и доложила маме и папе то, о чём

они с самого утра шептались. Родители и сами понимали, к чему идёт дело, и к разговору были готовы. Спокойно, по деловому, с пониманием отнеслись они к сообщению Лены, но посоветовали молодым людям с женитьбой повременить: «Тебе, Антоша, надо на новом месте устроиться, подыскать жильё, а уж потом сыграем, как положено, свадьбу и поедете. А так куда ж ты её повезёшь и кого?» Логика родителей Лены была безупречной. Это Антон сознанием понимал. Но не мог представить себе как он там в такой дали будет без Лены. Почему они должны расставаться, зачем, во имя чего? «Ведь главное, быть вместе, а всё остальное мелочи», - говорил и говорил он тогда себе.

С первого дня офицерской службы в отдалённом гарнизоне Антон попал в такой водоворот, так был загружен службой, что дни, недели и месяцы пролетали незаметно. Единственное личное, чем он занимался кроме службы, это были письма и письма. Лена оказалась настоящим мастером написания писем. Её частые письма не содержали описаний

каких-то важных событий. Да в жизни любого человека много таких событий и не бывает. Казалось, писала она ни о чём, а каждое письмо было большим и интересным. До получения нового Антон носил все письма в кармане своей гимнастёрки и в редкие свободные минуты перечитывал и перечитывал их.

Прошла суровая сибирская зима, отшумела вешними водами весна, наступило лето, и Антон получил отпуск. По пути домой он на три дня заехал к Лене. Пока она сдавала экзамены за первый курс, Антон съездил на две недели домой, а конец отпуска опять жил в хлебосольном, скромном доме Лены. Женитьба откладывалась опять. Лена сдавала экзамены за первый курс института с большим трудом. Боялась трудностей учёбы на втором и попросила Антона подождать ещё немного. Надо закончить хотя бы второй курс, а потом переходить на заочное отделение.

Отпуск Антону на следующий год могли дать только осенью, так как в году предыдущем он отдыхал летом. И тогда, чтобы пораньше

съездить к Лене, решил он поступить на заочное отделение в институт в городе, где жила Лена. Выбрал он институт с родственной его диплому специальностью, на другую специальность не разрешили бы, и написал рапорт о разрешении поступать. «Ты не успел вылупиться, а уже захотел иметь высшее образование, - ответил ему полковник Законников, - послужи, прояви себя, тогда и посмотрим».

Лену ждать, учиться ждать. Какая непреодолимая, глухая, бездушная стена возникла между ними. Что делать? Как быть? Выхода из сложившейся ситуации Антон не видел. Стал он грустным, раздражительным, служба пошла по какому-то не зависимому от него течению, без радостей по случаю достигнутых успехов, без увлеченности, без надежд.

- Как я тогда не свихнулся, не запил с ребятами в нашей общаге? – Подумал Антон, поправляя одеяло на спинке Лены и снова погрузился в воспоминания последних лет своей холостяцкой жизни...

Однажды, ранним морозным утром, не выспавшийся, с опустошенным сознанием, топал Антон по набережной быстрого притока Енисея на остановку полкового автобуса. Ехал он в часть на подъём. Морозы в тот год ещё свирепствовали, а снега уже было мало. Топал Антон по тротуару, с интересом наблюдая, как то там, то там вспыхивают редкие огни в окнах пятиэтажек. Вдруг он заметил, как под балконом одного дома висит человек. Антон опешил. Остановившись, он лихорадочно соображал, что делать. И тут «повешенный» приглушенным голосом произнёс:

- Чего уставился? Лучше иди, помоги.

Антон метнулся к дому. Приблизившись к висевшему человеку, он разглядел, что тот обеими руками вцепился за прутья ограждения балкона второго этажа. Одет мужчина в шинель, а на голове, кажется, папаха. Под ногами висевшего был прямок подвального окна,

перекрытый металлической решеткой. Понял Антон, что висевший человек боится прыгать, потому как об решетку запросто переломал бы ноги. Он быстро встал спиной к стене, ногами упёрся в стену не широкого прямка слухового окна, обеими руками обхватил висевшего за ноги и сказал:

- Держу, отцепляйся.

Навалившееся на Антона тяжеленное тело мужчины едва не сдавило его. Напрягшись из всех сил, Антон крепко держал мужчину за ноги, а тот руками опираясь о стену дома, стал медленно спускаться вниз. Не отрывая с места свои ноги, с трудом развернувшись вправо, Антон поставил ноги мужчины на землю, перехватившись руками за его спину.

- Всё, - сказал высокий мужчина, когда оказался на земле, - пошли отсюда скорее.

Только когда вышли на тротуар и приблизились к столбу освещения, Антон узнал в шагавшем рядом офицере полковника Молоканова – начальника отдела политработы

Управления войск. От удивления он даже остановился.

- Что? Узнал? Не пугайся, пошли, а то опоздаешь на автобус. Ты ж наверно на подъём?

- Да, - ответил Антон, двинувшись вслед за полковником.

- Я думаю, ты мужик? Не разболтаешь, что и кого видел?

- Не разболтаю, - твёрдо ответил Антон.

- Не повезло мне сегодня, чёрт его побери! – сказал полковник, - у мужика на работе что-то случилось, остановилась работа и всю ночную смену отправили домой. У тебя – то бабёнка есть?

- У меня есть девушка, но она живёт далеко. Пока не приехала. Учится.

- Понятно. Вон твой автобус. Беги. Ещё поговорим, - сказал полковник и свернул во двор какого-то дома.

Потрясённый случившимся, несколько дней молодой человек размышлял о непристойном поведении такого большого начальника.

Дней через десять Антон заступил в гарнизонный наряд дежурным по караулам. Караульную службу в их гарнизоне несла комендантская рота, при ней была гарнизонная гауптвахта, там же располагалась и служба дежурного по караулам.

Ровно в семь утра гауптвахту посетил полковник Молоканов. Антон отдал рапорт высокому начальнику, а тот приказал ему построить в коридоре гауптвахты всех задержанных за ночь патрулями солдат, а потом сопроводить его на гауптвахту, он будет беседовать и со всеми арестованными.

После беседы с тремя солдатами, задержанными в городе патрулями и обхода камер с арестованными, полковник направился на выход. Антон, как и положено, пошел полковника провожать.

- Ну, как, дорогой, идёт служба? Какие есть проблемы? - спросил полковник, когда вышли во двор комендатуры.

- Служба идёт нормально, вот только командир полка не разрешает поступать в институт. Говорит, послужи года два, потом посмотрим. В других полках ребята уже учатся, а у нас нельзя, - неожиданно для себя самого пробубнил Антон.

- Да, ваш Законников такой. Список и ходатайство о разрешении на учёбу офицеров в институтах и академиях на этот год в Москву мы уже отправили. В академию уже не получится. А ты говоришь, что хочешь поступить в институт?

- Да, - ответил Антон.

- Ну, это проще. Пиши рапорт, мы тебе разрешим сами без Москвы. Только поступавай на факультет сродни твоему диплому. А рапорт отдай замполиту полка. Я ему позвоню. Решим. Готовься к вступительным, - обрадовал Антона Молоканов.

Так сияющий Антон и объявился у Лены ранним майским утром. Лена его приезду очень

обрадовалась, тоже соскучилась. Запереживала мама Лены. Она очень опасалась за предстоящую Ленинскую сессию, и приезд Антона ещё больше усилил её тревогу.

Вступительные экзамены в институт Антон сдал с лёгкостью. А вот Лена два предмета летней сессии завалила. «Больше надо было гулять со своим женихом», - в расстройстве сказала мама, когда Лена поведала ей о своей неудаче.

Свою вину осознавал и Антон, но он, в отличие от Лены и её мамы, не переживал. Он, скорее, был рад, надеясь в ближайшее время увезти к себе Лену. Однако ему было неудобно перед Лениной мамой, и до отъезда в часть последние два дня в их доме он не появлялся.

Сразу же по приезду в часть написал рапорт на выделение ему студенту заочнику отдельного жилья. «В общежитии заниматься нет возможности», - написал он в рапорте. К отъезду на установочную сессию в октябре месяце, он уже и получил пятнадцатиметровую комнату в

двухэтажной офицерской брусчатке. В сентябре месяце Лена один экзамен пересдала, а второй завалила снова и из института её отчислили. Радуюсь такой вести, Антон уже прикидывал, когда они пойдут с Леной писать заявление, но радость его была преждевременной. Родственница Лениной мамы с первого октября устроила Лену на работу к себе в проектный институт. При важном, закрытом проектом институте был свой техникум, и Лену уже зачислили туда студенткой. Понял Антон, что женитьба опять отложится на какое-то время.

За установочную сессию Антон сдал все зачёты зимней сессии и экзамены по Истории КПСС и истмату. Каждый день по много часов обсуждали они с Леной свои сокровенные планы, но ничего решить не могли. Надо было опять ждать хотябы окончания Леной первого курса техникума.

Эта же тема была главной и во всех их письмах после отъезда Антона на службу. Антон предложил расписаться в период его зимней сессии, а приедет Лена к нему летом. На это

предложение Лена, наконец, ответила согласием. Но в тот год никого из офицеров соединения, кто учился в гражданских ВУЗах, на зимнюю сессию не отпустили. Тогда Антон написал рапорт с просьбой о краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам.

Как ни кряхтел-пыхтел полковник Законников, но отпуск на неделю, в счёт очередного, подписал.

Встретил Антон Лену у проходной её института, бродили и говорили допоздна. Но идти назавтра в ЗаГс Лена так и не решилась. Она, очевидно, давно сказала родителям о их решении расписаться в феврале, и родители, очевидно, уже давно уговорили её отложить замужество до лета. «Нас же сразу не распишут. Роспись назначат минимум через три недели. Тебе на свадьбу надо будет опять отпрашиваться у вашего нехорошего командира. А приедешь на сессию летом, сразу напишем заявление, а роспись и свадьбу сделаем в конце твоей сессии. Я тоже сдам сессию, уволюсь с работы, и

поедем. Доводы Лены были опять логичны и Антон согласился.

Сказавши родителям Лены, что он приезжал в командировку, утром следующего же дня грустный он отправился на вокзал и уехал в часть.

6

По возвращению в часть Антон сразу вышел на службу, хотя у него было ещё три дня отпуска. О прибытии он доложил бывшему тогда замполитом полка майору Шапиро. Собравшийся увольняться в запас по состоянию здоровья майор вникать, почему лейтенант не женился, не стал. Сразу повёл его к командиру полка. Законников, казалось, только этого и ждал. На повышенных тонах он сразу стал выговаривать Антону за обман командования, обвиняя лейтенанта в непорядочности и всех грехах, какие только существуют. «Я был прав, когда отказал вам в поступлении в институт. Не доросли вы ещё до того, чтобы за

государственный счёт получить ещё и высшее образование», - сказал в заключении полковник.

Антон хорошо знал характер своего командира полка, которому надо было попасть только один раз в немилость, и тогда постоянно будешь выслушивать с его стороны упрёки, придирки, разного рода нелестные высказывания, граничащие с унижением и оскорблением. Понимал он и то, что теперь командир полка запросто может не отпустить его на летнюю сессию, тем более, что у него не будет и вызова из-за пропуска зимней сессии.

И удивительное дело, он сейчас не переживал по поводу сложившихся у него обстоятельств. В душе Антона образовалась какая-то пустота, отрешенность. Словно во сне он приходил на службу, что-то там делал, приходил в свою пустую неуютную комнату, бухался на диван и засыпал. Он давно не открывал учебники, ни чего не читал и не писал контрольные к летней сессии. Долго не писал Лене. Написал только тогда, когда она прислала ему короткое письмо с извинением, за случившееся. В письме Лена ни

словом не обмолвилась о их будущем. Антон несколько раз порывался ей написать и не мог. Опять начинать разговор о планах на лето, теперь не имело смысла. Во-первых, он своё решение о женитьбе неоднократно высказал, а во-вторых, он не знал, поедет ли он на летнюю сессию. В конце концов письмо он написал. Оно было коротким, скучным, ни о чём не говорящим. Очередного письма от Лены не было почти месяц. Не писал всё это время и Антон.

В начале марта майора Шапиро вывели за штат и полку представили нового замполита. После построения полка, полковник Молоканов пригласил всех политработников в кабинет замполита полка и стал их поочерёдно представлять подполковнику Шишке. Когда дошла очередь до Антона, Молоканов сказал: «Ваш секретарь комитета комсомола парень энергичный, инициативный. Первый год после училища один командовал ротой, которая дислоцируется у нас далеко в тайге. Трудностей не испугался, роту вывел в передовые по всем показателям. Мы и выдвинули его на комсомол.

Поступил на заочное отделение института. Мы даже дали ему комнату. Он давно собирается жениться, но что-то там у него с женитьбой не получается. Вы, товарищ лейтенант, после того, как я всех отпущу, из штаба не уходите. Мы с Иваном Васильевичем вас вызовем». Покрасневший как свёкла Антон сказал «Есть!» и сел на место.

Затем Молоканов коротко поставил задачи перед политработниками, перед партийной и комсомольской организациями и разрешил всем быть свободными. Долго Антон дожидался приглашения в кабинет замполита. Наконец, просунувший голову в приоткрытую дверь комитета комсомола дежурный по штабу, сообщил Антону, что его вызывают.

Полковник Молоканов пригласил Антона садиться к приставному столику большого замполитовского стола и сразу спросил:

- Что там у вас, товарищ лейтенант случилось? Как получилось так, что вы, фактически, обманули командира полка. Ваш полк, да и все

остальные наши части получили в конце прошлого года очень большое пополнение. Много офицеров и сержантов мы отозвали из частей в учебные пункты. В ротях оставалось по одному офицеру, а в штабах частей – только командование и то не всё. Но отпуск по семейным обстоятельствам вам всё равно дали. Дал сам Законников! Дал без какого бы то ни было нашего давления, чего с ним ни когда не бывает. Вы к невесте съездили, но не женились. Дня три просто прогуляли.

Даже сейчас, при вспоминании той отчитки Молокановым, Антона бросило в жар. А от сознания того, что нужно, а он не сможет объяснить начальникам, как всё получилось, он тогда впал в какое-то беспамятство. Что-то, как во сне, бессвязно говорил, что-то с трудом объяснял, но говорил, как ему в тот миг казалось, не то. Он несколько раз на полуслове замолкал и начинал объяснение заново, его голос дрожал, к горлу подкатывался ком.

Видя, как лейтенант взволнован, полковник Молоканов давал ему попить воды, просил

успокоиться. С большим трудом Антон тогда взял себя в руки, немного успокоился, и всё-таки поведал начальникам, почему у него не получилось с женитьбой. Выслушав объяснение, полковник Молоканов, разговор закончил и разрешил Антону быть свободным.

После курса молодого бойца пополнение распределили по ротам. Молодёжь автомобильных рот ещё целый месяц обучали в учебном комбинате стройки. В начале марта водители новобранцы получили автомобили и приступали к работе на стройке. Всех их разбили на группы по двадцать человек, за каждой группой закрепили офицера наставника. Такую группу подкинули и Антону. Каждое утро он помогал своим подопечным завести автомобили и выехать на линию. Ездил с ребятами по огромной стройке, показывая объекты работ, предприятия стройиндустрии, песчаные и гравийные карьеры. Помогал выбивать у завгара запчасти и ремонтироваться. Когда напряжение с молодыми водителями немного спало, подполковник Шишка вызвал Антона к себе,

заявив: «Пора тебе заняться и своими комсомольскими делами. Да к тому ж у тебя через полтора месяца и сессия. Надо хоть вечерами заниматься. Негоже, чтобы ты зывалил сессию».

- На сессию меня никто не отпустит, мне не пришлют вызов. На зимнюю сессию меня ж не отпустили, - сказал Антон.

- А ты готовься, готовься. На сессию поедешь, только, как следует, всё сдай и привези документ, что переведен на следующий курс. Понял?

- Так точно! - выкрикнул просиявший Антон.

- Вот так - то! – сказал, поедешь и всё тут. Поедешь.

С первого же дня засел Антон за учебники. Он распечатал давно присланные заочным отделением института конверты с контрольными работами и начал их одну за другой делать и отправлять в институт. К середине мая все контрольные к летней сессии он выполнил и отправил.

С поезда Антон поехал сначала домой к Лене. Знал он, что она ещё на работе, а ему и хотелось сначала встретиться с её родителями, так как он не знал, как растопить лёдок, возникший в их с Леной отношениях.

Наина Федотовна и Фёдор Дмитриевич его приезду обрадовались, предложили всё время сессии жить у них. На это Антон возразил тем, что от них институт в противоположном конце города, а ему надо к восьми быть на лекциях. Сказал, что общежитие рядом с институтом, а там библиотека, где в читальном зале можно взять любую нужную книгу и работать до девяти вечера. Наконец, если возникнут какие трудности, можно будет обратиться к сокурсникам, сходить на консультацию. Сказав, что завтра с утра уже лекции и что ему обязательно сегодня надо получить в ОЗО направление в общежитие и до вечера устроиться, после обеда Антон уехал.

Проводившей Антона до калитки Наине Федотовне он сказал, что в субботу после занятий он обязательно к ним приедет.

Лена к приезду Антона сессию уже сдала. В НИИ начались летние отпуска, и в их отделе возникла напряженка. Лена постоянно задерживалась, приходила с работы усталой. Поэтому, встречаясь с нею Антон только по субботам и воскресениям. С первых же дней к ним вернулось тепло прежних отношений, но тему похода в ЗаГс оба старались не поднимать. Антон, почему-то считал, что этот важный разговор должна начать Лена, а Лена в свою очередь ждала того же от него. Успешно сдавший все зачёты и экзамены зимней и летней сессий, Антон последнюю неделю посещавший только лекции, все эти дни хотел, но так и не смог заговорить с Леной об их сокровенном.

В субботу 25 июня с утра Антон зашел в заочное отделение, получил в зачётке отметку о переводе на второй курс, посетил две пары лекций. После обеда в студенческой столовке проехал в комендатуру, отметил отпускной

билет и только к вечеру приехал к Лене. Во время вечерней прогулки он сказал Лене, что до двадцать восьмого числа, дня его отъезда, он уже свободен. Оставшиеся лекции он может не посещать. Лена поняла к чему клонит Антон, но промолчала. Девушка просто волновалась в связи с приближением часа и дня, когда она должна сделать решительный шаг в неизвестное, на который уже давно решилась. Она ждала, уже была готова и хотела, очень хотела услышать от Антона тех обжигающих её сердечко слов, той прежней его настойчивости идти в ЗАГС. Сейчас она была готова, несмотря ни на что, ни на какие отговоры родителей не только пойти в любой им предложенный день в ЗАГС, написать заявление и поставить роспись в бланке. Она готова была сейчас же птицей улететь со своим за этот год возмужавшим Антошей вдаль, в которую он уже столько времени её зовёт. Девушка молчала всем своим существом, прильнув к руке спутника, тепло и нежно поглядывала в его посуровевшее лицо. Но Антон молчал. Он очень боялся того, что Лена

может опять сказать какую-нибудь причину отсрочки. Он просто не знал, как он себя поведёт, если такое случится и на этот раз. Его страшила одна только мысль о новом многомесячном мучительном ожидании. Плюс ко всему, как-то невольно в его сознании в последние дни внедрилась мысль, что он уже всё, что мог Лене многократно сказал. А это ведь так и было. В его сознании в эти дни появилась и мысль о том, что сейчас настала очередь Лены сказать, вернее, ответить на его многократные предложения, и своим ответом поставить точку его мучительным ожиданиям.

Молчание обоих затягивалось, и сникшая от этого Лена пожаловалась на усталость и предложила идти домой.

Когда Антон с Леной вошли в прихожую, накинув халат, из спальни вышла Наина Федотовна. «Вон на плите ужин, садитесь, кушайте, а завтра, мы с папой идём к моему брату на юбилей. Можете и вы пойти с нами. Они приглашали всех», - сказала она. Лена тут же ответила маме, что она пойти не может, до

вечера будет занята. Поблагодарив за приглашение, отказался идти в гости и Антон. Есть ему не хотелось, и он сразу же прошёл в крохотную комнатку младшего брата Лены.

Димка возился с авиамodelью. «Делаю последние регулировки. Завтра на празднике Дня молодёжи будут соревнования авиамodelлистов. Буду выступать. Если хочешь, поехали со мной. Только надо очень рано вставать», - сказал Димка.

Антон выглянул в кухню. Погрустневшая Лена одиноко сидела за накрытым столом. Сковородка на столе по-прежнему была накрыта полотенцем.

- Как мы завтра? - тихо спросил Антон.

- Я же сказала, что завтра занята, - с раздражением в голосе, не глядя на Антона, ответила Лена.

Антон тихо прикрыл дверь, с минуту молча постоял, соображая что делать, и ответил Димке, что едет с ним.

Долго в ту ночь не мог уснуть Антон. Он видел, как погрустнела Лена. «Но почему? – Думал он, - почему она не продолжила начатый мною разговор? Она же знает, мы ж договорились на лето. Я же сказал, что уже свободен, а она, оказывается, чем-то завтра занята. В понедельник и вторник работает. Может, опять передумала, и боится сказать? Родители, кажется, уже согласны. Вон даже пригласили на юбилей к родственникам, там же будет вся родня. Если бы решили опять временить, не стали бы знакомить меня с ними. Тут всё нормально, это точно. Но тогда что? Ладно! У меня ещё есть дни. Спрошу её завтра же вечером. Будь, что будет, дальше в таком неопределённом положении быть здесь уже неудобно, - решил он. Но тут же опять накатывалась тревожная мысль: «А что если скажу, а у неё опять какая-то причина? Если опять скажет, давай подождём, что тогда? Пустота. Зачем я тогда сюда приезжаю? Зачем мне этот

ничего не дающий нового строительный факультет? Да и всё остальное - зачем?» И думы эти делали новый и новый виток повторений в голове молодого человека.

Утром они с Димкой поднялись в половине седьмого. Разогрели стоявшую с вечера на столе сковородку, позавтракали и с красивой, большой авиамоделью через берёзовую рощу поспешили на трамвай.

Сразу за Коммунальным мостом через Широкую и быструю Обь они спустились с высокой насыпи вниз. Там в большом одноэтажном деревянном здании размещалась секция авиамоделлистов областного ДОСААФ. В коридорах и комнатах уже было полно молодёжи и руководителей команд участников предстоящих соревнований.

Соревнования на круглой высоко огороженной металлической сеткой площадке прошли довольно быстро. Димка выступил очень хорошо. Объявили перерыв на два часа для

подведения итогов, заполнения дипломов победителям, и удостоверений разрядника.

Димка со своей командой пошел в здание секции, а Антон, предупредив его, решил искупаться. Городской пляж от места соревнований был метрах в ста.

Антон выбрал свободное от загоравших местечко, разделся. Аккуратно свернув свои из тончайшей зеленоватой китайской шерсти брюки, и положил их на свои новенькие туфли. Сверху он положил летнюю с коротким рукавом рубашу и галстук, а на них – шляпу. Немного посидев на горячем песке, с разбега прыгнул в прохладу сильной реки. Быстрое течение подхватило его тело и стало относить от берега. Антон лёг на спину и несколько минут наслаждался нёщими его тело водами. Потом он лёг на живот и посмотрел на берег, пытаясь определить, далеко ли его унесло течением. И тут он заметил, как два мальчугана лет четырнадцати-пятнадцати склонились и копаются в его одежде. Из всех сил работая руками и ногами, поплыл он к берегу, а

выбравшись, метнулся к своей одежде. Парни заметили бегущего хозяина одежды, подхватили его брюки и туфли, сунули в спортивную сумку и кинулись наутёк. Антон был от них метрах в сорока и быстро нагонял воришек, но пацаны кинулись к насыпи моста и быстро взбирались вверх. Склон насыпи в том месте, где стал карабкаться Антон, порос колючим кустарником, а еле заметная тропинка была слабо утопанной и земля всё время осыпалась под его ногами, замедляя подъём. Когда, наконец, Антон преодолел крутой и неудобный подъём, он увидел, что пацаны бегут уже по центру моста, за трамваем. Он от них прилично отстал. Полупустой трамвай на секунду остановился, парни запрыгнули в открывшуюся дверь, и машина тронулась, резко набирая скорость. На этом Антон и закончил своё преследование.

В состоянии крайнего расстройствa он вернулся на пляж, подобрал оставшиеся шляпу, галстук и рубаху, и подошёл к проходившему мимо милиционеру. Тот вяло выслушал обратившегося, указал ему, где находится их

дежурное отделение на пляже и посоветовал пройти туда и написать заявление.

В тесной комнатке милицейского поста капитан в свою очередь выслушал заявителя, молча дал лист бумаги и ручку, продиктовал шапку заявления. Когда Антон закончил писать, капитан спросил его, кому можно позвонить, чтобы привезли ему одежду. Звонить было некому. Тогда сердобольный капитан предложил отвезти коллегу офицера на служебном мотоцикле.

В рубашке, при шляпе и галстукe, по пояс, закрывшись брезентом люльки мотоцикла, ехал Антон в институт. Капитан заехал на территорию большого институтского городка и затормозил у подъезда общежития. Антон поблагодарил милиционера за помощь, снял рубаху и шляпу и пошел в свой номер. В этот жаркий солнечный день в таком одеянии по территории городка и коридорам общежития ходили многие.

У вахтёрши Антон взял ключ и прошел в свою комнату. Две кровати из четырёх были уже

разобраны, кровать Антона и ещё одного однокурсника были заправлены. Антон прилёг на свою кровать и стал ждать соседа и думать, что делать дальше. Билет на обратную дорогу он уже купил. Он в чемодане в камере хранения. Но денег больше нет ни копейки – все остававшиеся около двадцати рублей были в бумажнике. Там же было и удостоверение личности с отпускным билетом. Штаны трико у него есть, но что одеть на ноги? «Если сосед Володя даст займы хотя бы рублей десять, выкручусь» - подумал он. Но пришедший после обеда Володя, заявил, что у него осталось всего пятнадцать рублей. Больше трёх рублей он дать ему не может. Предложил Володя Антону и свои старенькие кеды, которые размера на два оказались больше ноги Антона.

Володя, отдохнув после обеда, ушел в библиотеку, а Антон опять принялся думать, что и как делать дальше. И после долгих раздумий решил трамваем ехать на вокзал, там обратиться к военному коменданту и попросить у него помочь перекомпостировать билет на ближайший поезд. «Место попрошу в общий

вагон. Заберусь на верхнюю полку и буду спать до самого места, - решил он и тут же подумал, - а как быть с Леной? В таком виде к ней не поеду. Всё летит к чёрту. Нужно хоть сообщить ей, что уезжаю сегодня. Но чем объяснить срочный отъезд, да и как?» И Антон опять на несколько минут погрузился в свои нелёгкие думы. Наконец решил, что с почты железнодорожного вокзала пошлёт Лене телеграмму и сообщит, что его срочно вызвали в часть.

Составив план действий, Антон быстро прошел в камеру хранения и получил свой небольшой чемоданчик. Квитанция из камеры хранения была в бумажнике, но молоденькая работница камеры хранения, наверняка студентка, разрешила Антону открыть чемодан, достать и показать зачётку и студенческий. Сверив фамилию со своим экземпляром квитанции, девушка отдала Антону чемодан. Потом он прошел к дежурному коменданту общежития и сдал полученные постельные принадлежности. Около шести вечера приехал на вокзал, зашел на почту и послал Лене телеграмму из трёх слов:

«Меня срочно часть». Потом прошёл к военному коменданту вокзала и попросил его помочь переоформить билет на любой ближайший поезд и только в общий вагон. При этом, ему пришлось поведать дежурившему старшему лейтенанту и о своём несчастье.

- А удостоверение, отпускной? - строго спросил старлей.

- Я вчера после обеда снимался с учёта. Документы были со мной в бумажнике. Вот мой студенческий и зачётка. Я написал заявление в милицию, там же на пляже. Воров обещали найти. Я их хорошо запомнил, описал.

Офицер внимательно осмотрел студенческий билет Антона, его фотография, к счастью, там была в офицерской форме. Полистал странички зачётки.

- Ясно, посидите в зале минут двадцать.

Когда Антон снова зашел в дежурную комнату, старший лейтенант заканчивал с кем-то разговор, докладывая:

- В комендатуру я позвонил. С учёта он вчера снялся. В журнале дежурного Кировского райотдела происшествие зарегистрировано.

На том конце провода старшему лейтенанту отдали какое-то распоряжение, он ответил «понял», положил трубку и, обращаясь к Антону, сказал:

- Денег то у вас, конечно, тоже нет?

- Три рубля сосед по общежитию занял.

- Тогда идите в воинскую кассу, я сейчас туда позвоню. Сдавайте ваш билет и покупайте в общий вагон. Ближайший будет в десять.

После покупки билета у Антона осталось восемнадцать рублей.

Из кассы, Антон направился в буфет перекусить и купить чего-нибудь в дорогу. Только он вышел из кассового зала, направляясь в зал ожидания, как услышал:

- Вот он!

Антон оглянулся и увидел пробиравшуюся к нему через поток пассажиров Лену. За нею в шлеме мотоциклиста следовал Димка.

- Поехали домой, к нам! - сходу сказала Лена.

Обрадовавшийся Антон начал было что-то говорить о срочности его отъезда, но Лена перебила его, заявив, что они всё знают. Твой сосед по общежитию всё рассказал.

- Но я уже поменял билет. У меня через два часа поезд. И я без документов. Пошли, сходим в буфет поужинаем и я куплю себе чего-нибудь в дорогу.

- Я пойду к мотоциклу, а то и его кто-нибудь сопрёт, - сказал Димка и пошел на привокзальную площадь.

За круглой стойкой буфета Антон быстро справился с жареной рыбой. Лена выпила стакан грушевого сиропа, и молодые люди пошли к Димке.

- Дим, - сказала Лена, подходя к брату, - сгоняй по быстрому домой, привези папины плетёнки и какие-нибудь брюки.

- Зачем? – сказал Антон, - доеду и так. Сейчас сяду в поезд, в часть приеду тоже ночью. Кто меня там увидит? Да и далеко до вас. Если уж так, то пусть съездит в общежитие, отвезёт Вовке десять рублей, я у него немного занял, да и за кеды надо как-то рассчитаться. Тут близко. Потихоньку съездит. У Володьки тоже деньги кончаются.

Дима завёл мотоцикл и уехал, а Лена взяла Антона под руку и увлекла в небольшой сквер напротив вокзала. Как только они вошли в сквер, она остановилась, повернулась к Антону и, глядя прямо в его глаза, каким-то глухим, дрожащим голосом сказала:

- Ты почему вчера ничего не сказал? Сказал, что свободен и всё. А я то, ждала, а я, я ...

Сильное возбуждение перекрыло её дыхание, Слезы в один миг увлажнили всё её лицо. Девушка отвернулась и быстро зашагала

прочь. Одним прыжком Антон настиг её, схватил, прижал к себе её легкое слабенькое тельце, целуя влажные щёки, стал говорить, говорить, говорить:

- Не плачь! Не плачь! Не плачь. Никогда не плачь. Прошу! Ну, ты же знаешь, зачем я сюда приехал, я же тебе сто, тысячу раз говорил, поехали ко мне. Я побоялся, побоялся, что ты опять скажешь «давай подождём». Я этого уже боюсь, я не могу, не могу! Не могу-у! Поняла?!

Всё ещё всхлипывая, резко хватая ртом воздух, Лена тихо говорила:

- Это правда, да? Правда?

- А как же? Ну, ты же сама всё это знаешь! Как же может быть иначе!

Антон, не выпуская из своих объятий, подвёл Лену к скамейке.

А она, положив свою головку на его плечо, глубоко вздохнула и быстро успокоилась. Так и сидели они молча до тех пор, пока не услышали

гул мотоцикла. Дима кружил по площади, ища их.

- Дима приехал. Пошли, - сказала, поднимаясь Лена.

А Антон, пока они одни, стал быстро говорить:

- Как только получу удостоверение, как только смогу выбраться, приеду и заберу тебя. Поняла? Как тут будет с росписью, со свадьбой, как тут всё получится – не важно! Увезу и всё! Нам никто и ни что не должно помешать! Всё! Поняла?

- Да, поняла я, поняла. Я уже давно всё поняла. Скажешь, поехали сейчас – поеду сейчас.

- Сейчас я не знаю как сам буду пробираться в город и в часть без документов. За мной могут из части приехать на КПП и забрать, а вот... И ещё, - Антон остановил Лену, метрах в десяти от Димы, опустил голову и продолжил, - я послал тебе телеграмму. Денег у меня было мало, написал коротко. А чтобы не волновалась, не обиделась, я там... Ну, ты пожалуйста её не читай. Ладно? Порви и всё. Не читай.

- А как я узнала, что ты уезжаешь? Уже прочитала.

- Я деньги твоему соседу передал, - сказал Дима, - уже скоро посадка. Вы идите, а я тебя Лен, подожду здесь.

Антон за руку попрощался с Димой, взял Лену за руку, подхватил свой небольшой чемодан и они с Леной, огибая слева здание вокзала, быстро пошли на платформу.

10

Даже сейчас по прошествии многих месяцев неприятно было вспоминать Антону его приезд в часть.

Доложил он о прибытии и случившимся с ним замполиту. Тот его выслушал и повёл к командиру части. После доклада замполита, полистав зачётку, Законников процедил сквозь зубы: «Пишите на моё имя объяснительную, а капитан Уваров проведёт служебное расследование».

- Товарищ полковник, - подал голос подполковник Шишка, - он у нас на выборной должности, политработник. Расследование надо бы поручить секретарю парторганизации. Выводы по итогам расследования надо будет согласовывать с городским комитетом комсомола. Известно будет и в городском комитете партии.

Законников с минуту помолчав, провёл указательным пальцем правой руки по своему рыхлому мясистому носу и, ни на кого не глядя, кивнул головой в знак согласия. На объяснительной Антона он синим карандашом написал: «Майору Кондратьеву. Разберитесь, подготовьте приказ о строгом наказании».

Очевидно, во время утреннего доклада на следующий день подполковник Шишка доложил полковнику Молоканову и о происшествии с Антоном. Поэтому майор Кондратьев во время беседы с Антоном заявил: «Большие начальники приказали мне с выводами и наказанием не спешить. Пока пошлю запросы в милицию и в военную комендатуру. А там посмотрим, что с

тобой делать и как наказывать. Горком комсомола уже за тебя заступается! Но выговорок всё равно получишь. Это как пить дать. Получишь. Хотя других офицеров за утерю документов отдают даже под суд офицерской чести. Считай, что отделаешься испугом».

Недели через две издали приказ по части о наказании Антона. Начальник штаба полка приказал сфотографироваться и отнести фотокарточку в отдел кадров Управления. Пошли долгие месяцы ожидания получения нового удостоверения личности.

11

С новым замполитом полка у Антона заспорились дела в его комсомольской работе. Подполковник Шишка в результате нелёгкого разговора с начальником штаба полка, договорился, что Антона стали меньше привлекать к несению службы вне части. Стали меньше давать всякого рода поручений не связанных с его непосредственными

обязанностями. Он стал больше заниматься организацией и проведением спортивных соревнований, помогать начальнику клуба старшине Шубникову организовывать репетиции художественной самодеятельности. Спортсменам части нужно было немало денег для приобретения мячей, волейбольных сеток, формы. Ещё больше нужно было денег участникам художественной самодеятельности на приобретение разного рода костюмов и дорогущих музыкальных инструментов.

Постановлением ЦК ВЛКСМ восемьдесят процентов привлеченных комсомольскими организациями средств оставались в первичных организациях и расходовались по их усмотрению. И Антон попросил замполита помочь ему в сдаче металлолома. «Автобаза, Управление механизации, Комбинат железобетонных изделий завалены всякого рода железным хламом. Ни одно предприятие стройиндустрии металлолом не сдаёт, а руководство стройки их за это постоянно ругает. Мы металл сдадим, справку строителям для

отчёта, а деньги нам. Машины у нас есть, люди тоже» - сказал Антон подполковнику Шишке. Тот его предложение одобрил, заявив: «Давай договаривайся с начальниками предприятий, назначайте день, а я решу вопрос с людьми и машинами». Антон обошел всех начальников предприятий и без проблем обо всем договорился. Потом съездил на железнодорожную станцию в пункт приёма металлолома, узнал график работы пункта и стоимость тонны металла, записал телефон директора и мастера приёмщика. И работа закипела. По субботам и воскресениям, а иногда и в рабочие дни ребятами вторых смен Антон возил и возил металлолом. Особенно много его было в Управлении механизации. Там в кузова самосвалов летели тяжеленные рамы от тракторов, вышедшие из строя гусеницы, разные металлические колёса. Вывезли даже противовес от небольшого списанного экскаватора. Металл грузили автокраном, автопогрузчиком и вручную. К середине сентября сдано было триста шестьдесят тонн

чёрного и более двадцати тонн цветного металла. На счету в горкоме комсомола за полком Антона значилось более четырёх тысяч рублей. Денег хватило на костюмы и обувь певцам с танцорами, на отличную форму сборным полка по футболу и волейболу. Этим начальник штаба полка был очень доволен. Он даже на совещании у командира полка поддержал подполковника Шишку о снятии с Антона взыскания. Замполит своё ходатайство так рано снять с Антона взыскание мотивировал тем, что скоро отчётно-выборное комсомольское собрание полка, лейтенанта надо будет переизбирать, а у него не снятое взыскание. Но Законников своим заместителям возразил, заявив: «Рано. Мы такие взыскания по несколько лет носили. Ничего не случится. Пусть ещё поносит. Взыскание на него действует положительно. Лейтенант лучше стал работать».

Когда в части вскрылось несколько случаев неуставных взаимоотношений, Антон собрал весь комсомольский актив полка и предложил ребятам обсудить возникшую проблему. Решили

комсомольским активистам за слабыми здоровьем, за призванными из детских домов ребятами, которые в первую очередь подвергались разного рода унижениям и обидам, взять шефство. Второе, что предложили активисты, при назначении на должности командиров отделений, кандидатуры обсуждать на бюро ВЛКСМ рот. Это второе предложение ребят вызвало бурное возражение офицеров части. Сначала возражал и полковник Законников. Но выступивший на совещании подполковник Шишка заявил, что при решении кадровых вопросов умный командир всегда, со всеми советуется. Такое часто было даже на фронте. А когда он заявил, что раз офицерский коллектив возражает против очевидной пользы такого предложения, то надо этот вопрос обсудить на партийном собрании части. Полковник Законников, вдруг произнёс: «Советоваться с комсомольским активом надо». На том спорный вопрос и был закрыт.

Количество нарушений воинской дисциплины, именованных неуставными, среди солдат

полка вскоре стало заметно сокращаться. Это отметил даже Законников на одном из совещаний с офицерами полка.

За лето Антон для передовиков производства части организовал несколько походов в красивые места окрестных гор. С волейбольной и футбольной командами и большими группами болельщиков по воскресным дням регулярно выезжал на городские соревнования. Время летело в напряженной, интересной работе.

12

В начале сентября проходил Пленум горкома комсомола. На нём Антона, секретаря лучшей комсомольской организации Управления войск избрали делегатом на краевую комсомольскую конференцию. На следующий же день Шишка позвонил Молоканову и заявил, что на краевую конференцию негоже комсorghу передового полка ехать без удостоверения личности. «Сколько ж ещё ваши кадровики будут тянуть

резину с выдачей лейтенанту удостоверения», - сказал он.

- Вопрос поправимый, - коротко ответил Молоканов. Ускорим.

Ровно через неделю Антон и получил новый документ.

Краевая конференция проходила в субботу. После её закрытия для делегатов на вечер субботы и на воскресенье была запланирована большая культурная программа. Все делегаты оставались в краевом центре до понедельника.

В фойе театра, где проходила конференция, орготдел Обкома комсомола начал отмечать командировочные. Тут-то у Антона и возникла идея смотаться к Лене. «Самолётом час лёту. Сегодня туда, а обратный билет возьму часа на три дня на завтра. И к вечеру буду дома», - решил Антон и тут же подошел к своему секретарю горкома комсомола. Геннадий Шишенков, выслушав его, продлил Антону командировку и на понедельник. Антон поблагодарил секретаря и поспешил в аэропорт.

В десять вечера он уже постучал в заветное окошко.

Вышедшая на стук ленина мама, обрадовалась приезду Антона, пригласила проходить. В доме она сразу же включила электрическую плитку, хлопоча у стола, накинула на плечо желанного гостя чистое

полотенце, велела мыть руки и садиться ужинать. «А Леночки дома нет. Она уже неделю как на картошке. Портится погода, наверно завтра работать не будут. Должны бы сегодня приехать. Им обещали на выходные привозить», - поведала Наина Федотовна. Услышав это, Антон, вытиравший лицо и руки у рукомойника, остолбенел.

- Я извиняюсь, я не знал, что она не дома. Неожиданно появилась возможность приехать только на один день. Вот я и... - бормотал Антон.

- Понятно, понятно, - затараторила Наина Федотовна, - и хорошо, что приехал. Отдохнёшь, а завтра с Димой куда-нибудь сходите. Что ж теперь, раз так

получилось. Она говорила, что написала тебе, но письмо, конечно же, ещё не дошло.

Антон заметил, что в комнату вошли Димка и Фёдор Дмитриевич, повернулся в их сторону, поздоровался. Волнуясь, принялся объяснять им причину своего нежданного появления, да ещё и в такой поздний час. Наина Федотовна искусно остановила его рассказ, подвела, усаживая к столу, а мужу и сыну коротко сказала, что Антон был в командировке и неожиданно у него получился свободный день. А при нынешних самолётах один час и он тут.

Только приунывший Антон приступил, еле ковыряя вилкой в сковородке с вкусно пахнувшей картошечкой, прихлёбывая тёплое молочко, к ужину, как открылась входная дверь и на пороге появилась Лена. «А вот и...», - неожиданно увидав Антона, прервала своё объявление о приезде девушка. А Антон, улыбаясь, подскочил со стула, сияя от радости, вытянулся и не сводя с Лены сияющих своих глаз, водил над столом вилкой, словно не находил места куда её положить.

- Чего стоишь-то, не ждала гостя? Не рада, что ли? Даже не поздоровалась, - прервала паузу радостного молчания молодых людей Наина Федотовна. – Мы - то тебя поджидали, но завтра к вечеру. А ты сегодня, да и поздновато что-то?

- Завтра сказали будет дождь и мы решили сегодня поработать до темна и уехать, - скороговоркой ответила Лена маме и подошла к Антону.

А он, видя, что комната молниеносно опустела, бросил, наконец, на стол вилку и схватил Лену за её худенькие и слабые плечи готовый со всей силой прижать их к себе. Но Лена молниеносно чмокнула Антона в щёку и ладошками упёрлась в его ходившую от частого дыхания словно кузнечные меха грудь.

- Ты ешь, а я буду умываться, переодеваться, - громко сказала Лена.

- Снимай всё своё колхозное, я сейчас поставлю греть воду, - прощепетала Наина Федотовна, входя в комнату.

Антон сел на своё место и принялся с аппетитом уплетать ужин.

Проснувшись на следующий день, Антон молниеносно глянул на ходики на стене и подскочил, как по тревоге. Было почти восемь. «Ни чего себе я сегодня дреманул», - подумал он и стал быстро одеваться. Услышав, что Антон поднялся, в комнату заглянула Лена.

- Проснулся засоня? – улыбаясь пропела Лена, - умывайся, а я разогрею завтрак.

- Ту ночь мы ехали в поезде, почти не спали, - почти шепотом начал оправдываться Антон.

- Говори нормально, наших давно дома нет, - усмехнувшись сказала Лена.

Направляясь к умывальнику, Антон поймал Лену, крепко обнял. Его жарким поцелуям Лена не сопротивлялась, а Антон, целуя её мягкие, тоненькие розовые губки приговаривал:

- Сейчас умоюсь и повезу тебя в ЗАГС, и ни каких возражений, ни каких больше ожиданий, ни каких причин. Только попробуй сказать погоди,

не выпущу, увезу с собой прямо сейчас, прямо вот так, вот так...

Почти не сопротивляясь поцелуям, Лена тихо произнесла:

- Скорее умывайся да завтракай, а то до обеда и не успеем в твой ЗАГС...

13

Заняв очередь в кабинет, где принимали пары на написание заявлений, Антон прошел в приёмную начальницы и попросился у секретарши пропустить его к ней. Поздоровавшись, Антон сказал начальнице ЗАГСа, что слышал, что кое в каких обстоятельствах можно брачующимся расписаться и без испытательного срока. К тому ж у меня очень мало времени. В понедельник в десять утра самолёт... Сухонькая, сгорбленная лет шестидесяти женщина внимательно выслушала Антона, резко встала из-за стола и, жестикулируя маленькими, с резко выступающими кровеносными сосудами

ручонками, сказала: «И правильно вы решили! Нам военным некогда ждать испытательных недель и месяцев. У нас служба, она нас каждый день испытывает. Нечего тут нашего брата задерживать. Зовите сюда вашу невесту».

Радостный Антон вышел из кабинета следом за его хозяйкой, наверняка женой какого-то офицера отставника, подлетел к Лене, не говоря ни слова, потащил её в кабинет заведующей. Пока в кабинете не было хозяйки, он объявил Лене о договорённости прямо сейчас их расписать. Лена от неожиданности такого поворота дела смутилась, раздумывая, молчала. Но тут, словно метла в кабинет влетела заведующая:

- Так, привели? Садитесь вот сюда, вот вам бланки, пишите.

Лена безропотно подошла к столу, осторожно села на стул, как школьница отличница сложила руки на стол, взяла перьевую ручку, положенную перед нею бабулей, обмакнула перо в чернильницу и под диктовку,

вышагивавшей по ту сторону стола заведующей принялась заполнять бланк. Потом свою половину бланка заполнил и расписался Антон. Бабуля поздравила, коротко наставляя молодоженов, лица которых стали серьезными и румяными.

«Вот так этот мой котёночек и оказался тут у меня», - подумал Антон и глянул на мерцавший фосфором циферблат будильника. Часы показывали 4.30. «Лучше встану, а то не дай бог опять просплю», - сказал он себе, снял с себя одеяло, получше укутал Лену, поднялся, выключил звонок будильника и вышел из комнаты.

Рассказы по мотивам воспоминаний

Настоящий герой

Рассказ - быль

После окончания военного училища и по прибытии в распоряжение командира восьмого полка Красноярского - 45 Управления войск, мне было приказано следовать на карьер «С», где капитан Алексей Гордиевич уже сформировал для меня роту, вступить в командование одной. Впрочем, приказом по Управлению я был назначен сначала заместителем командира роты, через пару месяцев командиром взвода, охранявшего склады взрывчатых веществ стройки, через полгода начальником караула охранявшего склады взрывчатых веществ. Об этих моих назначениях я тогда ни чего не знал, исполняя все эти должности. Узнал о моих назначениях и переназначениях, когда проходил службу уже в Томске -7. Сейчас я понимаю, почему делались те назначения и переназначения. В Управлении войск была острейшая нехватка офицерского состава, а исполнять все эти должности было необходимо.

День -деньской я пропадал в роте ина строительстве камнедробильной фабрики, а после вечерней поверки топал в караульное помещение. Оно и склады взрывчатки располагались метрах в двухстах от строительной площадки и расположения роты военных строителей. В караульном помещении была крохотная комнатёнка, в которой я и проживал фактически.

Как начальник караула, я проводил занятия с личным составом караула, дважды за ночь был обязан проверять часовых на постах, строго следить за отпуском из складов взрывчатки, принимать не расходованную за рабочий день взрывчатку и прочее, и прочее. Если мне по каким-то крайне неотложным делам нужно было сходить в город, то я звонил в полк, и оттуда присылали мне подмену.

Помощником начальника караула был уроженец солнечного Узбекистана сержант Дехканов. Имени, к сожалению моего верного помощника, я не помню. Был он

небольшого росточка, крепенько сложен. В службе был надёжен. Очень требователен он был к подчинённым, а его исполнительности можно было только завидовать. Его симпатичное личико всегда было чисто выбрито, форма одежды тщательно отглажена, подворотничок всегда сверкал свежей белизной.

2

В феврале 62-го женился мой земляк и однокашник Коля Мещеряков. Он родом из г. Дивного Ставропольского края, что всего в ста километрах от моей Элисты. Я был свидетелем в ЗАГСе и должен был фотографировать все торжества свадьбы. Кстати, с фотографиями я Колю крупно подвёл – случайно засветил плёнку.

Командир полка подполковник Польшгалов отпустил меня с утра субботы и до утра понедельника. В роте меня подменял капитан Герасименко. Узнав, что меня нет ни

в карауле, ни в роте, взрывники по приезде с полигона быстренько забросили 5 мешков оставшейся после закладки подготовленных шурфов селитры в зарядную, подготовили на понедельник электрическую цепь подрыва со взрывателями, взрыватели сбикфордскими шнурами, оставив всё на столе и по быстрому уехали в город по домам. Уборку в помещении зарядной не сделали.

Истопник зарядной семидесятилетний дед из соседней деревни о моем отсутствии узнал тоже. Он был обязан в рабочие дни с трёх ночи и до утра топить печь зарядной. Домик зарядной состоял из двух комнат перегороденных кирпичной стеной. Первая комната с железной мощной дверью и двумя узкими высоко расположенными зарешёченными окошками была собственно зарядной. В комнате за стеной была кочегарка. В ней была сложена большая кирпичная печь, задняя стена которой выходила для обогрева в зарядную. В

кочегарке был топчан для отдыха истопника и большая поленица дров. Дед истопник, придя в ночь на понедельник топить печь, зная, что раз меня нет, то никто его не проверит, растопил печь, набил до отказа её большущую топку дровами и ушел домой. В результате печь накалилась до такой степени, что разрушились её дымоходы и задняя часть, выходящая в зарядную комнату. Сначала загорелись дрова в кочегарке, постепенно огонь проник и в зарядную комнату. Раз взрывники не сделали уборку и не подмели пол, на нём было полно рассыпанного при обрезке бикфордовых шнуров пороха. Порох на полу, естественно, загорелся, загорелся и дощатый пол. Ведь раз порох постоянно попадал на пол, то был он и в щелях пола. От пола загорелся деревянный рабочий стол и скамьи возле него.

Склады взрывчатых веществ располагались на большом прямоугольном участке примерно 150 X 150 метров. По углам

обнесенного колючей проволокой прямоугольника, были сооружены вышки для часовых. Охранялись, таким образом, склады четырьмя постами. Зарядка от первого поста находилась метрах в тридцати-сорока. В обязанности часового первого поста входило и наблюдение за зарядной. Часовой первого поста и заметил в окне зарядной блики огня. Об увиденном он доложил по телефону в караульное помещение.

Дихканов поднял караул по тревоге и разбудил преклонных лет капитана. Капитан стал звонить о случившемся в полк и в пожарную часть, а Дихканов с караульными свободной смены бросились тушить пожар. Они установили ручной насос качалку, бросив её шланг в пожарный водоём, но вода в нём покрылась толстым слоем льда. Один солдатик спустился на лёд водоёма и стал в кромешной темноте ломом долбить прорубь. Другие ребята, разбив стёкла окон, бросали в помещение снег, пытались сбить

два мощных замка на входной железной двери и выломать оную. Дверь кочегарки была тоже из толстого железа и дедка её, конечно же, запер. Нагоревшем столе зарядной стали взрываться подготовленные к взрывным работам понедельника взрыватели. На столе же взрывники оставили и, как они ведали в ходе расследования, связку взрывателей. Но я считал и считаю, что оставили они там снабженную взрывателем толую шашку. Кое - кто из них уже попадался на продаже таких зарядов рыбакам браконьерам. Что было оставлено на самом деле, расследовавшая ЧП комиссия так и не установила, но мощным взрывом оставленного изделия вышибло входную дверь. В то же мгновение в зарядную влетел сержант Дихканов. Он снял с себя бушлат и начал им тушить пламя. Горел деревянный пол, факелом пылал стол и скамьи, рвались лежавшие на столе взрыватели, нечем было дышать, но отважный сержант продолжал борьбу с огнём. Голыми руками он выбросил

на улицу горевшие скамьи, бушлатом сбил пламя со стола..«Снег! Бросайте снег!» - услышали солдаты команду своего отважного начальника. Большими лопатами для чистки снега ребята быстро закидали пол помещения снегом и пламя стало отступать.

3

Прибывшим пожарным осталось осмотреть помещение, установить причину и последствия пожара. На своём ГАЗ-69 они же срочно отправили в госпиталь сержанта Дихканова. Всё его лицо было залито кровью, ожоги лёгкой степени были и на его руках. Более сорока мелких алюминиевых осколков от корпусов взрывателей извлекли хирурги госпиталя из лицевой части и кожи головы героя.

Рискуя жизнью, этот паренёк спас не одну сотню других жизней. Комиссией было установлено, что пламя горевших досок пола уже приближалось к входной двери. А в

правом углу у неё лежали стопкой мешки с селитрой. В левом же углу лежали бухта шнура бикфордового и бухта шнура детонирующего. Как в той обстановке не детонировал последний, известно одному всевышнему. Детонируй та опасная бухта, рванула бы следом и селитра. Мощи взрыва пяти мешков селитры хватило бы для детонации складов, а там взрывчатых веществ было более двухсот пятидесяти тонн. Кстати, в складах хранилась не одна селитра. Там были десятки тонн тротила, трофейные японские авиабомбы и крупнокалиберные снаряды. Эти боеприпасы тоже использовались для производства взрывных работ на стройке. Авиабомбы и снаряды были без взрывателей, хранились на специальных полках в ближайшем к зарядной складе.

Проводя вскрышные работы на вершине сопки, под которой строилась дробильная фабрика путём подрыва мёрзлого грунта, и не обнаружив на проектной отметке сплошной

скальной породы, мы с прорабом старшим лейтенантом Володей Захаровым решили заложить взрывчатки вместо пяти положенных тонн – десять. После того взрыва мы несколько дней стеклили окна верхних этажей городских пятиэтажек. Что было бы с городом рвани наши склады? До города от складов было всего-то пять километров не пересечённой местности. Кстати, Захаров Володя, за его медного цвета волосы прозванного «подсолнухом», выпускник нашего же училища 1958 года.

Срочно в роту вызвали из общежития и меня. Я совершал марш бросок и на лесной дороге меня подхвватил возвращавшийся из госпиталя газик.

Насмерть перепуганный капитан Герасименко кратко обрисовав мне обстановку, сразу же полезв отъезжавший в город газик. Матерясь, он бубнил при этом: «Войну прошел и остался жив, а тут в этом чёртовом лесу, чуть не потерял свою седую

голову. А то ж ещё и посадить могут, ни разу не распишусь и за пенсию...»

4

О ЧП доложили в Москву, попросив деньги на срочное строительство складов взрывчатки на достаточном удалении от города и соседних деревень. Сержанта же Дихканова за проявленное мужество и героизм представили к награждению орденом. Но! Получившие представление на награждение сержанта высокопоставленные московские начальники задали начальникам Управления строительства и войск вопрос, а на кого в таком случае заводить уголовное дело?

На том дело о пожаре на складе взрывчатых веществ и героическом поступке сержанта Дихканова и замяли.

Без поощрения его, конечно же, не оставили. Начальник стройки отвалил приличную сумму на премию нашему герою. Почти три

недели с караулом пришлось управляться мне одному. Неделю Дихканов лечился в госпитале, а после выписки из оногo убул в отпуск на Родину.

На полученные Дихкановым деньги его папа расширил для своей многодетной семьи дом. Часть денег герой оставил на калым. Ведь после увольнения из армии они с ожидавшей его красавицей решили пожениться.

Об одном переживал наш герой - исчезнут ли к моменту демобилизации на его лице многочисленные, хотя и очень мелкие шрамы. Хирург, делавший операцию, обещал, что большинство шрамов исчезнут. Когда я прощался с моим дорогим сослуживцем при его увольнении, большинство шрамов на лице героя уже были почти незаметны. Шрам же на раковине правого уха, очевидно, остался на всю его жизнь. Очень большой осколок оставил там свою отметину.

ЧП вселенского масштаба

Очерк

1

В самом конце марта 1970 года из Москвы поступило распоряжение командировать меня на один месяц в город Ангарск Иркутской области. Мне предстояло работать в составе комиссии в/ч 25525. Было велено первого апреля на станции Болотная сесть в вагон поезда Москва – Иркутск, в котором ехала в Ангарское Управление военно-строительных частей комиссия Центрального Управления. Возглавлял комиссию полковник Качурин Николай Гурьевич. Политработу в Управлении ехал проверять полковник Третьяков Александр Ефимович, под непосредственным руководством которого мне и предстояло работать. В Томском Управлении войск я в то время проходил службу в должности помощника начальника отдела политработы по комсомолу, в звании капитан.

В феврале того же года, ко мне подошел майор Дьячек, который служил в одной из частей нашего Управления в должности заместителя начальника штаба полка. Майор попросил меня посодействовать ему в выдвижении на вышестоящую должность, чтобы: «Хоть перед пенсией получить звание подполковник», - как он выразился. Что я, хоть и офицер штаба Управления, мог сделать, как помочь бедолаге?

А подошел майор Дьячек именно ко мне потому, что в получении звания майор я ему уже помог. Дело в том, что офицер имел образование всего-то семь классов. Звание офицера получил после окончания ускоренных курсов во время войны. Воевал фронтовик храбро. На груди носил колодку с лентами нескольких боевых орденов и медалей. У нас по Управлению постоянно отмечался, как добросовестный офицер и большой трудяга.

А мне к моим чисто комсомольским служебным обязанностям прибавили ещё и организацию работы вечерней школы в частях Управления. Вот через директора вечерней

школы некоторым добросовестнейшим офицерам трудягам я и помогал получить заветный аттестат о среднем образовании. А с ним они и получали возможность получить майора. Таким же образом майора получил офицер Широкий, о героических подвигах которого на фронтах ВОВ я опубликовал тогда несколько статей в окружной газете. Помог я получить аттестат зрелости даже одному офицеру, ставшему впоследствии моим большим начальником.

Числа десятого февраля 1970 -го наш начальник отдела кадров легендарный белорусский партизан майор Иваненко Иван Порфирьевич объявил, что в Ангарском Управлении войск формируется новая часть и туда срочно надо начальника штаба. Я тут же и сказал нашему кадровику о желании майора Дьячек. «Пусть срочно приходит», - буркнул мне наш уважаемый молчун. Я немедленно позвонил ему. Через несколько дней Дьячеки убыл в Ангарск.

Году в 1968 или в 1969 -м министерство обороны СССР издало приказ, по которому Генеральный штаб страны давал нашему Министерству столько призывников, сколько из частей нашего министерства увольнялось. Но ведь известно, что редкая часть Советской армии, да и сегодняшние части, я уверен тоже, ни когда сто процентов призванных не увольняют в запас после их службы. Кто-то из солдат во время прохождения службы самовольно оставил часть, кто-то попал в места лишения свободы. Бывает, что солдаты комиссуются по состоянию здоровья, гибнут при несчастных случаях и т.д. Поэтому, призывников наше министерство стало получать всё меньше и меньше. Тогда Ефим Павлович Славский, наш министр, пошел на нелёгкий шаг. Мы стали брать в части нашего министерства тех солдат, от которых готовы были избавиться части Советской Армии. Какие это были солдатики – всем понятно без пояснений. К нам в полк в/ч 11102, например, однажды привезли четырёх солдат из автобатальона самого Министерства

обороны. Один из них употребил спиртное и разбил машину. Второй спал во время дежурства в автопарке и из одной из машин спёрли аккумулятор и карбюратор.

Известно, что с 1972 по 1974 годы в Ангарске шла реконструкция Средмашевского химического комбината. Это и сегодня одно из важнейших предприятий атомной энергетики. В начале 1970 года началась подготовка к выполнению огромного объёма работ по его реконструкции. В Ангарское Управление военно-строительных частей срочно потребовалось дополнительное количество военных строителей. Министерство обороны и предложило нашему министерству контингент указанный выше. В короткие сроки в Ангарском Управлении и был сформирован полк из солдат, поступивших из 252 частей Министерства обороны. В числе этих солдатиков в тот полк, кстати, прибыл для дальнейшего прохождения службы и рядовой Сергей Каледин. Ныне это писатель, литературный критик. Как пишет он в своей повести «Стройбат», везли их в Читинскую область на

границу с Монголией. (Там, в городе Краснокаменск функционировало Управление войск нашего министерства). Но неожиданно их высадили из поезда в Иркутске и направили в город Ангарск.

О своей службе в Ангарском Управлении военно-строительных частей и пишет в своей повести Каледин. Вначале в журнале «Смена» были опубликованы главы из романа «стройбат». Прочитавши эти главы, я понял, о каких частях идёт речь, где дослуживал автор, произведение которого ну ни как не тянуло на роман. А когда появилось в одном из литературных журналов произведение полностью, оно уже именовалось повестью. Почему так получилось? Думаю, что не из-за цензуры, которая в восьмидесятые не дала добро на публикацию произведения. На дворе-то был уже девяносто четвёртый год. О том, что ни кто не ограничивал автора в содержании произведения, говорит тот факт, что повесть представляет собой, скорее, сборник по

лагерной словесности, нежели литературное произведение.

О своих сослуживцах, да и о себе самом, он ведь из тех же о ком пишет, говорит, например, такими словами: «...В город, куда всю шваль скучили...» Или: «...больше тыщи головорезов...».

Так и хочется испросить писателя-критика, человека хоть и заочно, но окончившего факультет литературной критики Горьковского литинститута: «Так кто же вы сами-то? Писатель или головорез? А может шваль, от которой очистили части Советской армии?». Судя по языку произведения сподобнойсамохарактеристикойее автора можно вполне согласиться.

А чем занималась часть, в которую попал служить автор повести? Для чего, зачем в такой спешке она была сформирована? Если судить по содержанию произведения, то только для того, чтобы чистить сортиры и вывозить куда-то тачками их содержимое. Только вскользь, буквально несколькими словами автор говорит о

рытье котлованов, а где, зачем, ни слова. Можно подумать, что он-то как раз и чистил только сортиры. А на строительной площадке огромного оборонного предприятия ни разу не был, потому ни чего и не знает о том, что сотворили на берегах Ангары военные строители, которых он награждает такими эпитетами.

Да, с трудными судьбами служили в те годы многие наши молодые люди и в частях министерства обороны и в наших средмашевских. Но они эти парни тоже причастны к созданному в труднейших послевоенных условиях оборонному потенциалу страны. Предприятия Росатома, которые построены с их участием, и поныне успешно работают на безопасность страны. И это, на мой взгляд, самая правильная и честная оценка результата их службы. Но автор повести Сергей Каледин из выгребной ямы сортира, и измогильной ямы кладбища, где он после армии работал могильщиком, видеть этого ни как не мог.

Я уже сказал, что сделали для России военные строители, в том числе и ребята, собранные в Ангарском Управлении военно-строительных частей министерства Среднего машиностроения, переименованного ныне в Росатом. Осталось мне ещё только поведать читателям, что там натворили эти «неуправляемые», как их назвал Каледин. Почему стала возможна такая дисциплина в наспех сформированной части, что предприняло командование Центрального Управления для нормализации в ней обстановки.

3

Как я полагаю, командование Ангарского Управления войск доложило в в/ч 25525 о коллективной драке полученным из министерства обороны пополнением. Это происшествие ярко описал в своей повести «Стройбат» С. Каледин. Информировано Московское командование было и об общем положении дел в той части. Потому-то начальник

Центрального Управления и послал в Ангарск комиссию, да ещё и во главе с полковником Качуриным. Об этом я сужу по докладу начальника Ангарского Управления войск, при заслушивании командования нашей комиссией.

Надо сразу отметить, что такая тяжелая ситуация, с поступившим пополнением, её достаточно хорошо нарисовал С. Каледин, сложилась ввиду целого ряда объективных обстоятельств.

Во-первых, город Ангарск, где строилось и уже функционировало наше оборонное предприятие, был открытым городом. Части Управления располагались между городами Ангарск и Иркутском, рядом с рабочими посёлками строителей и работников Химкомбината.

Контингент военных строителей был действительно очень сложный. Для работы с этими ребятами нужны были опытные, прежде всего, офицеры ротного звена. Командиров рот и их заместителей же собрали из многих частей

нашего министерства. Естественно, начальники Управлений отправили в Ангарск не лучших из лучших офицеров. От многих просто избавились, за что полковник Качурин кое-кому раздал по заслугам.

Были допущены командованием Ангарского Управления и ряд серьёзных ошибок. Всё командование полка состояло из вновь выдвинутых на должности достойных того офицеров, как и упомянутый мною выше начальник штаба майор Дьячек. Все эти офицеры на новых должностях только-только набирались опыта. Мазальщик всего только чёрными красками Каледин, например, неплохо отзывается о командире своей части. Можно ж было бы на тот полк назначить командование из уже опытных офицеров других частей Управления.. А на их места назначить вновь выдвинутых.

В частях нашего министерства к тому времени уже был опыт работы с подобным контингентом личного состава, которым ангарчане ни как не воспользовались. Например, в 1964 году в

Управление войск Красноярска-45 прибыл эшелон из Ростовской области. Состоял этот эшелон призывников из ребят, отбывавших сроки наказания в колонии для несовершеннолетних. Говорили тогда, что Никита Сергеевич Хрущёв изрёк, что в стране, строящей коммунизм, колоний несовершеннолетних быть не должно. Колонию в Ростовской области ликвидировали. Всех, кому исполнилось 19 лет, отправили прямиком в армию. «Там их до воспитают», - решили руководящие головы тогдашнего руководства страны. А кому не было 19-ти лет – отпустили по домам. (В то время призывной возраст был -19 лет).

Всю эту братию в нашем Управлении тогда равномерно распределили по всем частям, а в частях распределили по всем ротам. К нам в в/ч 33960 (Седьмой полк, как называли нашу часть), прибыло этих новобранцев около двух сотен. Командир нашего полка после короткого курса молодого бойца, также распределил это не обычное пополнение равномерно по всем

ротам. В нашем полку осудили из этих ребят всего несколько человек. Остальные служили нормально, многие даже служили отлично: стали командирами отделений, неплохими производственниками. Несколько лет назад меня через интернет разыскал Геннадий Васильев. Мы с ним регулярно общаемся по скауре. Он прибыл в нашу часть в составе той самой ростовской команды. Служил водителем самосвала. Правда, участвовал в одной небольшой потасовке, за это его сняли с автомобиля, строго наказали. Но потом, как исправившегося, восстановили на работе. Закончил он службу с почётной грамотой и многими благодарностями. Живёт ныне пенсионер Васильев в Тюменской области.

Командование же Ангарского Управления войск пошло на поводу у строителей, которым не очень хотелось отдавать обученных на их производствах воинов, а взамен получать вновь прибывших из минобороны не обученных строительным специальностям, да ещё и с такими характеристиками. В этом была вторая

ошибка командования Ангарского Управления частей.

Каледин не пишет в своей повести подробно из-за чего же произошла та драка между второй и четвёртой ротами их части. А ларчик-то открывался просто. Старослужащие их части стали относиться к прибывшему пополнению, как к молодым солдатам. Но какие ж это были «молодые», призванные из колонии? Эти парни уже получили определённый жизненный опыт. Они и давали достойный отпор тем, кто называл себя «дедушками». Неуставные взаимоотношения между солдатами разных годов призыва, существовавшие во многих частях в Советской армии в те времена, были причиной и той групповой драки, описанной С. Калединым и в причинах которой разбираться ехала московская комиссия.

Пока ехала наша комиссия в город Ангарск, в этом прославившемся полку стряслось ещё одно ЧП.

В Ангарске нас уже поджидал начальник политотдела Забайкальского Военного округа маленького росточка Генерал-лейтенант.

А случилось там опять вот что. Примерно в полукилометре от нашего вновь сформированного полка дислоцировался батальон связи Министерства обороны. Какую задачу выполняли там связисты – не наше дело, но очевидно не простую.

Каледин пишет о драке в своей части, произошедшей после получения солдатами денежного довольствия. Началось расследование той драки. Но через несколько дней в одной из рот той же части группа из нескольких солдат поздней ночью употребила спиртное. Выпитого оказалось мало. Магазин метрах в двадцати слева от КПП части, который упоминает Каледин, был уже закрыт. Чтобы приобрести спиртное, надо было ехать в город. А

на чём ехать ночью? И решила братия пойти в батальон связи и угнать у них стоявший вне гаража самосвал. Так и сделали. Четверо солдат сели в кабину самосвала, человек шесть в кузов. Автомобиль завели, но уехать далеко не смогли. Часовой на вышке поднял тревогу, по автомобилю связисты открыли предупредительный огонь. Бравые вояки разбежались, но несколько человек были пойманы и заперты до прибытия комендатуры на замок. Те солдаты, коим удалось сбежать, пришли в роту и оповестили, что остальные задержаны связистами. Тут-то рота, правда, не вся, поднялась, и пошла выручать «наших». В хорошем подпитии воины вооружились кто чем. Кто палками, кто ломами, разного рода железяками и т.д.

Но связисты то были уже начеку. Поверх голов приближающейся толпы связисты открыли предупредительный огонь. А часовой с вышки по приказу, прибывшего командира батальона, резанул очередь и по земле перед остановившимися нападавшими. С перепугу

толпа включила задний ход и дала дёру, хотя убежавших ни кто и не преследовал. В полку их уже встречало командование и офицеры полка, офицеры штаба Управления. Так быстро офицеры оказались в части потому, что большинство приехали в Ангарск без семей, за неимением квартир временно проживали в общежитии рядом с частью.

Кстати, не о той ли стрельбе из автоматов поверх голов солдат пишет в своей повести Каледин, перепутав божий дар с яичницей. В воинских частях Управлений нашего министерства боевого оружия ни когда не было. Тем более в комендантских отделениях частей, солдат которых Каледин, очевидно после анаши или с перепоя, называет «губарями». Гауптвахта в Ангарском Управлении была, но дислоцировалась она далеко от того полка. Охраняли гауптвахту солдаты комендантской роты с боевым оружием, но без патронов. В полках для занятий по боевой подготовке было только оружие учебное. Хранилось это учебное оружие в специально оборудованных

помещениях. Тот вновь сформированный полк вряд ли ещё успел получить и учебное оружие.

5

Прибыли мы, члены комиссии в Ангарск вечером. Оставив в городской гостинице чемоданы, сразу поехали в злополучную часть. Полковник Качурин поехал в штаб Управления, очевидно, на встречу с генерал-лейтенантом.

Слева от КПП метрах в двадцати ещё работал магазин. Войдя туда, мы раскрыли рты – в очереди за покупками стояли офицеры, солдаты и гражданские лица. На наших глазах продавец подала одному воину бутылку водки и ни один офицер того полка ни как на это не среагировал... Среагировали должным образом два офицера из состава комиссии.

В полку шло разбирательство случившейся несколько дней назад драки, описанной Калединым в его повести, и ночного происшествия со связистами. Нас встретил

командир полка со своими заместителями, и мы включились в работу.

Увидев майора Дьячек, в вечерних сумерках я сразу его не узнал. Полнотой он ни когда не отличался, а тут его китель, казалось, висит на одних плечиках из платяного шкафа. Чисто выбритое лицо было серым, покрылось глубокими морщинами, глаза до того запали в глазницах, что казалось их там нет вообще. Увидев меня, Дьячек быстро подошел, а когда поздоровались, произнёс тихим упавшим голосом: «... забери меня, пожалуйста, отсюда. Передай нашим, готов хоть на роту, только не здесь. Тут я не только не получу подполковника, лишусь и той пенсии, которую давно заслужил». Я ответил уважаемому сослуживцу, что это можно решить только с полковником Качуриным. А главное, спешить не надо. Московская комиссия приехала за тем, чтобы навести здесь порядок.

На следующий день после краткого заслушивания начальника Управления и командира полка, мы уже официально

приступили к работе в злополучном полку. Изучать штабные и ротные бумаги времени много не потребовалось, ведь вся документация в полку только-только была заведена. Мы обошли роты, начали беседовать с офицерами, солдатами и сержантами. Знакомиться с ротным активом. Дня через два все мы члены комиссии были закреплены по производственным объектам и работали там с утра и до вечера.

Полковника Качурина я видел только изредка. Мы работали с солдатами и ИТР на стройке, а Николай Гурьевич пропадал всё время в Управлении строительства и штабе Управления войск. Там он не сидел, сложа руки. Через три недели полк, наделавший столько шума, было не узнать. Сотен пять его бывших солдат убыли в другие Управления нашего министерства. Остальные были переданы в другие полки Ангарского Управления. Вместо солдат из Ангарска, Управления отправляли туда свои лучшие роты в полном составе. Убывали в свои прежние части и офицеры ротного звена. Взамен им прибывали офицеры достойные этого звания.

От прежнего командования в полку остались только командир, замполит да наш незабвенный майор Дьячек. К полковнику Качурину с просьбой о возвращении в Томское Управление войск он не подходил. Я заметил, что к концу апреля китель на нём был хоть ещё и очень просторноват, но уже второго Дьячека в него было не затолкать. Он уже меньше курил свои беломорины, глаза повеселели, лицо посветлело.

К концу апреля ранее не управляемый полк, превратился в самый обыкновенный полк, какие были во всех частях нашего Министерства. Вот только Сергей Каледин этого почему-то не заметил. Впрочем, как ему было разглядеть эти перемены из-под трибуны на плацу. Темно ведь было, хоть и светили прожекторы.

Поработав месяц в Ангарском Управлении, мы члены комиссии возвращались по домам.

А наш героический майор Дьячек прослужил в Ангарском Управлении около года, написал рапорт и уволился в звании подполковник. После

увольнения он приехал в Томск-7, забрал жену и укатил на родину куда-то в Белоруссию. Я до сих пор сожалею о том, что в то время офицерам фронтовикам ещё не присваивали звание на одну ступень выше занимаемым ими должностям. Дослужи до того года, наш герой, как и многие мои однополчане фронтовики, заслуженно получил бы и полковника.

Первостроители

Рассказ - быль

1

Бурное развитие нефтедобычи в Западной Сибири и в Томской области в том числе в конце шестидесятых прошлого столетия поставило перед правительством СССР вопрос о переработке нефти. Страна очень нуждалась в таком стратегически важном продукте продукте из нефти как полипропилен. Если США

производили его в то время один миллион тонн, то СССР всего- то 30 тыс. тонн. Завод по производству полипропилена это гигантское даже по нынешним меркам предприятие. Для его сооружения нужно было, если строить на новом месте, создавать гигантскую базу строительной индустрии, что на очень большую сумму было бы дороже. Поэтому было решено строить Томский нефтехимический комбинат (Далее ТНХК) рядом с Томском-7 (Ныне г. Северск). А в Томске-7 для строительства Сибхимкомбината, предприятия атомной энергетики, министерство Среднего машиностроения (Ныне Росатом) такую базу строительной индустрии уже создало. Завершалось и строительство Сибхимкомбината. Уже сокращались численно строительные организации, и ударная сила Химстроя военно-строительные части.

Сначала было решено строить ТНХК в междуречье Оби и Томи возле села Нелюбино. Но при производстве геолого-разведывательных работ выяснилось, что под выбранной

площадкой для комбината на сравнительно не большой глубине залегают огромные запасы пресной чистой воды. Бывший в ту пору первым секретарём Томского обкома КПСС Егор Кузьмич Лигачёв поднял вопрос о переносе строительства Нефтехимкомбината на другое место, соорудить водопровод и подавать водицу в г. Томск областной. Томск в ту пору пил водицу из реки Томь, в которую Кемеровские предприятия сливали столько всякой гадости, что от плившей по поверхности реки плёнки от мазута и клочков пены, очистить воду до пригодности употребления её в пищу, практически, было не возможно. И тогда правительство СССР принимает мудрое решение - строить ТНХК рядом с нашим Томском-7. Ведь кроме близости мощнейшей базы стройиндустрии от намеченной площадки будущего комбината, рядом с Томском пролегал ещё и нефтепровод, подававший с севера нефть на железную дорогу и предприятиям юга Сибири.

Будущая гигантских размеров площадка ТНХК представляла собой местами заболоченные участки, поросшие мелким кустарником, луга с небольшими околками берёз и осин, участки соснового леса. Ясно, что первым делом площадку надо было очистить от лесной растительности, дренировать заболоченные участки, а потом уже начинать строить дороги и цехакомбината.

Очистить площадку будущего комбината начальник Сибхимстроя легендарный Пётр Георгиевич Пронягин поручил не кому - ни будь, а военным строителям. Получив распоряжение начальника стройки, начальник Управления войск полковник Евгений Павлович Сиротский решил эту задачу выполнить силами нашего полка – в/ч 11102, как части самой мобильной и организованной.

Я в то время, будучи майором, пропагандистом полка, исполнял обязанности заместителя командира полка по политчасти, замещая

длительно готовившего к увольнению запас подполковника И.Г.Пиханова.

Командир полка полковник Дмитрий Семёнович Гусев составил график выездов с личным составом полка на лесоповал своих заместителей. Предполагалось выезжать каждому из нас по два дня подряд – в субботу и воскресенье. Первую субботу и воскресенье командир полка определил везти наши роты мне.

3

Ранним субботним утречком 7 июля 197_ в части появились вместительные автобусы. Построенные на плацу роты по моей команде быстро загрузились, и мы отправились начинать самые первые работы на гигантской стройке.

Площадка ТНХК была выбрана сразу за гравийной в то время дорогой Томск – Самусь, огибавшей с востока и севера наше ЗАТО и тянулась с севера на юг несколько километров. В

ширину площадка была, как мне помнится, не более километра.

По приезду к месту назначения первым делом я осмотрел местность. Правый край участка, где нам предстояло работать, захватывал метров сто соснового леса. Левый край сплошь порос кустарником, а середина участка представляла собой луговину с несколькими, метров по 150-200 в диаметре, околками берёзы и осины.

Построенным вдоль дороги ротам задачу я поставил следующим образом:

- На правом фланге сосны валить третьей самой организованной роте под командованием опытного и требовательного капитана Пясецкого Петра Францевича;

- рубить кустарник на левом фланге определил первой, второй и четвёртой ротам;

- Прогулку же по луговине определил роте пятой под руководством её энергичного, замполита старшего прапорщика Автандила Оганесовича Восканяна.

Эту роту я поставил на самый простой участок потому, что хотя рота и была одной из лучших в полку исключительно благодаря её замполиту, но состояла она в большинстве своём из ребят призванных из республик Средней Азии, Азербайджана и Армении. Все бойцы этой роты трудились на складах базы УПТК грузчиками, разнорабочими в цехах по приготовлению масляных красок, шпатлёвки, раскроя стекла, линолеума и т. д. Надо сказать, что Автандил Оганесович знал, да наверно помнит и поныне, все основные языки народов Кавказа. Свободно он объяснялся и с ребятами из Узбекистана и Таджикистана. Солдаты уважали его за честность и принципиальность, заботу о каждом. Самую большую требовательность проявлял он к своим землякам армянам. Некоторые призывники из Армении, узнавши кто замполит в пятой, просились служить в эту роту, надеясь на поправки земляка. Но, послуживши месяц-два в этой роте, начинали проситься перевести их в любую другую роту. Один солдатик мне так сказал о своей пятой

роте: «Пятый рота, для нас армянинав – настоящаядисбат...»

4

Из стоявшего рядом грузовика мы с прорабом СМУ раздали ротам пилы и топоры. Потом рассказали и показали, что и как рубить и валить. Когда роты отправились на отведенные участки, я пошел вместе с третьей, полагая, что валить сосны самые опасные работы.

С капитаном Пясецким мы ещё раз проинструктировали солдат, перед строем для примера повалили одну сосну и третья, вытянувшись в цепь с интервалом не менее 20 метров, приступила к работе. Следом за медленно продвигавшейся вперед цепью шли сержанты. На правом фланге, периодически громким, заглушающим визг пил голосом, делая замечания солдатам, шел Пётр Францевич. Я направился на фланг левый, намереваясь через какое-то время пройти остальные роты.

Я видел, как растянувшаяся в широкую цепь пятая быстро продвигалась вперёд, сходу сметая редкие одиночные деревца и кустарники. Впереди роты шествовал Автандил Оганесович. Черты его лица на большом расстоянии чётко видны не были. Но его чёрные как смоль, пышные, аккуратно оформленные усы, было не скрыть ни какому расстоянию.

Внимательно наблюдая, часто подсказывая пильщикам третьей, я время от времени посматривал и в сторону остальных рот. В какой-то момент, глянув в сторону пятой роты, я с ужасом вскрикнул, увидав, что пятая рота окружила со всех сторон околос больших осин и приступила к его сносу. Оставив третью роту, я побежал к пятой. Подбегая метров на триста – триста пятьдесят, я стал во весь голос подавать команду: «Стой!», Прекратить работу!». Но стук топоров и визг пил глушили мой голос. Солдатики, войдя в азарт работы, словно соревнуясь меж собой, орудовали и орудовали топорами и пилами, валя толстые стволы осин в середину околка, а другими словами – навстречу

друг – другу... Подбегая к усердно работавшим солдатам я увидел, что падающие навстречу друг-другу осины уже касаются своими верхушками, а в самом центре околка, как хорошо тренированная обезьянка из стороны в сторону, уворачиваясь, от падающих на него со всех сторон деревьев, прыгает наш АвтандилОганесович...

Наконец, мой охрипший голос услышали ближайšie ко мне солдаты и прекратили работу. И тут из глубины околка, из-за веток упавших огромных осин послышалось: «Пачамупрекатали работа?, Прадалжать!». Но солдаты, вращая головами то в мою сторону, то в глубьоколка, к работе не приступали. И тогда, минут через пять, из завала веток показалась черная голова бравого прапорщика. Быстро оценив обстановку, слыша по цепи передаваемую мою команду прекратить работу, хитренько мило улыбаясь, подходя ко мне, АвтандилОганесович начал: «Я панимаютаварщъ майор. Панимаю, что маленька нарушил техника безопасности. Но панимаешь, десять чалавек

будут пилить, рубить, а остальным что делать? Идти дальше, без меня, или сидеть ждать пака эти уберут эти дэрэвья? А если далше на пути этих ребят опят будэт деревья? А? Как тут бить?». Высказавшись, вытерев цветастым красиво вышитым платком вспотевшее лицо и голову, одев фуражку, поправив полевой китель и ремень, сверкнув в мою сторону своими темными глазками, Автандил приготовился меня слушать.

«Что ты такой хороший прыгун, и остался жив и. не вредим, это слава богу. Ты подумал, что рискуешь только собою, а солдаты? Они ж не только уже подошли навстречу друг-другу, у них же сократились и дистанции в шеренге по фронту. Дерево ж может упасть и в сторону», - сказал я и умолк, обдумывая, как безопасно организовать работу на окошках. А приняв через несколько минут решение, приказал прапорщику построить роту в стороне от поваленных деревьев. Когда рота была построена, я приказал направлять на валку оставшихся деревьев поочерёдно человек по десять. Остальные

солдаты в ожидании своей очереди пусть сидят и отдыхают. «Так работайте и на остальных встречных окошках. Только так! Понял?», - сказал я прапорщику. «Так точно!» - ответил АвтандилОганесович.

Зная, что старший прапорщик Восканян распоряжение исполнит неукоснительно, быстро пошагал в сторону остальных рот.

Долго меня не покидали тревожные думы о том, что в результате моей оплошности при инструктаже солдат и их командиров, могло случиться не поправимое. Я ведь ни чего не сказал о порядке работ на окошках. Время от времени, мне приходилось глушить в себе и смех, при воспоминании картины действий АвтандилаОганесовича в окружении его доблестных солдат.

Отработав с солдатиками полка и воскресенье, я строил планы отдыха на субботу и воскресенье следующие. Однако, заместитель командира части по производству наотрез отказался ехать на лесоповал с полком старшим от

командования в следующую субботу и воскресенье. За это он потом поплатился должностью. У других замов не ехать эти дни были очень уважительные причины. И снова ехать на лесоповал пришлось мне. За следующие два дня мы в течении пары часов закончили рубку деревьев и кустарников, срубили у поваленных деревьев сучки, всю мелочь сожгли.

Следом за нами на площадку пришли бригады механизаторов. Тракторами куда-то утащили длинные стволы сосен, тополей и берёз, выкорчевали пни. Грейдеры стали нарезать внутри площадки дороги, самосвалы подвозить песок и щебень, экскаваторы начали копать глубокие траншеи для сооружения дренажа. А вскоре руководство стройки и дирекция будущего гиганта нефтехимии организовали в торжественной обстановке и закладку первого камня будущего комбината.

Те дни долго и считали началом большой стройки. И только наши фотографии и настойчивость неугомонного подполковника в отставке, ныне председателя Совета ветеранов

в/ч 20161 (Нашего Управления военно –
строительных частей
Автандила Оганесовича Восканяна) было
расставлено всё по своим законным местам.
Ныне стенд городского музея Северска ведаёт
своим посетителям правду о первых строителях
Томского Нефтехимического комбината. Ими
были мы военные строители.

Серебряный костыль

Рассказ - быль

1

До 1973 года я проходил службу в должностях помощника начальника отдела политработы Томского-7 Управления войск по комсомолу и старшим инструктором по клубно-массовой работе. Когда в 1967 году я был назначен на клубно-массовую, в моём ведении был штатный духовой оркестр Управления. С бывшим в то

время начальником отдела политработы полковником Александром Фёдоровичем Ананьевским, большим любителем художественной самодеятельности, на базе штатного оркестра воссоздали ансамбль песни и пляски. Который, замечу, в 1967 году в смотре-конкурсе художественной самодеятельности центрального Управления наших войск занял первое место. А восемь наших номеров были отобраны на заключительный концерт в Центральном доме Советской армии. Этим же ребятам, раз они были в Москве, пригласили и дать концерт на приёме в министерстве Среднего Машиностроения, который проводился в честь пятидесятилетия Октябрьской революции. После концерта, во время банкета моих орлов пригласили и за отдельный в сторонке стоявший стол. А жена бывшего в то время министра Ефим Павловича Славского, налиларебятам и по рюмочке коньяка...

Наш ансамбль в то время гремел по всей области, часто выступал во многих коллективах и на областном томском телевидении.

Когда же я был переведен на комсомольскую работу, связь со штатным оркестром Управления не терял. На новой должности стал членом бюро Томского-7 ГК ВЛКСМ, членом Пленума ОК ВЛКСМ. Естественно, был знаком не только с руководством томской комсомолии, но и со всем партийным руководством нашего ЗАТО.

Бывший первый секретарь Томского-7 ГК КПСС Александр Григорьевич Мельников к 1974 году был переведен в томский ОК КПСС на должность заведующего отделом капитального строительства.

В Томской области уже несколько лет строилась железная дорога Асино-Белый Яр. Стройка эта была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской.

И вот, утром четвёртого октября 1974 года в штабе в/ч 11102, где я уже в то время проходил службу пропагандистом полка, раздаётся звонок, и дежурный по штабу со всех ног летит в одну из рот части и докладывает мне, что меня срочно к телефону. Звонил Александр Григорьевич

Мельников. Когда я, запыхавшийся взял телефонную трубку и доложил, что слушаю, большой партийный начальник коротко сказал: «Сегодня в 17 часов быть с оркестром на станции Томск-2. Там будет отправляться специальный поезд на торжества по случаю окончания работ на строительстве железной дороги Асино-Белый Яр. Будем забивать «серебряный» костыль. Надо будет отыграть на митинге, а потом дать хороший концерт».

Тут надо пояснить читателю, что забивать «серебряный» костыль была такая традиция у тогдашних строителей железных дорог. А «серебряным» он назывался потому, что был последним. На железной дороге Асино-Белый Яр строительство шло с двух сторон - из Асино и из Белого Яра. В точке встречи рельсов и забивали последний, то есть «серебряный костыль».

Выслушав Александра Григорьевича, я, было, начал ему объяснять, что уже служу в 102-м полку, но партийный начальник очень спешил,

буркнул мне: «Доложи о моей просьбе начальнику Управления», - и положил трубку.

Естественно, я тут же позвонил в штаб Управления и доложил начальству о звонке Мельникова. В ту же минутуполучил распоряжение немедленно готовиться к выполнению просьбы.

2

Я сразу позвонил военному дирижёру оркестра, передал распоряжение готовиться к поездке и прикинуть программу концерта. Позвонив домой и сообщив маме, что срочно уезжаю в командировку, подхватил сумку с кинокамерами и фотоаппаратом, побежал на автобус, чтобы ехать в в/ч 40317, где проживал оркестр.

Когда мы приехали на станцию Томск-2, там на первом пути уже стоял состав из шести пассажирских вагонов, прицепленных к маневровому тепловозу. Бегавший вдоль вагонов с красной повязкой парень указал мне наш вагон. Поскольку в вагоне были мы одни,

разместившись, начали прогон концертной программы.

Ехали к месту назначения всю ночь. После Асино наш поезд можно было обогнать пешим шагом. От сильных наклонов то влево, то вправо наш старый вагон так скрипел, что спать было невозможно. Проложенные через болота рельсы постоянно проседали, порой скрываясь под водой. Строители сыпали и сыпали щебень в насыпь, но проседание пути продолжалось. Иногда наш вагон сильно наклонялся вперёд, а потом его перед резко поднимался вверх, словно на крутую морскую волну.

Часов в девять утра прибыли мы на какую-то, окруженную со всех сторон лесом не большую станцию. Там же не ровными рядами теснились и жилые вагончики строителей дороги. Немного погоняв вагоны по путям, отцепив от состава вагон-буфет, тепловоз снова сформировал состав и все приготовились ехать дальше. Я обратился к распорядителям мероприятия с вопросом о кормёжке моих музыкантов. Минут через пять нам в вагон какие-то парни принесли

2 ящика с колбасой, консервами и хлебом. Принесли и большой бачок с горячим чаем. Кружки или стаканы нам не дали, тогда в купе проводников, которых в составе не было, мы нашли одну алюминиевую кружку, и пили из неё чай по очереди. Скрипя и ещё больше раскачиваясь, поезд тронулся дальше.

Мы поехали, а на станции началось что-то невообразимое. У отцепленного от нашего состава вагон-буфета собралась толпа. Женщины, мужчины, подростки пробившись к окошку, откуда велась торговля, набивали мешки бутылками пива, палками колбысы, банками консервов и прочей снеди.

Только к обеду, проехав километров двадцать, мы прибыли на место торжества. Там всё было готово к его проведению. Площадка метров по двадцать в обе стороны от рельсов была очищена от растительности и посыпана песком. Чуть в сторонке от насыпи была сооружена и украшена флагами и лозунгами трибуна. На рельсах стоял вагон со звеньями пути и кран, готовый их укладывать.

Выгрузившись из вагона, мы заняли место рядом с трибуной, а все приехавшие в нашем составе и рабочие путейцы стали перед нею. Оркестр стал играть марши и разные мелодии. Минут сорок все кого-то ждали, суетились. Наконец, Александр Григорьевич Мельников открыл митинг.

После окончания митинга минут двадцать опять тянулось ожидание. Но вот Мельников дал отмашку и кран путеукладчик стал медленно поднимать звено из рельсов и прикрепленных к ней шпал. Место укладки последнего звена огородили красной лентой. За ленту ограждения зашло руководство стройки, Мельников, секретари обкома комсомола и несколько одетых в красивую робу рабочих путейцев победителей в соревновании за право забить «серебряный костыль». Александр Григорьевич вынул из портфеля, семьпокрытых никелем, как я позже выяснил на нашем Сибхимкомбинате, костылей, раздал их рабочим и некоторым гостям. Кран-укладчик начал плавно опускать последнее звено дороги на насыпь и

получившие костыли рабочие и гости
приготовились соединять рельсы и
специальными молотами заколачивать
последние костыли.

3

Я вынул из своей походной сумки
приготовленную к съёмке 16 мм кинокамеру
«Киев» и стал всё происходящее снимать.
Выбрав удобную позицию, низко присевши, я
сначала прошелся камерой по людям
приготовившимся забивать костыли и только
перевёл объектив на плавно опускавшуюся на
насыпь плеть, как толпа за моей спиной
двинулась вперёд, меня толкнули в спину, я
наклонился к земле, а камера, работавшим
объективом ткнулась в песок. От злости я резко
подскочил, развернулся кругом, а увидевши
того, кто на меня **навалился**, **сказал** ему: «Ты что
наделал? Уйди отсюда!». **Но** мой обидчик
высокий **худощавый** мужчина лет 35-40 с
клинообразной редкой бородёнкой, с очень

крутым фотоаппаратом, протирая пальцами рук толстенные линзы своих очков, как-то вежливо сказал мне:

- Простите, а вы тоже пресса?

- Иди отсюда! А не то я тебе сейчас...» - выкрикнул я, замахиваясь для острастки на мужчину камерой.

Тот шарахнулся от меня в сторону, а я, быстро протерев объектив камеры, продолжил снимать. А снимать-то мне осталось только момент забивания рабочими костылей. Не выбрал я в кадр ни рабочего передовика, выступавшего на митинге, ни Александра Григорьевича, который тоже вбивал один из костылей. Время главного кадра было пропущено.

Засняв сцену поздравлений и аплодисменты по случаю окончательной стыковки рельсов, я подошел к Александру Григорьевичу, намереваясь попросить его помочь мне сделать несколько постановочных сцен. А тот, выслушав меня, сказал: «Ты снимал на камеру?» Я ответил, что снял только две кассеты и посетовал на то,

что один важнейший эпизод пропустил из-за толчка в спину. Надо бы тот эпизод переснять. Но Мельников молча запустил руку в мою сумку с кассетами и забрал их. Потом, наклонившись к моему уху тихо и коротко объяснил, что пилот вертолѐта с корреспондентами разных газет и киносъёмочной группой центрального и Томского телевидения по ошибке приземлился на поляне у посёлка рабочих путейцев. Высадив журналистов, улетел. «Понял, почему я произвёл у тебя реквизицию?» - понял, ответил я в след поспешившему куда-то Александру Григорьевичу.

На последней кассете у меня оставалось ещё много плѐнки. Я завёл пружину камеры и стал снимать отдельных персонажей из толпы. Послышалась команда по вагонам. Площадка миглом опустела, но поезд ещё минут сорок не отправлялся. И я, воспользовавшись этим, забрался на тепловоз и попросил машиниста подобрать меня, когда пойдёт состав. Спрыгнув с лесенки подъѐма на тепловоз, я побежал вперѐд, чтобы снять кадры наезжающего на

меня поезда. К счастью, метрах в ста, ста - тридцати на насыпи прямо меж рельсами было небольшое углубление в щебне. Я быстро в него забрался, дождался момента, когда поехал на меня поезд и снял отличные кадры на скорости 16 кадров в секунду. Поезд шел очень медленно, а мне то-надо было, чтобы он шел быстро. При демонстрации куска снятого с меньшей скоростью на экране получается нужный эффект.

Тут, кажется мне, надобно прервать изложение происходивших дальше событий и поведать читателю кое-что для ясности.

Когда я служил в отделе политраб. работы старшим инструктором по клубно-массовой работе, на вверенной мне кинопрокатной базе Управления я обнаружил две давно заброшенные кинокамеры. Одну 35 мм «Конвас», а вторая была полупрофессиональная чешская 16 мм. Вольнонаёмный начальник кинопрокатной базы поведал мне, что обе камеры в рабочем состоянии, есть к ним штативы, сменные объективы и даже вполне пригодные щелочные

аккумуляторы, которые можно заправить, и они готовы будут к работе. Мужичок сказал мне, что в комендантской роте служит солдатик по фамилии Лисняк. Его подобрали на должность штатного фотографа Управления, но разрешение на фотосъёмку на него до сих пор не оформили. А без специального разрешения в Томске-7 фотографировать в то время категорически запрещалось. «Говорят, - продолжил начкинобазы, - что до армии тот парень работал на «Мосфильме».

Я в тот же день разыскал Якова Лисняк и после беседы с ним, у меня родилась идея создать любительскую киностудию. Меня в этом сразу же поддержал начальник отдела политработы полковник А.Ф. Ананьевский.

Яша действительно до армии работал в студии документального кино «Мосфильма» помощником кинооператора. Видел я и титры нескольких киножурналов с Яшиной фамилией.

Началась наша с Яковым кропотливая работа в созданной киностудии «Горизонт». Яша как мог,

учил меня работе с камерой. Мы с ним сняли три короткометражных фильма на плёнке 35 мм и несколько фильмов на плёнке 16 мм. Александр Фёдорович выбил нам деньги на приобретение ещё двух 16 мм кинокамер «Киев», проявочной машины 16 же мм, много всякой необходимой мелочи. Плёнки 35 мм за плату мы проявляли, печатали позитив и писали звук на областном телевидении ночами. Так я получил кое-какие знания кинооператора, и на все важные мероприятия таскал с собою камеру.

Не доезжая до меня метра два, поезд остановился. Я забрался на боковую площадку тепловоза и стал благодарить машиниста за помощь. А трогать дальше машинист не спешил, потому что из вагонов, где в самом разгаре шел обед с крепкими напитками, на насыпь после остановки вывалило много народу. Тщетные усилия организаторов торжества по уговору пассажиров пройти в вагоны, результата не давали. Тогда кто-то из них, увидав меня, обратился за помощью сопроводить участников мероприятия в вагоны. Я вывел из вагона своих

музыкантов, послал в каждый вагон по два человека срочников. Приказал им встать в оба тамбура вагонов и ни кого из оных не выпускать. С военным дирижёром, музыкантами сверхсрочниками и организаторами праздника мы стали заводить уже весёленьких и очень разговорчивых людей в вагоны.

На полустанок с рабочим посёлком приехали поздно ночью. В тесной станционной столовой для моих музыкантов были накрыты столы с остывшим ужином. На столах стояли и бутылки с водкой. Я попросил бутылки со столов убрать. Мы быстро поужинали и направились в свой вагон. Но нам пришлось задержаться, надо было опять помогать загрузить людей в вагоны.

Когда мы с великим трудом людей в вагоны загрузили, старший из распорядителей попросил меня походить по вагонам понаблюдать, кабы чего где не случилось. Я отправил в свой вагон моих музыкантов во главе с дирижёром, а сам потопал по вагонам, исполнять обязанности схожие дежурного по составу.

В коридоре купейного для начальства вагоне я встретил Валерия Мещерякова, первого секретаря нашего ГК ВЛКСМ. Он о чём-то оживлённо разговаривал с мужчиной, который запортил мне самые ответственные кадры. Валерий стал меня представлять своему собеседнику, а тот ответил ему, что мы уже почти знакомы... Этооказался собственный фотокор ТАСС по Западной Сибири. Только я собрался улизнуть от Мещерякова и его собеседника, как открылась дверь соседнего купе, и на пороге возник Мельников. «Ага, а вот и он, - сказал Александр Григорьевич группе мужчин в его купе, - ну-ка заходи, заходи сюда», - сказал он мне. Когда я зашел в купе, стоя сзади меня Александр Григорьевич представил меня сидевшим на полках и сказал: «Постой, а ты ведь снимал ещё и перед отправкой поезда. Где эти кассеты?» Я ответил, что доснял только одну кассету и она в нашем вагоне. Один из мужчин спросил меня, что снято на той кассете. Когда я рассказал, что там снято, мужчина сказал Мельникову, что надо бы взять ещё и это.

Александр Григорьевич велел мне срочно доставить ему ту мою последнюю кассету. «Тебе пойти помочь?», - сказал он строго глядя мне в глаза. Я пообещал сейчас же принести и отдать ему кассету.

Когда я пришел в свой вагон за кассетой, мои музыкантики мирно сидели по купе за столиками и мирно кушали. Как оказалось, перед отправкой поезда в наш вагон принесли ещё ящик с колбасой и хлебом. Принесли и убранную со столов водочку. Я поддерживал порядок по вагонам, а тут... Вместе со срочниками и сверхсрочниками аппетитно вкушал ещё один ужин и мой главный помощник военный дирижёр. Мне же осталось только приказать ему после ужина всех уложить спать, а сам понёс кассету Мельникову.

Так до утра мы с распорядителями, единственно трезвыми во всём поезде и ходили по вагонам. Мы боялись, кабы чего не случилось. Уж больно много водки было загружено в вагоны.

Недели через две по центральному телевидению прошла передача про забивание в Томской области «серебряного костыля». Показали отрывками и мои кадры. Закончили телевизионщики передачу кадрами, на которых по новой дороге мчится поезд увешанный красными флагами и лозунгами на кумаче. На носу тепловоза красовался большой портрет Ленина, из-за которого выглядывал добродушный усатый дядька машинист.

40 лет как с именем Ленина

Рассказ

В 1964 году отмечалось 40-летие именованя комсомола Ленинским. Во всех комсомольских организациях страны шло соревнование за достойную встречу юбилейной памятной даты.

Я в то время проходил службу в в/ч 33960 в городе Красноярске-45. Мы в разговорах меж собой называли наш город просто Заозёркой. Ныне он именуется Зеленогорском.

По итогам 1963 года наша часть, и комсомольская организация части в том числе, заняла первое место среди войсковых частей нашего Управления. Первое место комсомольская организация полка заняла и в честь 40-летия именованя комсомола Ленинским. Нам городской комитет комсомола в торжественной обстановке вручил своё переходящее Красное знамя, я и многие комсомольские активисты полка получили Почётные грамоты. На отчётно-выборной конференции городской комсомолии 1963 годав меня избрали в члены ГК, а на конференции краевой комсомольской организации в том же году - кандидатом в члены Крайкома.

В канун 40 – летия именованя комсомола Ленинским состоялся юбилейный пленум Крайкома комсомола. В его работе мне довелось участвовать. Нас делегатов пленума от Красноярска-45, не знаю из каких соображений, возможно из-за секретности нашего города, а стало быть и городской комсомольской организации, объединили с делегатами г.

Заозёрного. (Ж/д станции Заозёрная на Транссибе. Через эту станцию мы ездили в наше ЗАТО)

Проходил пленум в краевом оперном театре с утра и до обеда. Пообедав за счёт крайкома комсомола в ближайшей к оперному театру столовой, делегаты, кто имел возможность, отправились, по ленинским местам края. Главным таким местом, естественно, было Шушенское.

Электричкой сотни полторы членов памятного пленума приехали в город Ачинск. Там в то время разворачивалось строительство гигантского алюминиевого комбината, объявленного ЦК ВЛКСМ всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Советские учёные тогда впервые в мире разработали технологию получения этого стратегически важного металла прямо из глинозёма. В районе Ачинска, этой руды огромные запасы. Потому-то там и строился комбинат. Чтобы опробовать технологию в

производственных условиях, к тому времени уже был построен и действовал опытный, уменьшенный в несколько раз, цех с полным циклом производства.

Приехали мы в город Ачинск вечерком. Всех нас вкусно покормили в столовой и разместили на ночлег в общежитии строившегося комбината. Общежитие ещё не было полностью заполнено заводчанами и для всех нас нашлось достаточно места.

На следующий день для нас была организована часовая экскурсия в опытный цех комбината. Это было огромных размеров здание длиной метров 800, напичканное оборудованием так, что меж огромных вращающихся дробильных мельниц, каких-то печей, электро-трансформаторов, многих сотен километров разного диаметра труб и специального технологического оборудования приходилось с трудом проходить по одному, местами пригибаясь. Всех разбили на мелкие группы, а экскурсоводами у нас были инженерно-технические работники цеха, лаборанты, молодые и не очень учёные.

После интереснейшей экскурсии, всем нам предложили поработать несколько часов на комсомольской стройке. Сначала опросили, кто какие работы может выполнять. Потом сформировали бригады и развезли автобусами по разным объектам.

Поскольку я дипломированный техник строитель, к тому ж ещё и плотник с разрядом, мне сформировали бригаду из 30 человек и отвезли нас на строящийся рядом с будущим жилым микрорайоном комбината кинотеатр, кажется, «Родина». В главном зале кинотеатра нам было поручено настелить деревянные полы. Основание под пол с положенным уклоном было уже забетонировано. Половая доска, брус для лаг, гвозди, ножовки и молотки были приготовлены. До 17-ти часов без перерыва на обед пол кинозала мы настелили. В столовую на ужин я шел, пошатываясь от усталости, с охрипшим голосом. Ведь целый день мне пришлось ребятам и девушкам, некоторые из которых не умели держать в руках молоток или

ножовку, показывать и рассказывать, бегать из одного конца зала в другой.

После ужина для нас были организованы до двадцати двух часов танцы, а после на поезд и в город Абакан.

2

Утром следующего дня на станции города Абакан нас встречали четыре больших автобуса с баянистом в каждом и грузовик с прицепом. В кузове грузовика были ящики с хлебом, колбасой, сыром, консервами и лимонадом. К грузовику была прицеплена бочка с пивом. Отъехав с песнями несколько километров от Абакана, сделали первую остановку на завтрак.

Потом таких остановок в пути до Минусинска и Шушинского была не одна. Мы не только ели бутерброды, но и танцевали под баян прямо на асфальте дороги.

Быстренько осмотрев экспозицию Минусинского музея, поспешили в Шушинское.

Туда мы приехали часа в три дня. Поочерёдно посетив дом - музей, где в ссылке проживали Владимир Ильич и Надежда Константиновна, мы отправились на берег могучего Енисея. Русло самой реки от Шушинского отделяли две протоки. Одна шириной метров пятнадцать, очень мелкая и со спокойным течением. Зимой она всегда замерзала ровным чистым льдом и на ней, по свидетельству жителей деревни, как раз и катался на коньках Ленин. Следующая протока была значительно шире, глубиной до метра и с быстрым, сногшибательным течением. Берег перед первой протокой пологим скатом опускался на дугообразную луговину, поросшую очень сочной, густой аккуратно скошенной травой. Похожая на амфитеатр луговина была примерно семидесяти метров шириною в середине. У самого края спуска на луговину по всей её длине стояли летние домики на четыре кровати каждый.

Нас распределили по домикам, желающим предложили искупаться в реке, а после этого в летней же столовой, которая располагалась

справа от последнего домика, нам предстоял ужин и танцы хоть до утра. Столы были уже накрыты, на них стояли и бутылки «перцовки» по одной на четверых. За столовой стояла и наша пивная бочка, но она уже была пуста. Во время ужина перед нами было запланировано выступление известного писателя Константина Седых.

3

На купание был отведен час времени. Купаться пошло человек двадцать-двадцать пять не более. Все мы разделись перед первой протокой. Купались кто в первой протоке, кто во второй, а кто и в водах быстрого, с водоворотами Енисее. Молодой человек из Шушенского предупредил шедших на купание, чтобы от берега реки далеко не заплывали. Тем, кто плохо плавает лучше в Енисей не соваться. Очень опасно.

Город Красноярск-45 расположен на берегу вырывающегося из предгорий Саян реки Кан. Вода в нём даже в самые жаркие дни не более

10-16 градусов по цельсию. Скорость течения же такова, что если нырнуть с берега и вынырнуть метрах в 7-8 от него, то выберешься из воды метрах в ста не менее. Моторные лодки даже с самыми мощными двигателями по середине реки идти вверх против течения не могли-пробирались вдоль берегов, где течение помедленнее.

В Кане мы купались постоянно и поэтому быстрого течения Енисея я не боялся. Преодолев обе протоки и выйдя на берег самой реки, я пошел подальше вверх по течению, чтобы можно было выбраться из воды в аккурат там, где оставил одежду. Шел вверх по берегу реки, пока было можно пройти меж колючих кустарников. Берег реки в том месте был пологим. Енисей круто разворачивался к берегу левому и быстрина и глубина были на берегу противоположном, правом. Течение в месте, где я решил зайти в реку, было спокойным, вода сияла отблесками склонившегося к самому горизонту солнца. Картина была чудной. Несколько минут я любовался окружающей

меня красотой и зашел в очень прохладную воду. Далеко от берега тянулось мелководье. Я лёг на спину, раскинув в стороны руки, медленно плыл, любясь высоким голубым с реденькими протяжками белых облаков.

Минут через двадцать меня подхватило быстрое течение и понесло к середине реки. Я лёг на живот и стал из всех сил грести к берегу. Быстрое течение всё - таки пронесло меня мимо того места, где я планировал выйти на берег. По острым камням, у самой кромки воды я медленно шел к своей одежде и вдруг увидел, как метрах в двадцати от берега плывёт по реке девушка. Быстрое течение несло её всё дальше от берега к начинающимся водоворотам, но девушка и не противилась этому. Во весь голос я закричал ей: «Плыви к берегу! Утонешь!» Девушка глянула в мою сторону и начала грести к берегу, но было поздно, река быстро несла её вниз по течению. Не раздумывая, я с разгона прыгнул в воду и быстро поплыл к девушке.

Когда подплыл, узнал в ней ехавшую с нами одной делегацией школьницу из Заозёрного.

Поравнявшись, я схватил её за руку, лёг на спину и, словно во что-то упираясь и отталкиваясь, стал сильно работать ногами и свободной рукой, тащить девушку к берегу противоположному. Ведь река стала делать резкий поворот к левому с высокой скалой берегу. Течение резко ускорилось и нас запросто могло бросить на скалу, а она, наверняка, была сильно подмытой с острыми краями над водой, как это много раз я видел на нашем Кане. В одном месте мы попали в воронку и нас сильно крутануло. Девушка хлебнула воды и закашлялась. Я перехватил её за толстую рыжеватую косу у самого её основания, чтобы удерживать голову над водой. Продолжая отчаянно бороться с течением, кричал ей: «Работай, сильнее работай!»

Наконец крутой левый поворот реки закончился, течение стало немного спокойнее, и мы стали грести к нашему левому, всё ещё высокому, хоть и не скалистому берегу. Вскоре у пологого крутого берега показалась белая узкая каменистая полоска и мы, ещё сильнее работая руками и ногами, устремились к ней.

Когда обессиленные мы, наконец, упали на камни береговой полосы, девушка дрожащим от холода голосом, запинаясь, произнесла: «Косу-то отпусти. Мне же больно». Я выпрямил до судороги сжатые пальцы, быстро встал на ноги и стал в сгущавшихся сумерках молча осматривать окружавшее нас пространство. В отблеске воды на фоне ещё ясного неба было видно, что вытянувшийся вдоль берега крутой и высокий косогор выше по течению плавно переходил в отвесную скалу, подмываемую быстрым течением широкого Енисея. Поросший маленькими кустиками косогор был хоть и крут, но подняться на его верх можно.

Осмотревшись и оценив обстановку, я сказал своей спутнице: «Унесло нас далекоовато, скорее пошли. Придётся подниматься наверх, у кромки воды не пройти, впереди скала». Тут моя спутница сказала:

- Холодно. Мне бы где - ни будь, отжать...

Сообразив, что нужно девушке отжать, я ответил:

- Отжимайся здесь. Смотреть на тебя некому, а я пойду, пройдусь, может, есть где – ни будь тропинка.

Отойдя в сторону скалы на несколько десятков метров, я услышал: «Я всё. Пошли».

Я быстро вернулся назад и мы стали подниматься по крутому склону наверх.

Наверху было немного светлее. Справа метрах в двадцати темнела стена соснового леса, ближе к берегу косогор порос подлеском и кустарником. Сухие его ветки больно царапались. Под ногами земля была хоть и каменистой, но камни были не столь острыми, как у кромки воды. Редкая мягкая трава, перемежалась с сухой и колючей. Мы медленно продирались по кустарнику, а сумерки всё сгущались и сгущались. В одном месте попалась еле заметная тропинка, но она шла от реки куда-то вправо. Куда она пошла – неизвестно и мы пошли вдоль берега.

Шли долго. Наконец, вдали послышался лай собак. Мы воспрянули духом и прибавили ходу.

Вскоре ниже нас и правее увидели свет фонарей освещения. Мы радовались близостью Шушинского, но всё чаще на нашем пути стали попадаться какие-то ямы, поваленные деревья и кучи всякого мусора. Всё это резко замедляло наше движение. На фоне неба мы различали тёмные силуэты деревьев и кустарников, а под ногами было абсолютно тёмное пространство, куда нам приходилось ступать босыми ногами.

Совсем близко послышалось ленивое тьяканье собачонки, а потом в сумерках появились и очертания избы. За нею мы нашли поросшую прохладной муравой дорожку. В отсветах не близкого уличного фонаря просматривались тёмные силуэтов редких домов окраинной сельской улицы. Мы прибавили шагу, и вскоре слева от нас показался перекидной мостик толи через протоку, то ли через речку, а за ним и располагались наши домики. Мы молча прошли меж них, направляясь на берег реки за одеждой. Поискав в темноте и не найдя своих брюк, рубашки и туфель, я сказал своей спутнице: «Пошли так. Всё равно в темноте мы одежду не

найдем. Заберем утром». Девушка ещё какое-то время походила вдоль протоки, и мы направились к домикам. «Как хоть тебя зовут?», - спросил я девушку.

- Оля пропела она тихим голосом и отвернула в сторону своего домика.

4

В домиках нас разметили по четверо парней и четверо же девушек в каждом, перемешивая делегации. В домике, где я бросил свой маленький походный чемоданчик, из нашей делегации оказался только парень с комбината. Двое других парней были откуда-то с Севера. Время было позднее, огни во всех домиках уже были погашены, в лагере был отбой. Только у штабного домика стояло несколько человек.

В тусклом свете освещения территории я с трудом нашел номер своего домика, вошел в него. Слева от занавешенной грубой тканью двери была моя кровать. Я на ощупь стал её разбирать и обнаружил аккуратно сложенные мои штаны и рубашку. И тут моё сознание

резанула догадка, что могли подумать о моём отсутствии. Я резко сел на кровать и стал думать, что делать. Кровать моя сильно скрипнула пружинами и, спавший через проход парень из нашей делегации проснулся. Увидав меня, он резко подскочил на кровати и протянул: «Ты где был? На берегу нашли твою и девушки из Заозёрки одежду и все подумали, что вы утонули.... Иди, скорее доложи дежурному по лагерю».

Я быстро натянул штаны, одел рубаху и потопал к штабному домику. Когда я туда подошел, в свете не яркого фонаря там стояли: второй секретарь Крайкома комсомола, второй секретарь нашего горкома Гера, парень с красной повязкой дежурного по лагерю, старший лейтенант милиции и ещё двое незнакомых мне парней. Увидев меня, все они молча с удивлением уставились в мою сторону. Помолчав некоторое время, обращаясь ко второму секретарю Крайкома, старшему по нашей поездке, я стал объяснять, где был и что случилось. Остановив меня на полуслове, наш

комсомольский начальник прошел в домик и сказал кому-то: «Срочно радируй дежурному по обкому и сообщи, что утопленники живы, только что пришли. Пусть немедленно отменяют сообщения». После этого секретарь вышел из домика и хотел что-то сказать мне, но тут послышался визгливый женский крик с матерками из одного из домиков. Мы все устремили свои взгляды в ту сторону. Через минуту увидели выбежавшую из того домика девушку и стреканувшую в сторону Енисея. Было видно, как от быстрого её бега из стороны в сторону развеивается толстая коса. Я догадался, кто это и с тревогой посмотрел на секретаря, но двое стоявших рядом с ним парней уже сорвались с места, как по выстрелу стартового пистолета и побежали за девушкой. Мы с тревогой смотрели в темноту ночи, пока парни не показались в свете фонаря, ведя под руки Олю. Она, как могла сопротивлялась своему препровождению, но парни крепко её удерживали и быстро вели в нашу сторону. Секретарь крайкома сделал несколько шагов

навстречу шедшим. Он попросил парней освободить Олины руки, и она моментально закрыла ладошками своё заплаканное лицо. Секретарь стал что-то говорить Оле, а она, всхлипывая, молчала. К нам подошла полная пьяненькая её секретарша. За нею подошли несколько других девушек. Только секретарь крайкома, обращаясь к Заозёрской секретарше, велел увести Олю и не сводить с неё глаз, как одна из подошедших девушек сказала: «Уберите отсюда эту мегеру, она доконает эту девчущку. Мы сами за нею присмотрим». Секретарь стоял, размышляя что делать, а девушки, обнимая Олю, уже повели её прочь. Отойдя от нас несколько шагов, одна из них повернулась в нашу сторону и прокричала: «Пусть лучше за своим муженьком, лучшим комсомольцем района присматривает, да заткнёт ему поганый рот, чтобы не матерился, как сапожник!». Секретарь строго посмотрел на секретаршу Заозёрки и велел ей идти спать.

Милиционер попрощался со всеми за руку и ушел. Ушел Гера и все парни. Я стал

рассказывать секретарю Крайкома, как в поезде до Красноярска Заозёренская тётка ужинала с мужиками. Пьяная её компания, рассказывая пошлые анекдоты, громко на весь вагон хохотала и материлась, пока пассажиры поезда не пожаловались проводнику вагона. Оля в это время ушла в конец вагона и допоздна сидела в одиночестве. «Всё ясно», - выслушав меня, сказал секретарь и пожелал спокойной ночи.

5

Побудку на следующее утро сделали рано. По холодной утренней росе все прошли к первой протоке, умылись, вкусно позавтракали в столовой, сели в автобусы и без остановок в пути поехали в Абакан.

Сидевший рядом со мною в автобусе какой-то парень с Ударной комсомольской стройки Абакан-Тайшет всю дорогу рассказывал мне о трудностях строительства дороги в горах, о красоте сооружённого с участием его бригады над пропастью моста, о прочности породы в

горе, через которую они рубят тоннель и прочем. А у меня в голове роились мысли: «Что если успели сообщить в часть о моём утоплении? А ведь запросто мог вчера утонуть. Эта школьница вряд ли выбралась бы из реки сама, течение запросто б унесло её к скале», - и прочем, и прочем неприятном в этом духе.

В Абакане нашей делегации раздали билеты на поезд Абакан – Иркутск и поехали мы восвояси.

К счастью о происшествии со мной в часть сообщить не успели. На расширенном заседании полкового комитета комсомола я рассказал о прошедшем Пленуме Крайкома. Потом поочерёдно с этим же выступил во всех ротах. И постепенно моя поездка в круговерти службы стала забываться.

Но вот однажды, примерно через месяц позвонил мне Гера и сказал, что только что ему позвонил главный инженер угольного разреза и попросил, чтобы завтра я приехал в Заозёрный горком комсомола. Там на бюро будут разбирать персональное дело его дочери.

Пусть лейтенант расскажет на бюро, как там в Шушенском всё было. Дочь сильно переживает.

Я отпросился на завтра у замполита полка подполковника Шишкина и утречком следующего дня автобусом поехал в Заозёрку.

В поезде по дороге из Абакана Оля всё время ехала в нашем купе. Мы даже кормили её завтраком, обедом и ужином, поскольку она несмотря на уговоры секретарши в своё купе так и не пошла. Нам Оля рассказала, что когда она пришла поздно вечером, секретарша стала ругаться на неё, обзывая потаскухой, гулящей девкой и так далее. Зная это, я прихватил с собой на бюро в Заозёрку пачку писем от своей невесты, с которой мы уже собрались пожениться. Эти письма, подумалось мне, будут аргументом в доказательстве того, что с девочкой школьницей у меня ни чего не могло быть нехорошего.

Когда я пришел в райком комсомола, в приёмной первого секретаря уже сидели Оля и её отец высокий моложавый рыжеволосый

спортивного сложения мужчина. Я поздоровался и представился. Отец Оли поднялся и протянул мне руку, представившись тоже. Оля, кинув быстрый взгляд в мою сторону, чуть заметно улыбнулась. Её личико моментально залилось краской, и она отвернула его в сторону. Отец предложил мне пройти в коридор и поговорить несколько минут, пока не вызывают. Когда мы уединились, я сказал ему: «Зачем вы сюда приехали? Идёмте сейчас же на переговорный пункт и позвоним секретарю Крайкома комсомола, который с нами был. Он всё знает и быстро успокоит эту деревенскую бабу. Зачем трепать нервишки девочки?».

Бумажка с записью телефона приёмной Крайкома была у меня в удостоверении личности. Отец Оли со мною согласился, прошел в приёмную, позвал Олю, и мы через площадь пошагали на телеграф. Крайком нам соединили быстро. Олин отец предложил говорить мне, но я отказался, настоял, чтобы говорил он. Мы с Олей сидели в маленьком зале ожидания, а её отец с кем-то несколько минут разговаривал.

Когда он вышел из кабины междугороднего телефона, сказал нам, что всё в порядке, сейчас они позвонят в горком и секретарша своё получит.

Когда вышли с переговорного, я стал прощаться, но отец Оли сказал, что они приехали на его служебной машине, и подбросят меня до самого КПП нашего города. «А от КПП до части мне всего-то с километр пути», - сказал я. Открывая дверку новенького ГАЗ-69, Олин папа сказал:

- Садись дочка, поедем. Да хорошенько запоминай дорогу к своему жениху... ».

- Ну! Папка! Ты опять шутишь, -недовольно ответила Оля, нахмутив брови.

А я, усевшись на сидение газика, на шутку Олиного папы вынул из внутреннего кармана кителя пачку писем. Показывая их, пошутил тоже: «А нечего запоминать, если бы не эта пачка от одной красавицы, увёз бы я Олю к себе прямо сейчас и всё».

Газик тронулся и быстро вывез нас из города на бетонку, проложенную в наш город. Всю недолгую дорогу Оля молчала, а её папа расспрашивал и расспрашивал меня о службе, откуда я родом, что и где оканчивал и прочем.

Когда приехали к КПП, пожилой мужчина водитель, развернув и остановив машину сказал:

- Смотри Оля, если лейтенант всё-таки тебя выкрадет, ни какими собаками отец тебя не найдёт. Жить тут будешь под охраной, за колючкой.

- И, главное, не убежит, если что, - поддержал шутку своего водителя Олин папа.

Рукопожатием я попрощался с водителем и Олиным папой, сказал до свидания Оле. Газик тронулся, а я потопал на проходную.

Шутники

1

До поступления в военное училище я жил в маленьком провинциальном городке в своём доме. У нас водились домашние животные, и я хорошо умел подражать их голосам.

Молодым лейтенантом служил в одном славном полку. Большинство наших офицеров были фронтовики. К службе они относились ретиво, в дружбе были надёжны, знали цену шутке.

Однажды в середине ноября я допоздна задержался на службе. Полковой автобус давно ушел, и добираться домой пришлось самостоятельно. На КПП части встретил тоже припозднившегося капитана Анатолия Ивановича Жукова. Наши офицерские двухэтажные брусчатые дома располагались на окраине соседнего посёлка. Если идти напрямиком через поле и овраг, то топать надо километра три.

Анатолий Иванович, пройдя КПП застегнул на все пуговицы новенькую плащ-накидку, закурил беломорину и предложил мне идти с ним пешком.

Плащ-накидки для офицеров советской армии ввели в форму одежды весной того года. К нам на склад большинство из них поступили очень больших размеров. Поэтому новинку получили пока всего несколько офицеров. Анатолий Иванович ростом был под два метра и накидку себе подобрал без проблем. Всю войну он прослужил в разведке. Новая накидка ему напоминала ту, в которой он красовался на фотографиях военных лет. Потому, своей обновкой очень дорожил, а носил её, не снимая, и в дождливую промозглую, и в тёплую солнечную осеннюю погоду. В ноябре того года в Сибири уже были морозы, все мы давно одели шинели, а Анатолий Иванович всё не расставался со своей накидкой.

Дослушав по полковому радио в семичасовые новости сообщение о полёте наших космонавтов, мы тронулись в путь. В темноте миновали не широкую луговину, и тропинка нырнула в заросший смешанным лесом и кустарником широкий овраг. Когда по дощатому настилу мы перешли русло ручья, из кустов на нас зарычала собака. Она, очевидно, где-то раздобыла кость и вершила трапезу.

«Откуда она тут взялась? Мы ж ее не трогаем, чего она окаянная рычит?» - пробормотал Анатолий Иванович, прибавив, при этом, шагу. Шли мы в полной темноте, прогнившие доски настила, лежавшие прямо на земле, местами сильно прогибались. Идти было не безопасно и я от Анатолия Ивановича поотстал. «Ты чего отстаёшь, нагоняй», - крикнул на ходу мой попутчик. И тут до меня дошло почему так заспешил капитан: «Это ж он боится за целостность своей накидки», - подумал я, едва сдерживая смех. И тут на меня нахлынуло озорство. Остановившись, я залился звонким собачьим лаем так, словно собака злобно нас атаковала. Анатолий Иванович подхватил полы накидки и как спринтер со старта рванул вверх по тропе. Отбежав подальше, он прокричал мне: «Ты чего отстал? Эта зараза запросто же может порвать мне накидку!»

По узкой уже запорошенной снежком тропинке мы быстро поднялись из оврага на окраину посёлка. Капитан опустил полы накидки, шагал, ворча на собаку. Тропа вскоре вывела нас

к первым постройкам. Анатолий Иванович успокоился и замолчал, а мне захотелось продолжить мой розыгрыш. На ходу я пригнулся пониже и у самых его ног опять выдал лай нападающей собаки.

- Пошла, пошла прочь! Гони ее лейтенант, гони! Вот зараза! - капитан снова подхватил полы накидки, крутнулся направо, и налево, пытаюсь во тьме разглядеть собаку, - ты чего стоишь? - крикнул он мне.

Отвесив мне и собаке ещё несколько «комплиментов», придерживая свою драгоценную плащ-накидку, Анатолий Иванович поспешил на открытое, освещённое огнями близкой улицы место. Шел он быстро, с опаской оглядываясь по сторонам. А ругал теперь он уже не собаку, а меня:

- Н-е-е-т, лейтенант. С тобой в разведку ходить нельзя! Ты, оказывается, парень ненадежный. На меня, понимаешь, нападает какая-то паршивая собака, а он ни гу-гу. На

фронте мы таких не уважали, - бросал и бросал в мой адрес обидные слова бывалый вояка.

В конце - концов, мне надоело его ворчание, да и обидно стало за упрек в ненадежности. И когда мы вышли на освещенную заасфальтированную улицу, я поравнялся с Анатолием Ивановичем и... залаял.

Капитан опешил. Постояв с минуту в позе памятника воину освободителю, он подскочил ко мне, схватил меня своими ручищами за плечи и запричитал: «Ах ты!.. Ну, ты даёшь! Вот это да!» Но вот гигант замолчал, отстранил меня от себя, гмыкнул и, тоном, не допускающим возражения, пробасил: «Давай еще!». Мне ничего не оставалось делать, и я снова залился звонким собачьим лаем. От соседних домов в ответ дружно ответило несколько собак, а столбом стоявший капитан загоготал словно гром на ясном звёздном небе той осенней ночи.

Так, смеясь, мы и дошли до наших домов. Когда стали прощаться, капитан, крепко сжимая мою руку, попросил полаять еще. Понимая, что,

пока не исполню просьбу, руку из «железных тисков» не высвобожу, я негромко полаял. Жуков захохотал, а я, не знаю почему, вдруг решил продемонстрировать умение мяукать по-кошачьи. Сначала мяукал так, как это делают кошки обычно, а потом перешел на крик мартовского кота. Жуков удивлялся чистоте моего подражания и, хохоча, просил меня мяукать ещё и ещё.

Вскоре в одном из окон первого этажа соседнего дома с шумом открылась форточка.

- У, черти! Брысь окаянные! - слышался голос жены начальника вещевого службы нашего полка.

Мы с капитаном шмыгнули за угол, оказались у двери подъезда того дома, притихли. Поругавши кошек, женщина захлопнула форточку. Я тихо сказал капитану:

- Пошли по домам.

- погоди, - сказал Анатолий Иванович, - давай еще.

Я, было, стал возражать, пытаюсь уйти, но скалообразная фигура Анатолия Ивановича преградила мне дорогу, и я замыкал так, как мяукают кошки, когда просят пищу, или открыть дверь.

На втором этаже ярким светом вспыхнуло окно. Послышались голоса в квартире, под окном которой мы стояли. Не сговариваясь, мы шмыгнули в подъезд и затаились под лестницей на второй этаж.

В подъезде было темно. Из открытой двери второй квартиры в коридор пробился слабый свет, и кто-то из мужчин вышел, готовый воздать коту по заслугам. Открылась дверь и на втором этаже. Вышедшая в коридор женщина позвала кошку, но, не дождавшись заблудяги, подошла к лестнице и крикнула мужчине с первого этажа:

- Где он там, окаянный? Орал, а теперь нету.

- Не видно, - ответил мужчина.

Он спустился по лесенке из нескольких ступеней к входной двери, плотно прикрыл её и вернулся в свою квартиру.

Хлопнула дверью и женщина наверху. В доме опять воцарилась тишина и я, осторожно ступая, направился к выходу. Но Анатолий Иванович взял меня за плечо своей ручищей и сказал: «Давай ещё!»

На этот раз я заорал таким воплем, словно хотел напугать капитана и сбежать.

В одно мгновение защёлкали замки и запоры всех квартир, и тишину подъезда взорвала ругань женских и мужских голосов. Не сговариваясь, метнулись мы с капитаном на улицу. Пригибаясь, пробежали под светившимися окнами дома за угол и притаились в зарослях черёмухи. А из открытой двери подъезда неслось:

- Поразвели эту тварь, спать не дают! - кричала какая-то женщина.

- Мне завтра на подъем, а тут...! - гудел капитан Демьяненко.

- Валентина! Это ж ваш котяра орал!

- Ты что! - отвечала Валентина, жена свёрхсрочника Володи Мирошниченко, - наш Васька дома! Чего ему орать-то? Не веришь? Иди, погляди!

В дополнение ко всему на балкон в нижнем белье вышел замполит полка подполковник Шишкин. Он был заядлый охотник. В руках Василий Иванович держал свою красавицу двустволку.

- Вот я их сейчас окаянных! - сказал он, зевая.

Минут десять шумели жильцы дома, проклиная «котов». Когда все уgomонились и наступила тишина через густой кустарник по кошачьи тихо мы вышли в переулок и, договорившись никому о нашем хулиганстве ни слова, разошлись по домам.

2

Я, ей-богу, никому о нашей проделке не сказал и слова, а вот Анатолий Иванович... Короче говоря, на следующей неделе, на

совещании офицеров части начальник штаба огласил график дежурств на декабрь месяц.

Нет и никогда не было, в армии такой части, где бы график дежурств на декабрь не вызывал споров, возражений и обид. Ведь никому не хочется заступать на дежурство тридцать первого декабря. Так всегда бывало и у нас в полку, но только не в тот раз. А дело в том, что дежурным по полку на тридцать первое декабря объявили капитана Жукова, а помдежем, естественно, - меня. Возражать, как вы понимаете, мы не стали.

В новогоднюю ночь все офицеры полка гуляли-отдыхали, а мы с Анатолием Ивановичем несли службу.

После полуночи в часть позвонил Василий Иванович Шишкин. Он поздравил меня с новым годом, поинтересовался делами в полку. Я, сидевший в дежурке у телефона, доложил ему, что в полку все в порядке, личный состав отдыхает, дежурный обходит подразделения.

Прощаясь, замполит пожелал нам спокойного дежурства, а я ему хорошо отпраздновать наступивший новый год и спокойной ночи. Василий Иванович с минуту помолчал, потом произнес: «Мя - у - у!», - и повесил трубку.

званный обед

Довелось мне однажды участвовать в работе комиссии Центрального Управления наших военно-строительных частей. Проверялось Управление Красноярска-26 (Ныне город Железногорск). Возглавлял комиссию в/ч 25525 первый заместитель начальника Центрального Управления полковник Николай Гурьевич Качурин. Это был хоть и простой, доступный в общении, но строгий, требовательный и принципиальный офицер.

Все части не малого Управления готовились к проверке, но, как и всегда, проверялись не все. Какие части, когда будут проверяться, командование красноярцев не знало. Николай Гурьевич не говорил об этом даже нам членам комиссии.

Три дня мы проверяли одну из воинских, не самую передовую часть. Полковник Качурин, заслушав нас членов комиссии по окончании проверки той части, принял решение оставшиеся две части не проверять. Отвёл нам Николай Гурьевич пару дней на написание акта проверки той части, потом дня три на написание акта за Управление в целом и на том, как он выразился: «Работу комиссии будем заканчивать».

Узнавши об этом, командир соседнего полка примчался к Николаю Гурьевичу и стал просить хотя бы посетить комиссией его часть. «Весь офицерский состав, прапорщики и сержанты нашей части не одну неделю готовились. Столько потрудились, а комиссия даже не захотела увидеть и оценить наш труд. Всему нашему полку очень обидно», - верещал невысокого роста полноватый полковник. Но председатель комиссии ему ответил, что решение принято и потратить полдня на пустое хождение по вылизанным до блеска казармам и территории полка – пустая трата времени. Тогда полковник сказал Николаю Гурьевичу: «Ну хоть пообедайте

разок у нас в полку». На что полковник Качурин, обращаясь к нам, членам комиссии сказал: «Ну, что товарищи члены комиссии, уважим боевого командира?» На что все члены комиссии ответили согласием, и Николай Гурьевич коротко бросил: «Завтра обедаем у вас». Обрадованный полковник козырнул со словом «есть», лихо развернулся кругом и быстро удалился.

Надо сказать, что убывая в подобные командировки, члены комиссии получали продовольственные аттестаты. По прибытию в проверяемое Управление вставляли на довольствие и питались каждый день в той части, где работали. Питание готовили диетическое, что по стоимости, примерно, соответствовало норме довольствия офицерского состава.

И вот в 12.45 все мы члены комиссии дружно проследовали в столовую соседней части. Я не спеша шел за большими московскими начальниками последним и заметил, как за углом столовой два солдата призванных, явно, из Узбекистана, облаченные в белоснежные

халаты и поварские белые шапочки на костре в большом казане что-то усердно помешивали специальной большой деревянной лопаткой. Лёгкий ветерок донёс до моего носа приятный аромат различных специй и жареного мяса.

Гостеприимный хозяин пригласил нас проходить в кабинет заведующего столовой, где уже скромно был сервирован холодными закусками длинный обеденный стол. Когда мы все рассаживались по местам, полковник Иванов, как всегда, попросил принести ему стакан доведенного до кипения чаю и кружку холодной воды. Долив в чай холодную воду, полковник начал смаковать свой любимый напиток, а мы сразу приступили к холодным закускам.

Покончив с холодными закусками, Николай Гурьевич сказал сидевшему вместе с нами за столом хозяину, что можно подавать первое. Полковник ответил, что сегодня у нас будет чисто восточная кухня без первого. Вам всё понравится. «Ну что ж, восточная так восточная. Пусть будет так», - сказал полковник Качурин.

Командир полка вышел, а мы сидели молча в ожидании восточного угощения. Я тихо сказал своему соседу высокому, долговязому майору москвичу:

-Сейчас принесут узбекский плов. Я видел, как там за углом два бойца трудились у казана.

- Нас как-то в Навои пловом угощали. Отличный был плов, - тихо сказал мне майор.

Время шло, но плов всё не несли. Ожидание затягивалось. И вот в открывшуюся дверь вместо ожидаемой нами поварихи вошли командир полка и его заместитель по тылу. Оба встали у порога по стойке «смирно», их покрасневшие лица так взмокли, словно они только что приняли душ и ещё не воспользовались полотенцем. Какое-то время офицеры стояли молча, потом, сначала глянув на своего заместителя, командир дрожащим голосом процедил: «Товарищ полковник, у нас несчастье. Эти, ну, в общем, повара умудрились уже готовый плов сжечь...»

«Я им, я их», - начал было заместитель по тылу, но увидав, как Качурин резко кинул в его сторону гневный взгляд, замолчал.

- Всё ясно, - сказал Николай Гурьевич, усмехнувшись, и продолжил, - не вздумайте этих ребят наказывать. Они, я уверен, старались, да переусердствовали. Что ж теперь поделаешь? Бывает. Ну, а что-то другое у тебя зам по тылу перекусить найдётся?.

-Щас, - выкрикнул тот и пулей вылетел из комнаты.

Минуты через две подполковник вернулся. Опустив голову, он глянул на Николая Гурьевича и ответил:

- Только солдатское из общего котла.

- Ну, так неси. Заодно проверим, чем и как ты кормишь ваших солдат, - сказал Николай Гурьевич, оглядывая всех нас, как бы спрашивая, не возражаем ли мы против солдатского угощения.

Подполковник метнулся в варочный цех и вскоре повара стали подавать нам вкусные щи и макароны с мясной подливой.

Мы дружно ели первое и второе, а полковник Иванов, вынув из своего портфеля пачку печенья, шумно прихлёбывал свой любимый чай, разбавленный холодной водой...

После обеда командир полка проводил нас до своего КПП. Прощаясь, стал извиняться за обед. Я глянул в сторону столовой и увидел, как два солдатика напалке понесли в сторону хозяйственного двора большой чёрный казан...

Телевизор

Рассказ - быль

В начале шестидесятых, молодым лейтенантом служил я в одном дальнем сибирском гарнизоне. Шло сооружение важного для обороны страны предприятия. Основную

рабочую силу на стройке составляли военные строители. Служил я в автомобильном батальоне. На огромной стройке работы велись круглосуточно и строго по графику. Строительный процесс перевозкой различных грузов и стройматериалов обеспечивали мы, автомобилисты. Поэтому главным рабочим местом у нас офицеров автобатальона был автопарк, да строительные объекты. За каждым офицером начальник штаба батальона майор Андрющенко закреплял по несколько десятков автомобилей. Мы головой отвечали за их исправность, ежедневный выход каждого грузовика на линию, и их работу на объектах. Почти ежедневно дежурили мы на стройке. Нам разрешалось подбирать себе водителей с автомобилями и использовать их во время этих дежурств. Мы объезжали строившиеся объекты, карьеры, бетонно-растворные узлы, диспетчерские различных СМУ, контролируя и решая самые разные вопросы работы наших солдат водителей.

Я подобрал себе Зиловский самосвал с водителем Керимовым, комсоргом одной из автомобильных рот. Керимов призывался из Азербайджана, окончил только начальную школу, но был опытным водителем, очень дисциплинированным и принципиальным человеком. Месяцев шесть мы носились с ним на ЗИЛе по дорогам огромной стройки. Утром помогали закреплённым за нами водителям завестись и выехать на линию, а в зимние холода дело это очень не простое. Помогали устранять поломки в пути, обеспечивали бесперебойную поставку бетона и раствора на объекты, следили, чтобы водители не отклонялись от маршрутов, и прочая и прочая.

Как-то по пути из батальона в автопарк Керим, немного помявшись, спросил меня:

-А что, товарищ летенант, мая харашо служит?

-Ты что, Керим? - ответил я. Кто ж у нас, как не ты лучший солдат? Что? Может, мы мало тебя поощряем?

- Андрющенко курилка гаварил, новые машина скоро привезут. Дай мне новая машина, а?

- Ладно. Поговорю с Андрющенко и с завгаром. Договорились.

Дня через три вызывает меня начальник штаба в диспетчерскую и говорит: “Ты просил своему Кериму новую машину, так вот сегодня оставляй его в гараже, сейчас передаст свою машину вот этому мужчине, а после обеда поедем на станцию разгружать эшелон с новыми”.

Взял я на тот день себе другого водителя из числа своих подопечных и поехал на отведенный мне на тот день маршрут. Отдежуривши, в конце дня я проехал в автопарк, глянуть, что за автомобиль дали нам с Керимом.

Только я прошел проходную автопарка, как увидел, что со стороны ремзоны с перепуганным, перекошенным и покрасневшим лицом бежит ко мне мой Керим. Вот крайне взволнованный, с покрасневшим лицом солдат

подбежал ко мне и, не поприветствовав, сжавши ладонями свою голову запричитал:

- Ай, товарищ литинант, ай товарищ литинант! Ай, беда, беда-а! Ай, какой беда-а!

Крайнее его волнение невольно передалось и мне, и я, схвативши солдата за плечо, резко потрянул его и выкрикнул:

-Что случилось!? Что натворил?!

- Нэт! Ничаго не сдэлал! Нэ нарушил! Нэт! Нам плахой, очен плахой машин дали! Панимаеш? Эта савсем не машин! Ездит на ном нилзя! Мая ни может! А наш уже атдали гражданскому! Как будем ездит!? Панимаеш!?

Узнавши, что к чему, я успокоился и стал успокаивать Керима и велел вести меня к новому автомобилю. Когда завернули за здание ремонтного цеха, увидели на огороженной и охраняемой площадке два длинных ряда сверкающих краской новеньких автомобилей. Были эти автомобили какой-то причудливой, невиданной ранее мною формы. Впереди, прямо на передних колёсах, особняком стояла

небольшая тупоносая двухместная кабина. Под вертикально расположенным, слегка закруглённым лобовым стеклом шла вертикальная обшивка передка, оканчивавшаяся бампером. За кабиной на раме возвышался небольшой дощатый кузовок.

- Ну и чем плоха эта машина?- спросил я Керима. - странная, но ездит же?

- Панимаеш, товарищ литинант? У нармальный машин кабина! Там сижу я. Патом рул, патом лабавой стэкло, патом матор и калесо. А этат сматри какой! Рул, лабавой стекло и дарога. Матор в кабина! Понял? Нэт, эта не машин, эта тэлэвизар! Понял? Мая на такой машин ехат не может! Праси нармальный. Пуст будет старый, разбиты - мая сделает, будем ездит.

-Так нам же теперь Андрющенко даст такую калымагу, - начал я, но солдат перебил меня.

- Пуст хот голый рама даст, мая сдэлает! Мая сдэлает хароший машин!

Не сразу согласился я на повторную замену автомобиля, но Керим был непреклонен и я

начал обхаживать начальника штаба. Завгар, немного поворчавши, после моего обещания с полочки “поставить”, согласился. Майор Андрющенко моему обращению ни сколько не удивился. Очевидно, я с подобной просьбой был не первым. Старый вояка, больше для приличия, немного меня пожурил, повоспитывал, а потом сказал:

-Завтра машины показывать гаишникам и получать номера. Потом надо всю машину проверить, подтянуть и подготовить к работе. Пусть пока твой Керим этим и занимается. А на той неделе прибывает ещё один эшелон. Этот уже из Москвы. Дадим тебе новую машину, всё ж таки комсорг батальона, как ни как.

Я доложил Кериму результат разговора с Андрющенко и почти целую неделю катался с другим водителем. А когда начальник штаба опять приказал мне обеспечить Керима в диспетчерскую для поездки на разгрузку нового эшелона, мой мудрый Керим опять задал мне задачку. Выслушав известие ехать на разгрузку эшелона и получать новую машину, он густо

покраснел, опустил голову и в такой позе простоял минуты две. Потом, немного ободрившись, прижал руку к левой стороне своей груди, и мягким, каким-то подкупающим голосом, глядя в меня своими чёрными, глубокими глазами, сказал:

-Товарищ литинант, прасти. Давай аставим этот машин, а? Мая уже на ном ездил, маленько привикла. Хороший машин. Хороший. Прасти.

Сначала я возмутился и чуть не накричал на Керима, но он уже снова опустил свою вихрастую тёмную голову, бросил вниз как плети свои мозолистые в крупных жилах руки, а его большой, плоский, с симпатичной горбинкой нос принял жалкий вид и начал подрагивать. Весь его вид говорил – виноват, делай со мной что хочешь. За время нашей с ним службы случалось всякое. И каждый раз, в чём - либо провинившись, Керим принимал эту позу, а я не то что ругать, я не мог даже повесить на него голос.

Вот и на этот раз, я молча повернулся и ушел прочь. За воротами автопарка сел в поджидавший меня автомобиль и поехал в часть на совещание. По окончании короткого совещания у командира, я подошел к начальнику штаба, извинился и стал просить оставить за мной УАЗ. Пришлось выслушать не короткую нотацию на предмет того, что мы молодые офицеры абсолютно беспринципны, что солдаты крутят нами, как хотят, что командуем ими не мы, а наоборот они нами и так далее, и всё в том же духе. Закончил свою отчитку Андрющенко словами:

-Извините-е. Да зачем мне твои извинения! На новую машину желающих сколько угодно. Распределю, но ты больше ко мне с подобными просьбами не подходи. Всё, голубчик. Хватит!

«Додик» мы с Керимом оборудовали на славу. Старыми одеялами утеплили кабину. На ДОКе во вторую смену солдатики из соседнего полка сколотили нам отличную фанерную будку. Полые стены будки и крыши засыпали опилками. Внутри будки у переднего борта установили

широкую с мягким сиденьем скамью. В Управлении механизации солдатики сварили нам небольшую буржуйку. Мы установили её слева от входной двери у заднего борта. По правому борту из арматуры сварили ящик для дров.

Ох, и поколесил же тот УАЗ по лесным чащам и горам Красноярского края. Сам я не охотник и не рыбак. Один только разок и смог съездить по грибы. Все выходные и праздники, а часто и в рабочие дни, мой Керим проводил то на рыбалке, то на охоте. И чаще всего, естественно, с майором Андрющенко.

Часовой! Стреляй!

Рассказ - быль из двух частей на одну тему

С первых занятий по боевой подготовке и изучения Устава Караульной службы, нам курсантам Новосибирского военно-технического

училища, наши командиры и преподаватели, вдавливая в сознание необходимость строжайшего соблюдения требований Устава и соответствующих инструкций, неустанно говорили, что все статьи Уставов писаны исключительно солдатской кровушкой. Объясняли и разъясняли почему это так. Умом мы всё это понимали, а вот всегда ли исполняли? Это большой вопрос. Ещё будучи курсантом я на личном примере дважды убедился в справедливости этих слов.

А теперь всё по порядку.

1

Первое происшествие случилось осенью 1959 года. В то время мы курсанты второкурсники ещё усиленно штудировали Уставы Советской армии, тактику и начинали изучать строительные дисциплины. Когда наше отделение заступало в караул, почему-то чаще всего наш помкомвзвода Алексей Градечный ставил меня на самый

трудный первый пост. Часовые первого поста охраняли наше боевое знамя училища.

Трудным для меня пост был потому, что хотя и приходилось нести службу на этом посту в тепле помещения, сменялись часовые через каждый час, но! Пост располагался в фойе учебного корпуса напротив кабинета дежурного по училищу, а значит под постоянным контролем одного и, стало быть, необходимо было строго исполнять все уставные требования и инструкции этого поста. Стоять надо было почти по стойке «смирно». Только и разрешалось, что ослаблять правую или левую ногу. А при прохождении мимо поста офицеров, сержантов и рядовых курсантов, которые отдавали знамени честь, надо было принимать стойку «смирно» и в ответ отдавать честь поворотом головы и нехитрым движением винтовки. Когда заканчивался рабочий день у офицеров, служащих и занятия у курсантов, в здании устанавливалась гробовая тишина. С этого момента и до утра было самое трудное время несения службы. От часового стояния немели и

ныли ноги, плечи, спина. Казалась очень тяжелой голова, а глаза, особенно в предутренние часы, так и норовили закрыться. Гробовая тишина начинала казаться звенящей. Временами чудились какие-то шорохи в конце коридора или за стеной в соседнем актовом зале. Каких усилий стоило дождаться смены!

В тот памятный день дежурным по училищу заступил преподаватель уставник до самых корешков волос майор Биленко. Это был высокий, стройный, всегда аккуратно одетый, очень требовательный офицер. Про меж себя многие из нас звали его ходячим уставом. Это потому, что на занятиях и в процессе остальной служебной деятельности от всех он требовал строжайшего исполнения уставов до мальчайших мелочей.

Начальником караула заступил в тот раз наш командир отделения сержант Юра Жучков. Был он небольшого росточка. До училища год, а может и два отслужил военным строителем в Красноярске – 26. Слегка картавивший сержант был строг с нами на первом курсе. На втором

курсе его требовательность к нам поубавилась, обращались мы к нему уже не как раньше «товарищ сержант», а просто Юра.

И вот стою я на своём первом посту. Времени три двадцать пять. Стрелки часов на противоположной стене фойе словно остановились. Казалось, замерли окаянные и всё тут. Слышу, стукнула входная угловая дверь. Она располагалась в лестничном пролёте на верхние этажи. Через минуту в фойе вошел Юра Жучков. Проходя мимо меня, остановился. Внимательно меня осмотрел и прошел к дежурному по училищу. Майор Биленко сидел за столом. Кабинет освещала настольная лампа на его столе, стоявшем у стены напротив двери комнаты. Войдя в кабинет, Юра доложил майору о прибытии по приказанию. Тот пригласил его присесть. Скрипнули о пол ножки отодвигаемого стула. Это сел на стул Юра, подумал я. Потом слышались негромкие голоса разговора майора и сержанта. О чём они говорили было не разобрать, и я снова погрузился в какое-то беспамятство. Нет, я не

уснул. Нет. Просто тело, словно окаменело, от тишины и тягостного ожидания смены. Сознание отключилось и стоял я словно истукан. И вдруг раздаётся возглас майора Биленко: «Часовой! Стреляй!» Ни чего не соображая, я машинально вскинул карабин и передёрнул затвор, дослав патрон в патронник. Глянув, в сторону кабинета дежурного на стеклянной окрашенной белой краской двери чётко вырисовывалась тень человека, а в спину ему направлена рука с пистолетом. В тоже мгновение тени метнулись в сторону и пропали. Установилась абсолютная тишина. Перепуганный, я не знал что делать. Лихорадочно, то приставлял карабин к плечу на изготовку к стрельбе. То опускал его к ноге, громко ударяя прикладом о пол.

Наконец из-за закрытой двери дежурки, не проявляясь тенью на стекле, послышался голос Жучкова: «Перепелятников, всё нормально! Всё хорошо! Это, это...». Потом осторожно приоткрылась дверь кабинета и показалась голова скрывавшегося за стеной сержанта. Увидав на смерть перепуганного меня, то

вскидывавшего прикладом к плечу, то бросавшего к ноге карабин, Юра рывком распахнул дверь, пулей вылетел из дежурки. А подбежав ко мне, лихорадочно затараторил: «Отставить! К ноге! Успокойся! Успокойся! Это, это товарищ майор объяснял, объяснял...»

Я опустил карабин к ноге. Мои руки и ноги дрожали, всё тело вздрагивало, прошиб холодный пот. Ничего не соображая, я перемещал своё тело с ноги на ногу.

Не знаю как с Жучковым рядом оказался майор Биленко громкий голос которого окончательно привёл меня в чувство: «Сержант Жучков, снимите с поста часового!». После этого Юра командовал мне: «С поста шагом марш!». Когда я оказался рядом с сержантом и майором. Мне командовали: «Кругом!»

После этого майор командовал Жучкову привести из караулки мне смену. Юра метнулся в караулку, а мы с майором стояли метрах в трёх от знамени и охраняли его таким образом. Юра привёл заспанного Володю Пичужкина и

скомандовал ему: «На пост шагом марш!» Пичужкин встал на пост у знамени, а мы с Юрой потопали в караульное помещение. По дороге туда Юра рассказал мне, что случилось, приказав при этом, о случившемся ни кому, ни слова.

А случилось то вот что. Пришедшего подменить дежурного на время его отдыха, Юра Жучков доложил майор о делах в карауле. Беленко вместо того, чтобы лечь тут же в дежурке на топчан и отдыхать, начал спрашивать сержанта про обязанности начальника караула, о порядке смены часовых на посту и т.д. Дело дошло до вопроса о действиях сержанта, в случае если ему к спине приставят пистолет, приведут на охраняемый часовым пост и прикажут снять часового. Свой вопрос сержанту майор Биленко додумался продемонстрировать практически. Юра стал показывать приём как выбить из руки на него напавшего пистолет и обезвредить противника. Биленко сказал, что его действия не правильны и поправил сержанта, сказавши, что он должен громко скомандовать часовому: «Часовой! Стреляй!». Слова майора, сказанные

громко, глубокой ночью в гнетущей тишине, плюс Юрин силуэт на фоне стеклянной двери и рука с пистолетом у его спины, привели меня в полное смятение. Хорошо, что майор и сержант вовремя спохватились и отскочили от двери в сторону. Они, очевидно, услышали щелчок затвора моего карабина. Перепуганный, я приготовился и уже готов был стрелять. А не стрельнул, очевидно, только потому, что моментально скрылись из виду мишени...

2. Не стреляй!

Второй подобный по драматизму случай случился с моим участием уже весной 1960 года.

Мы в то время готовились сдавать переводные экзамены за второй курс. После экзаменов предстояла месячная производственная практика, а потом долгожданный отпуск. Предстоящие события не могли не подействовать расслабляюще не только на нас курсантов, но и на наше непосредственное начальство, на наших

сержантов. Куда-то ушла строгость и требовательность их к нам, много вольностей стали допускать и мы.

Заступило наше отделение в очередной раз в караул. Я попал на пост номер два. Под охраной часового этого поста было длинное дощатое здание. В нём размещались склады: продовольственный (кроме овощехранилища и ледника с мясопродуктами), вещевого и вооружения с боеприпасами. Все склады, естественно, имели отдельный вход, мощные их двери запирались увесистыми замками, опечатывались сургучом. Пост был подвижным, оборудовался будкой для часового, в которой мы укрывались в непогоду и телефоном, соединявшим пост с караульным помещением.

Начальником караула опять был Юра Жучков. Когда он сменил меня в шесть утра, я попросился в туалет, летний вариант которого располагался в нескольких метрах от моего поста. Юра взял подержать мой заряженный карабин, а я потопал в сооружение с буквой «М». Выйдя из туалета через несколько минут, Юры у поста я не

обнаружил и потопал в караулку. Войдя в караульное помещение, ни в комнате начкара, ни в комнате подготовки караульных к несению службы, Юру я не обнаружил. Он крепенько спал в комнате отдыха караульных. Минуту я постол у спавшего сержанта, размышляя будить-не будить. Меня беспокоил вопрос, куда делись патроны из магазина моего карабина. Ведь я его, как положено у стенда для зарядания и разрядания не разрядил. Не было патронов и в карабине, стоявшем в моей ячейке, который я принял за свой. Я, было, уже решил разбудить Жучкова, чтобы спросить, где патроны, но ребята грубо меня окрикнули, сказавши: «Пусть спит, ни куда не денутся твои патроны». Я снял сапоги, лёг на свободный топчан и тут же уснул. Около восьми Жучков стал будить меня, намереваясь вести на пост подменить Петра Харитонова на завтрак. Когда я поднялся, сразу спросил сержанта, куда он дел мои пять патронов. Юра ответил, что мой карабин он не разряжал, поставил в шкаф в надежде, что когда я приду, разряжу оружие.

- Но патронов в карабине нет, - ответил я.

- Как нет? Куда они могли деться? – ответил Жучков.

Я схватил карабин из своей ячейки, передёрнул затвор, показывая сержанту, что магазин пуст.

- Пстой, пстой, я твой карабин ставил вот сюда, в эту ячейку, -ответил Юра, указывая не мою ячейку.

- Но эта ячейка не моя, - выкрикнул я дрогнувшим голосом.

В ту же секунду я схватил карабин, стоявший в моей ячейке, глянул на его номер и выкрикнул, что это карабин не мой. Юра быстро вынул из кармана гимнастёрки записную книжечку, лихорадочно пролистав её страницы, нашел список отделения с номерами нашего оружия. Потом широко открытыми, перепуганными глазами глянул на меня и с тревогой в голосе, чуть заикаясь, протянул: «Это карабин Карачабанова, а он на посту». Ни чего больше не говоря, мы резко развернулись и рванули на

КПП, на третий пост, где нёс службу Володя Карачабанов.

Перепугало нас то обстоятельство, что часовые третьего поста несли службу без патронов. Взявший мой карабин Володя явно не знал, что в магазине карабина, который он взял вместо своего, пять боевых патронов. Обежав вокруг здания учебного корпуса, я заметил, как Володя Карачабанов, раскрыв калитку перед шедшими остатками нашего взвода на завтрак в столовую, вскинул и приставил к плечу карабин, передёрнул затвор, навёл оружие на приближавшийся к КПП строй и выкрикнул: «Стой! Стрелять буду!» В ту же секунду из меня рванул возглас: «Не стреляй, патроны, патроны!» На мой крик Володя медленно развернулся, а когда бежавший за мной Жучков выкрикнул: «Карабин не твой, он заряжен, заряжен!», Лицо Володи искривилось, он стал часто открывать и закрывать рот, пытаясь что-то сказать, но сказать ни чего не мог. Когда мы с Жучковым подбежали к нему, побелевший, дрожащими руками он швырнул на землю карабин под дерево за

будкой часового и неровной походкой пошел прочь с поста.

Я подхватил звякнувший о кирпичи ограждения клумбы карабин, открыл магазин и вынул обойму с четырьмя патронами. Потом передёрнул затвор, извлекая из патронника пятый. Остановивший и успокаивавший Володю Жучков, видя как я извлекаю из карабина патроны, суетливо затараторил: «Ребята, ни чего не произошло, всё же в норме. Ни чего не было и ни кому! Ни кому! Поняли, поняли?!» Я быстро запихнул обойму с патронами в подсумок, вскинул на ремень карабин и, не обращая ни на кого внимания, быстро пошагал в караулку. Когда подошел к караульному помещению, свернул зачем-то к стенду заряжания и разряжания оружия. А сообразив, что карабин уже разряжен, развернулся, чтобы зайти в караульное помещение и увидел как сержант Жучков словно хорошо выпившего вёл под руку Володю Карачабанова. Я пропустил их в караулку и Жучков, как только переступил порог помещения, каким-то нечеловеческим голосом

заорал: «Курсант Москаленко! Бегом марш на КПП, смени Карачабанова!» Я с минуту постоял на крылечке караульного помещения и молча пошел на пост сменять Петра Харитонов.

Придя на пост, позвонил в караульное помещение и доложил Жучкову, что я на посту, сменять на завтрак меня не надо. Останусь на посту, ведь следующие два часа службу на посту предстояло нести мне. В те минуты есть мне совсем не хотелось, не хотелось и ни кого видеть.

Это происшествие, как и первое, осталось без каких либо последствий. Мы участники серьезнейшего происшествия, глухо молчали. А дежурный по училищу, метрах в десяти от окна дежурки которого находилось КПП, ни чего не видел потому, что был в это время в столовой. Он снимал пробу пищи предстоящего завтрака.

Без даты

Рассказ - быль

1

Долгое время в Томском Управлении войск проходил службу ГонгорДоржиевичНамжилов. Родом он был из Бурятии. Всю Великую Отечественную был на фронте. Очевидно, был храбрым воином, поскольку являлся кавалером многих боевых орденов и медалей.

С ним я познакомился ещё в 1961 году, когда в Томском Управлении военно-строительных частей, курсантом проходил трёхмесячную преддипломную практику во вверенном ему отряде, который дислоцировался на Каштаке областного Томска. Очень трудно тогда приходилось Гонгор Доржиевичу, поскольку в отряде оседали солдатики, коих по режимным условиям не пропускали в части закрытого города Томск-7(Северска). Большинство не пропущенных в ЗАТО были солдаты ранее судимые по серьёзным статьям Уголовного кодекса.

Когда я в 1967 году был переведен на службу в Томское управление, ГонгорДоржиевич уже

командовал полком, хотя был по-прежнему в звании подполковник.

Говорил ГонгорДоржиевич, к его несчастью, со странным акцентом. Он не выговаривал некоторые буквы. Вместо буквы «п», произносил букву «ф», вместо буквы «б» - букву «п» и т. д.

Вызывает меня однажды к себе начальник отдела политработы полковник Ананьевский Александр Фёдорович. Когда я вошел в кабинет своего начальника и доложил о прибытии по «приказанию», тот сказал: «Вот сидит туту меня Роза Ивановна. Это служащая строевой части из в/ч 55634, где командиром подполковник Намжилов. Роза Ивановна написала на моё имя жалобу на командира части за словесное её оскорбление. Ты будешь вести служебное расследование. А сейчас бери чёрную «волгу», поезжай в полк и привези мне сюда в срочном порядке этого матерщинника».

Ответив «Есть!», я вышел из кабинета, прошел во двор штаба Управления, сел в автомобиль и поехал выполнять распоряжение начальника.

Как только «волга» остановилась у штаба части, на крылечко пулей вылетел подполковник Намжилов, но увидев, что приехал не полковник Ананьевский, вскидывая в стороны руки, улыбаясь во всё своё широкое лицо, запричитал: «Ах капитан-капитан, ах капитан! Сасем так пухатькамантир палка! Сасем пуха-а-ть!». Я ответил ГонгорДоржиевичу, что пугать я его не собирался, а приехал по приказу моего начальника и вы должны срочно ехать со мною в штаб Управления. «А сасем ехать? Сто случилось? Если мая салтат или афицера сто сделала, я расперусь. Я строхийкамантир. Ты шеснаешь, ты шеснаешь меня тавно». Я не стал говорить «строгому» командиру за чем его вызывает начальник отдела политработы, сказавши, что причины вызова не знаю, получил распоряжение и всё.

После долгих уговоров, подполковник пошел в штаб, закрыл на ключ кабинет, а выйдя, на отрез

отказался садиться в автомобиль рядом с водителем. «Мая селавек маленький. Ты ахисерУпрафления, сатисьперёт ты» - настаивал ГонгорДоржиевич. Тогда я подвинулся по сидению за спину водителя, ГонгорДоржиевич сел рядом и мы поехали.

Я всю дорогу молчал, а подполковник всё размышлял вслух о том, зачем же так срочно вызывает его сампалита Управления.

2

Тут, прежде чем поведать читателю о развязке с жалобой Розы Ивановны, надобно кратенько изложить предысторию событий.

Недели за две до того, рассказанного выше случая, группа офицеров штаба Управления проверила полк подполковника Намжилова. По дисциплине, по внутреннему порядку и производственной деятельности полк был не из отстающих. Командиры рот, все заместители командира полка, все офицеры штаба были опытные, грамотные работники. Но в документах

штаба полка, как выразился тогдашний начальник штаба Управления полковник Поселёнов Михаил Ильич, был настоящий бедлам. Многие приказы по полку были без номеров и дат. Некоторых приказов, по которым офицер или солдат уже убыл в отпуске, не существовало вообще. Выписки из приказов в бухгалтерию из полка предоставили. Номера жеприказов из которых, якобы были сделаны выписки, и их даты бедные работники строевой части вынуждены были просто придумывать. За такое ведение документов начальник штабаполка и командир полка были строго наказаны начальником Управления. Им был дан срок для устранения всех недостатков.

Сам я не свидетель, но кое-кто мне говаривал тогда, что командиром полка Гонгор Доржиевич стал после написания им жалобы на то, что его участника войны, совершенно не пьющего человека не назначают на полковничью должность только потому, что он не русский... А посылал он жалобу толи в Министерство обороны, толи аж в ЦК КПСС. И, скрипя сердцем,

тогдашний начальник томского Управления полковник Примин дал согласие на назначение подполковника Намжилова командиром полка.

3

По приезду в штаб Управления, я попросил подполковника подождать у нас в отделе политработы, а сам пошел докладывать полковнику Ананьевскому о выполнении его распоряжения. «Давай, веди его сюда», - сказал полковник.

Когда подполковник Намжилов вошел в кабинет Ананьевского и доложил, тот пригласил ГонгорДоржиевича присесть. «А посему стесь Роса? Сто ты стесьтелаес?», - сходу задал вопрос «строгий» командир. Но Александр Фёдорович остановил его, сказавши: «Погоди, погоди! Сейчас всё узнаешь». Полковник взял лежавшую на его столе жалобу Розы Ивановны, поправил очки и стал читать. Скороговоркой прочитав шапку документа, суть жалобы

полковник стал читать медленно и, как говорят, с расстановкой.

«...принесла я нашему командиру полка на подпись приказ по части,», - читал Александр Фёдорович, - но командир части подполковник Намжилов приказ подписывать не стал, а кинул его на стол, сказавши мне, что подписывать не будет п...та ты». В ту же секунду подполковник Намжилов подскочил как на катапульте и, размахивая руками, визгливым, громким голосом закричал: «Роса! Роса! Ты сто написал! Ты сто патумал! Прикаспыл пес,пессисла. Понял пасему я не патписал! Ты понял,тавариспалковник?! Ты поня-я-л?! Мая Росу дасэ не порухал, не потписалприкас и всё...». При этом ГонгорДоржиевич своими лукавыми, узкими, тёмными глазками быстро переводил взгляд то на полковника Ананьевского, то на открывшую от неожиданности рот Розу Ивановну.

А Александр Фёдорович, отложив в сторону жалобу, снимая с переносицы очки, обращаясь к жалобщице, спокойно сказал:

- Ну, теперь то вы поняли, своего командира?

- Поняла, поняла, - поднимаясь ответила покрасневшая женщина.

- Посади их Перепелятников рядом в мою волгу и отправь в часть. Пусть по дороге продолжают мириться, - сказал полковник Ананьевский и хлопнул по столу ладонью в знак того, что разговор окончен.

Покомандовал полком ГонгорДоржиевич не долго. Снимать его с занимающей должности за то, что ну ни как он не мог справиться с обязанностями командира полка, командование по известным причинам не решалось. Хотя дела в полку шли всё хуже, как ни старался сын бурятского народа. Выход из положения вскоре был найден.

В связи с сокращением объёма строительномонтажных работ на стройке, надо было сократить один полк. Сократили полк именно ГонгорДоржиевича.

Уволился он в запас подполковником, а Республиканский военный Комиссар Бурятии тут

же и представил его на звание полковника. И ведь присвоили ж!

Дневальный хлопкороб

Рассказ - быль

Это случилось в славном 11102 – полку, именовавшимся большими начальниками не иначе как краснознамённый. Входил полк в состав Томского -7 (Ныне Северск) управления войск Средмаша. Краснознамённым наш полк назывался потому, что в честь пятидесятилетия образования СССР был награждён Юбилейным почётным знаком ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, ВЦСПС СССР и ЦК ВЛКСМ.

Служил я в этом полку с 1973 года на должностях пропагандиста, агитатора и замполита полка. Сразу же по окончании заочного отделения Истфака Томского университета вызвал меня начальник Управления войск полковник Сиротский и сказал: «Ты этому полку присвоил почётный знак (Я потрудился над представлением полка к

награде) вот теперь и иди туда, доказывай, что он самый самый...»

Естественно, что полк был на особом контроле нашего и центрального Управления войск. Начальник центрального Управления генерал-майор Камышан Иван Федосеевич, как мне рассказывали офицеры центрального Управления, отдал распоряжение, чтобы любая проверка или простое посещение офицерами в/ч 25525 томского Управления войск не проходили без посещения в/ч 11102. Держать этот полк на контроле постоянно...».

И вот однажды весной, кажется, 1970 года летел генерал-майор Камышан куда-то в Сибирь восточнее нас томичей. Погода в городе назначения оказалась не лётной, и самолёт посадили в Томске. Генерал связался с командованием нашего Управления, вызвал в аэропорт машину и приехал в наше ЗАТО. Проехав КПП города, генерал прямиком и направился в нашу часть. Время было обеденное, из командования в части был один я, остался поработать над каким-то документом.

Оперативный дежурный штаба Управления позвонил мне и сообщил, что приехал генерал Камышан, где он сейчас, когда и куда поедет пока неизвестно, но надо быть готовыми встречать.

Я немедленно связался с ротами и приказал, чтобы кто в роте есть старший из ротного начальства прибыли немедленно ко мне в кабинет. Прибывшим офицерам, прапорщикам и сержантам я объяснил ситуацию и потребовал подготовиться к встрече большого начальника. Особое внимание приказал обратить на дневальных. Проверить их форму одежды, знание обязанностей, доклад начальнику и прочее. Я хорошо знал, что посещая роты, генерал Камышан мимо дневального ни когда не проходит. Обязательно побеседует о службе, о жизни роты и прочем.

И вот, не прошло и получаса, как с КПП полка мне доложили, что в часть приехал генерал Камышан. Я быстро оделся и только выбежал на крыльцо штаба, как из остановившейся «волги» вышел Иван Федосеевич. Я отдал генералу

рапорт, а он, спросивши, как идут дела в полку, предложил пройтись по ротам. Рядом со штабом полка располагалась четвёртая рота капитана Анатолия Сенчукова. Туда в очередь первую и направился генерал.

Тут надобно сделать небольшое отступление и поведать читателям, что когда я собирал в штабе командование рот и требовал подготовить дневальных, Сенчуков доложил мне, что у него дневальными стоят молодые солдаты едва говорящие по-русски. Я потребовал немедленно заменить того, который стоит у тумбочки, но ротный сказал, что заменить его абсолютно нечем. Дело в том, что вся его рота работала в Проммеханомонтаже. Это предприятие изготавливало оборудование для цехов Сибхимкомбината и вело на объектах монтаж оборудования. Там для работы требовались хорошо подготовленные специалисты. Ведь работали ребята на сложных станках, которыми огромные цеха предприятия были забиты битком, а на объектах в цехах вели монтаж кранов, вентиляции и прочего очень сложного

оборудования порой на большой высоте. Поэтому, солдат не говорящих по-русски, без элементарных технических знаний, к этим работам допускать было просто опасно. И поэтому Сенчуков старался таких солдатиков держать дневальными по роте, пристраивал уборщиками в цехах, грузчиками и т. д. Когда мы после очередного призыва равномерно распределяли по ротам ребят из Узбекистана, Азербайджана, Грузии и Армении, Сенчуков всегда с яростью доказывал, что хлопкоробов, овощеводов и виноградарей ему устроить на работу некуда. Не берут их в Проммеханомонтаж и всё тут. Но мы всё равно награждали его такими призывниками по известным причинам.

И вот, входим мы с генералом в четвёртую роту. Молодой солдат уроженец солнечного Узбекистана, насмерть перепуганный, подаёт команду: «Рота смирна! Дежурная на вихад! Генерала пришла...» Пулей вылетевший из канцелярии капитан Сенчуков был краснее свёклы. Подойдя строевым шагом к генералу, он

тяжело вздохнул и упавшим голосом отдал рапорт. Тепло улыбаясь, Иван Федосеевич поздоровался с капитаном за руку, и направился к дневальному. «Ну, здравствуй сынок», - сказал Иван Федосеевич.

- Здравствуй, - ответил солдат, наклонившись вперед в поклоне и приложив правую руку к левой части груди.

Стоя за спиной генерала, капитан Сенчуков, при этом, мгновенно поднял вверх сжатые в кулаки руки, беззвучно, гримасой на лице показывая разнесчастному дневальному: «Ты что говоришь и делаешь!..» Видя реакцию ротного, дневальный, часто моргая чёрными широко открытыми глазами, то прижимая к груди, то опуская вниз свои мозолистые руки, не зная куда их деть, был готов, как показалось мне, рвануть и бежать куда – ни будь подальше.

Напряжение момента разрядил тепло улыбающийся Иван Федосеевич. Увидав на груди солдата комсомольский значок, спросил его: «Комсомолец?»

- Да, мая касамолес, - оживая, ответил солдат;

- А комсомольский билет у вас есть? – продолжил спрашивать генерал;

Солдат молча, с трудом, дрожащей рукой достал из внутреннего нагрудного кармана комсомольский билет и протянул его генералу. Иван Федосеевич, полиставши билет, вернул его солдату и сказал:

- Ну, а как сынок идёт служба?

На одном дыхании солдатик выпалил: «Командир рота сказал харашо ё... твая мама!»

Сенчуков после этих слов дневального шмыгнул за угол в спальное помещение. Я, давясь от смеха, моментально сделал несколько шагов назад и влево, скрывшись в ротном умывальнике...

Иван Федосеевич развернулся в мою сторону, а увидев, что меня и ротного нет, не без иронии сказал: «Перепелятников, ты где? Чего спрятались с ротным? Вижу, к моему приезду

готовились. Дневального проинструктировали. Молодцы! Пошли дальше».

После обхода четвёртой роты пошли сразу в третью. Старшина этой роты старший прапорщик Анатолий Серов слыл одним из лучших старшин рот не только нашего управления. Каждый раз, посещая эту роту, генерал объявлял Серову благодарности за образцовый, строго уставной порядок в роте.

Обойдя третью роту, Иван Федосеевич в очередной раз был доволен чистотой и порядком. Когда мы вышли из третьей роты, в части уже появилось командование нашего Управления войск. После рапорта полковника Сиротского у начальников пошли разговоры о положении дел в Управлении войск и на стройке. Уезжая в другие части, прощаясь со всеми за руку, Иван Федосеевич, добродушно улыбаясь, сказал Сиротскому: «В нашем краснозамённом, как всегда порядок. Видели бы вы, как они подготовили и проинструктировали дневальных...».

Званный обед

Рассказ -быль

Довелось мне однажды участвовать в работе комиссии Центрального Управления наших военно-строительных частей. Проверялось Управление Красноярска-26 (Ныне город Железногорск). Возглавлял комиссию в/ч 25525 первый заместитель начальника Центрального Управления полковник Николай Гурьевич Качурин. Это был хоть и простой, доступный в общении, но строгий, требовательный и принципиальный офицер.

Все части не малого Управления готовились к проверке, но, как и всегда, проверялись не все. Какие части, когда будут проверяться, командование красноярцев не знало. Николай Гурьевич не говорил об этом даже нам членам комиссии.

Три дня мы проверяли одну из воинских, не самую передовую часть. Полковник Качурин, заслушав нас членов комиссии по окончании проверки той части, принял решение оставшиеся две части не проверять. Отвёл нам Николай Гурьевич пару дней на написание акта проверки той части, потом дня три на написание акта за Управление в целом и на том, как он выразился: «Работу комиссии будем заканчивать».

Узнавши об этом, командир соседнего полка примчался к Николаю Гурьевичу и стал просить хотя бы посетить комиссией его часть. «Весь офицерский состав, прапорщики и сержанты нашей части не одну неделю готовились. Столько потрудились, а комиссия даже не захотела увидеть и оценить наш труд. Всему нашему полку очень обидно», - верещал невысокого роста полноватый полковник. Но председатель комиссии ему ответил, что решение принято

и потратить полдня на пустое хождение по вылизанным до блеска казармам и территории полка – пустая трата времени. Тогда полковник сказал Николаю Гурьевичу: «Ну хоть пообедайте разок у нас в полку». На что полковник Качурин, обращаясь к нам, членам комиссии сказал: «Ну, что товарищи члены комиссии, уважим боевого командира?» На что все члены комиссии ответили согласием, и Николай Гурьевич коротко бросил: «Завтра обедаем у вас». Обрадованный полковник козырнул со словом «есть», лихо развернулся кругом и быстро удалился.

Надо сказать, что убывая в подобные командировки, члены комиссии получали продовольственные аттестаты. По прибытию в проверяемое Управление вставали на довольствие и питались каждый день в той части, где работали. Питание готовили диетическое, что по стоимости, примерно,

соответствовало норме довольствия офицерского состава.

И вот в 12.45 все мы члены комиссии дружно проследовали в столовую соседней части. Я не спеша шел за большими московскими начальниками последним и заметил, как за углом столовой два солдата призванных, явно, из Узбекистана, облачённые в белоснежные халаты и поварские белые шапочки на костре в большом казане что-то усердно помешивали специальной большой деревянной лопаткой. Лёгкий ветерок донёс до моего носа приятный аромат различных специй и жареного мяса.

Гостеприимный хозяин пригласил нас проходить в кабинет заведующего столовой, где уже скромно был сервирован холодными закусками длинный обеденный стол. Когда мы все рассаживались по местам, полковник Иванов, как всегда,

попросил принести ему стакан доведенного до кипения чаю и кружку холодной воды. Долив в чай холодную воду, полковник начал смаковать свой любимый напиток, а мы сразу приступили к холодным закускам.

Покончив с холодными закусками, Николай Гурьевич сказал сидевшему вместе с нами за столом хозяину, что можно подавать первое. Полковник ответил, что сегодня у нас будет чисто восточная кухня без первого. Вам всё понравится. «Ну что ж, восточная так восточная. Пусть будет так», - сказал полковник Качурин.

Командир полка вышел, а мы сидели молча в ожидании восточного угощения. Я тихо сказал своему соседу высокому, долговязому майору москвичу:

- Сейчас принесут узбекский плов. Я видел, как там за углом два бойца трудились у казана.

- Нас как-то в Навои пловом угощали. Отличный был плов, - тихо сказал мне майор.

Время шло, но плов всё не несли. Ожидание затягивалось. И вот в открывшуюся дверь вместо ожидаемой нами поварихи вошли командир полка и его заместитель по тылу. Оба встали у порога по стойке «смирно», их покрасневшие лица так взмокли, словно они только что приняли душ и ещё не воспользовались полотенцем. Какое-то время офицеры стояли молча, потом, сначала глянув на своего заместителя, командир дрожащим голосом процедил: «Товарищ полковник, у нас несчастье. Эти, ну, в общем, повара умудрились уже готовый плов сжечь...»

«Я им, я их», - начал было заместитель по тылу, но увидав, как Качурин резко кинул в его сторону гневный взгляд, замолчал.

- Всё ясно, - сказал Николай Гурьевич, усмехнувшись, и продолжил, - не вздумайте этих ребят наказывать. Они, я уверен, старались, да переусердствовали. Что ж теперь поделаешь? Бывает. Ну, а что-то другое у тебя зам по тылу перекусить найдётся?.

- Щас, - выкрикнул тот и пулей вылетел из комнаты.

Минуты через две подполковник вернулся. Опустив голову, он глянул на Николая Гурьевича и ответил:

- Только солдатское из общего котла.

- Ну, так неси. Заодно проверим, чем и как ты кормишь ваших солдат, - сказал Николай Гурьевич, оглядывая всех нас, как бы спрашивая, не возражаем ли мы против солдатского угощения.

Подполковник метнулся в варочный цех и вскоре повара стали подавать нам вкусные щи и макароны с мясной подливой.

Мы дружно ели первое и второе, а полковник Иванов, вынув из своего портфеля пачку печенья, шумно прихлёбывал свой любимый чай, разбавленный холодной водой...

После обеда командир полка проводил нас до своего КПП. Прощаясь, стал извиняться за обед. Я глянул в сторону столовой и увидел, как два солдата на палке понесли в сторону хозяйственного двора большой чёрный казан.

Моим сослуживцам по

в/ч 20161 посвящаю

Очень занятые служивые

Рассказ - быль

В конце шестидесятых, начале семидесятых прошлого столетия служил я в штабе славного Управления военно-строительных частей г. Томска-7 в в/ч 20161. Большинство старших офицеров частей Советской армии, и наших частей в том числе, были людьми прошедшими через горнило Великой Отечественной. Они отличались скромностью, службу несли ответственно, к младшим офицерам и своим подчинённым вне службы относились, как к равным, ценили дружбу. Все праздники, редкие выходные и вечера после службы старались проводить вместе со всеми, не взирая на чины и звания.

В ту пору шахматная корона чемпиона мира многие годы не покидала СССР. Это вызывало у граждан страны не только гордость за державу, но и повальное увлечение этой замечательной игрой от пионеров до пенсионеров. Естественно, увлекались шахматами и многие офицеры нашего штаба. Большими энтузиастами этой игры у нас были подполковники Минаев – заместитель начальника Управления по тылу и Чеботин – заместитель начальника штаба Управления. Везде, где проводились любительские шахматные игры, желавший сыграть партейку, занимал очередь и играл

с победителем. Потом играл с победителем следующий и так продолжалось до конца баталий. Если же у нас сходились в шахматном сражении подполковники Минаев и Чеботин, нам приходилось долго ожидать возможности сыграть. Чеботин и Минаев, соперничая за доской, ни тот, ни другой ни как не могли признать себя побеждённым. Проигравший всегда находил причину проигрыша, считал это простой случайностью и требовал сыграть ещё «только одну партию». Случайности у того и у другого повторялись и повторялись, а выяснение победителя на долго затягивалось.

Как-то зимним вечером после службы, в комнате строевой части штаба проходили у нас очередные шахматные баталии. За шахматной доской в конце - коцов оказались подполковники Минаев и Чеботин. Сыграли они одну партию, потом вторую, третью и четвёртую, но побеждённый ни как не определялся. Страсти накалялись, эмоции уже перехлёстывали через край. Время давно перевалило за двадцать два, но ни кто домой не уходил. Всем же хотелось сыграть ещё хоть разок. И тут раздаётся телефонный звонок. Звонила жена подполковника Минаева:

- Валентин, - вопрошала женщина, - ну сколько ж можно ждать? Ужин давно остыл. Спать хочется...

- Дорогая, ты же знаешь, что к нам скоро приезжает московская комиссия. Вот сидим мы с Чеботиным в строевой части, проверяем документы за прошлые годы. Готовимся. Днём-то некогда. Ты ложись я..., - оправдывался Валентин Андреевич.

Но в это самое время подполковник Чеботин сделал на шахматной доске очередной неудачный ход. Заметив это, держа по-прежнему одной рукой телефонную трубку возле уха, Валентин Андреевич другой рукой молниеносно взял на доске какую - то фигуру, сделал ход и радостный воскликнул: «Шах!». Мы, было притихшие, чтобы не выдать происходящее в комнате, грохнули дружным смехом. Сообразивший, что наделал, подполковник Минаев швырнул с досадой телефонную трубку, из которой уже неслось: «Ах! Вот вы чем там занимаетесь!... » Взмахом руки смахнул с доски шахматные фигуры, встал из-за стола и молча метнулся в свой кабинет.

Не долго смеялись и мы, сообразив, что через минуту о нашей служебной занятости узнают и наши жены. Захлопали двери кабинетов, одеваясь на ходу, все «очень занятые на службе» метнулись по домам.

Только утром до смерти уставшая накануне моя жена спросила меня:

- Что там у вас вчера случилось? Я уже спала за столом на кухне, когда позвонила какая-то женщина и натараторила мне о каком-то обмане. Я ни чего спросонья не поняла, переспросить не успела.

- Да так. Пустяки. Ни чего особенного. Там тыловики в строевой части нашли в документах какие-то недостоверные данные. Мы ж были у себя в политчасти и подробности я не знаю, - быстро уплетая завтрак, ответил я.

После этих слов я глянул на часы, показывая жене, что очень тороплюсь, и замолчал. Видя мою спешку на службу, замолчала и жена. Из вскипевшего чайника она быстро наполнила мой бокал и вышла из кухни.

Ходячий холодильник

Рассказ - быль

1

Много лет войсковыми частями 11013 и 11102 в Томске-7 (Ныне Северск) командовал участник Великой Отечественной войны Дмитрий

Алексеевич Чермных. Солдаты поголовно уважали его за справедливое отношение к ним и отеческую заботу. Уважали его и большинство офицеров и прапорщиков полка, а некоторые постоянно обижались на чрезмерную, как им казалось, требовательность и грубость в обращении. Собственно в грубости обвинять Дмитрия Алексеевича, как мне кажется, не совсем правильно. При отчитке подчиненных за проступки и упущения Дмитрий Алексеевич постоянно допускал выражения нецензурной лексики. Это и имелось в виду. По разному воспринимали это его подчиненные и его начальники. Потому как эти его выражения звучали настолько безобидно, эмоционально выразительно и красноречиво, что на его словечки обижаться, как мне кажется, было грех. Многие, очень многие офицеры его речи старались даже подражать, но ни у кого это так красиво и безобидно не получалось, а на употребившего нецензурное выражение в разговоре с подчинённым, последние обязательно жаловались. И когда приходилось

разбираться с офицером, допустившим словесное оскорбление подчинённого, то последний всегда ссыался на Дмитрия Алексеевича: «Полковник Черемных сказал точно также и его ни кто не наказывает, а я не успел произнести те же слова и всего один раз, как меня наказываете». Этому офицеру было не дано понять, что те же слова из уст Дмитрия Алексеевича прозвучали не вульгарно, не грубо и не унижающе достоинства человека.

2

Командовал в нашем полку шестой ротой майор М. Его заместителем был лейтенант Тутин. Оба офицера были росту не малого, обувь носили размера самого последнего. Майор М. имел несуразных размеров живот. Подпоясанное ремнём его достоиние становилось в верхней его части почти прямоугольным. От груди выпирало горизонтально вперёд, потом резко, почти по

прямой опускалось вниз до ремня, а после под острым углом вниз.

При очередном получении формы одежды туфель нужного размера для майора М. и его заместителя на базе снабжения УВСЧ не нашлось. Будучи в Томске областном купили они туфли гражданские – точно такие же как и наши уставные по форме и окраса коричневого, но спереди до носка имели мелкие отверстия.

И вот однажды стоит полк на вечернем разводе на плацу. Дмитрий Алексеевич отдал подразделениям какие-то распоряжения, высказал свои замечания некоторым ротам за день прошедший и скомандовал офицерскому составу подойти к трибуне. Сам командир полка спустившись с трибуны, встал перед нею, а подошедшие офицеры стали поротно перед ним.

Мы офицеры штаба полка становились в строй на таких построениях всегда за последней ротой. Когда подавалась команда: «Первая рота прямо, остальные направо и по ротам шагом марш», -

мы штабники быстренько разбегались кто куда и всё.

В тот день седьмой роты на разводе не было и мы офицеры штаба встали за ротой шестой. Когда командир позвал офицеров к себе, мы и стали сразу же за шестой ротой в затылок друг - другу по службам: политработники в затылок за мной, тыловики за заместителем по тылу и т.д.

Отдав распоряжения офицерскому составу части, Дмитрий Алексевич высказал замечание лейтенанту Тутину за неуставные его туфли. Лейтенант стал оправдываться неимением его размера на базе снабжения. А его командир роты, стоявший точно в таких же туфлях ни с того, ни с сего запел: «Оце ж бачитэ товариш полквнык, нэ успило вылупытьця, а уже нарушае хворму одежды....»

Я, стоя рядом с майором, локтем правой руки ткнул его в бок со словами: «А ты на себя то посмотри...»

Мои слова, очевидно, услышал и Дмитрий Алексевич. Он неожиданно замолчал, весь

напрягся так, что покраснел как свекла и во всю мощь своего командирского голоса произнёс: «А ты абразина ... твою мать! Выставил тут свой холодильник! За ним не видишь свои туфли?!». Повторюсь, что действие то происходило перед стоявшим в строю полком...

Полк сотнями голосов грохнул дружным смехом. Некоторые солдатики от хвативших их животы коликов присели на корточки. От души ржали и все мы офицеры. А Дмитрий Алексевич сверкнув на майора М. белками сердитых глаз, резко развернулся и пошагал в сторону штаба. До слёз хохоча, разошелся по ротам и весь полк.

И досталось же в то жаркое лето майору М. Бывало, вытирая потное лицо, изречет какой остряк, обращаясь к майору М.: «Ох и жара же! У тебя там в твоём холодильнике стаканчик пивка или квасу не найдется?»

Майор при этом, сразу надувал свои щёки, молча отворачивался и уходил подальше от шутников.

А. Перепелятников